ISSN 0042-8779

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

А. Т. БОЛОТОВ — УЧЕНЫЙ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917 год И НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОЛЬШИ

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БРУСИЛОВ

ПИСЬМА А. М. ПАНКРАТОВОЙ

О КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ФРИДРИХ ВТОРОЙ

11

МОСКВА · 1988

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА АННЫ МИХАЙЛОВНЫ ПАНКРАТОВОЙ

В последние годы наша общественность стала получать информацию о тех событиях и явлениях в истории нашей Родины, которые именуются «белыми пятнами». Но мало кто знает, что своеобразные «белые пятна» имеются и в истории самой советской исторической науки. В частности, лишь узкий круг исследователей старшего поколения что-то слышал о совещании историков в ЦК ВКП(б), которое проходило в мае — июле 1944 года. Факт сам по себе уже знаменательный: видные партийные деятели в напряженный момент подготовки на фронте Белорусской наступательной операции нашли время для встречи с представителями исторической науки. Созыв совещания был связан с обращением к секретарям ЦК ВКП(б) чл.-корр. АН СССР А. М. Панкратовой (с 1953 г.— академик). Этому предшествовал ряд обстоятельств.

В 1941—1943 гг. Панкратова вместе с частью Института истории АН СССР была эвакуирована в Алма-Ату и включилась там в научную жизнь Казахской ССР. Результатом совместных усилий местных и приехавших ученых явилось создание «Истории Казахской ССР»[1] — первого обобщающего труда по истории республики. Появление такой работы, да еще в военную пору, явилось крупным событием научной жизни. Полагали, что книга сможет послужить своего рода образцом при подготовке аналогичных трудов по истории среднеазиатских союзных республик.

Панкратова вложила в создание книги много сил. Она написала в ЦК КП(б) Казахстана письмо, в котором изложила важнейшие установки для написания «Истории Казахской ССР»[2] и тем самым взяла на себя ответственность за научное и идейное содержание книги. По выходе работы в свет ее выдвинули на соискание Сталинской премии. Но последняя не была присуждена. Панкратова, естественно, тяжело переживала случившееся. Отказ от премирования она связывала с отрицательной рецензией чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлева, представленной в историческую секцию Комитета по Сталинским премиям, а также с якобы предубежденным отношением лично к ней акад. Е. В. Тарле, с которым у нее сложились натянутые отношения еще со времени работы в ленинградском филиале Института истории РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов). Кстати, поскольку в публикуемом документе Тарле подвергается суровой критике, нелишним будет сказать, что историк, возраст которого тогда приближался к 70 годам, был изрядно издерган предъявлявшимися ему ранее малокорректными научными и несправедливыми политическими обвинениями[3].

---

[1] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней.— Алма-Ата. 1943.

[2] Архив АН СССР, ф. 697, оп. 3, д. 39, л. 6об.

[3] См. Троицкий Н. А. Евгений Викторович Тарле (1875—1955) — Историографический сборник, Саратов, вып. 6, 1977, с. 45—47.

Предполагая, что всему виной недоброжелательность отдельных лиц, Панкратова обратилась за содействием к руководителям партии, но в своих обращениях ставила вопрос шире личной обиды. По ее мнению, «среди работников идеологического фронта появились тенденции, с которыми никак нельзя согласиться, ибо в основе их лежат полный отказ от марксизма-ленинизма и протаскивание под флагом патриотизма самых реакционных и отсталых теорий, уступок всякого рода кадетским и еще более устарелым и реакционным представлениям и оценкам в области истории, отказ от классового подхода к вопросам истории» [4]. И она просила помочь разобраться в вопросе, «поскольку война требует ясности, принципиальности и твердости не только в политике, но и в пропаганде, а в последней — история в условиях войны занимает важное место» [5].

Настойчивость Панкратовой победила. Совещание историков началось 29 мая 1944 года. Провели несколько заседаний. На них был затронут широкий спектр сложных вопросов, не все из которых решены и теперь, когда движение научной мысли активизируется. Критические высказывания участников совещания в адрес Панкратовой были использованы в рецензии [6] и постановлении ЦК КП(б) Казахстана от 14 августа 1945 г. «О подготовке второго издания истории Казахской ССР» [7]. Институту истории АН СССР начали оказывать больше внимания. При первой же возможности в нем увеличили штаты научных сотрудников, организовали новый сектор — по истории СССР XIX — начала XX века. Расширилась аспирантура, главным образом за счет прикомандированных из союзных республик.

Важным позитивным результатом совещания явился постепенный отход от сталинской трактовки истории присоединения новых народов к общей российской территории как «наименьшего зла». Во-первых, возникло понимание того, что оценка факта присоединения любой страны к другой должна исходить из объективного значения этого события для ее судеб. Во-вторых, поняли, что эта формула не подходит к истории народов, присоединившихся добровольно, отчетливо сознавших всю выгоду данного шага.

Панкратова осталась не совсем довольна результатами совещания. С одной стороны, ее противники победы не одержали. Но с другой — никто из секретарей ЦК не выступил с их осуждением, не отмел критику в ее адрес. И вот, имея перед собой стенограммы заседаний, копии своих писем в ЦК ВКП(б), стенограмму доклада Тарле на Ученом совете Ленинградского университета «О роли территориального расширения России в XIX—XX вв.», Панкратова принялась за написание «Записки о моих впечатлениях и выводах по поводу совещания историков в ЦК ВКП(б)». Получилось обширное сочинение. Ныне оно с отрывками стенограммы совещания, с текстом указанного доклада Тарле и некоторыми другими материалами находится в Архиве АН СССР в папке «Материалы совещания историков в ЦК ВКП(б), июнь 1944 г.» [8]. Документы, в нее вложенные, выполнены на некачественной бумаге военной поры и вот-вот развалятся окончательно, поэтому дело практически на руки исследователям не выдается.

Там же находится переложенный бумагой документ, который те, кто сдавал и принимал архив Панкратовой на государственное хранение, не знали, как озаглавить. Сначала он значился как «Доклад А. М. Панкратовой». Нелепость такого названия при знакомстве с текстом бросает-

---

[4] Архив АН СССР, ф. 697, оп. 3, д. 39, л. 3 (из письма А. А. Жданову).
[5] Там же, лл. 8—8об.
[6] Морозов М. Об «Истории Казахской ССР».— Большевик, 1945, № 6.
[7] Постановление изложено в кн.: История Казахской ССР. Изд. 2-е. Т. I. Алма-Ата, 1949, с. 37—38.
[8] Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 146.

ся в глаза. Тогда первоначальное название зачеркнули и написали «Записка неустановленного лица о совещании (пересказ письма А. М. Панкратовой)». Очевидно, отсутствие первых двух листов документа затруднило его атрибуцию. Документ представляет собой сокращенный вариант «Записки о моих впечатлениях»: опущены второстепенные подробности. Аналогичный экземпляр документа имелся у А. В. Фохт — кандидата исторических наук, доцента, которая была другом Анны Михайловны (они жили в одном подъезде дома 16/20 по Зубовскому бульвару) и соавтором ряда работ.

Фохт предоставляла историкам возможность ознакомиться с этим документом, в частности, им пользовался Е. И. Чапкевич[9]. Она сообщила, что документ написан самой Панкратовой, которая именовала его «Письма к друзьям» и давала читать своим единомышленникам. По просьбе коллег Фохт, работавших с нею в Московском заочном педагогическом институте, с писем Панкратовой было снято несколько копий.

Документ публикуется с экземпляра Фохт, сверенного с архивным в той части, где это возможно было сделать. Он интересен тем, что дает представление об историках 40-х годов, об их взглядах, суждениях, поведении, а через них и о времени. Документ — свидетельство того, что при И. В. Сталине родилась и развивалась тенденция брать на себя ответственность за внешнюю политику царизма, и, исходя из ложного понимания патриотизма, извращались ее оценки. Письма свидетельствуют также о том, что гиперкритика национального прошлого, которая была свойственна некоторым представителям советской исторической науки 20-х — начала 30-х годов в их борьбе с традициями русской дореволюционной историографии, в условиях войны, усиления культа личности и связанных с ним явлений породила ответную реакцию, вылившуюся в подобие русофильства. Все это дает представление о сложном пути развития нашей исторической науки на том этапе.

Разумеется, публикуя документ, редакция не берет на себя ответственность за точность передачи Панкратовой всех деталей совещания. Ее оценки и характеристики участников совещания достаточно субъективны. Но и сама эта субъективность представляет интерес для исследователей, в ней нашла выражение позиция одной из спорящих сторон.

Публикацию текста и комментарии к нему подготовил Ю. Ф. Иванов.

15.VI.1944 г.

Дорогие друзья!

Пишу Вам из нашего санатория «Узкое», где я намереваюсь недели две отдохнуть. Устала до последней степени — морально и физически. Немалую роль в моем крайнем переутомлении играет та идейная борьба на историческом фронте, которую мне больше чем кому другому приходится выдерживать за последние месяцы. Основные этапы этой борьбы Вы знаете. Сейчас мы, очевидно, подходим, в известной мере, к заключительному этапу, так как вопрос в целом перенесен в ЦК ВКП(б).

29 мая начались совещания в ЦК под непосредственным руководством секретарей ЦК. Председательствует тов. Щербаков, присутствуют (но не всегда оба) — тт. Андреев и Маленков.

Из историков присутствуют почти все наши виднейшие историки — партийные и беспартийные. Нет только акад. Тарле. Он почти перед самым совещанием уехал в Грузию на все лето — читать лекции и от-

---

ИВАНОВ Юрий Федорович – кандидат исторических наук, доцент.

[9] Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. М. 1977, с. 106.

дыхать на курорте. Это, конечно, жаль, так как нет, собственно, главного «виновника торжества». Все остальные, разделяющие его точку зрения,— не самостоятельные голоса, а только подголоски. Расскажу Вам все, однако, по порядку.

Внешним поводом дискуссии явилась книга «История Казахской ССР», но она только заставила громко сказать то, о чем раньше говорилось глухо.

Рецензию проф. Яковлева на эту книгу Вы знаете. Это была первая попытка изложить «новую концепцию» (вернее, вернуться к давно разбитой старой, великодержавнической, реакционно-монархической концепции).

Вслед за этой рецензией последовала лекция Тарле в Саратове на тему «О роли территориального расширения России в 19—20 вв.». Основной его политический тезис довольно оригинален. «Если,— говорил он,— мы начинаем побеждать этого мерзкого врага, то потому, что одним из решающих факторов нашей победы являются обширные пространства. Поэтому нельзя говорить о тех, кто завоевывал эти пространства, как о каком-то недоразумении».

И акад. Тарле говорил в своей лекции, прочитанной на Ученом совете ЛГУ в марте 1944 г., о тех, «кто завоевывал пространства», с величайшим уважением, а о народах, которые были подвергнуты завоеванию, с грустным сожалением, что они оказывали сопротивление завоеванию: «Разве можно оплакивать тот факт, что горцы теперь живут под солнцем Сталинской конституции, а не под имаматом Шамиля?». Такова своеобразная аргументация, вернее, трюк, к которому прибегает историк Тарле, в каких-то целях переворачивающий самый подход к истории с ног на голову. «Диалектика (!!),— говорит он далее,— требует, чтобы мы к истории подходили с точки зрения 1944 года!».

Покровский с его тезисом, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое» [10], был невинным младенцем по сравнению с этим новым «диалектиком»! Хорошенькая бы у нас была наука, если бы мы пересматривали все исторические оценки каждый год с точки зрения политических событий данного года!

Но все эти политические и теоретические трюки понадобились Тарле только для того, чтобы показать в лекции на примере Кавказа, Ср[едней] Азии, Казахстана, Польши и Финляндии, что царская политика в отношении этих стран была не завоевательной и агрессивной, а диктовалась интересами обороны России и самих этих стран, которые к тому же приобщались к более высокой культуре.

Тарле повторял трюк Яковлева, во-1, спутывая политику царизма и объективный результат развития капитализма, и, во-2, сливая интересы царизма и русского народа. Таким образом, у него получается, что те народы, которые ныне живут под солнцем Сталинской конституции, должны благодарить за это... русских царей, которые их завоевывали и колонизовали. Ничего более вульгарного, антиисторичного и противоестественного я не могу себе представить, чем то, что нагородил в своей лекции этот академик. А так как он, конечно, не столь наивный и неграмотный, то, значит, в этой «концепции» есть свой умысел. Весь вопрос в том, какой именно?

В другой своей лекции в том же Саратове, посвященной истории русской дипломатии, раскрывается, в известной степени, и смысл всех этих антиисторических фокусов.

---

[10] Данного тезиса в работах Покровского нет. Он был приписан историку недобросовестными оппонентами, вырвавшими из контекста мысли ученого и произвольно их истолковавшими, но до конца 50-х годов имел широкое хождение (см. Чернобаев А. А. М. Н. Покровский — ученый и революционер.— Вопросы истории,

В этой лекции Тарле ставит своей целью реабилитировать внешнюю политику русского царизма в 19 веке. Он говорит, что «замечания» Сталина, Кирова, Жданова о том, что «Царизм — жандарм Европы»,— это «легенда, которую надо рассеять; более того, это шоры, мешающие развитию исторической науки». Это всё — его дословные выражения, в излюбленном им энергичном стиле! Оправдывая всю колониальную и внешнюю политику царизма в XIX веке, Тарле, конечно, с осуждением говорит о национально-освободительных восстаниях вообще и о польских восстаниях в частности. Он считает ошибкой Александра I, что он дал Финляндии конституцию и при этом добавляет, что за эту ошибку наши красноармейцы расплачиваются теперь кровью».

Самое курьезное в этих рассуждениях историка, что он упрекает Александра за ошибку, допущенную им в отношении Выборга, будто бы Александр I должен был предвидеть, что Выборг явится опорным пунктом обороны советского Ленинграда от буржуазной Финляндии. Можно только указать, что Тарле забывает еще одну «ошибку» Александра I, что он по Тильзитскому договору признал Пруссию, за что мы еще больше расплачиваемся.

В таком стиле все содержание обеих упомянутых лекций. Я еще не знала об этих лекциях, когда писала мои письма секретарям ЦК, но факты, которые я приводила в них, шли по той же линии. Поэтому в моем последнем письме в 20 страниц на имя тт. Сталина, Жданова, Маленкова и Щербакова я просила созвать нас, историков, и побеседовать с нами, чтобы помочь людям правильно ориентироваться в основных вопросах истории.

Как видно, мое письмо (вернее, ряд моих писем к разным секретарям, а последнее — ко всем) обратило на себя внимание. На первом совещании 29.V, которое открыл тов. Маленков, он сказал, что ЦК обсудил этот вопрос и счел необходимым встретиться с историками, чтобы обсудить спорные вопросы, а затем выработать принципиальные установки для всех историков. Такова цель нашего совещания. Как бы там ни было, уже одно это — факт замечательный! Надо полагать, что он будет иметь колоссальное значение для всего развития нашей исторической науки. То, что отдельных из нас крепко поправят, будет полезно всем, а не только этим тт.

Теперь перейду к краткому содержанию и оценке выступлений отдельных историков на этом совещании.

Выступления историков начались 1 июня. Первыми выступили Бушуев, Аджемян, Панкратова и Нечкина[11]. Первые двое представляли позицию, разделяемую Тарле, а вторые — решительно против нее возражали.

Бушуев ныне нач[альник] Высшей дип[ломатической] школы (до этого 10 лет был науч[ным] сотрудником и ученым секретарем Ин[ститу]та истории Академии Наук) начал свою речь с крайне неумной демагогии. Он обвинял всех и вся. Он кричал, что у нас нет никакой исторической науки, что историки ничего не делали и не сделали, что они не выполнили указаний тов. Сталина по вопросам создания гражданской истории, что они не развернули плодотворных дискуссий и т. п. Тон его речи был настолько демагогическим, а содержание настолько беспредметным, что т. Щербаков прервал его и сказал, что, если мы в таком стиле будем вести наше совещание, то надо заранее считать его провалившимся. Он попросил его высказаться по существу принципиальных исторических вопросов.

---

[11] Бушуев Семен Кузьмич (1906—1958) — доктор исторических наук, профессор (1941); Аджемян Хорен Григорьевич (1909—1968) — поэт, публицист; Нечкина Милица Васильевна (1901—1985) — доктор исторических наук, профессор (1935), академик (1958).

Тогда Бушуев перешел к своему выступлению в Институте на редколлегии II тома учебника для вузов по истории СССР, где он выступал с реабилитацией колониальной и внешней политики царизма, в частности, деятельности и роли Аракчеева и Каткова.

Это выступление наделало много шуму. Все стали говорить, что Бушуев заявил все эти «новости» не от своего имени, а ссылаясь на свою «осведомленность» и ориентированность. На совещании Бушуев объявил, что его выступление исказили, что он после заседания изложил свои тезисы в письме и требует считаться только с этим письмом, а не с устной передачей его речи.

Его попросили (из зала) сказать о своих взглядах по существу. Он начал с большим количеством оговорок, а по сути пришел к тому же: нельзя царскую Россию рисовать только «черной краской», не вся ее внешняя политика была реакционная. Аракчеев не один прогонял сквозь строй, польская и славянская политики Каткова не были уж так неправильны, надо к ним отнестись более объективно и т. д.

Бушуев не преминул заявить, что «История Казахской ССР» — книга антирусская, так как она идеализирует национальные восстания против России. Он демагогически и подчеркнуто заявил, что, видимо, не случайно такая книга вышла так быстро, когда обычно такие толстые книги выходят через несколько лет после написания.

После Бушуева выступил Аджемян. О нем я упоминала, как и о Бушуеве, в моем письме в ЦК ВКП(б). Что это за фигура, я точно не представляю себе. Он член Союза писателей, философ по образованию, историк по наклонностям, поэт-переводчик по специальности, армянин по национальности. Он прислал к нам в «Исторический журнал» свою статью на тему «О социальной сущности кавказского мюридизма». В этой статье, как и в лекциях Тарле, все было поставлено на голову и в том же направлении. Это была статья, в которой вопрос о мюридизме был только на самом последнем плане. На первом плане подчеркивалось, что классовая борьба в истории устарела, что слова первой строфы гимна о «Великой Руси» надо толковать так, что царская Россия объединила все народы и принесла им прогресс и культуру. Он подчеркивал, что Пугачев и другие вожди народных движений реакционны, так как разрушают государство, а Екатерина II и другие цари более прогрессивны, так как они укрепляли и расширяли государство.

Вместо выступления Аджемян зачитал значительную часть этой своей статьи, излагающую весь этот бред. Чтение продолжалось свыше часа. Впечатление было неотразимое. Собравшиеся не верили своим ушам и глазам. В президиуме молчали и внимательно слушали.

После этих двух ораторов выступила я. Моя задача была значительно облегчена. Мне не надо было на них ссылаться, их цитировать и критиковать, как я это сделала в своем письме. Я могла вообще не повторять содержание моего письма, а дополнить его новыми фактами, а главное — дать им принципиально-теоретическую и политическую оценку. Это я и сделала. Стенограмму своего выступления посылаю Вам.

Само собой разумеется, мне пришлось значительную часть моего выступления посвятить «Истории КазахССР». Я не могла злоупотреблять так временем, как это сделали Бушуев и Аджемян, которые говорили вдвое больше, чем полагалось, и говорила почти в пределах регламента, минут на пять больше.

Поэтому я могла остановиться только на принципиальных вопросах. Я очень решительно подчеркнула, что книгу по казахской истории надо было бы обсудить специально, между тем на совещание не был приглашен ни один из ее авторов.

Тов. Щербаков проявлял к этой части моего выступления большой интерес и задал мне вопросы, из которых я могла судить, что он книгу читал и что он... разделяет (или интересуется) вопросом о «наименьшем зле».

После меня выступила М. В. Нечкина. Она сначала поставила ряд вопросов, которые волнуют историков, но на эти вопросы она никаких ответов не дала. К таким вопросам она отнесла и вопросы по истории Русского государства, и по истории войн и внешней политики царизма, и по истории колониальных завоеваний и национально-освободительных восстаний, и по истории культурных влияний и т. п.

По последнему вопросу она попыталась дать нечто свое. По мнению М. В. Нечкиной, история русской культуры отражает лучше всего процесс формирования русской нации и ее идейную самостоятельность. Затем она попыталась поставить в связь вопрос о русской нации с вопросом о советском народе как новом качестве, сложившемся в условиях бесклассового социалистического общества. Эту связь я уловила плохо, у меня представление, что и сама М. В. тоже плохо ее представляет себе.

Вторую часть своего выступления она посвятила «разносу» Бушуева, который сделал против нее ряд выпадов. Нечкина сделала это, как потом говорили, «со злым изяществом». Она разоблачила его фокусы и оговорки метко и беспощадно. «Показала голеньким, освободив от последнего фигового листка!»,— говорили остряки.

Слушая ее разоблачения, которые она делала очень спокойно, почти без комментариев цитируя по своей записной книжке выступление Бушуева на том совещании редколлегии, где она была председателем, Бушуев разбушевался, кричал с места, что это ложь, но Нечкина продолжала его цитировать спокойно и невозмутимо, не реагируя на его крики, а только показывая, что скрывалось под голыми перечислениями тех вопросов, которыми Бушуев позже ограничился в своем письме, которое он теперь попытался противопоставить своему выступлению.

Получилось, что Аджемян и Бушуев — родные братья по установкам. Бушуев заявлял (как и Аджемян), что «историки слишком шли на поводу у революционного движения» и недостаточно «объективно» относились к Аракчееву и Каткову. В отношении последнего он особенно одобрительно отнесся к его антипольской позиции: «Я бы и сейчас выпустил против Польши десять катковых». Нечкина сказала, что эти слова показались Бушуеву особенно остроумными, и он повторил их раза два.

Разоблачающая, но спокойно-деловитая речь Нечкиной произвела на присутствующих историков очень большое впечатление, которым они делились друг с другом все последующие дни.

Следующее заседание было 5.VI. На этом заседании выступали чл.-корр. Бахрушин, Сидоров, Рубинштейн, Сыромятников и Минц [12]. Бахрушин подчеркнул большое значение для историков «Замечаний» Сталина, Кирова, Жданова, которые были большим этапом в развитии советской исторической науки. Они были толчком к громадному подъему, открывали новые пути, возможность выбора любой темы, требовали отказа от упрощенности и схематизма. В условиях Отечественной войны круг тем расширился. В особенности на должную высоту поставлена историческая роль русского народа. Но здесь не хватает историкам диалектики. Из признания высокой роли русского народа стали идеализировать все наше прошлое, а этого делать нельзя, не нарушая исторической правды.

Бахрушин остановился на двух вопросах, которые требуют диалектического подхода: 1) на роли государства, 2) на роли колонизации.

---

[12] Бахрушин Сергей Владимирович (1882—1950) — чл.-корр. АН СССР (1939); Сидоров Аркадий Лаврович (1900—1966) — доктор исторических наук, профессор (1943); Рубинштейн Николай Леонидович (1897—1963) — профессор (1938), доктор исторических наук (1940); Сыромятников Борис Иванович (1874—1947) — доктор исторических наук (1938); Минц Исаак Израилевич (р. 1896) — чл.-корр. АН СССР (1939), академик (1946).

Покровский пренебрежительно относился к вопросу о роли государства. Мы в этом вопросе преодолели концепцию Покровского. Но до сих пор мы недостаточно конкретно разработали и оценили отдельные этапы в развитии государства, не поняли переходных моментов в его истории. Имеются попытки забыть или затушевать классовую основу государства. Отсюда идеализация Ивана IV, который представляется народным царем. Петр I был очернен «школой Покровского». Мы правильно подняли его роль. Но и у нас есть попытка (напр[имер], книга Сыромятникова [13]) представить Петра антифеодалом и антикрепостником вопреки исторической истине.

Второй вопрос — роль колонизации в русской истории. Раньше об этом было нельзя говорить. Надо было только говорить о колониальной политике царей. Но требуется более конкретно и глубоко вникать в условия царской колонизации.

Затем Бахрушин специально останавливается на вопросе о «наименьшем зле». Нельзя все присоединения объявлять «наименьшим злом». Это не общее явление. Постановление жюри распространило эту оценку только на Грузию и Украину. Что должно быть учтено при оценке присоединения как «наименьшего зла»? Для этого нужно учитывать следующие моменты: 1) присоединение без военного завоевания, 2) требования народа, 3) проблема выбора, 4) что несли завоеватели.

Напр[имер], Грузия и Украина были присоединены без завоеваний, по требованию народа, перед которым была возможность выбора. Кроме того, этот выбор меньшего из зол определялся тем, что угроза Турции или Персии означала физическое истребление Грузии, а угроза Польши несла денационализацию украинцам, которые могли быть ополячены.

Бахрушин говорил, что нельзя закрывать глаза на отрицательные стороны царской колониальной политики и замалчивать или прикрашивать ее темные стороны, ибо это будет антиисторично. Но царские завоевания способствовали капиталистическому развитию и имели некоторые объективно положительные результаты. Наша задача — не ограничиваться этикетками, а изучать историю глубоко, правдиво и документально.

В заключение он требует шире развивать нашу монографическую научно-исследовательскую работу.

Сидоров, выступивший после Бахрушина, сконцептрировал свое выступление против Тарле, но перед этим он энергично возражал Бушуеву, который огульно объявил советскую историческую науку бесплодной. Он показал, что было сделано положительного, какие новые проблемы разработаны, какие учебники были созданы и т. п. «Замечания» Сталина, Кирова, Жданова были толчком к плодотворной работе, но не все историки правильно восприняли их идейную сторону. Например, эти недостатки в идейном восприятии сказались и в позиции Тарле, который сделал шаг назад от этих «Замечаний» и даже стал на путь их полной ревизии.

Сидоров далее конкретно разобрал лекцию Тарле в Саратове по истории русской дипломатии, где пересматривается тезис о царизме как «жандарме Европы», а также критически разобрал II т. новой книги Тарле «Крымская война» [14], в которой автор ревизует оценки классиков марксизма о поражении царизма в этой войне и изменении его внешнеполитической роли. Тарле утверждает, что царизм имел перед собой прогрессивно-историческую задачу овладения проливами, ибо «логика диктовала план овладения проливами». Затем Сидоров останавли-

---

[13] Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. 1. М.— Л. 1943.

[14] Тарле Е. В. Крымская война. Тт. I—II. М.— Л. 1941, 1943.

вается на замечаниях тов. Сталина на статью Энгельса и на ее истолковании в лекции Тарле.

В последней части своей речи Сидоров показывает, что историки некритически воспринимают и восстанавливают старые концепции и оценки Ключевского, Павлова-Сильванского и других буржуазных историков. Необходимо более внимательное, сознательное и активное изучение классиков марксизма-ленинизма.

Рубинштейн выступил в том же духе, что и Сидоров. Он тоже остановился на достижениях, а затем на недостатках историков и на источниках отдельных искажений в области истории. «Замечания» Сталина, Кирова, Жданова были восприняты некоторыми односторонне. Они не поняли необходимости изучать источники и более глубоко овладевать теорией марксизма в области истории. Некоторые поняли эти «Замечания», как призыв к изучению конкретных фактов, и только.

Поэтому стали говорить об освоении старого наследства, но освоение наследства старых историков сопровождалось упадком марксистской критики и слабой историографической работой.

Вот почему мы видим сильное влияние старой буржуазной историографии, которое сказывается и в стремлении идеализировать все прошлое. Эта идеализация особенно наглядно выступает в художественной литературе, например, личность Ивана Грозного и Малюты в произведениях Толстого и киносценарии Эйзенштейна. На примере работы т. Яковлева «Холопы» [15] можно показать полное восстановление старой буржуазно-исторической «государственной теории» — восстанавливаются идеи и терминология Чичерина. То же можно сказать о теории сословной монархии, восстанавливаемой Сыромятниковым.

После Рубинштейна и с возражениями ему выступил проф. Сыромятников, автор книги «Регулярное» государство Петра». Сыромятников, как и Бушуев, резко напал на всех историков, что они ничего не сделали, что они плохо пользуются первоисточниками, не умеют критически подходить к ним и т. п.

Он привел примеры из статьи Базилевича в «Большевике» «Петр Великий» [16], где неправильно цитируется «Табель о рангах». Затем остановился на книге Тарле «Нашествие Наполеона» [17], где неверно процитирован Сперанский. На книге проф. Юшкова «Очерки по истории Киевской Руси» [18], где дана неточно цитата Ленина. На книге Грекова «Киевская Русь» [19], где неправильно доказывается наличие свободных и закрепощенных смердов, и т. п.

Его критика приемов исторического исследования отдельных историков носила такой демагогический характер, что А. С. Щербаков прервал его и попросил остановиться на собственной книге. Но Сыромятников ограничился тем, что его оппоненты не привели из его книги цитат, поэтому ему отвечать нечего.

Последним выступил т. Минц. Его выступление всех поразило какой-то непоследовательностью и двойственностью. Он решил взять на себя функции суперарбитра между двумя выступавшими сторонами. Он отметил две неправильные тенденции в освещении истории национального вопроса: одна — поднять на щит все, что было у народа в его борьбе с царизмом, и представить эту борьбу как прогрессивную, независимо от того, кто и почему вел эту борьбу. Эту тенденцию выражает книга «История Казах. ССР». Другая тенденция — ее представляет рецензия Яковлева на эту книгу — наоборот, чернит все прошлое этих народов.

---

[15] Яковлев А. И. Холопы и холопство в Московском государстве XVII в. М.— Л. 1943.

[16] Базилевич К. В. Петр Великий.— Большевик, 1943, № 17.

[17] Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию 1812 г. М. 1938.

[18] Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.— Л. 1939.

[19] Греков Б. Д. Киевская Русь. М.— Л. 1939.

Нужен критический подход к оценке национальных движений. Энгельс в статье «Россия и Ср[едняя] Азия» не стеснялся резко оценивать эти движения.

«История Казах. ССР» — начинание ценное, но нужно к нему строго подойти, потому что это первая серьезная работа.

Затем Минц возражает против недооценки роли Абульхайныра[20], которого он считает дальновидным политиком. Он не согласен, что «переход каз[ахов] в подданство к России был результатом сговора» (стр. 155 кн.).

Вся вторая часть речи Минца была посвящена защите тезиса о том, что присоединение Казахстана было наименьшим злом для казах[ского] народа, но никаких фактов и материалов он для этого не привел, а заявил, что книга дает для этого достаточный материал.

Выступление Минца было воспринято всеми как полуофициальное.

Следующее заседание было 10.VI. На нем выступили Пичета, Ефимов, Яковлев, Городецкий, Греков[21]. Расстановка сил та же, что и на первых.

Пичета поставил вопросы об истории славянства и его роли, в частности, об оценке славянофилов и западников. Он заявил, что нельзя считать славянофилов реакционерами, а западников прогрессивным течением, что были различные течения среди них. Но когда он стал конкретизировать их теории, то у него получились западники реакционным, а славянофилы прогрессивным течением, так как западники недооценивали народ, переоценивали государство, а славянофилы боролись с гегельянскими теориями (Пичета при этом не указал, с каких позиций они критиковали Гегеля, и не подчеркнул, что славянофилы были на еще более реакционных философских позициях шеллингианства, а политически защищали крепостничество).

Второй вопрос, который меня не удовлетворил у Пичеты,— его попытка пересмотреть характер восточных войн, которые он объявляет прогрессивными, т. к. они способствовали освобождению Сербии, Болгарии от турок. При этом Пичета не сказал о собственной программе царизма, а в этом — вся суть при оценке характера этих войн. Он остановился также на взаимных влияниях славянства на запад и обратно и на роли Киевского государства как общей основы русского, белорусского и украинского народов. Во второй части своего выступления В. И. Пичета развернул резкую критику работы Яковлева «Холопы», подчеркнув, что еще в 1939 г. при обсуждении двух первых глав позиция Яковлева по вопросу о роли холопов была решительно отвергнута, но он в 1943 г. опять повторил все свои неправильные выводы. Колонизацию русской равнины при помощи холопьего труда Яковлев аргументирует при помощи филологических упражнений, которые обнаруживают полную беспомощность автора. Словообразование «славянин» от «sclaven, sklaven» — раб несостоятельно. Книга является оскорблением русского народа и всего славянства.

В заключение Пичета остановился на польском вопросе в XIX веке и на характере восстаний 1830 и 1863 гг. Поляки требовали границ 1772 г., т. е. присоединения Литвы, Украины и Белоруссии. Говорят, что требования демократов и аристократов в этих восстаниях были различны. Это верно, но в данном вопросе было единство их точек зрения.

---

[20] Современная транскрипция — Абулхаир-хан (1693—1748). В 1726 г. обратился к русскому правительству с просьбой о подданстве.

[21] Пичета Владимир Иванович (1878—1947) — академик (1946); Ефимов Алексей Владимирович (1896—1971) — чл.-корр. АН СССР (1939); Яковлев Алексей Иванович (1878—1951) — чл.-корр. АН СССР (1929); Городецкий Ефим Наумович (р. 1907) — тогда кандидат исторических наук, заместитель заведующего сектором науки ЦК ВКП(б), доктор исторических наук (1965); Греков Борис Дмитриевич (1882—1953) — академик (1935).

Говорят, что лучшие русские люди, в том числе Герцен, сочувствовали польскому восстанию. Но, анализируя переговоры Герцена с польским революционным Жондом, мы видим, что Герцен требовал для всех неполяков национ[ально-]культурной автономии. В 1943 г. вышел очередной том «Литературного наследства», в котором мы находим письмо Герцена к Огареву, в котором он пишет, что, если поляки не пойдут на эти требования, то мы мешать их восстанию не будем, но и поддерживать его не будем.

В заключение Пичета призывал более внимательно изучать и разоблачать польскую буржуазно-шовинистическую историографию. Так, перед войной в Польше вышла 4-томная книга под названием «От белого до красного царизма», не вызвавшая нашей критики.

В 1937 г. вышла книга Кукеля «Война 1812 г.», в которой критикуются позиции советских историков, а мы на эти книги никак не реагировали, т. к. мы не знаем, что выходит за границей.

Советское славяноведение возрождается. Необходимо его поддержать, в частности необходимо иметь специальный журнал по вопросам славяноведения.

Выступление Пичеты было несколько сумбурно и внутренне противоречиво, а главное и в нем не было четкой классовой марксистской позиции. Все время говорится о славянстве вообще, без малейшей попытки конкретно показать это движение и в классовом, а не только в национальном разрезе. Отсюда же проистекают ошибки Пичеты в оценке восточных войн царской России, в частности войны 1877 г., объявляемых прогрессивными только потому, что объективным (и побочным!) результатом их была автономия Сербии или Болгарии. Но ведь мы знаем, что даже в империалистических войнах, как, например, в 1914 г., борьба Сербии за независимость была прогрессивна, однако этот факт не меняет характера войны в целом, а поддержка царизмом Сербии в этой войне не меняет нашей оценки роли царской России в первой мировой войне.

Столь же неполны, а следовательно, неверны и выводы В. И. Пичеты относительно польских восстаний. Во-первых, мы не можем оценивать эти восстания только с точки зрения требований польской шляхты. Конечно, Маркс, Энгельс, Ленин, как и Герцен и другие русские революционеры, знали и осуждали аннексионистские планы польских панов, но ведь они поддерживали не этих панов, а борьбу за революционно-демократическую Польшу, подчеркивали, что национальные восстания без крестьянских восстаний победить не смогут, что возрождение Польши возможно только как демократического государства и т. п. А во-вторых, они поддерживали польские восстания и как мощный фактор в борьбе с царизмом, а Пичета этот главный момент упускает. Отсюда он очень сближается с Тарле, по сути, оправдывая царизм и не признавая его «жандармом Европы».

Но если у В. И. Пичеты этот вывод идет от недостаточной классовой выдержанности в вопросах истории славянства, то у выступавшего вслед за ним члена-корр. Ефимова была зрелая и продуманная, а главное, активная антимарксистская позиция вообще и при этом тщательно маскируемая. Я была потрясена тем искусством эквилибристики и жонглирования, которую Ефимов проявил в своей речи. Это была речь виртуоза маскировки. По внешности это архиортодоксальная позиция, скрепленная массой цитат и правильных общих положений. Но как только Вы подойдете к его конкретным вопросам, а главное, к его выводам, то получается нечто прямо противоположное тем цитатам, которые он сам же приводит. «Основной вопрос,— так начал свою речь Ефимов,— как наиболее эффективно использовать исторические традиции?».

Затем он, конечно, поторопился заявить, что было бы неправильно сплошь идеализировать прошлое, что в этом вопросе у ряда историков

есть колебания и шатания и прямые ошибки (конечно, никаких имен или примеров Ефимов при этом не привел).

Затем с обычной для заправского жонглера грацией он сделал книксен в сторону Минца, поспешивши согласиться «с правильным мнением Ис[аака] Изр[аилевича], что тот уклон опасен, против которого не борются» (хотя, как известно, автором этого положения является отнюдь не И. И. Минц).

После этого, чувствуя дорогу расчищенной Минцем, он уже без труда бьет по «обоим уклонам», тем самым искусно отводя удар от себя и от своего идеолога Тарле, тем более, что подвернулся столь счастливый случай в лице этого «мальчика для битья» Аджемяна. Конечно, опытный мастер жонглирования знает наиболее слабые места и «увлечения» Аджемяна, и он бьет именно по этим наиболее заметным местам, не касаясь ни одним словом тех вопросов, где он с ним единодушен.

Ефимов «бьет» Аджемяна за... Пугачева, он поучает его, что при всей своей незрелости и отсутствии марксистской идеологии крестьянские восстания при переходе от средних веков к буржуазному строю прогрессивны.

После этого коротенького «поучения» Аджемяну (с общеизвестными цитатами при этом) наш жонглер сделал ловкий «пируэт» на «второй фронт», на котором неожиданно оказались... Нечкина и Панкратова. Каким же образом? У них обеих Ефимов вдруг отыскал защиту «теории избранного народа».

Я не верила своим ушам, слушая его рассуждения на эту тему. Оказывается, тот факт, что М. В. Нечкина в своем выступлении заявила, что русская литература с наибольшей полнотой отражает национальный характер русского народа, Ефимов считает «пережитком неправильных идей славянофильства» и проявлением концепции «избранного народа». Следовательно, вообще нельзя говорить о национальном характере. И это после цитат тов. Сталина об известных признаках, определяющих нацию.

Не менее разительный пример и с моим именем: на стр. 225 «Истории Казах. ССР» (хотя я и не автор этой страницы!), говорит Ефимов, есть место, где русские войска изображаются врагами казахов, т. к. критерий в «книге Панкратовой — казахи — избранный народ»!!!

Только с трудом я сдержала себя — не расхохотаться или не выругать громко этого нечестного эквилибриста.

Дальше — не лучше.

Свое выступление Ефимов написал. Оно было очень отшлифовано по форме и весьма хитро и обдуманно по содержанию. Я считаю его самым вредным из всего, что было сказано, именно потому, что оно так искусно «закамуфлировано». Большие куски своего выступления он пропускал, но для стенограммы дал всю свою рукопись. Что там еще понаписано, не знаю.

Следующим трюком в его выступлении был вопрос о морально-политическом единстве в русской истории.

Ефимов выдвинул тезис, что испытания всегда сплачивали русский народ (он не досказал «вокруг престола», но из последующего это вытекало), и тогда выступало морально-политическое единство народа, которое нас спасало. Так было и в 1812, и в 1813 г., и в Крымской войне, и в 1918, и в Отечественной войне...

Конечно, делает Ефимов оговорку, это не значит, что в 1812 г. Россия не имела классов и что они не имели разных целей, но общая цель сплачивала и создавала морально-политическое единство.

В период кампании 1813 г. цели народа и царизма тоже были различны. Так, например, возможно, Александр I стремился стать «жандармом Европы», но Кутузов, отражавший волю народа в этом походе, выступил с манифестом, в котором говорил: «Вот мы на границе импе-

рии. Но не порабощения народов и не суетной славы мы ищем, а несем народам освобождение от тирана!».

И от этого длинного рассуждения о «морально-политическом единстве» народа в 1812 году Ефимов делает искусный пируэт к 1813 г., незаметно подводя своих слушателей к необходимости пересмотреть реакционный (по целям царской России) поход 1813 г. и объявить его освободительным, ибо «так было написано в манифесте Кутузова» (кстати, написанном тем же Шишковым и в том же «освободительном» стиле, в каком были написаны и все манифесты от имени самого Александра I).

Отсюда уже очень легко перейти (при помощи нового изящного пируэта — новых цитат или правильных общих положений!) к оправданию царизма как «жандарма Европы».

Конечно, говорит Ефимов, мы не должны подвергать сомнению, что Маркс и Энгельс правильно считали царизм жандармом Европы, но... нельзя показывать внешнюю политику царизма как сплошь реакционную. Наряду с царизмом выступали и другие жандармы. Австрийский император или король прусский были еще большими жандармами, чем русские цари. Наконец, тов. Сталин в своих замечаниях на статью Энгельса о внешней политике («Большевик» № 9 за 1941 г.) отметил, что Энгельс был неправ в оценке внешней политики царизма.

Таким образом, общий постулат о том, что царизм был «жандармом Европы» (на определенном этапе, конечно), Ефимов «опроверг» всей своей дальнейшей аргументацией.

В таком же стиле был проделан фокус и по вопросу об оценке колониальной политики царизма.

И здесь Ефимов начал с цитат и правильных марксистских положений о том, что нельзя противопоставлять классовую и национальную точки зрения, что каждый класс имеет свою национальную программу и т. п. Сослался на работу тов. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», рассказал общеизвестное учение его о нации.

Правильно подчеркнул, что процесс колонизации надо брать в целом, что этот процесс не идиллия, что «объективная прогрессивность колонизации совместима с признанием ее темных сторон». И вот отсюда — снова обычный пируэт в своем направлении!

Во-первых, ни у Ефимова, ни у Тарле, ни у Яковлева (да и всех других, выступающих по вопросу о колониальной политике царизма) нет и намека на насильственный характер «колонизации». Слова «колониальные войны», «завоевания», «захваты» исчезли. Все эти понятия покрываются одним общим «колонизация», которая есть «факт прогрессивный».

Во-вторых, эта «колонизация» есть «факт исторически неизбежный!». Ефимов приводит своих слушателей к этому выводу при помощи следующего трюка. Вот, говорит он, нам здесь заявляли, что англичане не оставили документов о своих планах экспансии в отношении Казахстана. Да это нам вовсе и не нужно. Достаточно вспомнить слова покойного историка Соловьева о судьбе малых народов, о том, что слабость одного государства неизбежно усиливает его соседей, ибо малое и слабое государство становится ареной борьбы своих сильных соседей и логика борьбы подсказывает для него необходимость искать защиты сильнейшего. Для сильного государства естественно также встает вопрос, выгодно ли ему иметь соседом слабое государство. Результатом и является присоединение слабого к сильному как единственный для него выход.

Это потрясающее «открытие» Ефимова о том, что слабые и малые народы не имеют права на независимое и самостоятельное существование, вообще не ново, а в эпоху империализма оно стало альфой и омегой всех колониальных экспансий и особенно всех фашистских завоевательных планов.

Но как осмелился Ефимов выступать на столь ответственном совещании с этим плохо замаскированным экспансионистским тезисом — непостижимо! В заключение Ефимов дал «теорию колонизации», достойную или превосходящую программу бернштейнианцев на Штутгартском конгрессе. Ефимов сформулировал эту «программу» в виде пяти пунктов:

1. История колоний не должна отрываться от России и других колоний.

2. Колонизация — факт объективно прогрессивный.

3. Она сопровождается проявлениями насилия, поэтому не следует обелять колонизаторов.

4. Борьба масс против этих насильственных действий колонизаторов прогрессивна.

5. Но не следует идеализировать вожаков национально-освободительных движений.

Трудно себе представить что-нибудь более пошлое, преподносимое под флагом марксизма!

В чем короткий смысл этой ревизионистской программы по национально-колониальному вопросу? Его можно свести к следующему:

1. История отдельных народов России не может изучаться как субъект, а только как объект («не должна отрываться от России и др. колоний»), т. е. вне колониального существования малые народы не имеют своей истории («неисторические народы»).

2. Всякое завоевание или присоединение малого народа к большому — факт объективно-прогрессивный («колонизация — факт объективно-прогрессивный»).

3. Отрицательны лишь методы колонизации, поэтому не следует «обелять» колонизаторов и слишком откровенно возводить их в «герои русской истории» (как это громогласно сделал, например, Яковлев на заседании К[омите]та по Сталинским премиям).

4. Борьба масс против насильственных действий (а не за независимость!) прогрессивна («борьба за реформы!»).

5. Но не следует «идеализировать вожаков нац.-осв. движений», т. е. нельзя признать за малыми и угнетенными народами права ни на своих героев, ни на свои героические боевые традиции борьбы за независимость и свободу.

Сформулировав с исчерпывающей ясностью эту ревизионистскую программу по национально-колониальному вопросу, Ефимов на всякий случай поспешил заявить, что «кое у кого марксистская теория умаляется и недооценивается», поэтому перед нами стоит «задача поднятия теоретического уровня нашей исторической науки». В заключение своей речи он остановился на организационном вопросе, который свелся (как и у всех других его единомышленников) к критике Института истории, который «держится за бригады», не взял курса на серьезные монографические работы, ввел «уравниловку» в коллективных трудах, ослабил качество трудов и т. п.

После Ефимова, подготовившего почву для более решительных выводов, выступил член-корреспондент Яковлев, который в первой части своего выступления рассыпался в благодарностях «к тем, кто нас созвал и интересуется нашим мнением». Но при этом, тоже на всякий случай, он решил «предупредить события» и поэтому заявил: «Вместе с тем, из этого факта (что «спрашивают наше мнение») надо сделать ряд выводов. Очевидно, на нашем фронте не все благополучно. Нами недовольны, но и мы собой недовольны. Среди нас идут разговоры: «Кончится это плохо. Нам достанется»! И поделом! — патетически добавил Яковлев, а затем, как и все его единомышленники, решил «переменить направление огня». Значительная часть его речи превратилась в обвинительную речь по адресу всех историков, которые не выполнили решения ЦК от 16.V.1934 г. о том, чтобы дать учебники по гражданской истории.

У нас, говорил он, были прекрасные учебники Иловайского, Ключевского, Елпатьевского [22], Платонова. Новые учебники написаны плохо. Исчезла «школа» прежних блестящих стилистов. Преподавание в вузах на низком уровне. В газетах помещают безграмотные исторические статьи. Например, в «Правде» помещена статья о Кутузове, в которой 22 ошибки, хотя статья подписана каким-то профессором. Очевидно, звание «профессора» не гарантирует от невежества. Наша цеховая ученая работа также не на высоте. От нас ждут серьезных исследований. Но наши архивы не разрабатываются.

В заключение своей критики Яковлев заявляет, что вносит следующие практические предложения:

Во-1-х, надо более солидно поставить систему преподавания: дать новые учебники средней школе и вузам, лучше поставить семинарскую работу в вузах, для чего восстановить издание учебных памятников русской истории. Ключевский, например, 5 лет барахтался в «Житиях святых», которых никто историческим памятником не считал, и дал классический образец исследования. А мы не имеем такой «школы» работы.

Во-2-х, надо создать советскую теорию эволюции Русской державы. У нас уже до революции сложилась общая схема эволюции Русского государства — это шедевр Ключевского. Ее поправила советская историография. Надо продолжать ее разработку. Каковы основные ее моменты? В основе истории русского народа лежат три идеи: первая — наша история есть история колонизации, овладения Русской равниной при помощи мирного динамического труда; вторая идея — через всю нашу историю проходит идея дружной обороны, обороны любой ценой, для которой объединяются церковные подвижники, общественники типа Минина и государственные деятели типа Петра. Мы не завоеватели, но нас не трогай! Третья идея нашей истории — это идея равноправного подхода к разным нациям. Если германизм говорит народам: «Я тебя уничтожу или я тебя унижу!», у нас таких идей не было у самых реакционных царей. Мы не занимались резней, а, как волжские бурлаки, приглашали другие народы: «Садись к общему горшку с кашей!».

На этом Яковлев уже хотел закончить свою речь, но А. С. Щербаков предложил ему сказать о его собственной книге «Холопы». Яковлев ворчливо возразил: «О чем говорить? Критика, которая здесь была по поводу книги, не имеет отношения к книге. Полабские славяне продавались на невольничьих рынках или были уничтожены. Спорить или негодовать по этому поводу сейчас нечего. Наши холопы колонизовали Дон, Сибирь, Урал, Север — что в этом плохого, что гонимые и протестующие элементы не хотели жить под ярмом? Критика была инфантильной, а на такую критику отвечать нельзя.

«Что касается вопроса о злополучном Казахстане, то я, как русский патриот, не могу согласиться с тем, что Амангельды Иманова изображают героем, хотя он поднимал восстание против русского народа, как нож в спину, в тот опасный момент, когда Брусилов совершал свой героический брусиловский прорыв и спасал нашу родину, стоявшую на волосок от гибели! Может быть, Амангельды хорош с точки зрения Алаш-орды [23], как ее герой, но не с русской точки зрения».

С места ему при этом крикнули: «Но Амангельды — большевик, а не алашордынец. Алашордынцы его убили!». Яковлев невозмутимо продолжал в том же духе. Впрочем, возможно, он даже и не знал этого факта, т. к. сам мне говорил, что «Историю Казахск. ССР» он читал только до Октябрьской революции. Очевидно, он и вообще не считает послеоктябрьский период «историей», а только политикой или публицистикой.

[22] Допущена ошибка. С. Я. Елпатьевский (1854—1933) — народнический беллетрист и публицист, ни учебников по истории, ни курса лекций не составлял.

[23] Алаш-орда — националистическая партия, отражавшая интересы казахских баев.

После Яковлева, выступление которого поразило аудиторию своей открыто реставраторской программой в области истории (особенно его «три идеи»!), выступил Городецкий. Он возражал, хотя и не с той остротой, с какой должен был возражать, Ефимову и Яковлеву. Вообще, совещание ведется в крайне академических тонах,— вероятно, потому, что все стараются в присутствии руководителей держаться «прилично».

Городецкий заявил, что возражения Ефимова против Нечкиной и ее тезиса об особенностях русской национальной культуры несостоятельны, ибо они означают, что он отрицает самое наличие национального характера как одного из признаков нации. Затем он перешел к Яковлеву, показывая его общность взглядов с Аджемяном, который только обобщил антимарксистские взгляды и те идеи, которые развивал Яковлев. Останавливаясь на «трех идеях», лежащих якобы в основе русской истории, Городецкий отметил, как Яковлев конкретно представляет себе «третью идею» — равноправного положения наций, добровольно объединившихся вокруг царской России. 7 января 1944 г. Яковлев выступил в Наркомпросе по вопросу о новых учебниках. Он заявил, что надо написать не учебник по истории СССР, а по русской истории и выдвинуть на первый план «мотив русского национализма». «Всякий учебник для русских школ должен быть русским национальным учебником. Совмещать с этим содержанием интересы еще 100 народов нельзя».

Далее Городецкий указал, что непонимание марксистских позиций в истории довольно широко. Даже такой уважаемый историк, как акад. Греков, на совещании в редакции Военмориздата заявил, что сейчас историки отрезвели и поняли, что разделять государство и народ нельзя. Акад. Греков перенес единство Советского государства и советского народа на всю историю. Это антиисторично, ибо забывается классовая основа происхождения и развития государства. Городецкий далее остановился на беспринципности некоторых наших историков. Последнее время заговорили о «новых установках» и стали ждать их, отказываясь писать или выступать. Некоторые, даже очень уважаемые историки, охотно идут на поправки, которые вносят молодые или неопытные редакторы или рецензенты.

Например, проф. Бахрушин написал хорошую статью о Российской империи, но, очевидно, редактор потребовал от него положительной концовки, и Бахрушин, вразрез с содержанием статьи, приписал конец о том, что «Российская империя в течение 200 лет выражала мощь русского народа» [24].

Затем Городецкий остановился на книге Яковлева «Холопы» и на книге Рубинштейна «Русская историография» [25]. Он упрекал эти работы в том, что они не борются с немецкими историческими теориями и концепциями, а в известной мере следуют за ними.

До сих пор не изжита норманская теория, отзвуки которой имеются даже в учебниках. Наши советские историки (например, Бахрушин в статье о Миллере, Нечкина — в статье об Эверсе) [26] слишком высоко ценят вклад немецких историков в русскую историографию. Необходимо ликвидировать эти пережитки реакционных представлений немецкой историографии.

С возражениями Городецкому выступил акад. Греков. Он заявил, что Городецкий не убедил его, и он продолжает думать, что государство и народ нельзя противополагать. Народ без государства — это хаос. Карам-

---

[24] Установить название статьи С. В. Бахрушина не удалось. Возможно, в печатном виде она не появлялась.

[25] Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М. 1941.

[26] Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири. В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.—Л. 1937; Нечкина М. В. Эверс. В кн.: Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. Т. 1. М. 1927.

зин и другие историки этот факт справедливо подчеркивали. Затем он возражает Городецкому, что в учебниках имеется пережиток норманской теории. Бороться с варяжским вопросом нужно, но нельзя искажать факты. Северная Русь была связана со Скандинавией,— надо этот факт объяснить, а не зачеркивать. Мы давно показали, что до варягов славяне имели свои государственные образования и этим самым опровергли норманские теории о происхождении государства от варягов-норманов.

Все же в области истории нам надо многое пересмотреть. События опередили историков, в свете этих событий нам надо откликнуться на такие стороны, которые раньше нами упускались. Творческий марксизм требуется и в применении к истории. Наши историки в смятении. Они потеряли контакт друг с другом, а многие — и с нашей новой действительностью. Наше спасение в единстве. Это единство всегда спасало русский народ. Кто стремится отклониться от этого единства, тот гибнет. В борьбе за единство русскому народу принадлежало первое место. Первая строфа гимна о том, что Великая Русь «навеки сплотила наши народы» говорит об объединяющей роли русского народа. Чтобы ее понять, надо конкретно исследовать, когда и как вошли народы нашей страны в состав России, что заставило их вместе бороться. Надо сказать правду и о том, как строилось наше государство, какие переживало этапы, какое положение занимало в истории.

В частности, надо показать и роль Киевского государства как общей государственной колыбели русских и украинцев. Даже Грушевский, враждебно относившийся к Москве, не отрывал Украину от Руси. Родство русского, украинского и белорусского народов надо показать конкретно.

История Руси — это история преодоления таких трудностей, каких Запад никогда не знал. Историки, конечно, не могут отказаться от классового подхода, но у нас все еще преобладают либо черный, либо белый цвет, а история — многоцветна.

Затем Б. Д. Греков остановился на выступлении проф. Сыромятникова и изложил свою позицию по вопросу о рабовладельческом обществе на Руси.

В заключение он предложил оживить и поставить издание источников и издать собрание монументальных памятников, без которых нельзя изучать историю.

На этом заседание закрылось. Следующее намечено на 22.VI. Записалось еще свыше 15 ораторов.

А. С. Щербаков предложил на этом закончить совещание. Очевидно, картина получилась более или менее ясная.

Подведу некоторые итоги:

1) Совершенно несомненно, что среди историков имеется вполне единодушная и сплоченная группа, идейным вдохновителем которой является Тарле, выступающая сейчас с «новым словом», которое на поверку оказывается давно уже опровергнутым «старым словом» и фактической реставрацией «основ» дворянско-буржуазной историографии. Имеет ли эта группа еще и какую-нибудь политическую цель, сказать не берусь, но не исключаю и такой возможности.

2) Имеются заслуженные, честные и искренние историки, которые все же показали себя еще не вполне овладевшими марксизмом в истории (Пичета, Греков). Их ошибки скорее проистекают от «чувства» (они хорошие патриоты) и недостатка знаний в области теории.

3) Имеются беспринципные «конъюнктурщики», которые «ждут, чья возьмет» или «новых установок», чтобы затем выступить в качестве «никогда не ошибающихся» или, на всякий случай, бить «на два фронта».

А. Панкратова

После длительного перерыва в 12 дней наше совещание было вновь созвано 22 июня.

Первый, кого я встретила в раздевалке ЦК, был академик Тарле. Он встретил меня с ледяной холодностью. Отсюда я заключила, что он уже знаком с моим выступлением, а, может быть, и с той ролью, какую я сыграла в борьбе с установками всей той группы, какую (вольно или невольно — этого я не знаю) он возглавляет.

Я спросила его, давно ли он приехал.

— Третьего дня! Меня тов. Александров[27] вызвал телеграммой, которая разыскивала меня по всему Закавказью,— ответил Е. В. Тарле. Он нес свои книги — вторую часть «Истории Крымской войны», ту самую, которую он мне обещал дать еще в гранках, чтобы я написала рецензию. Он довольно демонстративно сказал, обращаясь к шедшему со мной С. В. Бахрушину, что он (Тарле) хочет преподнести ему свою книгу. Я не без лукавства и даже с улыбкой спросила:

— Ну, а мне Вы теперь своей книги не дадите?

— Если останется! Книг очень мало! — бросил он отрывисто.

Я была вполне удовлетворена: моя догадка подтвердилась. Она, с другой стороны, подтверждала и мои старые наблюдения и выводы относительно некоторых личных качеств нашего знаменитого академика. Мы поднялись наверх. Здесь я встретилась, прежде всего, с тт. Генкиной и Городецким. Обменялись впечатлениями. Тов. Городецкий сказал: «Мы вызвали Е. В. Тарле, чтобы дать ему высказать свою точку зрения до конца. Он отнесся сначала равнодушно и даже несколько пренебрежительно к тому, что его критиковали. Но когда мы рассказали ему, что его критикуют за саратовские лекции, он всполошился и потребовал стенограммы выступлений тт. Сидорова и Панкратовой».

Итак, я ждала боя...

Совещание открылось в 1 час дня. Председательствовал снова т. Щербаков. Первым он предоставил слово т. Базилевичу. Затем выступили Тарле, Толстов, Генкина, Державин[28].

К. В. Базилевич начал свое выступление с того, что в предшествующих выступлениях наметилось три проблемы, на которых останавливались историки на этом совещании: 1) вопросы колониальной политики царизма, 2) вопросы внешней политики царской России и 3) проблема национального развития русского народа. Он остановился на последней из этих проблем.

Проблема национального развития русского народа, по мнению проф. Базилевича, распадается на три группы вопросов: вопрос об этногенезе русского народа, вопрос о формировании великорусской народности и вопрос о превращении народности в нацию.

Первый вопрос, в результате успешных археологических раскопок, решается довольно просто, подтверждая автохтонность происхождения нашего народа в нашей стране.

Третий вопрос об условиях образования нации в эпоху поднимающегося капитализма также не представляет трудностей в свете учения тов. Сталина о нации. Но вот второй вопрос — о формировании великорусской нации — является не столь простым.

К. В. Базилевич считает, что народность складывается в результате общения и слияния этнически-родственных племен и представляет собой этап на пути складывания национальности в нацию.

---

[27] Александров Георгий Федорович (1908—1961) — начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

[28] Базилевич Константин Васильевич (1892—1950) — профессор (1935); Толстов Сергей Павлович (1907—1976) — профессор (1939), чл.-корр. АН СССР (1953); Генкина Эсфирь Борисовна (1901—1973) — доктор исторических наук (1939), профессор (1941); Державин Николай Севастьянович (1877—1953) — академик (1941).

С этой точки зрения важно выяснить, в какой мере государство Ивана III или Ивана IV можно назвать национальным Русским государством?

Некоторые историки и даже студенты указывают, что ведь и в 15—16 вв. не было еще капитализма, как необходимого условия для создания нации. Этот вопрос проф. Базилевич решает так: при Иване III начало создаваться государство русской народности (или национальности), поэтому его и можно назвать национальным. Но неправильно называть государство при Иване IV многонациональным, а его следует назвать национальным вплоть до 18—19 вв., когда национальное государство уже сложилось и когда происходило его расширение путем завоевания.

На этой стадии будет вполне понятно и положение тов. Сталина об особенностях создания государств на Востоке Европы, сформировавшихся как многонациональные государства с одной нацией во главе и с различными народностями, не сложившимися в нации.

Затем проф. Базилевич поднимает несколько общих вопросов. Прежде всего, он решительно не согласен с теми, кто считает, что историки ничего не сделали. В Институте имеется свыше 40 исследовательских работ до 700 печ. листов, но их пока невозможно печатать из-за недостатка бумаги. Он считает, что у нас бумага неумело используется. Можно было бы некоторые работы специального характера печатать в меньшем тираже.

Переходя к нашим методологическим недостаткам, проф. Базилевич подчеркнул, что недостаточно серьезное и конкретное изучение некоторых проблем превращает верные положения в схемы. Отсюда и резкие переломы и шарахания из стороны в сторону. Вот, например, оценка Ивана Грозного. Раньше его недооценивали. Заслугой советских историков является то, что они его показали как крупного государственного деятеля. Но за последнее время его стали чрезмерно идеализировать, особенно в популярной и художественной литературе. Тот же схематизм можно отметить и в отношении крестьянских восстаний. Все они — восстания Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева, различные по существу, изображаются по общей схеме и совершенно одинаково. Отсюда и тот антиисторизм, который в нашей литературе наблюдается за последнее время в оценке разных исторических событий и личностей.

Можно сказать, что у нас нет правильного исторического подхода и в оценке нашей историографии. Раньше все изображалось как результат западных влияний, сейчас вообще отказываемся признавать какие-нибудь влияния, особенно если они исходили от Германии. Упоминание о влиянии Шлёцера считается оскорбительным. Почему же мы не отказываемся от Гете или Лейбница, которые почти в то же время оказывали свое влияние на нашу и мировую литературу и науку? Неужели мы были отгорожены китайской стеной от мировой культуры?

Необходимость глубокого и конкретного изучения теории тем более велика, что исторические вопросы многих интересуют, но историческими знаниями еще далеко в массе не обладают. Даже недавние вступительные экзамены в Высшую дипломатическую школу показали, хотя экзаменовались большей частью люди, имевшие специальное высшее образование (техники, инженеры, юристы и пр.), насколько мало они знали историю.

Дело доходило до курьезов, вроде таких: одного товарища спросили: «Кто такой папа римский?». Он ответил: «Отец римского короля». Другого спросили: «Кто такой Карл Маркс?» Ответил: «Диалектик». «Когда он жил?».— В XVI веке»! — «В какой стране он родился?» — «Во Франции»!

Одного экзаменующегося спросили: «Когда жила Екатерина II?». «В XVIII веке».— «До или после монгольского нашествия?» — «До монгольского нашествия».

Другой товарищ на вопрос: «Кто такие утопические социалисты?» ответил: «Это те, которые хотели утопить социализм»!

К сожалению, это не анекдоты. Преподавание истории в средней школе, когда они учились, да и теперь, стоит на низком уровне. Вот почему нам необходимо работать над конкретными историческими вопросами.

В заключение ответил на обвинение проф. Сыромятникова в неправильном цитировании «Табели о рангах», указав, что, кроме «Свода законов», «Табель» (с некоторыми отступлениями) печаталась и в других источниках.

Тарле, выступивший после Базилевича, начал с того, что он «к величайшему прискорбию» не был в Москве, и телеграмма, приглашавшая его на совещание, застала его в Армении, на границе Ирана. Он приветствует «столь отрадный факт, как это совещание». Он понимает, что если оно созывается «учреждением, которое должно указывать на отклонения от правильных путей», то, значит, «еще не изжита ядовитая культура, которая насаждалась «школой Покровского». Движение науки вперед требует прогресса мысли, а «не попугайского повторения одних и тех же положений». Толкнуть вперед науку должны новые монографии, которые нужно писать «без оглядки на то, что писали 95 лет тому назад» (очевидно, Маркс и Энгельс, некоторые историки немедленно подсчитали, что 95 лет тому назад, т. е. в 1849 г. царская Россия выступила против революционной Венгрии, за что Маркс и Энгельс, а затем Ленин и Сталин и называли русский царизм «жандармом Европы»).

«Надо отбросить оглядки,— продолжал Тарле,— и раскрепостить историческую науку, как это было в 1934 г.».

После этого «введения» Тарле приступил к возражениям своим оппонентам. Здесь он был по методам ответа на критику столь же мало оригинален, как и его единомышленники. «Возражения моим критикам облегчаются природой их критики»,— заявил он (как и Яковлев, Сыромятников и др.). Характерно, что, как и они, он не говорил по существу спорных вопросов, а по тем цитатам, которые он нашел в выступлениях своих критиков.

Так, тов. Сидорову он возражал не о том, считает он или нет царизм «жандармом Европы», а лишь в ответ на приведенную им одну цитату о поражении царизма в Крымской войне, он привел две другие цитаты, в которых говорилось о положении царской России в момент поражения.

Тот же фокус был им проделан и в ответ на мою критику. Он не ответил по существу темы своей лекции — о роли завоеваний и характере колониальной политики царизма, а стал говорить, что приведенная мною цитата о пространстве как факторе победы неправильная, так как его плохо записали стенографистки. Неправленная стенограмма не может служить материалом для обвинений. Кроме того, что плохого в том, что он остановился на «факторе пространства», ведь известно, что Московия не могла бы победить столь сильного врага и нельзя не признавать этого факта.

О том, что из «фактора пространства» он сделал вывод о прогрессивности всей колониальной политики царизма, Тарле не сказал на этот раз ни слова. Вообще, будто бы и не существует никакого спора по этим вопросам. А ведь именно здесь лежит корень нашего спора.

Далее он заявил, что желал бы поделиться с товарищами своими соображениями, над какими темами нужно работать. Вскользь обронил, что надо дать «историю территории Советского Союза», но не раскрыл, что «сие значит», ограничившись буквально следующей сентенцией: «Такого рода антецедентов в истории немного: можно назвать разве Римскую империю, но точного исследования ее роста также не имеется».

Что могла означать такого рода «сентенция», как не «тех же щей, да пожиже влей», да так, чтобы не сразу раскусили.

Вторая проблема, подлежащая изучению,— история дипломатии. Здесь наши историки совсем не работают, а «потребность в истории дипломатии насущная».

Выступление, которого все так ждали, было так бледно, растерянно и малосодержательно, что вызвало всеобщее недоумение и разочарование. Все спрашивали себя и друг друга: «Что это — ход назад или растерянность?».

После Тарле выступил декан истфака МГУ проф. Толстов, который слывет за специалиста по истории народов Средней Азии. Он заявил, что в изучении истории народов СССР наши историки делают большие погрешности. По мнению Толстова, разорванность этой работы объясняется отсутствием общей связи между научными центрами национальных республик. Каждая из республик руководится естественным стремлением выявить лучшее в своем прошлом, нередко его идеализирует и приходит к односторонним положительным выводам, избегая теневых сторон. Между отдельными историческими трудами поэтому возникают резкие расхождения. Это сказалось и на двух новых трудах: «Истории Казахской ССР» и «Истории Таджикистана». Последняя работа вышла недавно. Она базируется на мало известных источниках. Но в ней есть положения, вызывающие решительные возражения. Прежде всего, неверно искусственное вычленение истории Таджикистана из Средней Азии. Это приводит к методологическим ошибкам. Историческое наследство таджиков является вместе с тем и наследством узбеков, а этот факт не показан.

Взаимоотношения тюркских и иранских элементов показаны неверно. Тюркские элементы представлены как носители разбоя, а иранские — прогресса и культуры. Историческая заслуга Саманидов показана правильно, но их падение, являющееся результатом внутренних причин, показано, как культурная катастрофа: период блестящего расцвета был оборван вторжением чужеземных захватчиков. Замолчено участие культурных тюркских элементов Таджикистана и процесс создания узбекского народа.

Вместо принятой концепции названия «таджик» приводится фантастическая теория о «таджике» — венце творения. Узбеки в 16 в. изображаются разбойниками и т. п.

Другая работа, «История Казахской ССР», представляет более солидный вклад в науку, но в ней тот же основной недостаток: замкнутость, отрыв от всемирной истории, элементы идеализации, так как на все события авторы смотрят сквозь «казахские очки». Нет характеристики отсталости казахского хозяйства и быта, отрыв от русской и мировой экономики. Процесс вхождения в состав России рисуется как процесс сплошного завоевания. Между тем «История Казахстана» связана еще с Древней Русью. Дешти-Кыпчак — это кочевые племена, связанные с южно-русскими племенами. После 13 века — это восточная окраина Золотой Орды, которая постепенно вошла в состав России. Политическое тяготение казахов особенно усилилось в 16—17 в. Абульхайныр — дальновидный и умный политик сделал в этом направлении необходимые шаги, а он изображен в книге отрицательно. Перед Казахстаном и тогда и позднее было только два пути — войти в состав России или расчлениться на мелкие части, что и случилось.

Также неверно поставлен в книге вопрос о боевых традициях и героях. Султан Кратай или бандит Садык Кенесары даны положительно. Образ Кенесары идеализирован. Его политическая программа была — захват Киргизии. Феодально-захватническая война, которую вел Кенесары, изображается как национально-освободительная.

Авторы пренебрегают киргизскими преданиями, которые рассказывают, что киргизские женщины, чтобы преградить путь Кенесары, вынесли и положили перед ним своих детей, и он погнал по ним лошадей.

Таким образом, история казахов и история киргизов расходится в оценке одних и тех же исторических событий. Надо все это согласовать и привести в соответствие с исторической правдой.

Выступление тов. Толстова, говорившего с обычной для него безапелляционностью, могло произвести впечатление на всех, кто не знает казахской истории или не читал этой книги. Но я не имела возможности полемизировать с ним, тем более, что мое заявление от имени авторов о том, что мы приступили к подготовке нового издания, я отдала тов. Щербакову в начале заседания, т. е. до выступления Толстова.

Следующей выступила тов. Генкина.

Она начала с того, что война поставила перед историками ряд новых вопросов и выдвинула задачу кое в чем пересмотреть наш подход к старым вопросам. Острота постановки многих вопросов показывает, что мы движемся вперед, но на фоне этого движения имеются тенденции такого пересмотра, который ведет нас в сторону от марксизма.

Все это было бы не так страшно, если бы эта тенденция не проникала на наши кафедры, в головы студентов и школьников, т. е. в головы миллионов, а уже этот факт означает, как указывал Ленин, политику. В обсуждении наших исторических вопросов мы не должны забывать основных положений и указаний нашей партии, в частности, решение ЦК о постановке пропаганды. Мы имеем еще в области нашей науки и тенденции к вульгаризаторству, и произвол, и неразбериху в освещении многих вопросов, и антиисторические попытки приукрасить историю, т. е. все те недостатки, которые в этом решении ЦК о пропаганде уже указывались в отношении изучения истории партии.

Так, например, есть прямые указания Ленина о том, в какое время царизм был главным оплотом реакции и в какое время положение изменилось, но эти указания Ленина не все наши историки учитывают.

Проф. Яковлев, который выдвинул свои три абсолютные идеи в истории, исключает всякое движение и прогресс одной такой постановкой вопроса. Из его выступления вытекает даже вопрос о том, правомерна ли Октябрьская революция. Нами недостаточно использована книга тов. Сталина о Великой Отечественной войне с методологической стороны.

Так, в ней мы находим прямое указание, как нужно подходить к проблеме национального воспитания русского народа. В докладе 6 ноября 1941 г. тов. Сталин подчеркнул, что фашизм — «копия царского режима». Как же можно его идеализировать? Тов. Сталин там же указал, на каком национальном наследстве надо воспитывать наш народ. Ленин в своей статье «О национальной гордости великороссов» также подчеркнул, что есть две нации и две национальные культуры. Все, кто пытается зачеркнуть Кутузова или тем более революционное движение и поднять Аракчеева, зачеркивают Ленина.

Неправ В. И. Пичета, когда он проводит водораздел между западниками и славянофилами, ссылаясь на их философию. Шеллингианство славянофилов не было более прогрессивным, чем гегельянство западников. Да и, по существу, тогдашние западники лучше отражали передовые национальные задачи русского народа, чем славянофилы.

Нам особенно важно изучать историю Советского государства и источники его силы, которые крылись в нем еще и до Октября. Например, дружба народов. Основы ее закладывались еще до октября 1917 г.

Мы не должны изолированно показывать историю народов нашей страны от общеисторического процесса. Царская Россия была империалистическим единством, но все же единством всех народов нашей страны. Поэтому неправильно показывать восстание 1916 г. в Казахстане в

отрыве от России. Подъем борьбы русского народа способствовал этому восстанию, а не наоборот. Не надо забывать, что русский народ поднимал на борьбу все другие народы. В историю Советского государства важно правильно поставить идею преемственности.

Нельзя также ограничиваться изучением истории советского периода, останавливая его на 1921 г. Хорошая идея Ин-та истории — создание истории коллективизации — может не быть реализована, так как строят проекты больших многотомных работ. Нам нужно создать эту книгу поскорее, а не растянуть на ряд лет.

Державин, выступивший после Генкиной, остановился на одном вопросе — о самодержавии и отношении к нему русской общественности в прошлом. История царского самодержавия еще не написана. Русский царизм, как и все на свете, развивался диалектически. Были этапы прогрессивного направления, но с Екатерины II это развитие царизма приняло реакционное направление. Были периоды, когда интересы классового государства и русского народа временно совпадали.

Но в 18—19 вв. они решительно разошлись. Глубочайшая ошибка отождествлять, как это делает Яковлев, интересы царизма и русского народа. Борьбу народов против аннексионистской колонизаторской политики царизма передовые люди всегда приветствовали. Они солидаризировались с национальным движением, а не с царизмом, который подавлял это движение. Поэтому он, Державин, как русский человек не может согласиться с Яковлевым и другими, которые упрекают прекрасную книгу «История Казахской ССР» и объявляют ее антирусской только потому, что в ней отрицательно обрисована колонизаторская политика царизма и положительно — национальные восстания. Иначе и не должно быть. «История Казахской ССР» должна стать образцом для такого рода работ. Советский патриотизм нельзя смешивать с патриотизмом Союза русского народа.

Академик Державин с особенной силой возражает проф. Толстову, выступление которого он считает неправильным и вредным. Нельзя искажать историческую правду и подходить к событиям прошлого с субъективными оценками. Нельзя также по-одному оценивать борьбу за свободу славянских народов, которые угнетались австро-венгерской или германской монархией, и по-другому относиться к борьбе за свободу и независимость народов царской России. Это и исторически неверно, и политически нельзя оправдать ни с какой стороны.

После очень горячей защиты «Истории Казахской ССР» акад. Державиным председатель совещания А. С. Щербаков вдруг заявил: «Слово для оглашения заявления предоставляется тов. Панкратовой».

Это заявление я подала ему в начале заседания. Не рассчитывая на то, что мне будет предоставлена еще раз возможность выступить, я решила в письменном виде высказать мое отношение ко всем тем, кто до сегодняшнего дня выступал против «Истории Казахской ССР».

Не отвечая на сегодняшние выступления (я ведь обязана была держаться в рамках ранее поданного письменного заявления) я зачитала следующий его текст:» *.

«Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Щербакову А. С. Прошу Вашего разрешения огласить следующее мое заявление:

1. Учитывая замечания критиков и рецензентов, а также сознавая необходимость всемерного улучшения напечатанной год тому назад книги «История Казахской ССР», являющейся первым в СССР опытом создания истории советской национальной республики с древнейших времен до наших дней, коллектив авторов постановил приступить к пере-

---

* На этом экземпляр, хранившийся у А. В. Фохт, обрывается. Далее ее рукой сделана запись: «конца нет». Но текст заявления Панкратовой сохранился в архиве.

работке книги на русском языке и к подготовке ее издания на казахском языке.

Стремясь сделать подлинно большевистскую книгу, воспитывающую казахский народ в духе преданности к советской родине и дружбе народов, особенно к великому русскому народу, авторы просят здесь присутствующих историков внести все имеющиеся у них поправки и конкретные замечания, чтобы учесть все возможное и необходимое для улучшения книги.

2. Вместе с тем авторы книги, дважды обсудив рецензию Яковлева и изложенные в ней установки, не считают возможным принять их как не соответствующие основам марксизма-ленинизма в вопросах национально-колониальной политики, а политически имеющие тенденцию великодержавного шовинизма, способную лишь вызвать реакцию местного шовинизма, а не бороться с ним.

3. Считаю своим долгом заявить мое решительное личное несогласие (авторский коллектив об этом не знает) с принципиальными установками проф. Ефимова, высказанными им в его выступлении 10.VI, которые, несмотря на всякие оговорки, правильные общие положения и цитаты, являются, как и все выступление проф. Яковлева, вопиющим разрывом с духом и смыслом учения Ленина—Сталина по национальному и колониальному вопросу. Так называемые «пять пунктов» теории колонизации проф. Ефимова, в которых нет ни малейшего классового подхода к колониальному вопросу, по сути дела, воспроизводят бернштейнианско-ревизионистскую позицию, как она особенно ярко проявилась на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 году. Эта позиция, не признавая колониальных войн, захватов и завоеваний, все дело сводит к неправильным «методам» отдельных колонизаторов и так же безоговорочно, как это сделал проф. Ефимов, объявляет «колонизацию» фактом объективно-прогрессивным, осуждая «вожаков национально-освободительных движений».

Требуя не отрывать «истории колоний от России и других колоний», проф. Ефимов фактически, как и проф. Яковлев, становится на путь отказа от первого и основного требования марксистско-ленинской исторической науки — рассматривать историю народов нашей страны не как объект, а как субъект истории. Фактически же это требование проф. Ефимова в замаскированной форме означает отнесение всех народов СССР, кроме русского, к народам «неисторическим».

Я не могу также ни согласиться, ни принять мотивировку проф. Ефимова в его возражении по поводу «теории» наименьшего зла в отношении к истории Казахстана. Ссылаясь на устаревшее и неверное положение историка Соловьева о том, что малая страна неизбежно становится ареной борьбы за нее и вокруг нее сильных соседей и поэтому (следует сделать вывод) малые и слабые страны не имеют права рассчитывать на самостоятельное и независимое существование, а должны искать себе сильного покровителя, в состав которого они должны войти, проф. Ефимов считает неизбежным присоединение в будущем Казахстана к Англии (если бы не царская Россия), хотя «Англия и не оставила документальных справок о планах своей экспансии».

Возможность (а не реальность в 18—19 вв.) экспансии Англии мы не отрицаем. Но не обладая документами и фактами переговоров, нападений и даже торговых или иных значительных операций англичан в Казахстане в этот период, мы не считаем себя вправе (ни с научной, ни с политической стороны) становиться на путь сомнительных оценок, намерений и замыслов англичан в Казахстане в будущие времена.

4. Выступление тов. Минца по вопросу о применении «теории наименьшего зла» в отношении Казахстана, к сожалению, ничего не дало для улучшения нашей книги, так как тов. Минц не привел ни одного факта и ни одного документа, а ссылался на то, что наша книга дает

материал для такого рода общей оценки присоединения. Действительно, мы старательно отметили все факты двойной агрессии в отношении Казахстана, чтобы казахи знали, что им приходилось бороться за свою независимость и до русского завоевания, и во время этого завоевания. Мы показали, что казахам несли Китай, Джунгария, Среднеазиатские ханства и т. п. Но к концу XIX века, когда завершилось завоевание, эти агрессоры были все слабее царской России. Мы не считали необходимым говорить казахам, что у них была какая-то возможность выбора (ее и не было уже), но отделили царизм и его политику от русского народа и его жизненных интересов, показав, что свержение царизма и его национального и социального гнета отвечает коренным интересам русского, казахского и всех остальных народов России.

Если по каким-либо соображениям, каких мы, видимо, не учли, необходимо подчеркнуть, что изложенная в нашей книге двойная агрессия и есть «теория наименьшего зла», мы оставляем за собой возможность вернуться к этому вопросу и продумать, в какой форме и степени эту «теорию» применить в истории Казахстана.

5. От имени авторского коллектива, из членов которого здесь, к сожалению, никто не присутствует, я еще раз убедительно прошу организовать (может быть, в Управлении пропаганды) конкретное обсуждение «Истории Казахской ССР» с вызовом местных авторов и редакторов, поскольку этот вопрос встал крайне остро именно в Казахстане и является для него вопросом решающего значения, затрагивая все вопросы пропаганды и агитации и глубоко задевая национальное чувство казахов.

А. Панкратова» [29].

Третьего письма А. М. Панкратова не написала, однако в ее бумагах имеются два варианта рассказа о последнем заседании, состоявшемся 8 июля. Разночтения в них незначительны, но по ним видно, что она старалась как можно точнее передать атмосферу совещания. Перескажем основное содержание рукописи.

«Первым выступил работник Управления пропаганды ЦК ВКП(б) Ковалев. Он критиковал учебник по истории СССР, в котором подчеркивались влияния и заимствования, и отмечал недостаточное внимание к самостоятельности русской культуры. Акад. В. П. Волгин [30] заявил, что взгляды М. Н. Покровского сказываются в оценке людей, «связанных с государством. Раз они слуги царизма, то полностью игнорируются их исторические заслуги» [31]. Б. М. Волин [32] отметил, что больше следует заниматься историей советских национальных республик. К. Р. Аманжолов [33] критиковал «Историю Казахской ССР» за то, что в ней спутан вопрос о происхождении казахского народа и казахского языка и неверно охарактеризована история завоевания Казахстана Россией. В заключение многие из выступивших дали справки.

На этом,— пишет А. М. Панкратова,— совещание кончается. Историки окружают тов. Щербакова. Акад. Тарле оправдывается и говорит, что он постарается исправить свои выступления. Тов. Щербаков замечает ему: «Вы не должны забывать, что если вас слушает только 120 человек, то через 2 дня все, что вы говорили, становится достоянием аудитории во много десятков больше. Надо действительно помнить об ответственности перед народом».

Акад. Тарле обращается к тов. Панкратовой с предложением прочитать лекцию и разъяснить то, что он хотел сказать в Саратове. Он готов

[29] Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 146, лл. 35—36об.
[30] Волгин Вячеслав Петрович (1879—1962) — академик (1930).
[31] Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 146, л. 43.
[32] Волин Борис Михайлович (1886—1957) — профессор.
[33] Аманжолов Касым Рахимканович (1911—1955) — казахский советский поэт.

также принять ее предложение сделать доклад на августовском совещании историков на тему: «О царизме — жандарме Европы». Если нужно, он готов написать в Саратов и Ленинград официальный отказ от тех стенограмм, которые там остались, и выяснить свою настоящую позицию.

К тов. Панкратовой подходит и проф. Яковлев: «Пожалуйста, на меня не сердитесь, в «Истории Казахской ССР» надо изменить не более 10 стр. отдельных мест. Книга вообще хорошая».

С предложениями встретиться и обсудить спорные вопросы по существу подходит к ней и проф. Ефимов. Он говорит, что ее заявление, в котором она пишет против его выступления, основано на недоразумении. Кроме того, он решительно не согласен с выступлениями академика Тарле и проф. Яковлева и с их установками.

Историки долго не расходятся и, разбившись на кучки, оживленно комментируют итоги совещания. Тов. Щербаков заявляет, что будет выработано решение по принципиальным вопросам и своевременно будет доведено до сведения всех историков. Участники совещания благодарят тов. Щербакова за созыв совещания и постепенно расходятся»[34].

---

[34] Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 146, лл. 47—47об.

ISSN 0042—8779

ВИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/91

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ 1/91

ПУБЛИКАЦИИ

Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.)

Немногим более двух лет назад журнал «Вопросы истории» (1988, № 11) опубликовал «Письма к друзьям» А. М. Панкратовой[1], содержащие ее впечатления и выводы, порожденные совещанием историков, проходившим с перерывами в мае — июне 1944 г. в ЦК ВКП(б) под руководством секретарей ЦК А. С. Щербакова, А. А. Андреева и Г. М. Маленкова. Сейчас появилась возможность расширить наши знания об этом совещании и о том, что было связано с ним. Материалы самого совещания, официальные документы, предшествовавшие его созыву или отражавшие его итоги, не публиковались. Между тем такие документы от имени ЦК ВКП(б) готовились и до совещания и после него. К их числу принадлежит и публикуемая ниже записка, составленная в аппарате ЦК ВКП(б) в ходе подготовки к совещанию и поданная за 11 дней до его открытия (18 мая 1944 г.) на имя секретарей ЦК ВКП(б).

Документ извлечен из фонда 88 (оп. 1, д. 1053, лл. 1—27) Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Он состоит из двух частей: собственно записки и дополнения к ней и подписан начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) кандидатом в члены ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александровым, редактором газеты «Правда» членом ЦК ВКП(б) П. Н. Поспеловым и заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) П. Н. Федосеевым. Записка отражает позицию руководящих идеологических работников, с которой они могли выйти на совещание по ряду важных спорных вопросов отечественной истории, а также дает в определенной мере представление об оценке ими состояния исторической науки в то время.

Наиболее полно выявить значение и место данного документа можно лишь во взаимосвязи с рядом других материалов, которые историкам пока еще недостаточно известны. Речь идет прежде всего о письмах Панкратовой в ЦК ВКП(б), в которых она ставила вопрос о положении в исторической науке; о стенограмме самого совещания, до сих пор не опубликованной; о подготовлявшихся проектах постановления ЦК ВКП(б) и тезисов по итогам совещания.

Все, что мы знаем об этом совещании, так или иначе связано с именем Панкратовой: она была, по существу, главным инициатором его созыва; на самом совещании играла, пожалуй, самую заметную роль, выступив три раза; она оставила свои записки о совещании; она же поплатилась за то, что имела собственное мнение о его ходе и итогах.

В 1942, 1943 и 1944 гг. Панкратова направила в ЦК ВКП(б) ряд писем с просьбой помочь советским историкам разобраться в вопросах, при решении которых отдельные ученые, в частности А. В. Ефимов, Е. В. Тарле, А. И. Яковлев[2], по ее мнению, отходят от марксизма-ленинизма. Знакомство с этой частью эпистолярного наследия Панкратовой позволяет сказать, что многие вопросы, поставленные в публикуемой записке, естественно, в трактовке ее составителей, и особенно в дополнении к ней, восходят к этим письмам. И на самом совещании, если судить по «Письмам к друзьям» (более точно об этом можно будет говорить, только

ознакомившись с полной его стенограммой), наибольшее внимание уделялось именно этим вопросам. Речь шла об оценке прошлого России, ее деятелей, приукрашивании политики царизма, характеристике крестьянских войн, национальных движений, отказе от классового принципа при рассмотрении исторических событий, а также о книге «История Казахской ССР с древнейших времен и до наших дней», вышедшей в 1943 г. в Алма-Ате под редакцией М. Абдыкалыкова[3] и А. Панкратовой и представлявшей собой первую попытку создания обобщающего труда по истории союзной республики.

Публикуемый документ подтверждает, что партийное руководство не разделяло подхода авторов названной книги к решению ряда принципиальных вопросов истории Казахстана. Кроме того, Панкратова подверглась критике и за приверженность «школе Покровского»[4]. Очевидно, поэтому на самом совещании секретари ЦК ВКП(б) не выступили в поддержку Панкратовой, как она того ожидала. Скорее (теперь это видно яснее), они могли выступить с критикой в ее адрес, но не сделали этого, думается, потому, что считали нежелательным также и усиление позиций ее оппонентов. Как известно, позже эта критика была высказана в рецензии на «Историю Казахской ССР» («Большевик», 1945, № 6) и в постановлении ЦК КП(б) Казахстана от 14 августа 1945 г. «О подготовке второго издания «Истории Казахской ССР» (изложено в первом томе этого издания).

О том, что руководящие партийные идеологи не были согласны и со взглядами оппонентов Панкратовой, свидетельствует текст дополнения к записке. Оно, по существу, почти полностью основано на критических замечаниях Панкратовой, которые она высказывала в их адрес и устно и в письмах, направленных в ЦК ВКП(б).

В ЦПА хранится несколько вариантов проекта постановления ЦК ВКП(б) по итогам совещания, а также тезисов о состоянии научной работы в области истории СССР, написанных Ждановым и направленных им в августе и сентябре 1944 г. Щербакову и Маленкову.

Сравнение публикуемого документа с проектами постановления и тезисов позволяет, во-первых, сказать, что в их основу положена именно эта записка, и прежде всего дополнение к ней; во-вторых, увидеть определенные изменения в позиции руководящих идеологических работников аппарата ЦК ВКП(б): одни аспекты усиливаются, другие ослабляются, третьи опускаются. Так, в проектах почти вовсе отсутствует сюжет, изложенный в первом разделе записки. В центре внимания оказалась критика тех, кто оправдывал колониальную захватническую политику царизма, не был согласен с оценкой царской России как жандарма Европы, отрицал учение о классовой борьбе как движущей силе истории и тем самым солидаризировался с представителями «буржуазно-монархической исторической школы» Милюкова[5]. Вместе с тем в проектах много места отведено негативным оценкам «школы Покровского» и вопросам борьбы с так называемыми националистическими ошибками, в связи с чем критике были подвергнуты Х. Г. Аджемян, Б. Д. Греков[6], А. В. Ефимов, Е. В. Тарле, А. И. Яковлев, а также А. М. Панкратова (особенно в связи с книгой «История Казахской ССР»).

В проектах обойден такой положительный момент, так проявившийся на совещании творческий подход некоторых историков к вопросу о присоединении ряда народов к России, отступление от сталинской трактовки этого явления как «наименьшего зла». Совсем не затронут вопрос о письме Сталина членам Политбюро ЦК ВКП(б) (1934 г.) «По поводу статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма» («Большевик», 1941, № 9), в непростительном замалчивании которого авторы записки резко упрекали советских историков. Таким образом, в проектах были подвергнуты критике и так называемые сторонники «школы» Милюкова и «последователи» Покровского. Закономерен в этой ситуации заключительный раздел тезисов — «Борьба на два фронта»: оба «уклона» рассматривались в нем как «работающие на буржуазию».

Почему же ни постановление ЦК ВКП(б), ни тезисы приняты не были? Одной из причин этого, вероятно, было нежелание даже частично признать правоту Панкратовой. Партийному руководству не могло понравиться, что широкой постановкой в своих письмах в ЦК ВКП(б) вопроса о положении в исторической науке, а также своей ортодоксальной позицией Панкратова как бы взяла на себя то, что ЦК, и прежде всего Сталин, считали своей неотъемлемой прерогативой. Не извиняло ее в глазах высшего партийного руководства даже то, что в своих письмах она искренне и с полным доверием обращалась к ЦК как единственному и непогрешимому толкователю проблем истории и исторической науки. По той же причине для «командиров идеологического фронта» нежелательно было касаться вопроса о «наимень-

шем зле» и письма Сталина о статье Энгельса: именно эта работа Сталина могла бы стать методологической основой для выводов и утверждений, что внешняя политика царской России не столь уж достойна осуждения.

Что же касается «Писем к друзьям», то их история имела продолжение, которое усугубило «вину» их автора перед аппаратом ЦК ВКП(б). Как известно, Анна Михайловна давала их своим единомышленникам. Распространялось среди них и последнее ее письмо, от 12 мая 1944 г., на имя Сталина, Жданова, Маленкова и Щербакова. Помимо оценки положения в исторической науке и необходимости обсудить его, в этом письме содержались критические замечания в адрес Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и его начальника Александрова.

В ЦК ВКП(б) стали поступать сообщения (возможно, инспирированные) из ЦК КП(б) Туркменистана, Саратовского обкома, из Казахстана, Москвы, в которых подобная деятельность Панкратовой объявлялась неправильной и политически вредной.

Александров незамедлительно прореагировал на сигналы «с мест». На имя Жданова, Маленкова и Щербакова он подал записку «Об антипартийном поведении историка А. М. Панкратовой». Она обвинялась в том, что апеллирует через голову ЦК к местным парторганизациям и группам историков; ложно информирует советскую общественность о «закрытом» совещании в ЦК; изображает себя единственным ортодоксальным историком, инициатором и вдохновителем созыва этого совещания и к тому же в фальсифицированном виде приводит реплики секретарей ЦК. Действия Панкратовой Александров квалифицировал как антипартийные, фракционные. Он заявлял о несогласии с данной ею общей оценкой совещания, утверждал, что ход его изображен Панкратовой тенденциозно, а обсуждение ее писем историками и партийными работниками способствует созданию нездоровой атмосферы групповщины среди историков и усилению националистических настроений среди историков Казахстана. Завершающая часть записки особенно четко отражает дух времени. Александров пишет, что «в антипартийном» поведении Панкратовой сказывается опыт, приобретенный ею за время пребывания в партии левых эсеров и «антипартийных троцкистских группировках Фридлянда — Ванага»[7].

В начале сентября Панкратову вызвали для беседы в ЦК ВКП(б). Ее реакция на критику тоже была в духе времени: она признала (по ее словам, искренне) свою ошибку; согласилась с характеристикой, которую аппарат ЦК дал ее поступку; отступила даже в защите своего детища — «Истории Казахской ССР». Признав, что создание истории национальной республики — вопрос не только научный, но прежде всего политический, Панкратова приняла критику Александрова в адрес этой книги, хотя раньше решительно не соглашалась с ним.

В сентябре 1944 г. Панкратова была освобождена от обязанностей заместителя директора Института истории АН СССР. Партийный аппарат одержал верх. Его «бдительность» исключала как вторжение ученых в пределы компетенции партийной власти, так и любой прорыв свободной творческой мысли.

Документ выявлен аспирантом МГУ им. Ломоносова, ныне кандидатом исторических наук Рымбеком Муратовичем Жумашевым (Караганда), публикуется без сокращений, с учетом новейшей орфографии.

Публикацию текста, вступление и комментарий к нему подготовила И. В. ИЛЬИНА.

Секретарям ЦК ВКП(б) тов. МАЛЕНКОВУ Г. М.
тов. ЩЕРБАКОВУ А. С.

О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков

В организации научной работы в области истории имеют место крупные недостатки, а в появившихся за последнее время трудах некоторых советских историков содержатся крупные ошибки антиленинского характера. Среди части советских

Ильина Ирина Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института теории и истории социализма ЦК КПСС.

историков имеют хождение сочиненные немецкими историками реакционные легенды о прошлом русского народа, проявляются рецидивы антиленинских взглядов, свойственных «школе» Покровского, выражающихся в пренебрежительном отношении к истории русского народа, получили известное распространение буржуазно-националистические взгляды.

1. О влиянии реакционных взглядов немецких историков на современную русскую историографию

В трудах советских историков — Панкратовой, Рубинштейна[8] и Яковлева содержатся ошибки антиленинского характера, совершенные под влиянием реакционных идей немецких историков, в свое время подвизавшихся в России или писавших о ней, — Байера, Шлецера, Миллера, Гакстгаузена, Клейншмидта[9], имевших целью подчинить немецкому влиянию широкие слои русской интеллигенции и в конечном счете идеологически подготовить экспансию на Восток немецких захватчиков.

Реакционные немецкие историки всегда проявляли большой интерес к России. Засылаемые в Россию с далеко идущими политическими и идеологическими целями, эти историки создавали и прибирали к своим рукам исторические архивы, собирали и систематизировали исторические материалы с целью доказательства якобы организующей и миссионерско-культурной роли немцев в создании государственности русского народа.

Истинный облик немецких историков, проникавших в Россию, ясно виден из автобиографии немца Шлецера. Шлецер писал, что немец-историк в России может найти легкую и богатую наживу. «Не надо быть ни гением, ни ученым критиком; довольно просто уметь по-русски и быть прилежным, — и в короткое время можно было угостить публику квартантами и рассчитывать на похвалу и благодарность. Год, много два можно пожертвовать, чтобы в худшем случае, узнанное в России обратить в деньги в Германии» (Сборник отд. русского языка и словесности Ак. наук. Т. XIII, 1875).

В свое время дворянско-буржуазные историки, находясь как бы под гипнозом псевдоученой деятельности немцев, всячески превозносили роль немецких историков в деле развития русской исторической науки. В конфликте между немецкими историками и Ломоносовым буржуазные историки открыто становились на сторону немцев. Так, небезызвестный буржуазный историк Милюков, превозносивший роль немцев в русской историографии, оплевывает Ломоносова и Щербатова[10], создавших русскую историческую науку. «Ломоносов с Щербатовым, — пишет Милюков, — представляют мутную струю в историографии XVIII века: первый вследствие патриотическо-панегирического направления, второй — вследствие невежества в вопросах древней истории» (Милюков. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М. 1898, с. 100).

Резкие и непримиримые выступления Ломоносова против немцев отражали противоречие, создавшееся в середине XVIII в. между интересами развития русской национальной науки и реакционными попытками немецких историков идеологически закрепостить Россию, доказать ее полную зависимость от Пруссии и этим самым расчистить дорогу для наступления на Восток. Немецкие историки утверждают, что государственность и культура были принесены в нашу страну немцами, что все крупнейшие преобразования в России были проведены под влиянием немцев. Так, например, немецкий историк профессор Клейншмидт писал, что Россия в начале XVIII века по своему культурному развитию стояла на одной ступени с Китаем и Абиссинией, а петровские реформы — создание Сената, ликвидацию боярской думы, создание Академии наук, посылку экспедиции Беринга — автор приписывает немецкой инициативе и немецкому влиянию (А. Клейншмидт. Три столетия русской истории. Берлин. 1896, с. 146).

Одним из наиболее ярких выражений указанных устремлений реакционной немецкой историографии, упорно и поныне развиваемых немцами, является небезызвестная антинаучная «теория» норманского происхождения Русского государ-

ства, якобы сложившегося под влиянием более «высокой» государственности и культуры немцев.

Изобретенная немцами «норманская теория» происхождения Руси и образования Русского государства впервые была выдвинута в XVIII веке немцем Байером, поддержана и развита немцами Миллером и Шлецером. Влияние этих немецких теорий было настолько сильно, что даже видные русские историки становились на точку зрения норманистов (Карамзин, Погодин[11], Соловьев). «Норманская теория» утверждает, что славяне не способны были создать свое государство, что Русское государство было создано немцами. Эта теория говорит о примитивности общественного устройства славян, о дикости и отсталости их народной жизни, о культурной и политической зависимости от немцев и т. д. Немецкий историк Шлецер, состоявший на службе в Российской Академии наук, утверждал, что «все культурные элементы к восточным славянам, находившимся на уровне дикарей, были внесены скандинавцами».

Крупнейшие представители русской науки — Ломоносов, Костомаров, Гедеонов, Забелин, Ключевский, Марр[12] и др. доказали несостоятельность этой теории. И все же эта теория имеет хождение до настоящих дней, находя защиту и поддержку у некоторых советских историков.

Учебник истории СССР для вузов, том 1 (под редакцией Бахрушина, Грекова, Лебедева[13]), вместо изложения научно обоснованного исторического материала, разбивающего «норманскую теорию», рассказывает о двухвековой дискуссии между норманистами и антинорманистами, а в заключение становится на сторону норманистов. «Длительный спор (около 200 лет) не дал окончательного решения вопроса, — говорится в учебнике, — однако обогатил нашу науку новыми фактами и в конечном счете значительно приблизил правильное решение вопроса. Северная Русь, по-видимому, связана со Скандинавией, а именно с частью Швеции на северном берегу Финского залива» (История СССР для истор. фак. Т. 1, с. 91).

С «норманской теорией» непосредственно связано утверждение немецких исследователей, что русская история начинается только с «призвания варягов». «Русская история, — пишет немец Шлецер, — начинается от пришествия Рюрика и основания русского царства, когда три совершенно различных народа, т. е. Новгородцы (славяне), Чудь (финны) и Руссы (норманы) соединились вместе и составили один народ. Это сделалось в половине IX столетия, или около 860 г.; почему да не прогневаются патриоты, что история их не простирается до столпотворения, что она не так древна, как Эллинская и Римская, даже моложе Немецкой и Шведской» (Шлецер. Нестор. Т. 1. СПб. 1809, с. 418—419). До Рюрика, по мнению Шлецера, возможно только географическое и этнографическое вступление в русскую историю.

Эти немецкие фальсификации повторялись в работах историков России XIX века, а также нашли свое место и в трудах советских историков, в частности в учебниках для средней и высшей школы. В учебнике «История СССР» ч. 1 под редакцией Панкратовой, изд. 1943 г., после беглых замечаний о славянах до IX века говорится: «Отдельные варяжские князья со своими дружинами захватили наиболее удобные пункты на «пути из варяг в греки» и обложили данью окрестное славянское население. Очень часто они уничтожали или подчиняли себе местных, славянских князей и становились на их место». Далее в учебнике Панкратовой излагается известная легенда о призвании варягов и делается вывод: «Рюрик — утвердился в Новгороде... Его брат Синеус сидел на Белоозере, другой брат Трувор — в Изборске. Два других предводителя варяжских дружин Аскольд и Дир завладели в стране полян Киевом. И на другом пути из Балтийского моря на Днепр по Западной Двине в Полоцком княжестве тоже утвердился выходец из Скандинавии». Изложив таким образом легенду как исторически документальный материал, Панкратова заключает: «Значительно позже, в XI в., сложилась легенда, будто новгородские славяне вследствие царивших между ними раздоров по собственному почину пригласили в 862 г. (год этот летописцем вставлен по догадке) Рюрика и его братьев. Этот рассказ имел целью доказать право потомков Рюрика на княжеское достоинство» (История СССР. Ч. 1, с. 36).

Из всего этого ясно, что Панкратова вслед за немецкими историками начинает русскую историю с Рюрика и навязывает советским людям немецкие фальсификации о варяжском происхождении Русского государства. По существу, Панкратова не признает государственности у славян до IX в., т. е. до так называемого «прихода варягов».

Автор книги «Русская историография», советский историк Рубинштейн берет под защиту основоположника «норманской теории» Байера. «Среди тщательных исследований Байера, — пишет Рубинштейн, — необходимо выделить постановку варяго-русского вопроса на основе непосредственного изучения скандинавских материалов». Выступления Ломоносова против немецких историков Рубинштейн считает ненаучными и снисходительно объясняет эти выступления «чувством национальной гордости» (Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М. 1941, с. 97). Рубинштейн, видимо, следует здесь за антирусской установкой немецкого историка Миллера, который, выступая против патриотизма Ломоносова, заявлял: «Историк должен казаться без отечества, без веры, без государя» («История Академии Наук» Пекарского[14]. Т. 1, с. 381). Но еще известный русский историк Иван Болтин приводил на этот счет немаловажное замечание Леклерка[15]: «Давно уже сказано, что историк не должен иметь ни отечества, ни родственников, ни друзей. Если бы сие правило было справедливым, то остались бы историки в классе людей самых презрительных: человек без отечества, без родни, без друзей ни самый ли есть нещастливейший и гнуснейший из тварей» (Болтин. Примечания на историю Древния и нынешния России Леклерка. Т. II. 1788, с. 120).

Некоторые советские историки повторяют клеветнические утверждения немецких историков о том, что немцы основали русскую историческую науку и играли в ней ведущую роль. Немецкий историк Клейншмидт утверждал, что «Август-Людвиг Шлецер, собственно, был настоящим основателем русской истории» (Артур Клейншмидт, проф. Гейдельбергского университета. Три столетия русской истории. Берлин. 1898, с. 146. На нем. яз.). Рабски следуя за немцами, советский историк Рубинштейн пишет, что якобы неудачи русского историка Татищева[16] в создании русской истории выдвинули Миллера, который стоял «в центре всей научной исторической работы во второй половине XVIII века в России» (Русская историография, с. 106). Неудачи историка Щербатова, рассуждает далее Рубинштейн, заставили взяться за разработку русской истории немца Шлецера, основное значение которого состоит в том «научном методе», которым он «вооружил русских историков» (там же, с. 165). В XIX в., по словам Рубинштейна, «первым представителем нового исторического направления был Иоганн-Филипп-Густав Эверс»[17] (с. 223). Таким образом, подлинные основатели русской исторической науки Татищев и Щербатов изображаются Рубинштейном как посредственные подражатели немцев.

Для обоснования своих реакционных теорий и захватнической политики на Востоке немцы всячески развивали клеветническое положение о рабском характере славянских племен, якобы нашедшем свое выражение в психике, культуре и государственности славянских народов.

Следуя за реакционными немецкими историками в оценке славянских народов, проф. А. И. Яковлев пишет: «И на востоке и на западе нарицательным термином для обозначения невольника вообще сделалось племенное название именно «славян», прошедшее через ряд видоизменений и укоренившееся в разных вариантах едва ли не у всех европейских народов» (Холопство и холопы в Московском государстве XVII века, с. 13). Сомнительные филологические изыскания Яковлева должны доказать, что славянин на всех языках романской и германской групп означает «раб». Пытаясь обосновать свою антинаучную теорию о рабском происхождении славян, Яковлев пишет, что славянские племена были основным резервуаром рабов «для всего античного мира от Индии до Гибралтара» (с. 8). Факты говорят совершенно иное. Исследования Б. Грекова и др. историков доказали, что в Аттике преобладали рабы фракийского и малоазиатского происхождения, а не черноморского.

Такой же фальсификацией является утверждение Яковлева, что «в Римскую

эпоху раб с Дуная, Днепра или Дона хорошо знакомая фигура на рабовладельческом базаре» (с. 9). Известно, что среди сотен тысяч рабов — карфагенян, галлов, греков, германцев — скифы не занимали сколько-нибудь заметного места. Французский историк Валлон[18] доказал, что важнейшим резервуаром рабов для Рима были малоазиатские области. Эти антинаучные «изыскания» Яковлева являются перепевом немецких басен.

Известно, что еще Суворов высмеивал пруссаков, силившихся опорочить славян. Название «славянин» «от славы происходит», говорил Суворов. Даже такие, далеко не передовые русские историки, как, например, Милюков, учитывая данные филологии, признавали, что название «славянин» происходит от слова — «слава» (Милюков. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1).

Фашистским измышлениям о славянских народах советские историки не противопоставили подлинно научных взглядов по этому вопросу. Подготовленная Институтом Академии наук СССР работа «Образование государств славянских народов» пересказывает десятки «теорий» различных буржуазных историков, главным образом немецких, и тем самым запутывает вопрос. Так, в статье академика Державина[19] «Общественный строй у славян в древности» (до XI века) подробно излагаются по этому вопросу теории Кадлеца, Иречека, Арнольда, Бальцера, Буяка, Новотного, Бобжинского[20] и других. В освещении и толкованиях различных буржуазных теорий совершенно тонут беглые замечания автора о современном научном понимании данной проблемы.

Так, например, акад. Державин, подробно излагая теории Кадлеца, повествует: «Почему славянские народы так долго, вплоть до начала X в., оставались при своих примитивных племенных организациях и не создали к этому времени крупных политических объединений? На этот вопрос Кадлец отвечает: во-первых, потому что с самого начала истории славяне не имели политического сознания, что стояло в связи с их натурою, с нехваткой энергии и мягким характером... Вторая причина, почему вплоть до X в. славяне не сумели создать крупных государственных объединений, заключается, по Кадлецу, в том, что, проявляя по отношению к чужеземцам достаточную мягкость характера и покорность, в своих внутренних взаимоотношениях славяне отличались раздорами и отсутствием единства».

Все эти клеветнические откровения, перешедшие впоследствии в писания Гитлера и Розенберга, завершаются мало вразумительными словами Державина: «Нет надобности говорить о том, что картина древнеславянского общества, как она рисуется Кадлецом, имеет очень мало сходства с подлинной исторической действительностью» (Образование государств славянских народов, с. 40). Ни единым словом автор не считает нужным опровергнуть и разоблачить измышления Кадлеца. Так же излагаются и другие буржуазные теории.

Таким образом, даже из ссылок лишь на последние работы советских историков — Панкратовой, Рубинштейна, Яковлева — видно, что эти историки в весьма важных вопросах отечественной истории находятся под сильным влиянием реакционных антирусских установок немецких историков, публично распространяют исторически фальшивые и чуждые нашему народу взгляды, засоряют головы советских людей идеологией явно немецкого происхождения и тем самым затрудняют нашу борьбу по морально-политическому разгрому фашизма.

2. О пренебрежительном отношении некоторых советских историков к историческому прошлому нашей родины

В учебниках и статьях по истории России Панкратовой, Бахрушина, Лебедева, Нечкиной[21] и других сильно сказывается влияние антиленинских взглядов «школы» Покровского на историю России. В трудах названных историков умаляется и принижается великое историческое прошлое нашей Родины, замалчивается и искажается роль выдающихся деятелей русского народа.

История России до октября 1917 г. излагается в учебниках по истории СССР для средней школы (под ред. Панкратовой) и для вузов (под ред. Бахрушина, Лебедева, Грекова, Нечкиной) односторонне. В этих учебниках непомерно раздувается

деятельность реакционеров, с излишней обстоятельностью рассматриваются реакционные мероприятия царизма, а прогрессивным деятелям и борьбе прогрессивных сил против сил реакционных уделяется мало внимания.

Так, в учебнике по истории СССР для вузов дается подробная характеристика личности и деятельности Аракчеева, архимандрита Фотия, Магницкого, графа Дмитрия Толстого, Победоносцева и других реакционеров. Авторы посчитали необходимым сообщить, какие слова вписал Павел I в аракчеевский герб при награждении Аракчеева графским титулом, не упустили такое «важное» обстоятельство, что Победоносцев произносил речи «бледный, как полотно, нервно волнуясь», а архимандрит Фотий был интимно близок к графине Орловой-Чесменской. В то же время в трехтомном вузовском учебнике ни слова не сказано, например, о выдающемся русском флотоводце Ушакове, а адмиралу Нахимову отведено всего лишь 3 строчки. Авторы учебников подробно расписывают бироновщину, реакцию Павла I, реакционные внутриполитические мероприятия Николая I, политическую реакцию 80-х годов, реакционную внешнюю политику царизма и т. д. Увлечение авторов учебников описанием реакционных теневых сторон в истории России приводит к ложному представлению, будто бы реакционные деятели и определяли лицо нашей страны.

Создается впечатление, что с конца XVIII в. Россия в своем развитии шла не вперед, а назад. Тем самым искажается подлинный исторический процесс, игнорируется важнейшее утверждение марксизма, что «поступательное развитие при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам в конечном итоге пробивает себе дорогу» (Энгельс). Сосредоточивая главное внимание на описании реакции, авторы учебников затемняют поступательно-прогрессивное развитие нашей страны со всеми противоречиями, присущими дореволюционной России, постоянное нарастание прогрессивных сил, которые в конечном итоге подготовили победу революции в России.

Пренебрежительное отношение к прошлому нашей страны проявляется в том, что в ряде книг по истории СССР принижается роль выдающихся деятелей русского народа — Ивана IV, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Радищева, декабристов, Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

В учебнике для средней школы под редакцией Панкратовой об Иване IV говорится: «В историю Иван IV вошел с именем Грозного. Современников особенно поражала его жестокость, которая проявлялась с детских лет и развивалась в условиях ожесточенной борьбы с непокорными боярами. Борьба развила в нем и болезненную подозрительность. Неуравновешенный и вспыльчивый, Иван IV не всегда отдавал себе отчет в своих поступках. В припадке ярости он убил своего старшего сына, царевича Ивана, ударив его посохом» (часть 1, с. 140).

В учебнике для вузов (под редакцией Бахрушина, Грекова, Лебедева) дается столь же резко отрицательная оценка личности Ивана IV. «Иван IV умер 18 марта 1584 г. Личность Ивана Грозного в исторической литературе нашла себе очень разноречивую оценку. Карамзин отказывался дать разрешение психологической «загадке», которую представлял этот человек, сочетавший в себе черты «ангела» и «злодея». Ключевский видел в жестокостях Ивана IV результат условий, в которых протекало его детство. Психиатр Коваленский пришел к заключению, что Иван IV страдал психопатологическими извращениями. Не приходится отрицать большой природной жестокости Ивана IV, о ней согласно говорят современные русские и иностранные источники, часто склонные к преувеличениям». «У Ивана IV, несомненно, имеются некоторые черты патологические; на него находили припадки ярости; в один из таких моментов он убил своего старшего сына Ивана ударом жезла». «Разврат и пьянство, которым он предавался без удержа, рано его состарили, и он умер далеко не преклонных лет» (т. 1. с. 389—390, автор главы Бахрушин).

Авторы IV тома «Истории СССР», подготовленного Академией наук, в книге, посвященной XVII веку, из 1430 страниц текста только 15 страниц посвятили ополчению Минина и Пожарского и борьбе за изгнание поляков из Москвы. И даже на этих немногих страницах автор главы историк Готье[22] ухитрился опорочить память Пожарского. Он приводит легенду немецкого происхождения, подхваченную

Покровским, из которой следует, что Пожарский, якобы, предлагал брату германского императора Максимилиану занять русский престол. «Пожарский, — говорится в IV томе многотомной «Истории СССР», — отправил в Германию бывшего на русской службе немца-переводчика с грамотой, где были изложены «неправды» польского короля. На словах говорено было о возможности избрания царем брата императора эрцгерцога Максимилиана. Когда, год спустя, был получен от императора благоприятный ответ, царем был уже Михаил Романов» (т. IV, гл. 1, с. 170).

Во втором томе вузовского учебника по истории СССР (под редакцией Нечкиной) подробно описывается, как Наполеон руководил войсками в Бородинском сражении, детально описывается его поведение. В то же время авторы учебника ни слова не говорят о том, как Кутузов руководил русскими войсками в ходе сражения. Создается впечатление, что Бородинское сражение освещается не историком России, а наблюдателем из французского лагеря.

Даже в подборе иллюстраций для учебников средней школы сказывается пренебрежение к великим деятелям русского народа. В этих учебниках напечатаны портреты Чингисхана, Батыя, Тимура, Лжедмитрия, но нет портретов Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского.

Среди части советских историков существует явно неверный взгляд, согласно которому наука, литература, искусство в России всегда отставали в своем развитии от культуры Запада, а выдающиеся деятели России — ученые, писатели, деятели культуры и искусства являлись простыми подражателями деятелей Запада, не создав ничего оригинального. Так, например, учебник истории СССР для вузов следующим образом характеризует великого русского революционера Радищева: «Радищев — типичный ученик французских рационалистов и враг мистицизма, хотя в некоторых его философских представлениях материалистические идеи Гольбаха и Гельвеция неожиданно смешиваются с идеалистическими представлениями, заимствованными у Лейбница, которого Радищев изучал в Лейпциге. Его идеи о семье, браке, воспитании восходят к Руссо и Мабли. Общая мысль о свободе, вольности, равенстве всех людей сложились у Радищева под влиянием другого французского просветителя Рейналя[23]» (т. 1, с. 725—726).

Такая же характеристика дана великому русскому критику, революционеру-демократу Белинскому: «Белинский пережил четыре периода идейного развития. В 1834—1836 гг. он стоял на идеалистических позициях, увлекался философией Шеллинга и Фихте... В 1837—1840 гг. Белинский пережил тяжелый период «примирения с действительностью». Ложно поняв положение Гегеля «все [что] существует — разумно», Белинский стал было защищать самодержавие и крепостное право... Но в 1840 г. он понял свою ошибку... Он перешел на позицию левого гегельянства... В 1842 г. друг Белинского Герцен познакомил его с Фейербахом, и Белинский стал сторонником материализма»[24] (т. II, с. 303).

В таком же духе характеризуются и другие представители передовой мысли России. При этом смазывается тот факт, что в России в XIX в. была великая культура, литература, искусство, которые оказывали большое влияние на развитие западной культуры. Авторы учебников по истории СССР извращают историю России и дают оценку истории русской культуры несовместимую с марксизмом.

Энгельс в письме Паприц — русской эмигрантке в Лондоне в 1884 г. писал: «Мне кажется, что Вы несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой» (Соч. Т. XXVII, с. 389).

Насколько сильны рецидивы «школы» Покровского у части советских историков, говорит тот факт, что они упорно сопротивляются пересмотру ряда ошибочных положений в оценке прошлого нашей страны.

В мае 1941 г. была опубликована работа товарища Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», подвергавшая критике неверные положения в оценке внешней политики России. Опубликование этой работы товарища Сталина обязывало советских историков незамедлительно приступить к глубокой разработке внешнеполитической истории России, положить конец всем неправильным установкам по этому вопросу. В действительности же эта работа товарища Сталина замалчивается советскими историками. До сих пор в исторической литературе с момента опубликования статьи товарища Сталина не появилось ни одной работы на эту тему, за исключением подготовляемого к печати II тома «Истории дипломатии».

Характерно также, что в сборнике «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», в статье «Задачи историков в условиях Великой Отечественной войны» А. Панкратова, говоря о необходимости изучать историю международных отношений нового времени, ни словом не упоминает о задачах, вставших перед историками в связи с опубликованием работы товарища Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Перечисляя десятки работ по истории, подчас совершенно незначительных, вышедших за последние годы, Панкратова даже не упоминает об этой работе товарища Сталина. Это, конечно, не случайно. Работа товарища Сталина разбивает те антиленинские взгляды на русскую историю, которые распространялись «школой Покровского» и за которые Панкратова до сих пор так упорно цепляется.

Таким образом, в трудах некоторых советских историков — Панкратовой, Бахрушина, Нечкиной, Лебедева и поныне культивируется старое, осужденное партией пренебрежительное отношение к прогрессивным явлениям русской истории и выдающимся деятелям России, непомерно раздувается значение реакционных деятелей России, что никак не содействует воспитанию чувства национальной гордости у советского народа, любви к историческому прошлому нашей родины.

3. Антиленинские взгляды некоторых историков по национальному вопросу

В подготовленных за последнее время трудах советских историков — «История Казахской ССР» под редакцией Абдыкалыкова и Панкратовой, «Очерки по истории Башкирии», подготовленные Институтом истории Академии наук, ревизуется учение Ленина и Сталина по национальному вопросу и по существу проводится точка зрения реакционного буржуазного национализма на историю нашей Родины и взаимоотношения народов СССР до Октябрьской революции.

Россия изображается в этих исторических работах как злейший и самый опасный враг нерусских народов, а присоединение указанных народов к России рассматривается как абсолютное зло для них. Вместе с тем в этих работах не показывается ведущая роль русского народа в образовании и развитии многонационального государства в России.

Авторы «Истории Казахской ССР» и «Очерков по истории Башкирии» положили в основу своей работы антиленинскую методологию Покровского. Основное требование исторического материализма — исторически правдиво излагать историю народа, развитие его экономических, общественных, политических и культурных отношений, рассматривать всю историю народа как историю классовой борьбы — они предали забвению. Составители этих трудов неправильно трактуют такой коренной исторический вопрос, как присоединение казахов и башкир к России. Они игнорируют известные указания Правительственной комиссии по конкурсу на учебник истории СССР в отношении присоединения Украины и Грузии к России. В постановлении Правительственной комиссии указывалось: «Факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под власть России, так же как факт перехода Украины под власть России рассматривается авторами как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями своего времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной

шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России, равно как перед Украиной стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России. Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом».

Эта оценка целиком относится и к составителям «Истории Казахской ССР» и «Очерков по истории Башкирии», которые полностью игнорируют конкретную историческую обстановку, в которой происходило присоединение к России казахов и башкир.

В «Письме» в Бюро ЦК КП(б) Казахстана составители «Истории Казахской ССР» писали: «Говорить о завоевании царизмом Казахстана как о «наименьшем зле», не следует. Конкретно этот процесс завоевания происходил иначе, чем на Украине или в Грузии, — в иной исторической обстановке и в иную эпоху» (с. 10 «Письма»). Это утверждение авторов не научно и противоречит действительной исторической обстановке, сложившейся в Казахстане в период его подчинения России.

В тот период (XVIII век) казахский народ, как известно, находился под угрозой полного истребления со стороны варварских воинственных племен ойротов и китайцев. Казахстан в то время представлял собой конгломерат скотоводческих кочевых племен, почти непрерывно враждовавших между собой. Эпизодически возникавшие политические объединения были крайне неустойчивы и легко распадались. Казахстан был не способен защитить себя от опустошительных разбойничьих набегов завоевателей-варваров. На протяжении веков Казахстан подвергался непрерывным нашествиям соседних восточных варварских государств.

В 20—30-х годах XVIII века джунгарские ойроты дважды прошлись огнем и мечом по Казахстану, вырезая целые казахские племена. Две трети Казахстана (Старший и Средний жузы) были покорены ойротами. Какая судьба ожидала всех казахов в этой борьбе, показывает участь самих ойротов, которые были почти поголовно вырезаны китайскими войсками, завоевавшими Джунгарию в 1758 году. С этого времени казахи оказались под смертельной угрозой со стороны китайцев. Казахские аулы подвергались также частым грабительским набегам калмыков и башкир. Таким образом, Казахстан стоял тогда перед перспективой порабощения варварскими племенами Востока или полного истребления.

Присоединение в этих условиях Казахстана к России, стране несравненно более цивилизованной, чем азиатские государства, и имевшей сложившуюся сильную централизованную власть, являлось для Казахстана наименьшим злом и спасением для казахского народа.

Именно поэтому наиболее дальновидные казахские ханы стремились искать защиты у своего западного соседа — России. Общеизвестно, что казахи несколько раз обращались к России с просьбой о принятии в русское подданство (в 1594, 1717, 1725, 1730 годах). Наиболее передовые казахские деятели видели историческую необходимость присоединения Казахстана к России и дружбы с русскими и дали этому факту правильную оценку (поэт Бухар, Амангельды Иманов). После присоединения в 1731 г. Младшего жуза к России набеги на эту часть Казахстана почти прекратились.

Однако авторы «Истории Казахской ССР», вопреки этим очевидным фактам, утверждают, что присоединение Казахстана к России было абсолютным злом. «Наступление на казахскую степь, — заявляют они, — велось со всех сторон. Основным и наиболее опасным противником являлась царская Россия» (с. 189). Авторы дают неправильную, политически вредную оценку государственным деятелям Казахстана. Они рассматривают казахских прогрессивных деятелей, шедших на сближение с Россией, как врагов казахского народа, а деятелей, ратовавших за сближение с Китаем, Джунгарией, Хивой, Кокандом против России, всячески восхваляют за их «мудрую политику». «В настоящей книге, — пишут составители, — дан большой фактический материал, характеризующий предательскую роль в отношении своего народа, какую сыграли верхи казахского общества в деле его колониального порабощения» (с. 10. «Письма» в ЦК КП(б) Казахстана). В предатели зачислен хан Абульхайыр, добившийся присоединения Казахстана к России.

Составители неоднократно подчеркивают, что хан Абульхайыр обманул народ, пошел на подчинение России вопреки интересам казахского народа (с. 153, 155).

Очернив хана Абульхайыра, составители делают в заключение такой вывод: «Ни одна из поставленных Абульхайыром задач не была выполнена. Более того, его попытка опереться на царское правительство и привести казахские ханства к подданству России вызвала противодействие и осуждение не только большей части его современников, но и потомков» (с. 161).

Одновременно в книге восхваляется хан Аблай, который, приняв для виду русское подданство, в то же время признал себя и подданным китайского императора и, оказавшись между двух сильных государств, не смог правильно ориентироваться и вел двуличную и противоречивую политику. Эта политика ничего кроме вреда казахам не принесла. Авторы вынуждены признать, что положение народных масс в это время сильно ухудшилось. Однако они утверждают, что, «несмотря на это, государственная деятельность Аблая соответствовала интересам казахского народа» (с. 169). Аблай характеризуется как мудрый дальновидный политик, храбрый воин и т. д. (с. 164). По мнению авторов книги, он «лучше многих других ханов понимал положение и политические задачи, стоявшие перед казахским народом» (с. 165), хотя факты не подтверждают этого. Даже такому политическому авантюристу, как султан Каратай, который думал единственно о захвате ханской власти и с этой целью боролся против России, составители книги дают благожелательную, положительную оценку.

Обвиняя Абульхайыра за переход в подданство России, составители истории Казахстана в националистическом духе идеализируют прошлый государственный строй казахов. Они освещают дело таким образом, будто казахские ханства были способны отстоять независимость Казахстана и лишь нежелание ханов поднимать народ на борьбу и их корыстные интересы привели Казахстан к потере независимости. Подобное толкование вопроса о прочности и мощи казахских ханств является антинаучной попыткой преувеличить уровень казахской государственности и тем самым изобразить Россию в роли ликвидатора казахских государств. На самом деле казахская государственность вплоть до присоединения Казахстана к России находилась в зачаточном состоянии.

Следуя своему основному тезису, что Россия — злейший враг казахов, авторы «Истории» установили ненаучную периодизацию истории казахского народа. Составители делят всю историю дореволюционного Казахстана на две части: Казахстан в период независимости (с древнейших времен до середины XIX века) и Казахстан — колония (с середины XIX века до Октябрьской революции). Такое деление противоречит действительной истории казахского народа. Общеизвестно, что Казахстан до подчинения России десятки раз подвергался завоеваниям и порабощению. Только татаро-монголы около 200 лет держали в порабощении Казахстан. О какой же независимости Казахстана могла идти речь в тот период? Таким образом, авторы без всяких к тому оснований считали многовековый период завоеваний Казахстана варварскими племенами периодом независимости.

Взаимоотношения Казахстана и Башкирии с Россией рассматриваются крайне односторонне, почти исключительно в плане колониального гнета. При этом авторы замалчивают прогрессивную роль России в отношении стран Востока (влияние на переход от кочевого скотоводства к земледелию и оседлости, проникновение более высоких форм быта, культуры и т. д.). Энгельс в письме к Марксу писал по этому поводу: «...господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» (Из письма Энгельса от 23.V.1851 года).

Основное содержание истории казахов и башкир составители свели к описанию восстаний казахов и башкир против России. При этом авторы тщательно регистрируют всякое движение против русских, какие бы цели оно ни ставило, кем бы оно ни вдохновлялось и какие бы ничтожные размеры оно ни принимало. Так, в «Очерках по истории Башкирии» составители описывают «движения» 1572 и 1581 гг. В первом из этих «движений» участвовало человек 120, во втором — около 700, среди которых башкир было меньшинство.

Составители зачисляют в «народные движения» действия обычных разбойничьих шаек, разорявших без разбору как русские, так и башкирские и казахские поселения и аулы. С другой стороны, составители не отличают действительно народные движения от движений, вдохновлявшихся и направляемых рукой злейших врагов башкирского и казахского народов — ногайских и татарских ханов, джунгарских ойротов и т. д. Так, восстание башкир 1662—1665 гг. вдохновлялось и руководилось крымским ханом, а также сибирским царевичем Кучуком. «Движение казахского народа» против России в 1855—56 гг., во главе которого стоял авантюрист бий Есет Котибаров (кстати сказать, превозносимый составителями как «храбрый батыр» и пр.), руководилось хивинским ханом. Есет был агентом Хивы в Казахстане. Среди казахов он не пользовался никакой поддержкой. Все его «войско» состояло из 1500 человек.

Прямым следствием такого построения истории является игнорирование авторами «Истории Казахской ССР» общественных и политических отношений у казахов. Составители не дали развернутой характеристики ни социальному, ни политическому строю в Казахстане XVIII и XIX веков, а лишь ограничились беглыми замечаниями по этому вопросу. Осталось не вскрытым, по существу, развитие классовых противоречий и классовой борьбы внутри казахского народа за этот период. В связи с этим создается ложное представление о существовавшем якобы единстве всех слоев казахского народа, независимо от их социального положения, идеализируется патриархально-феодальный общественный строй казахов. Вся внутренняя борьба в Казахстане рассматривается преимущественно не как результат классовых противоречий, а как борьба сторонников и противников сближения с Россией.

Авторы работ по истории Казахстана и Башкирии не учли важнейших принципиальных указаний товарища Сталина, содержащихся в книге «Марксизм и национально-колониальный вопрос», запутали вопрос о характере восстаний казахов и башкир против царизма.

Объединение многих народов в едином многонациональном Российском государстве произошло в форме подчинения всех народов России господствующему классу русской нации. Это объединение и не могло произойти иначе, в условиях классового эксплуататорского общества.

Эта насильственная форма объединения народов России естественно вызывала отпор со стороны угнетенных национальностей. Они поднимались на национально-освободительную борьбу. Национально-освободительные движения угнетенных царизмом народов были постольку прогрессивны, поскольку они были направлены против национального гнета и сливались с борьбой трудящихся масс русского народа против самодержавно-крепостнического строя.

Эти общеизвестные положения марксизма не учтены авторами трудов по истории Казахстана и Башкирии.

Таким образом, в указанных работах по истории Казахстана и Башкирии авторы отошли от ленинизма в вопросе о взаимоотношениях народов, населяющих нашу страну, рассматривая присоединение казахов и башкир к России как абсолютное зло и изображая Россию злейшим врагом этих народов. Ошибочные установки авторов этих работ дают идейное оружие буржуазным националистам в их борьбе против ленинско-сталинской политики укрепления дружбы народов Советского Союза.

* * *

Институт истории Академии наук СССР и «Исторический журнал» превратились в замкнутые организации, оторванные от широких кругов историков.

Руководящие работники Института истории навязали историческим кадрам вредный антинаучный метод «артельной» работы по составлению исторических трудов — бригадой, скопом, ввиду чего советской общественности становятся известными лишь имена редакторов трудов по истории, а многочисленные кадры действительных авторов этих трудов остаются в тени. Таким путем были составлены: «История Казахстана» (под редакцией Абдыкалыкова и Панкратовой), учеб-

ник для средней школы по истории СССР (под редакцией Панкратовой), сборник «Двадцать пять лет советской исторической науки» (под редакцией Волгина[25], Тарле и Панкратовой), учебник по истории СССР для вузов т. 1 (под редакцией Лебедева, Грекова и Бахрушина) и т. 2 (под редакцией Нечкиной). «Партизанская борьба в освободительных войнах Запада» (под редакцией Тарле). Труды молодых историков длительное время не рассматриваются и не продвигаются в печать Институтом истории. Так, например, двухтомная работа способного молодого историка Кожухова[26] «Об Отечественной войне 1812 года» в течение трех лет не рассматривалась и не обсуждалась в Институте истории.

Ввиду того, что к активной самостоятельной научной работе не привлекаются широкие круги молодых историков, многие важнейшие вопросы исторической науки не разрабатываются, остаются втуне. К числу таких вопросов относятся прежде всего история нашей Родины за время советской власти и история большевистской партии, историки не создали ни одного серьезного научного труда по таким важным периодам истории советского государства, как восстановление хозяйства после гражданской войны, период индустриализации СССР, коллективизации. Советские историки до сих пор не удосужились основательно разоблачить фашистскую фальсификацию истории, измышления немцев об историческом развитии славянских народов, не создали собственных исследований по истории славянских народов.

В «Историческом журнале» и в Институте истории не обсуждаются и не подвергаются критике работы советских историков. Среди историков существует взаимная амнистия и недопустимая для большевиков терпимость к ошибкам исторического и принципиального характера. Так, Панкратова ни разу не выступила с критикой ошибок, содержащихся в работах Бахрушина, Яковлева, Тарле и других историков. Со своей стороны, указанные историки закрывают глаза на различного рода нелепости и ошибочные положения, содержащиеся в работах Панкратовой. Понятно, что подобная, совершенно ненормальная обстановка, существующая ныне в Институте истории, серьезно тормозит дальнейшее развитие исторической науки.

Ввиду явного неблагополучия в области исторической науки и вредного влияния на молодые кадры историков и на учащихся средней школы и вузов ошибочных взглядов некоторых советских историков требуется основательно поправить положение дел в Институте истории Академии наук СССР и в «Историческом журнале».

Г. Александров
П. Поспелов
П. Федосеев

Послано т. т.: Щербакову, Шверник, Михайлову, Киселеву, Шамбергу, Ицкову, Александрову, Яковлеву, Шкирятову, Федосееву.

Товарищу АНДРЕЕВУ А. А.
Товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.
Товарищу ЩЕРБАКОВУ А. С.

В дополнение к записке «О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков» представляем Вам материал о великодержавно-националистических ошибках историков СССР. Ошибки эти допущены главным образом не в печатных трудах, а в устных выступлениях историков и в рукописях статей.

Г. Александров
П. Поспелов
П. Федосеев

Секретарям ЦК ВКП(б) тов. АНДРЕЕВУ А. А.
тов. МАЛЕНКОВУ Г. М.
тов. ЩЕРБАКОВУ А. С.

О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков

Просмотр стенограмм публичных выступлений некоторых историков и других материалов показывает, что в лекциях и публичных выступлениях, а также в рукописях статей ряда историков, особенно — Яковлева и Тарле проявляются настроения великодержавного шовинизма, обнаруживаются попытки пересмотреть марксистско-ленинское понимание русской истории, оправдать и приукрасить реакционную политику царского самодержавия, противопоставить русский народ другим народам нашей страны, принизить роль народных масс в истории и опорочить народные движения против самодержавия.

Так, проф. Яковлев на заседании 7. I—44 г. в Наркомпросе заявил: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И, мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве... Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника. Совмещать с этим интерес к 100 народностям, которые вошли в наше государство, мне кажется, неправильным... Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях».

Это заявление Яковлева есть явное проявление великодержавного пренебрежительного отношения к нерусским народам.

Некоторые кадетствующие историки, исходя из необходимости покончить с «узким» классовым подходом и классовой оценкой исторических явлений, требуют коренного пересмотра марксистских принципов исторической науки.

Академик Тарле в своей лекции, прочитанной в Саратове, заявил: «Сейчас происходит очень большой пересмотр вопросов, которые казалось бы давно уже были решены». Академик Тарле предлагает пересмотреть и отказаться от «шаблонов» в исторической науке. Таким шаблоном он считает, например, известное положение марксизма-ленинизма о том, что царская Россия была жандармом Европы. Тарле пытается доказать, что монархия Александра I и Николая I проводила в период 1814—1859 гг. прогрессивную политику в Европе. «Когда, в самом деле, Россия всей своей колоссальной тяжестью, — говорит Тарле, — опрокинулась на либеральную Европу и ее задушила? Только в 1849 году. И это было единственный раз» (стеногр. от 25 февраля 1944 г.). С этой точки зрения Тарле оправдывает борьбу царизма с польским восстанием 1830—1831 гг.

Академик Греков в своем выступлении на совещании в издательстве Наркомата Военно-Морского флота заявил, что сейчас историки «отрезвели» и поняли, что государство и народ разделить невозможно. Отрезвление историков надо, очевидно, понимать как отказ от классовой оценки государства. «Когда Карамзин, — говорит Греков, — крупнейший человек своего времени, написал «Историю государства Российского», то наши либеральные историки обиделись — как это он пишет историю государства. В ответ на это появился довольно бездарный, но многотомный труд «История русского народа». Между тем эти две вещи совершенно неразделимы. Как можно народ от государства разделить?» Таким образом, академик Греков переносит отношения, сложившиеся в советской стране, — единство советского народа и советского государства — на историческое прошлое.

Как известно, вся кадетская и меньшевистская историография, исходя из этой же предпосылки о единстве государства и народа, объявляла всякое революционное движение антигосударственным и, следовательно, антиисторическим. Эта буржуазная точка зрения нашла откровенную защиту в писаниях некоего Аджемяна[27]

В статье, присланной в «Исторический журнал», Аджемян предлагает отказаться от рассмотрения исторических событий под углом зрения классовой борьбы, считая такой подход «детской болезнью левизны». Он далее предлагает пересмотреть установку по вопросу о революционной борьбе народов России. Аджемян определяет революционные восстания как реакционные, вследствие того, что эти восстания, по его мнению, подрывали силу самодержавной власти в России. Так, к реакционным восстаниям Аджемян относит крестьянские восстания Болотникова, Разина, Пугачева, а также движение декабристов.

«Желая выразить, — пишет Аджемян, — творческую роль народа, наша рассудочная историография льнула к образам Разина, Болотникова, Пугачева, Радищева, декабристов и опасалась деяний Дмитрия Донского, Ал. Невского, Ивана Грозного, Петра I, Суворова и других. Почему? Потому, что первые выступали против государства, вторые же наоборот, ратовали за укрепление и возвеличение государства. Первые разрушали, а вторые строили».

Говоря о восстании Пугачева, Аджемян указывает: «Их победа способна была поставить под удар политическую мощь России, могла вывести ее из числа мировых держав в силу отсутствия достойного зрелого преемника государства Романовых. При победе Пугачева Россия поверглась бы в пучину кровавого одичания» (цитируется по рукописи статьи автора в «Исторический журнал»).

Некоторые историки в буржуазном духе изображают значение преобразований Петра I. Так, проф. Сыромятников[28] в своей книге «Регулярное» государство Петра I и его идеология», изданной в 1943 г., скатывается на позицию отрицания дворянско-помещичьей сущности петровского абсолютизма. По мнению Сыромятникова, Петр I проводил антифеодальные мероприятия. «Особое внимание автора привлекли антифеодальные тенденции петровского законодательства», — пишет Сыромятников (с. 3).

К числу таких «антифеодальных мероприятий» Сыромятников относит: закон 1714 г. «О единонаследии», лишивший дворян права распоряжаться своими землями по собственному усмотрению; введение «Табели о рангах», которым будто бы Петр «объявил войну» стремлению дворянства замкнуться в особое сословие, «широко открыв в его ряды доступ для всех, кто бы какого звания не был»; военную реформу Петра, которая «вытащила дворян на службу», урезав их стремления засесть в приобретенных поместьях. К числу «антифеодальных мероприятий» Петра I Сыромятников относит поддержку купечества, промышленников.

Профессор Сыромятников игнорирует тот факт, что в действительности эти мероприятия соответствовали коренным интересам дворянского класса в целом, укрепляли государство дворян и купцов, хотя они и ущемляли права отдельных группировок феодалов и вызывали оппозицию со стороны реакционных групп дворянства.

Некоторое возрождение националистической идеологии у ряда историков тем более опасно, что оно связано с идеализацией буржуазно-демократического строя и надеждой на эволюцию советского государства к обычной буржуазной республике. Не случайно, профессор Яковлев А. И. в своей рукописи «Пособие для изучения приказов и речей товарища Сталина» пишет об Англии: «Великобритания является классической страной политической свободы». Эта идеализация буржуазных порядков и буржуазно-реставраторские взгляды получили развернутое выражение в «диссертации» некоего Сазонова[29], которую он представил в Институт экономики Академии наук. В своей рукописи «Введение в теорию экономической политики» Сазонов изображает экономическое сотрудничество СССР и капиталистических стран как включение СССР в систему капиталистических государств. Сазонов предлагает отменить монополию внешней торговли, широко открыть доступ в нашу страну иностранному капиталу, перевести 80% всех предприятий социалистической промышленности на акционерные начала с продажей акций главным образом иностранным капиталистам и т. д.

Главнейшие теоретические положения, развитые в рукописи, сводятся к доказательству того, что в советском хозяйстве действуют те же экономические законы, что и в капиталистических странах. Он стремится доказать, что поскольку в

СССР сохраняются торговля и деньги — они имеют тот же характер, что и при капитализме. Действие закона стоимости в СССР, по его мнению, ничем не отличается от действия закона стоимости в условиях капитализма. Предприятия социалистической промышленности ничем не отличаются по своей природе от предприятий капиталистической промышленности.

Эти реставраторские взгляды Сазонова находятся в прямой связи с буржуазно-кадетской идеологией некоторых советских историков.

Таким образом, в выступлениях некоторых историков возрождается великодержавно-националистическая идеология, враждебная ленинско-сталинской политике укрепления дружбы народов, берется под защиту реакционная политика царского самодержавия, делаются попытки идеализации буржуазных порядков.

Г. Александров
П. Поспелов
П. Федосеев

Примечания

1. ПАНКРАТОВА Анна Михайловна (1897—1957) — историк, член-корреспондент АН СССР (1939), академик (1953).
2. ЕФИМОВ Алексей Владимирович (1896—1971) — историк и этнограф, член-корреспондент АН СССР (1939); ТАРЛЕ Евгений Викторович (1875—1955) — историк, академик (1927); ЯКОВЛЕВ Алексей Иванович (1878—1951) — историк, член-корреспондент АН СССР (1929).
3. АБДЫКАЛЫКОВ Мухамеджан Абдыкалыкович (р. 1907) — в те годы секретарь ЦК КП(б) Казахстана по пропаганде и агитации.
4. ПОКРОВСКИЙ Михаил Николаевич (1868—1932) — советский историк, партийный и государственный деятель, академик (1929).
5. МИЛЮКОВ Павел Николаевич (1859—1943) — русский политический деятель, историк, публицист. Член ЦК партии кадетов. В 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства.
6. ГРЕКОВ Борис Дмитриевич (1882—1953) — историк, академик (1935).
7. ФРИДЛЯНД Григорий Самойлович (1896—1937) — доктор исторических наук, профессор, декан Исторического факультета МГУ. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно; ВАНАГ Николай Николаевич (1899—1937) — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, Института красной профессуры. По поручению СНК СССР и ЦК ВКП(б) возглавлял группу авторов, готовившую учебник истории СССР, в состав которой входила и Панкратова. Расстрелян по ложному обвинению, реабилитирован.
8. РУБИНШТЕЙН Николай Леонидович (1897—1963) — профессор (1938), доктор исторических наук (1940).
9. БАЙЕР Готлиб Зигфрид (1694—1738) — немецкий историк, филолог, член Петербургской АН (1725). Основоположник норманской теории. ШЛЁЦЕР Август Людвиг (1735—1809) — немецкий историк, филолог, статистик. На русской службе в 1761—1767 годах. Адъюнкт Петербургской АН (1762). МИЛЛЕР Герард Фридрих (1705—1783) — русский историк, по национальности немец. Член Петербургской АН (1731). В России с 1725 года. ГАКСТГАУЗЕН Август (1792—1866) — прусский чиновник, экономист. Путешествовал в 1843 г. по России. Исследовал ее аграрный строй и крестьянскую общину. КЛЕЙНШМИДТ Артур (1848—?) — немецкий историк, профессор Гейдельбергского университета.
10. ЩЕРБАТОВ Михаил Михайлович (1733—1790) — историк, публицист.
11. ПОГОДИН Михаил Петрович (1800—1875) — историк, писатель, член Петербургской АН (1841).
12. КОСТОМАРОВ Николай Иванович (1817—1885) — историк, писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1876). ГЕДЕОНОВ Степан Александрович (1815—1878) — историк, театральный деятель. ЗАБЕЛИН Иван Егорович (1820—1909) — историк, археолог, почетный член Петербургской АН (1907). МАРР Николай Яковлевич (1864—1934) — советский востоковед и лингвист, академик (1912).
13. БАХРУШИН Сергей Владимирович (1882—1950) — историк, член-корреспондент АН СССР (1939). ЛЕБЕДЕВ Владимир Иванович (1895—1966) — профессор.
14. ПЕКАРСКИЙ Петр Петрович (1827—1872) — историк культуры и литературы, библиограф, академик (1864). Автор «Истории АН в Петербурге». Тт. 1, 2. (СПб. 1870, 1873).

15. БОЛТИН Иван Никитич (1735—1792) — историк, государственный деятель. ЛЕКЛЕРК Николас-Габриель (1726—1798) — французский врач и историк.
16. ТАТИЩЕВ Василий Никитич (1686—1750) — историк, государственный деятель.
17. ЭВЕРС Иоганн Филипп Густав (1781—1830) — русский историк, по национальности немец. В России с 1803 года. Почетный член Петербургской АН (1826).
18. ВАЛЛОН Анри Александр (1812—1904) — французский историк и политический деятель.
19. ДЕРЖАВИН Николай Севастьянович (1877—1953) — филолог, академик (1931).
20. КАДЛЕЦ Карел (1865—1928) — чешский историк права. ИРЕЧЕК Константин (1854—1918) — чешский историк. АРНОЛЬД Эмануэль (1800—1869) — чешский общественный деятель, публицист. БАЛЬЦЕР Освальд Марьян (1858—1933) — польский историк. БУЯК Франтишек (1875—1953) — польский историк и экономист. НОВОТНЫЙ Франциск (1768—1826) — чешский лингвист и историк. БОБЖИНСКИЙ Михал (1849—1938) — польский историк и политический деятель.
21. НЕЧКИНА Милица Васильевна (1901—1985) — историк, профессор (1935), член-корреспондент АН СССР (1953), академик (1958).
22. ГОТЬЕ Юрий Владимирович (1873—1943) — историк, археолог, академик (1939).
23. ГОЛЬБАХ Поль Анри (1723—1789) — французский философ-материалист. ГЕЛЬВЕЦИЙ Клод Адриан (1715—1771) — французский философ-материалист. ЛЕЙБНИЦ Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ-идеалист, математик, физик и языковед. РУССО Жан Жак (1712—1778) — французский просветитель, писатель и философ. МАБЛИ Габриель Бонно де (1709—1785) — французский коммунист-утопист. РЕЙНАЛЬ Гийом Томас Франсуа (1713—1796) — французский историк, социолог.
24. ШЕЛЛИНГ Фридрих Вильгельм (1775—1854) — немецкий философ-идеалист. ФИХТЕ Иоганн Готлиб (1762—1814) — немецкий философ-идеалист. ГЕГЕЛЬ Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ-идеалист. ФЕЙЕРБАХ Людвиг Андреас (1804—1872) — немецкий философ-материалист и атеист.
25. ВОЛГИН Вячеслав Петрович (1879—1962) — историк, академик (1930).
26. КОЖУХОВ Сергей Иванович (1914—1978) — историк, директор Бородинского военно-исторического музея.
27. АДЖЕМЯН Хорен Григорьевич (1909—1968) — поэт, публицист.
28. СЫРОМЯТНИКОВ Борис Иванович (1874—1947) — историк, доктор юридических наук (1938).
29. САЗОНОВ Николай Иванович (р.1898) — кандидат технических наук.

ISSN 0042—8779

ВИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/96

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году

Журнал «Вопросы истории» продолжает публикацию материалов о совещании по проблемам исторической науки, созванном ЦК ВКП(б) летом 1944 года [1]. Начиная с этого номера журнал приступает к публикации стенографической записи заседаний этого совещания.

В работе совещания участвовали известные советские историки (как члены ВКП(б), так и беспартийные), в основном специализировавшиеся по истории СССР, секретари ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, Г М. Маленков, А. С. Щербаков, группа ответственных работников аппарата ЦК ВК(б), ведавших идеологической, организационно-партийной и кадровой работой,— всего более 50 человек. Председательствовал на заседаниях Щербаков [2].

Совещание открылось 29 мая 1944 г. выступлением Маленкова. Стенографическая запись этого заседания пока не разыскана (возможно, она не сохранилась или вовсе не велась), но участница совещания А. М. Панкратова в письме своим ученикам-историкам, отправленном в Саратов 15 июня 1944 г., сообщает о выступлении Маленкова следующее: «Он сказал, что ЦК обсудил этот вопрос (очевидно, положение в исторической науке,— *Ю. А)* и счел необходимым встретиться с историками, чтобы обсудить спорные вопросы, а затем выработать принципиальные установки для всех историков. Такова цель нашего совещания» [3].

Какие другие темы затрагивал в своем выступлении Маленков и кто еще выступал в день открытия совещания, установить не удалось. Последующие заседания, целиком посвященные выступлениям приглашенных историков, состоялись 1, 5, 10, 22 июня и 8 июля 1944 года.

Содержание совещания может быть понято и оценено, с одной стороны, лишь в контексте положения в исторической науке, возникшего в 1930-х годах в результате влияния сталинизма и личного вмешательства И. В. Сталина в решение общеметодологических и ряда конкретно-исторических проблем истории России и зарубежных стран, а с другой стороны, — в контексте идеологической и политической ситуации, создавшейся в стране в годы Великой Отечественной войны, идеологической и политической деятельности высшего партийного и государственного руководства и аппарата ЦК ВКП(б).

1944 год считался некоторыми участниками совещания юбилейным. Прошло 10 лет с момента появления ряда постановлений Советского правительства и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах и вузах, замечаний И. В. Сталина, С. М. Кирова, А. А. Жданова на

конспекты учебников по истории СССР и новой истории, писем Сталина в Политбюро ЦК с оценкой статьи Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» [4], оказавших большое влияние на советскую историческую науку и преподавание исторических дисциплин.

Эти документы, в том числе опубликованное 16 мая 1934 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», с одной стороны, освобождали историческую науку от воздействия теоретических и методологических взглядов М. Н. Покровского и его последователей, открывая дорогу научной критике взглядов Покровского, а с другой стороны, — сталинский режим, проводя реформирование исторической науки и образования, имел в виду задачу обоснования идей державности, которые сталинизм как идеологическая и политическая система все более интегрировал, кроме того, сталинский режим с опозданием, но постепенно осознавал, что в идеологической подготовке войны, а тем более, в ходе войны, нельзя сбрасывать со счета историческое сознание народа, его военно-патриотические традиции, в особенности русский патриотизм. Произошло своеобразное переплетение интересов науки (поскольку влияние Покровского сдерживало ее развитие, сужало проблематику и методологию исследований) и интересов тоталитарного режима, ставившего своей задачей направить внимание как старшего, так и нового поколения историков в нужное режиму идеологическое русло. Все эти проблемы с новой остротой встали перед исторической наукой в годы Великой Отечественной войны.

С началом Великой Отечественной войны, вызвавшей гигантский подъем национального, патриотического самосознания народа, обозначились определенные изменения в стиле и методах работы партийного и государственного аппарата: реальное свертывание бюрократизма, некоторое уменьшение репрессий, ослабление идейно-политического пресса в отношении творческой интеллигенции, религиозных организаций и т. д. Появились надежды и на более существенные перемены либерального характера в общественном и государственном устройстве. Некоторые представители научной, творческой интеллигенции почувствовали и использовали возможность более свободного выражения своих взглядов и мнений (в том числе и критических) по поводу советской действительности, партийной политики, по проблемам истории, философии, литературы и искусства. Что касается исторической науки, то к началу 1944 г. в ЦК ВКП(б) была сконцентрирована информация об отступлениях ряда историков от официальных методологии и трактовок исторических событий. Чл.-корр. АН СССР, заместитель директора Института истории АН СССР А. М. Панкратова сообщала в ЦК, что требования пересмотра историографии главным образом идут от представителей «школы Ключевского», которые «теперь открыто гордятся своей принадлежностью к этой школе» [5].

Советское руководство (прежде всего Сталин) почувствовали в этих настроениях серьезную опасность для режима, и уже в 1943 г., после того, как перспектива разгрома фашистских войск проявилась с полной определенностью, идеологический аппарат ЦК (Управление пропаганды и агитации — УПА) принял ряд превентивных мер, имевших целью поставить на место инакомыслящих и очертить идеологические и политические рамки, в которых должна держаться интеллигенция. В мероприятиях УПА 1943—1944 гг. уже просматриваются контуры известных послевоенных погромных кампаний (1946—1953 гг.), нанесших огромный, частью невосполнимый, вред советской науке, литературе, искусству, общественному сознанию. В подходе к исторической оценке идеологической деятельности УПА, высшего партийного руководства военного времени нельзя, однако, не учитывать чрезвычайной ситуации, необходимости всеми средствами обеспечить идейно-политическое единство народа в борьбе с фашизмом.

Цензурно-политическая, охранительная активность УПА прежде всего затрагивала художественную литературу, поскольку литература, искусство могли служить наиболее эффективным каналом внедрения инакомыслия

в массовое сознание. В аналитических документах УПА, на заседаниях партийных органов, в беседах партийных руководителей высшего звена (в отдельных случаях — с личным участием Сталина) с писателями, деятелями культуры, на собраниях творческих организаций, в печати грубой политической проработке подверглись популярные литературные журналы «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», писатели М. М. Зощенко и А. П. Платонов, поэты Н. Н. Асеев и И. Л. Сельвинский, кинодраматург и режиссер А. П. Довженко и др. В их произведениях были усмотрены тенденции антипатриотизма, очернительства в изображении советских людей и советской действительности. Особенно опасным казался Довженко. По мнению работников УПА, воспринятому партийным руководством, в киноповести «Украина в огне» он позволил себе критиковать политическую линию и практическую деятельность партии в области коллективизации и, главное, — в подготовке страны к отражению нападения фашистской Германии. Довженко инкриминировались «антиленинские ошибки и националистические извращения» [6]. Беспокойство аппарата ЦК вызывало также то, что отраженные в некоторых литературных и научных сочинениях чувства государственного патриотизма не были связаны с революционными традициями, классовой борьбой, интернационализмом, то есть уходили корнями в русскую историю [7]. Наряду с литературными делами УПА занялось политическим анализом состояния философского и исторического «фронтов» партийной идеологической системы. 1 мая 1944 Политбюро ЦК приняло постановление «О недостатках в научной работе в области философии» [8]. Содержание, форма этого постановления, организационные выводы повлияли и на подготовку совещания историков.

Предложение о проведении летом 1944 г. совещания историков и о внесении в ЦК ВКП(б) вопроса о положении в исторической науке, вероятно, впервые нашло отражение в плане мероприятий УПА «по улучшению пропагандистской и агитационной работы партийных организаций» (датирован 31 марта 1944 г.) и в выступлениях сотрудников УПА при его обсуждении. И в тексте плана, и в протоколе обсуждения разбираются отклонения и ошибки историков, на которые должно быть нацелено внимание УПА, а именно: не преодолено влияние немецких ученых-норманистов [9], развивавших идеи несамостоятельного происхождения российской государственности; все еще сильно влияние школы Покровского, выражающееся в слабом освещении историками героического прошлого русского народа, жизни и деятельности выдающихся людей России, в негативной оценке (как абсолютного зла) процессов присоединения к России нерусских народов; имеет место оживление антимарксистских взглядов, в частности, отступления от методологического принципа: классовая борьба — движущая сила исторического процесса, усиление влияния национализма; отсутствуют обобщающие работы и учебники по советскому периоду истории СССР (кроме 2-го т. «Истории гражданской войны в СССР») [10].

В дополненный вариант плана УПА (10 апреля 1944 г.) включена критическая оценка «Исторического журнала». С указанными недостатками научных исследований, по мнению УПА, связаны и недостатки преподавания истории СССР в вузах: в программах, учебниках, практике преподавания не освещается должным образом героическое прошлое русского народа, его борьба с иноземными захватчиками, деятельность великих русских полководцев и ученых. Кроме того, некоторые преподаватели имеют тенденцию «поменьше говорить о классовой борьбе в истории СССР и рассматривают деятельность всех царей как деятельность прогрессивную» [11]. Назывались и конкретные авторы и их работы как объекты планируемого критического разбирательства: чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлев, его статьи, рецензии и книга «Холопы и холопство в Московском государстве в XVII веке», Х. Г. Аджемян, философ и писатель, автор статьи о кавказском мюридизме, присланной для публикации в «Исторический журнал», коллективные труды «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (редакторы А. М. Панкратова и М. Абдыкалыков), «Очерки истории Башкирской АССР» и др.

В апреле — мае подготовка аналитических материалов, касающихся положения в исторической науке, продолжалась. Ее результаты были обобщены в записке «О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков» от 18 мая 1944 г., подписанной начальником УПА Г. Ф. Александровым, его заместителем П. Н. Федосеевым, главным редактором «Правды» П. Н. Поспеловым и адресованной секретарям ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову и А. С. Щербакову. К записке приложена информация «О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков» [12], собранная на основании различных устных высказываний ученых. Таким образом, к моменту созыва совещания историков сформировалась своего рода идеологическая платформа УПА. В ней содержались не только жесткие идеологические и политические оценки ошибок историков, но и указывались новые объекты критики на будущем совещании: академики Б. Д. Греков и Е. В. Тарле, доктор юридических наук Б. И. Сыромятников (книга «Регулярное государство Петра I и его идеология»), учебник для вузов по истории СССР под редакцией В. И. Пичеты и др.

В документации УПА, посвященной совещанию историков, сохранились письма, записки в ЦК ВКП(б) некоторых историков, озабоченных положением дел в исторической науке и видевших в ЦК единственного арбитра в научных спорах. Наиболее существенное значение для понимания всей ситуации перед совещанием имеют письма в ЦК Панкратовой, в особенности адресованные А. А. Жданову от 2 марта 1944 г. и Сталину, Жданову, Маленкову и Щербакову — от 12 мая 1944 года [13]. В письмах названы и подробно комментированы негативные, по мнению Панкратовой, явления в исторической науке (эти сведения использует УПА), подвергаются критике УПА и персонально Александров за слабое руководство «историческим фронтом», содержатся просьбы в ЦК помочь разобраться в спорных проблемах, а в письме от 12 мая она выражает пожелание, чтобы ЦК ВКП(б) собрал совещание историков [14].

Большое место в письмах занимает сюжет, касающийся книги «История Казахской ССР», основным редактором которой являлась Панкратова. В отзывах о книге отдельных историков (в частности, А. И. Яковлева) отмечалось, что авторы не смогли в полной мере оценить тенденцию продвижения России в Казахстан и Среднюю Азию как объективно обусловленную всем ходом общественного развития, исторически прогрессивную, преувеличили значение имевших место антирусских восстаний и других выступлений в складывавшихся взаимоотношениях двух народов. В аппарате УПА эта критика была «заострена», и устами Александрова за этой книгой утвердился ярлык «антирусская». Панкратова пыталась жаловаться на Александрова, разъяснить концепцию «Истории Казахской ССР», но вывести книгу из-под огня критики на совещании ей не удалось. Позднее под жестким давлением Александрова она вынуждена была признать ошибочность своей позиции. Вопрос о совещании историков и, вероятно, другие вопросы, связанные с положением дел в исторической науке, обсуждались руководством ЦК ВКП(б). Было дано согласие на проведение совещания, после которого намечалось разработать директивы ЦК по наиболее важным историческим и историографическим проблемам [15].

На совещании с изложением позиции партийного руководства, вероятно, никто не выступил. Скорее всего, это было предусмотрено при обсуждении в ЦК регламента совещания. Щербаков ограничился репликами, лишь изредка выполнявшими идеологически-директивные функции. Но установки УПА на совещании звучали. Можно назвать в этой связи выступления Е. Н. Городецкого, С. М. Ковалева (историки, работавшие в аппарате ЦК) и других. После совещания историки ожидали появления обещанных директивных указаний ЦК, но они в целостном виде так и не появились, хотя проект документа усиленно готовился. Кроме записки Александрова, Федосеева, Поспелова от 18 мая 1944 г., где были намечены идеи будущего постановления, Александров через несколько дней после совещания, 12 июля, представил проект постановления Политбюро ЦК «О недостатках научной работы в области истории», сразу же отвергнутый Щербаковым [16].

Затем в подготовку документа включился Жданов. Подписанный им проект (причем, не первый варант, а переработанный и дополненный) датирован 12 августа. Еще один вариант проекта (как писал Жданов, «исправленный и дополненный мною») был направлен Маленкову и Щербакову 9 сентября 1944 года [17]. Наиболее существенные различия по форме и содержанию имеются между документами Александрова и Жданова. Эти различия, вероятно, отражали определенные изменения в позиции руководства ЦК. Александров готовил постановление Политбюро, Жданов — тезисы «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР». Как вид документа тезисы давали бóльшую возможность полемики, бóльшую свободу выражения мысли. Работая над тезисами, Жданов использовал письма в ЦК Панкратовой, материалы совещания, разработки УПА. В этом убеждает сравнение текстов, а также отсутствие в первом варианте тезисов имени Панкратовой среди подвергшихся критике историков, в то время, как в записке Александрова, Федосеева, Поспелова на нее обрушиваются тяжелые обвинения. Жданов критически упоминает Панкратову во втором варианте тезисов (9 сентября), да и то лишь вскользь [18].

Из имевшихся в его распоряжении материалов УПА Жданов не включил в свои тезисы сомнительное по существу и имевшее во время войны опасный политический подтекст утверждение о влиянии немецких историков на советскую историографию и занялся разоблачением уклонений от марксистско-ленинской линии на свой лад. Он объяснил причины ошибок историков рецидивом влияния двух антимарксистских школ: «буржуазно-монархической» П. Н. Милюкова и вульгарно-социологической М. Н. Покровского. Жданов (на этот раз солидарно с УПА) заявил и о наличии рецидивов национализма в исторической науке. Особое внимание в тезисах уделено обоснованию закономерности Октябрьской революции 1917 г. в России. Острой критике были подвергнуты историки, пытавшиеся, по мнению Жданова, затушевать принципиальные отличия советского государственного строя от дооктябрьского государственного строя России.

Для Жданова оказались неприемлемыми высказывания дореволюционных и советских историков об имевшем место в конкретных обстоятельствах тождестве интересов и нераздельности государства и народа в историческом прошлом России. Тезисы так же, как письма в ЦК Панкратовой и выступления ряда участников совещания, были нацелены и против взглядов Аджемяна на роль классов и классовой борьбы в историческом процессе. Хотя мысли Аджемяна характеризовались как отступление от марксизма, по признанию Жданова, и другие историки делали то же, только в более осторожной, «эластичной» форме. Проекты Жданова были предельно актуализированы в идеологическом и политическом отношениях. Так, в обстановке либерализации режима деятельности православной церкви Жданов к стандартному набору критических определений школы Покровского добавил «нигилистические взгляды» на историческое значение крещения Руси, распространение христианства, цивилизаторскую роль монастырей, а сделавшаяся в те годы модной тема Ивана Грозного сопровождалась ремаркой о последователях Покровского, которыми этот царь «свален в одну кучу с реакционерами и насильниками» [19]. Вскоре, вероятно, работа над документом по итогам совещания историков была приостановлена. Причины этого на основе документов пока установить не удалось. Однако некоторые предположения (в добавление к сделанным И. В. Ильиной) [20] могут быть высказаны. Скорее всего, ждановский вариант не полностью устраивал руководство ЦК. В тезисах отсутствовала позитивная часть, хотя после 1934 г. гражданские историки проделали большую работу, было выпущено много диссертаций, учебников, опубликованы монографии. В годы войны историки участвовали в пропаганде героических традиций русского и советского народа. Бросается в глаза еще одно обстоятельство. В проекте Жданова был даже для своего времени явный перебор грубых натяжек, политиканских построений, неверных с научной точки зрения характеристик и определений исторических явлений. Надо иметь в виду и персональную адрессованность критики. На совещании критиковали всех,

кто упоминался в приводившихся выше письмах Панкратовой и материалах УПА, но все-таки наиболее крупной целью идеологической проработки оказался Тарле. Критика в его адрес, как, впрочем, и в адрес некоторых других ученых, по ряду вопросов была научно обоснованной (например, по книге «Крымская война»), но выдержана в грубой форме.

Заявления Тарле (в научных и публичных докладах) против шаблонного применения исследователями известных положений «царская Россия — жандарм Европы», «царская Россия — тюрьма народов», о большом значении обширной территории страны как важном факторе для разгрома германского фашизма и некоторые другие, имевшие, вероятно, помимо своего прямого значения, и некий актуальный подтекст — историческое обоснование державных устремлений Сталина и его соратников, еще более обозначившихся к концу войны, — были охарактеризованы на совещании как отступление от марксистско-ленинской методологии, как попытка обелить царизм и его колониальную политику. Но дело этим не закончилось. В тезисах Жданова критика участников совещания в адрес Тарле трансформировалась в прямые политические обвинения. Жданов писал, что Тарле и другие историки «идут на поводу у вражеской пропаганды, уверяющей, будто бы обширные пространства, морозы и грязь воспрепятствовали немцам завоевать нашу страну», сбиваются «на губительный путь расизма и национальной исключительности», пытаются «направить советских историков в русло чуждой идеологии» [21] и т. п. Хорошо понимая опасную направленность обвинений в свой адрес, Тарле в письме Щербакову 10 июля, после окончания совещания, достаточно прозрачно намекнул на возможность обращения за поддержкой к высшему авторитету. Опровергая своих оппонентов, Тарле писал Щербакову, что всегда считал царизм жандармом Европы, а Октябрьскую революцию — рубежом в истории России и всего мира, никогда не говорил «такой глупости», что пространство — главное наше преимущество в обороне. «Я сказал, и никто с этим не может спорить, — подчеркивал Тарле, — что среди условий, которыми одарена Россия, есть и пространство. Но этим условием, как и всеми другими, более важными, царская власть не воспользовалась, а сумели воспользоваться Сталин и сталинская правительственная организация».

Первые два пункта своего опровержения Тарле подкреплял ссылкой на подготовленный им раздел в первом т. «Истории дипломатии» и на корректуру большой, в 100 стр., его статьи во втором т. «Истории дипломатии», написанной «по прямому выраженному мне желанию Иосифа Виссарионовича» [22]. И далее Тарле с горечью писал о положении историка-исследователя: «У нас мало уважают или недостаточно уважают исследовательскую работу на историческом фронте. У нас исторические органы редактируются людьми, за которыми нет, не было и никогда, вероятно, не будет ни единой исследовательской строки. У нас слишком часто, когда человек, не покладая рук, не выходя из архивов, выпускает в свет исследование, то ему не говорят спасибо за то новое, что он дал науке, а сплошь и рядом стремятся ухватиться за какую-нибудь фразу, кажущуюся не вполне согласованной с шаблонной формулировкой, чтобы развязно истинно по-наездниче ски налететь на автора» [23].

Тарле, очевидно, рассчитывал, что само его обращение к Щербакову со ссылкой на Сталина поставит под сомнение возможность негативной оценки его трудов в готовившемся документе ЦК по исторической науке. Имела основание и надежда на личное вмешательство Сталина, поскольку Тарле уже много лет находился в сфере внимания советского руководителя. В 1932 г. Тарле благодаря Сталину был возвращен из ссылки, куда попал после ареста по «академическому делу», в 1937 г. его восстановили в действительных членах АН СССР. Сталин следил за творчеством академика и оказывал ему определенное покровительство [24].

Совокупность описанных обстоятельств, вероятно, привела к изменению планов ЦК в отношении разработки директивных установок для исторической науки. Совещание историков длительное время входило в ка-

тегорию закрытых мероприятий ЦК. Никакой информации о нем в периодической печати не публиковалось, но, как видно из материалов журнала «Большевик», критический заряд против инакомыслящих историков было решено выпустить не в концентрированном виде официальных директив ЦК, а распределить по отдельным работам, оказавшимся в центре критического внимания совещания. Причем, сделано это было в более корректной, чем в выступлениях на совещании и документах УПА, форме развернутых научных рецензий. В «Большевике» выступили С. В. Бахрушин по книгам Б. И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра I» и А. И. Яковлева «Холопы и холопство в Московском государстве в XVII веке», Н. Н. Яковлев о книге Е. В. Тарле «Крымская война» и М. А. Морозов — об «Истории Казахской ССР» [25].

Некоторые положения проектов документов, фрагменты из материалов совещания были изложены анонимно, без указания авторов в докладе Александрова «О некоторых задачах общественных наук» на курсах преподавателей социально-экономических дисциплин 1 августа 1945 года [26]. Официальное постановление ЦК касалось лишь одного вопроса, обсуждавшегося на совещании, — об «Историческом журнале». В тексте постановления (принято Политбюро ЦК 2 июля 1945 г.) были обобщены обоснованные критические замечания в адрес журнала Щербакова и других выступавших. В постановлении указывалось, что журнал «ведется неудовлетворительно и не отвечает своему назначению,.. не разрабатывает важнейших проблем советской исторической науки, зачастую заполняется статьями и материалами, не имеющими отношения к истории или лишенными научного значения». ЦК решил реорганизовать «Исторический журнал» (считавшийся научно-популярным) в научный журнал «Вопросы истории» — орган Института истории АН СССР, главным редактором которого был назначен акад. В. П. Волгин. В редколлегию вошли крупные специалисты по различным разделам отечественной и всеобщей истории: Б. Д. Греков, Е. Н. Городецкий, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. И. Минц, А. М. Панкратова, С. Н. Ростовский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров [27].

Стенограмма совещания историков — поистине документ эпохи, в котором положение исторической науки, ученого-исследователя, сложившееся в результате идеологизации и политизации общественных наук, общественного и массового сознания в духе сталинизма, отражено исключительно рельефно. Выступления его участников показывают, сколь трудным, противоречивым, искаженным идеологическими стереотипами оказался в тот период путь ученого к исторической истине, сколь многоопытными за годы сталинских репрессий и прямого вмешательства Сталина в науку стали многие ученые в их следовании предписанным партийным руководством «правилам игры», как откровенное политиканство и политическое доносительство переплеталось с попытками ученых отстаивать свое право на научное творчество, защищать от искажений объективные исторические факты и методологические выводы, добытые путем не прекращавшихся в трудных условиях научных изысканий.

В комментарии к стенограмме поясняются лишь мало известные события и факты, а также события и факты, неоднозначно или недостаточно четко указанные выступавшими. Тот же принцип применен в справках по персоналиям. Дается краткая информация о научном творчестве, ученых степенях и званиях упоминавшихся на совещании ученых-историков. Библиографические ссылки, приводимые выступавшими цитаты проверены по соответствующим публикациям.

Стенограмма совещания находится в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) в двух делах [28]. Одно из них содержит расшифрованный машинописный текст стенограммы с правкой и вставками выступавших. Во втором деле — беловой машинописный экземпляр — новая перепечатка правленого текста, который и лежит в основе публикации. При подготовке публикации оба текста сверены. Несостоявшиеся выступления (присланные по окончании сове-

щания для приобщения к стенограмме) в основной текст стенограммы не включаются и воспроизводятся в примечаниях. Публикация подготовлена Ю. Н. АМИАНТОВЫМ и З. Н. ТИХОНОВОЙ. Вводная статья написана Ю. Н. Амиантовым.

Примечания

1. См. Письма А. М. Панкратовой — Вопросы истории, 1988, № 11; Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) 1944 г. — Вопросы истории, 1991 г. № 1. Из литературы о совещании см. БУРДЕЙ Г. Д. Историк и война. 1941—1945 гг. Саратов. 1991. Не получив в Центральном архиве доступа к стенограмме совещания, автор пользовался сопутствующими источниками.
2. Кроме поста секретаря ЦК ВКП(б), А. С. Щербаков в период совещания занимал также посты секретаря Московского областного и городского комитетов ВКП(б), начальника Главного политического управления Красной Армии, председателя Советского информационного бюро. Постановлением Политбюро ЦК от 18 мая 1944 г. ему дополнительно поручались контроль и наблюдение за работой государственных комитетов по делам искусств, кинематографии, радиофикации и радиовещания, Управления по охране военных тайн в печати (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1050, л. 43). 3. Там же, оп. 125, д. 224, л. 105об.
3. Там же, оп. 125, д. 224, л. 105 об.
4. Кроме известного по публикации в «Большевике» в мае 1941 г. письма И. В. Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», имеется еще одно письмо, направленное Сталиным 5 августа 1934 г. в Политбюро и в редакцию журнала «Большевик», в котором он резко критикует комментарий Г. Е. Зиновьева к публикации в № 13 «Большевика» письма Ф. Энгельса И. Надежде (1888 г.). Своим комментарием Зиновьев вошел в противоречие со взглядами Сталина. Постановлением Политбюро ЦК публикация заметки Зиновьева была признана политической ошибкой, редактор журнала В. Г. Кнорин был освобожден от работы, а Г. Е. Зиновьев выведен из состава редколлегии.
5. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 224, л. 2.
6. См. БАБИЧЕНКО Д. Л. Писатели и цензоры. М. 1994, с. 72—101.
7. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 221, лл. 17—18, выступление зав. отделом художественной литературы УПА А. Г. Еголина и др. 8. Там же, оп. 3, д. 1050, лл. 36, 145—152.
9. Имелись в виду прежде всего немецкие историки, работавшие в Петербургской академии наук, Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлецер.
10. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 221, лл. 11, 38, 71—72. 11. Там же, л. 37.
12. Документы опубликованы в журнале «Вопросы истории», 1991, № 1.
13. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 224, лл. 1—10, 66—75 об.
14. А. М. Панкратова не без основания считала, что именно ее настойчивые обращения содействовали положительному решению вопроса о совещании.
15. Вероятно, решение было принято в рабочем порядке. В протоколах Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) оно не значится.
16. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 222, лл. 1—10. Имеется пометка: «Не годится. А. Щербаков».
17. Там же, лл. 12—46, 47—91.
18. Там же, лл. 42—43. Одна из причин этого шага Жданова — обострившийся конфликт Панкратовой с Александровым. См. Вопросы истории, 1991, № 1, с. 189—190.
19. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 222, л. 57, 50—51, 38, 40.
20. См. ее вводную статью к публикации упоминавшейся записки Александрова, Федосеева, Поспелова. — Вопросы истории, 1991, № 1, с. 189—190.
21. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 222, л. 21, 64, 80.
22. Там же, л. 169 об. Трудно судить, в какой форме и в какой мере использован материал Е. В. Тарле в тексте II т. «Истории дипломатии». Во всяком случае, среди «составителей тома его имя не значится».
23. Там же, л. 170об.
24. См. САВЧУК В. С. Е. В. Тарле — судьба ученого в тоталитарном государстве. В кн.: Избранные сочинения академика Е. В. Тарле. Т. I. Ростов н. Д. 1994, с. 26—30.
25. Большевик, № 22, ноябрь 1944 г.; № 3—4, февраль 1945; № 6 — март 1945; № 13, июль 1945 года.
26. Большевик, № 14, июль 1945 года.
27. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1053, л. 10. Изложение постановления было дано в передовой статье № 1 журнала «Вопросы истории» за 1945 год.
28. РЦХИДНИ, ф. 17 (ЦК КПСС), оп. 121 (Технический секретариат Оргбюро ЦК ВКП(б), дд. 290, 291.

Амиантов Юрий Николаевич — главный хранитель фондов Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ); *Тихонова Зоя Николаевна* — старший научный сотрудник РЦХИДНИ.

---

* * *

Заседание 1 июня 1944 года [1]

Щербаков (председательствующий). Товарищи, приступим к обсуждению вопросов. О регламенте условимся так: дадим 20 минут для прений. Слово имеет товарищ Бушуев.

Бушуев. Товарищи, за последние 5–6 лет на историческом фронте, я имею в виду организацию работы историков, имею в виду творческое обсуждение вопросов, не произошло ничего такого, что можно было бы назвать, что историки полностью учли замечания тт. Сталина, Кирова, Жданова. Историки СССР и по сей день находятся в долгу перед советским государством. На историческом фронте неблагополучно. Здесь не место обольщаться успехами (к тому же они уж не такие большие). Наблюдая работу историков и сам участвуя в этой работе, я не помню ни одной дискуссии, которая подняла бы на должную высоту все наши задачи, государственные задачи, если не считать два печальных факта. Были две дискуссии, которые привлекли внимание большого количества историков. Первая дискуссия — о Киевском государстве [2]. Она сформулирована так: «Была ли Киевская Русь рабовладельческим государством?» Все это сводилось к тому, сколько было рабов до Киевского государства и сколько было рабов после Киевского государства. Эта печальная дискуссия по своим последствиям оставила очень тяжелое впечатление у историков. На этой дискуссии не было поставлено ни одного нового вопроса, и по существу споры прошли мимо главных вопросов, а можно было поставить вопрос о возникновении и формировании славянской государственности.

Вторая дискуссия, которая оставила не менее тяжелое впечатление, она также прошла мимо основных вопросов на историческом фронте: «Была ли Россия отсталой страной, отсталым государством?» Как раз эта дискуссия была незадолго до Отечественной войны, в апреле-мае 1940 г., причем, сама по себе тема была такой, что она уводила нас от настоящих действительных вопросов и задач, которые стояли перед историческим фронтом. На первом заседании было расчленено, что нужно понимать отсталость России не исконную, а относительную. На этом народ сказал спасибо, и общий итог дискуссии таков: докладчик сделал замечание, что Россия не была бы отсталой, если бы она участвовала в крестовом походе. Вот итог, к которому пришел докладчик. (Щербаков. Кто делал доклад?) Доклад делала Нечкина в апреле месяце 1940 года. Есть стенограмма прений. Профессор Института истории АН СССР, которая была типичным учеником Покровского [3], именно Нечкина на страницах Малой советской энциклопедии в течение ряда лет чернила историю нашей родины. Я помню, что это произвело неприятное впечатление, тем более, что всякий, сколько-нибудь наблюдавший за фашистской фальсификацией, мог убедиться в том, что как раз проблема государственности, проблема экономического, политического развития России — все эти вопросы брались под обстрел фашистской фальсификацией с тем, чтобы подчеркнуть, что у славян не было государственности, России присуще была исконная отсталость.

Дискуссия эта провалилась и не привела ни к каким дальнейшим творческим результатам, тем более, что доклад завел аудиторию туда, куда не могла завести ни одна фантазия. Это все, чем можно было проиллюстрировать творческую работу историков по обсуждению вопросов истории СССР. Я не говорю о положительных моментах, эти вопросы более или менее ясные, и не для этого нас собрали здесь, это было отмечено в свое время в журнале «Большевик» [4], в ряде сборников и в ряде работ. Я хотел остановить внимание на тех вопросах, которые были бы изжиты и не тормозили бы работу историков. С этой целью я стремился продумать все то, что можно было наблюдать, это — отсутствие творческих дискуссий, творческой постановки вопросов. Это — характерная черта в работе историков СССР. Если взять Институт истории, который

стоял вне государственных задач, вне этого тояло Отделение общественных наук АН СССР. Для того, чтобы попасть на заседание Отделения общественных наук к Волгину, требовалась прежде всего принадлежность к «избранным», ранее принадлежавшим к так называемой школе Покровского. На заседание Института истории попасть крайне трудно. Говорят, что предварительно обсуждаются новые установки, новые планы. Это недоступно тем, кто непосредственно не работает в институте. Эта ненормальная обстановка может привести к неприятным последствиям. Тут надо прямо сознаться, что такой стиль работы исключает привлечение молодых работников, исключает ведение нормальной творческой работы историков.

В Институте истории издавна повелось извращать выступления отдельных товарищей, которые проявляют инициативу в творческом рассмотрении исторических вопросов. Особенно на этом набила руку проф. Нечкина, не выносящая критики. Это исправимо. Я в этом убежден, но основательно надо покритиковать товарищей, только тогда можно плодотворно работать. Взять работу Волгина об истории конституции [5] — ее надо покритиковать, так как она не может называться средней работой. Она — плохая работа, имеет целый ряд ошибок, так почему бы не обсудить ее, почему бы не заострить внимание на этом? Это в дальнейшем надо иметь в виду. Почему это произошло? Потому, что Институт истории слишком отгородился. Затем, Институт истории Академии наук работает в полном отрыве от местных национальных научных организаций института. Я хорошо знаком с работами товарищей из Таджикистана, Грузии — они все работают по-своему, причем, стоит Институту истории выпустить программу, как следуют протест за протестом, опровержения тех точек зрения, которые разрабатываются в институте. Я помню письма из Грузии, Армении, Азербайджана и от целого ряда других организаций.

В Институте истории и по сию пору не проветрены еще углы от покровщины. Отсутствие коллективизма, кастовость, интриги — все это характерно для стиля Института истории. Вот этой сплоченности, единства среди историков нет. А такие вопросы, как история народов СССР, разве может Институт истории решать один? Конечно, не может. Вот этой организационной связи, связи по существу не было, и никто, собственно говоря, над этим серьезно не думал. Если бы здесь была проделана какая-нибудь серьезная работа, то разве можно было бы иметь такую работу о Казахстане? Книга о Казахстане [6] — антирусская книга. Написана она наспех. Редакция книги крайне поверхностная и несерьезная. Эта работа, кстати сказать, была начата без общей программы. Разве можно было начинать разработку истории отдельных вопросов, когда по основным вопросам, затрагивающим основные исторические вопросы, не было договоренности?

Ведь нельзя пройти мимо такого факта: Институт истории в течение ряда лет работал вначале над трехтомником истории, потом над пятитомником истории народов СССР, десятитомником, пятнадцатитомником истории СССР без плана, без единой программы. Я уж не говорю о том, что затрачены громадные суммы, и я не знаю, может ли быть теперь использована эта работа. Отсутствовало руководство, когда можно было бы договориться по ряду вопросов. Это можно отнести к плохой работе института. Причем, поражаешься — люди привыкли к боязни самокритики. Когда я в «Большевике» написал рецензию, причем, рецензию в самых благожелательных тонах, только с подчеркиванием недостатков, то мне передавали, что т. Панкратова готова была со мной не разговаривать. Рецензия в «Большевике», которая должна улучшить работу, начинает портить личные отношения [7]. Жрецы из Института истории заготовили целый том опровержений. Большая опасность, когда боязнь самокритики превращается в такое явление, которое тормозит работу.

Работа Рубинштейна «История русской историографии» [8]. Это трудная задача, ее нужно было решать. Начиная с XVIII в., как известно, русская Академия наук была центром, где была сосредоточена борьба между немецкими и русскими историографами. Как там описывается все это?

Ломоносов был ущемлен в работах Академии наук, а вот Шлецер стоял на уровне западной науки. Как немец — так на уровне, как русский — так ученик. Создается такое впечатление, что в развитии русской историографии в XVIII в. Ломоносов, сыгравший такую громадную роль, расценивается как ученик Шлецера, а Шлецер просто чуть ли не такой историк, который стоял на уровне общеевропейской науки. В общем, «немецкое светило». Почему бы эту работу не покритиковать? А ведь эту работу кафедра истории СССР предполагала выдвинуть на соискание Сталинской премии. Хорошо, что это не было сделано. В этой работе имеется целый ряд крупных существенных пробелов, и, главное, неприятно — не чувствуется того, что именно можно назвать любовью к родине, к нашим героям, к нашим деятелям, которые тогда в трудных условиях стремились к тому, чтобы изгнать немцев из Академии наук, которые отрицательно влияли на развитие науки, насаждали склоки, интриги. Я думаю, что при соответствующей критике не было бы такого положения на историческом фронте, когда по основным вопросам допускаются такие ошибки, которые можно было бы исправить при обсуждении в коллективе.

И затем монополия. Мне очень трудно будет иллюстрировать это по другим вопросам, но я не помню, чтобы за последние 15 лет вышла бы какая-нибудь работа, скажем, по декабристам, помимо работ Нечкиной, а если что и выходило по этим вопросам, то, во всяком случае, привлечения кадров к разработке этих вопросов, над которыми работали специалисты, много не было. Я не помню таких случаев, когда вокруг ученых вырастала бы группа аспирантов и создавалась бы соответствующая обстановка для научной работы. Боязнь молодой научной смены характерна для старых работников Института истории. Причем, нужно сказать, что эта монополия не в такой грубой форме проявляется, это — «тонкая работа», и нельзя обвинить товарища, что он является последователем этого принципа. А проявляется это в распределении тем, в критике этих отдельных тем, в предварительной постановке.

Мне кажется, что здесь еще нужно указать на плохую постановку подготовки аспирантов в университете [9] и, гораздо хуже, — в Академии наук. Там этот вопрос как-то не поставлен как вопрос, который должен решать подготовку молодых кадров. Я могу указать на целый ряд фактов, когда подбор аспирантов в Академии наук носит совершенно случайный характер. Причем, нельзя сказать, что происходит задвижение молодых кадров. Это обставляется таким образом, что для обсуждения того или иного факта к Волгину не добьешься. Я помню, что целых 5 лет Деборин [10] единолично рассматривал вопросы, а потом это передавалось в Институт истории Академии наук. Получался замкнутый круг. Здесь мало что изменилось, может быть, что-нибудь делали, но методы остались те же самые, с некоторой модернизацией. Разве можно было при таком положении выполнить те задачи, которые поставил товарищ Сталин: борьба с местным шовинизмом, борьба с покровщиной, борьба с фальсификацией фашистами русской истории?

Я пришел после целого ряда лет к такому выводу, что влияние покровщины продолжает иметь место и по сию пору. Сильно влияние покровщины по отдельным конкретным вопросам и особенно в самой организации, во взаимоотношениях между историками. Это можно было проиллюстрировать десятками фактов: взаимоотношения между историческими организациями, в подготовке исторических работ и затем — в освещении отдельных конкретных вопросов. На этом еще сказывается влияние покровщины. Мне кажется, что задача борьбы с влиянием так называемой школы Покровского еще не снята. Не настало еще время сказать, что выкорчеваны все корни, связанные с неблагоприятными, отрицательными последствиями влияния «школы» Покровского на историческом фронте. Разве в такой обстановке можно было говорить о развернутой борьбе с фашистской фальсификацией?

По инициативе Московского университета был подготовлен сборник статей против фашистской фальсификации. Сборник должен был выйти

в 1942 году. Прошел 1942 г., 1943 год. Недавно как-то вспомнили об этом сборнике. Темпы издания таких боевых работ нельзя отнести за счет воинственного характера советской историографии. Так нельзя подготовлять сборник, который сейчас очень нужен. Это нужно отнести к отрицательным сторонам работы на историческом фронте.

В 1942 г. была прекрасная идея — издать сборник статей по истории нашей родины. Был написан целый ряд статей. Прошел 1942, 1943 г., я не знаю, как обстоит дело с этим сборником, а этот сборник был бы крайне необходим для широкого круга историков, для преподавательского актива. Этот сборник отвечал бы тем задачам, которые назрели. Я не знаю, выйдет ли он через год — два, трудно сказать. Но работа по Казахстану, по истории Конституции — работа товарища Волгина — появились сравнительно быстро. Так повелось, что плохие работы появляются гораздо быстрее, чем хорошие. Нужно было бы подчеркнуть эту сторону, что до тех пор, пока Институт истории не будет ставить главные вопросы, их решать никто за него не будет. У руководства Института мог бы иметься большой опыт работы. Но лучшая часть этого опыта не применяется для издания тех работ, которые отвечают общим государственным задачам.

Когда была опубликована статья т. Сталина о внешней политике царизма (май 1941 г., «Большевик») [11], ни один журнал не откликнулся на эту статью, я не помню ни одного выступления ни в центре, ни в научных организациях, где бы была упомянута статья т. Сталина. Была она напечатана в «Большевике», и на этом все кончилось. Институт истории повинен в этом прежде всего. Прошел 1942 г., 1943 г., историки остались те же, условия те же самые, для практической работы в Институте истории материальные условия неплохие, для работников существуют все условия, чтобы работать. Я осмелился сказать на одном собрании, что статью т. Сталина замолчали, нет ни одного отклика, а когда я попробовал выступить с целым рядом предложений по статье т. Сталина, причем, свои соображения не выдавал за статью т. Сталина, то меня обвинили в великодержавном шовинизме, что Бушуев отказался от всех своих взглядов, чего только я не услышал на этом собрании. Идя на это собрание, мне звонили и говорили, что вот Вы идете, будете выступать, громить всех. Это отношение нетоварищеское. Громить нам некого, а если есть, то есть на это Центральный Комитет, который каждому укажет на свое место.

Щербаков. Разрешите на секунду прервать. Трудно возражать, и это полезно, чтобы критиковали Институт истории, но мне думается, если все наше обсуждение свести к этому, то обсуждение нужно считать провалившимся. У историков есть недоуменные вопросы или есть проблемы, стоящие перед исторической наукой. Если кто-либо Вас обвинил в великодержавном шовинизме, то этот спор надо вести по существу. Есть какие-то проблемы. Вот Вы мельком эти проблемы затронули, упоминали о внутренней и внешней политике царского самодержавия, в частности — Россия как жандарм Европы, Россия — тюрьма народов, о происхождении Киевского государства. Так давайте эти вопросы обсуждать по существу, чтобы мы после нашего собрания могли дать положительное решение ряду проблем, какие перед историками стоят. (Бушуев. Я к этому и перехожу). 20 минут Вы использовали и пока ни одной проблемы не только не обсудили, но и не поставили.

Бушуев. Это объясняется тем, что мы давно вообще вместе не собирались. Я перехожу ко второй группе вопросов. Вопросы внешней политики Российской империи. Кстати сказать, что этим вопросам мы уделяли слишком мало внимания. Внешняя политика Российской империи сравнительно слабо разработана в нашей старой историографии. Да и в нашей советской историографии этот вопрос не нашел должного освещения. В полной мере и здесь не были учтены замечания т. Сталина. Более того, никто из историков-международников не откликнулся на данную статью. С чего следовало бы начать историкам в этом вопросе? Во-первых, с изучения статьи т. Сталина. Эта статья обязывает нас к написанию целой серии монографий по отдельным вопросам внешней политики Российской им-

перии, истории русской дипломатии и внешней политики СССР. В ряде своих выступлений я пытался популяризировать тезис т. Сталина, «что завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составила монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща — не в меньшей, если не в большей, степени — королям и дипломатам всех стран Европы» [12] *(Сталин)*. Когда я попробовал пояснить это, меня взяли в штыки.

Мною приведены были примеры одностороннего подбора исторических фактов в характеристике внешней политики Российской империи. Как-то я заметил, что секли везде, во всех странах Европы. И в этом не следует усматривать какую-то особенность только исторического процесса Российской империи. Реакционеры имели место в различных странах, а временами в большем количестве, чем в России. Можно сказать, что ряд русских реакционеров считал себя учениками прусских, французских, английских и иных реакционеров, мракобесов. В России был один Аракчеев, в Пруссии и Австрии их было бесчисленное множество. В России был один Катков, среди польских панов их можно было обнаружить десятки. Нам незачем заниматься реабилитацией польских панов и прусских реакционеров. В истории необходима точность и всесторонность. Безусловным требованием марксизма является постановка любого изучаемого вопроса в определенные исторические рамки. Эти вопросы и в учебнике мы решили не так, как нужно.

Первое впечатление, которое остается, — однообразие, одноцветность. Разбираются самые разнообразные вопросы, а выводы слишком упрощенные. Приведу пример в отношении внешней политики русского самодержавия в период Священного союза. Слушая лекции, создавалось впечатление, что только царская Россия являлась жандармом Европы. Имея в виду указание т. Сталина в его вышеназванной статье, некоторые историки превращали все завоевания в монополию русского самодержавия. Вот против этого я и выступил [13]. Разве правильно будет марксистски, если мы не будем говорить о реакционной роли Пруссии? Я после ознакомления с мемуарами Меттерниха уяснил себе, что громадную роль в усилении реакции Священного союза играл этот международный авантюрист и плут. Когда мы говорим о царской политике, то у нас забывают прусскую реакцию, прусских и австрийских мракобесов. Вот этот вопрос я поставил и на эту сторону надо обратить внимание в учебнике, не ограничиваясь только отрицательной характеристикой внешней политики одного русского царизма. Революционные и национально-освободительные движения в Европе подавлялись не только царской Россией, но и Пруссией, Австрией, Англией.

Второе. За последние годы пришлось много работать над внешней политикой XIX в., во время царствования Александра II, Александра III. Я должен поделиться здесь своими выводами. Парижский трактат 1856 г. был унизительным в национальном отношении трактатом [14], который исключал всякое влияние нашей страны на Черном море. Мы не имели права держать флота на Черном море. При всех своих отрицательных сторонах Горчаков, Тютчев и др. сделали весьма много положительного для отмены этого «жертвенного мира». Вообще, у нас до сих пор нет ни одной обстоятельной работы по истории русской дипломатии. Часто мы наши ответственные выводы основываем только лишь на памфлетной литературе. Забываем при этом недостатки всякого памфлета, его конъюнктурность. Роль отдельных политических деятелей по своему характеру мало очень отличалась от Бисмарка по своим моральным устоям, по выбору средств. Вообще трудно найти не авантюриста в истории европейской дипломатии.

Борьба Горчакова, борьба тогдашней печати за то, чтобы отменить Парижский трактат... я оцениваю в целом внешнюю политику российского самодержавия как политику, которая отвечала интересам господствующих классов. Я подчеркивал, что, может быть, было целесообразным указать на некоторые положительные стороны в деятельности русской дипломатии, отвлекаясь от личного характера Горчакова и от характеров целого ряда других аналогичных деятелей. К этому выводу я пришел после изучения

целого ряда документов. Это — положительная черта, которая не отмечена в общей оценке политики России. Это надо указать как положительное явление, которое отвечало общим интересам русской нации в целом. Вместе с тем отмечал и отрицательные стороны. Таковы два вопроса, которые были поставлены мной по одному из тех пунктов, над которыми нам придется еще много поработать с тем, чтобы обсудить его, с тем, чтобы более или менее всесторонне и в творческой дискуссии можно было придти к определенным выводам.

Теперь колониальная политика русского самодержавия, Российской империи. Я выступал против шаблонной оценки колониальной политики Российской империи на отдельных этапах. Надо было и здесь подойти исторически и с требованиями марксизма-ленинизма. Я против того, что присоединение Сибири и Дальнего Востока нужно считать только результатом колониальной политики русского самодержавия. Если внимательно проанализировать историю этого вопроса, то, может быть, здесь следует отнести многое за счет не столько правящих классов, сколько за счет народа.

О завоевании Средней Азии. Энгельс подчеркивал цивилизующее значение России на Востоке. Почему только отрицательные стороны брались в работе Энгельса, а эта оценка исключалась? Я считаю, что всестороннее освещение вопроса даст возможность более конкретно подойти к оценке отдельных этапов развития колониальной политики.

Нельзя подходить с одним шаблоном к судьбе Грузии и Армении. Здесь замечания товарища Сталина имеют решающее значение по отношению к Украине и Грузии. Но эти указания не нашли своего отображения в отдельных монографиях. Этого сделано не было, и вопрос ставился обще, шаблонно.

Балканы. Я сделал одно замечание о панславистах. При рассмотрении работ Ивана Аксакова и целого ряда других публицистов можно увидеть, в частности, если внимательно прочитать статьи Аксакова, что он стремился объединить славян под эгидой царизма. Эта крайняя концепция, она в известной мере была ответом на агрессивную концепцию «Дранг нах Остен» [15]. Одна крайность вызывала другую крайность. Последней не придавали решающего значения в развязывании войн в Европе. Я попутно заметил, что панслависты не являются единственным в своем роде агрессивным явлением, есть более агрессивное явление — «Дранг нах Остен». Затем, нельзя отрицать больших народных связей, существующих между балканскими странами и нашей. Всем известно о существовании политических и культурных связей. Был целый ряд внешнеполитических шагов русской империи, русского народа, русской армии для создания Болгарского государства. Эта сторона дела замалчивается в иностранных учебниках, но этот вопрос нужно было подчеркнуть, что образование Болгарии в самостоятельное государство было во многом всязано с вышеозначенными шагами. Это нужно было показать на основе исторических фактов.

Вопрос польский. У нас в традиционных учебниках, особенно если раскрыть учебники XIX в., то польская революция 1830 и 1831 гг., которую Энгельс называет консервативной революцией, на это обращают меньше внимания [16]. Затем — восстание 1863 года. Мы считаем большим достижением завоевание общеславянской демократии, народного движения, что это именно связано с русской демократией. Ленин подчеркивал связь Чернышевского с демократическим движением Польши. И мне представляется, что это движение демократическое и связанное с российским демократизмом. Если взять 1863 год. Крупное шляхетское панство, опираясь на поддержку со стороны Франции и Англии, менее всего было озабочено разрешением внутренних польских народных вопросов. Не секрет, что эти так называемые деятели польские проходили мимо главных коренных вопросов народной жизни Польши. Я предложил несколько подчеркнуть отрицательные моменты антинациональной деятельности панской шляхты.

Наконец, несколько замечаний по поводу пропусков в наших учебных пособиях. Когда мы говорим о «Дранг нах Остен», рассматриваем немец-

ких псов-рыцарей в XII—XIII вв. и дальше — в XIV—XV вв., то как только доходят до XVI—XVIII вв., «Дранг нах Остен» исчезает, исчезает та борьба, которая проводится немецкими феодалами против славян, против России. Изменяется лишь форма. Возьмите публицистику, где и кто больше распространяет легенды о России, об отрицательном влиянии России на Европу? Например, после 1813 г. прусские издательства, прусские либералы издавали целый ряд порочащих, клеветнических брошюр и книг на русский народ. Затем — экономическая борьба, которая продолжалась в течение всего периода XX в. то в форме таможенной войны, то в форме тех или иных нажимов и в насаждении агентуры и разведки. «Дранг нах Остен» не исчезает — он принял другую форму. Это было существенным пробелом наших учебников. Тов. Рубинштейн, в Вашей книге был смазан вопрос о борьбе русской историографии с немецким засилием.

Вывод такой, что без творческой дискуссии, без элементарной добросовестности и без обновления руководства институту трудно будет вести борьбу с вредным влиянием на фронте исторической науки. Нужно добиться такого положения, чтобы люди, чернившие прошлое нашей родины, не действовали безнаказанно на историческом фронте. И уж, во всяком случае, не замалчивались важнейшие указания т. Сталина.

Щ е р б а к о в. Слово имеет т. Аджемян.

А д ж е м я н. Важнейшей вехой в развитии и возмужании нашей исторической науки, как известно, являются краткие руководящие указания о недостатках нашей советской историографии. Речь идет о «Замечаниях» тт. Сталина, Жданова, Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР. Требование рассматривать народы СССР не как пассивный объект исторического процесса, а как активный субъект является огромной важности фактором в деле дальнейшего развития нашей исторической науки. Разумеется, и до этих «Замечаний» наши историки так или иначе старались подчеркивать творческую роль народа в истории. Однако это благое стремление не давало сколько-нибудь верного представления о том, что же понять под самим понятием «народ». Желая выразить творческую роль народа, наша рассудочная, не доходящая до ступени разума историография льнула к образам Разина, Болотникова, Пугачева, Радищева, декабристов и опасалась деяний и значения Дмитрия Донского, Александра Невского, Ивана Грозного, Петра Первого, Суворова и т. д. Почему? Потому, что первые выступали против государства, государственного гнета своего времени, вторые же, наоборот, ратовали за укрепление и возвеличение государства, его мощи, его независимости и суверенности. Первые разрушали, вторые — строили.

При рассудочном понимании исторических процессов легко попасть на ложный след и дойти до джунглей таких диких домыслов, будто народ выступает на арену истории как субъект лишь тогда, когда нужно разрушать, бунтовать, поднимать восстания и мятежи. Ну а когда фельдмаршал Румянцев занимает Берлин, Суворов — Измаил, Ермолов — Дагестан, когда Русь превращается Петром в необъятную империю, а Александр I вступает победителем в Париж? Во всех этих случаях, когда ярче и наиболее поразительно сверкает творческий гений народа-победителя, кровью, трудом и усилиями своими добивающегося возвеличения своей государственности, своей мощи и свободы, наша младенческая, незрелая историческая мысль склонна была видеть лишь козни, а в лучшем случае — подвиги исторических личностей, оторванных от народа, а чаще всего противостоящих народу. Это жестокое заблуждение ныне рассеивается, если не сказать, что вполне рассеялось, и люди, носящие блестящие эполеты, украшенные дорогими парчами, орденами, а иной раз и короной, выступают перед нами из тумана прежних столетий как воплощение народного духа, народной воли, народной мощи, как и народной немощи и бессилия, носителями национальных стремлений и национального самосознания. Иначе говоря, вслед за классиками марксистско-ленинской исторической науки мы, молодые кадры историков, публицистов и писателей, начали осознавать ту

глубокую, трудно постижимую истину, что исторические процессы надо рассматривать в их единстве как некий живой организм, отказываясь от повадок анатома, который волен обращаться со своим объектом исследования всеми острыми средствами резни и рассечений.

Единый монистический взгляд на историю заставил нас, наконец, признать, что понятие народа не противостоит понятию государства, а наоборот, чаще всего является более или менее осознанной целью его, как и реальным его базисом. Величайший монист по линии идеализма Гегель эту правду истории очень ярко сформулировал так: «Самосознание монарха зиждется на монархическом самосознании подданных». Один из наших философов говорил, что это утверждение Гегеля уже устарело в связи с постановлением Центрального Комитета об «Истории философии» [17]. Я же считаю как раз то живое, то диалектическое, которое мы признаем за Гегелем, вскрывается как раз в этом, ибо сознание монарха поистине зиждется на монархическом сознании подданных, и как только подданные перестают быть зараженными верноподданническими замыслами по отношению своих монархов, они уже избавляются от самого монарха. Это и подобные утверждения Гегеля дали основания Энгельсу характеризовать его взгляды о соотношении государства и народа словами: «Негодность правительства объясняется и оправдывается негодностью подданных. Тогдашние пруссаки имели такое правительство, какого они заслуживали» [18]. Энгельс, по существу солидаризируясь с этими гегелевскими мыслями, развивает их, дает им более отчетливые формы.

Монистическая цельность и неразрывность народа и государства, масс и исторических личностей кажутся на первый взгляд способными нас выбить из классовых позиций, отрешить нас от священного долга рассматривать исторический процесс как борьбу между плебеями и патрициями, крепостными и помещиками, рабочими и капиталистами. На деле же лишь при таком взгляде мы способны понять смысл и значение этой борьбы и степень ее заостренности. И поистине разве можно верно понять, например, историю пугачевского бунта без указанного монистического взгляда единства и взаимообусловленности народа и правителей? Конечно, нетрудно стать на позицию наивной рассудочной историографии и сказать, что царское правительство ничего общего не имело с интересами народа, а потому защитник и вождь народа Пугачев скликал своих орлов народного восстания и, вступив в смертный бой с царскими наймитами, был, увы, побежден в неравном бою. По этой схеме и было написано немало трудов, повестей и поэм. Это было легко и казалось убедительно. При более глубоком взгляде на предмет оказывается, что государство Екатерины II в условиях конца XVIII в. не в такой уж степени было антинародным, а Пугачев, воюющий за «лучшего царя», был не таким уж преданным делу народа вождем.

Сами массы, поднятые им, не могли еще толком понять, за что они взялись за топор, вилы и оружие, и их победа способна была поставить под удар секиры политическую мощь России, могла широко открыть ворота перед иноземными захватчиками и даже на время вывести ее из числа мировых держав в силу отсутствия более достойного, зрелого преемника государства Романовых. Мы миновали пору того детского лепета, когда, сравнивая пугачевщину с декабристами, рассуждали так: «Что же декабристы? Они сами были дворяне, генералы, а вот Пугачев — это был человек из народа». Между тем, при рассмотрении истории как единого процесса нам легко понять, что победа декабристов вывела бы Россию на путь либерального, капиталистического, более прогрессивного развития, ускорила бы темпы прогресса и восхождения России как мировой, благоустроенной державы, тогда как при победе Пугачева Россия поверглась бы в пучину кровавого одичания, а слова самого Емельяна: «Бог наказал Россию через мое окаянство» осуществились бы в гораздо более крупных масштабах.

Единство исторического процесса, не лишая нас возможности классового анализа и классовой направленности, обязывает нас знать пределы достигаемости влияния этого фактора, отдать этой важнейшей движущей

силе должное, но только должное, то есть ни в коем случае не растворять в социальных конфликтах прошлого все богатство и краски исторического многообразия. Такое растворение порождает обилие серой краски, которой расписаны образы, деяния и процессы русской истории М. Н. Покровским в отличие от во много раз более жизненных и потому более правдивых описаний С. Соловьева и В. Ключевского [19]. Причем, дело вовсе не в том, что эти последние — таланты большей силы, чем первый, ибо и Покровский не лишен был выдающегося таланта. Дело в том, что он везде проводил социальные разрезы исторических процессов, лишал их той цельности, того единства, которые присущи им и самому субъекту — человеческому обществу, выступающему в виде народности, нации или объединения наций. Представив классы и социальные группы как некие законченные, друг от друга оторванные величины, он проглядел то единство, которое является истинной ареной борьбы этих классовых противоположностей. Методологически это было не что иное, как метафизический взгляд на историю, ибо, как верно замечает Энгельс о метафизическом естествознании, оно есть не что иное, как наука о законченных вещах. Говоря же о заслугах диалектики Гегеля, он отмечает тут же, что благодаря ей естествознание стало наукой о процессах и «о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое».

Мы теперь уже яснее понимаем, что же значит рассматривать исторические процессы и исторический субъект как целое монистически развивающееся единство. Мы подчеркиваем, однако, еще раз, что классовая дифференциация и борьба классов тут не только не устраняется как необходимость и как движущая сила, но, наоборот, это «великое целое» будет достигнуто тем более совершенно, чем классовое расслоение и распри будут полнее представлены и учтены. Энгельс в том же «Людвиге Фейербахе» говорит также о другом виде историографии, где господствует дух единой целостности, но говорит с упреком, ибо это целое не включает в себя борьбу классов. Речь идет о римской историографии. Следовательно, метафизическое рассечение единого целого на части, на горизонтальные слои, при котором легко представлять «верхи» и «низы» общества,— также нужный и необходимый шаг, и, однако, на этом не следует останавливаться.

Процесс развития методологии истории таков, что сначала мы неизбежно имеем замкнутое в себе недифференцированное целое, затем разрозненные и друг от друга оторванные частицы, когда целое было убито и, наконец, победой метода исторического материализма достигается новая ступень развития, когда классовые расслоения и противоречия не убивают единого целостного исторического субъекта, а лишь оживляют его, обогащают его содержание. При таком взгляде на развитие истории как науки оказывается (и этот момент мы должны здесь оттенить с особой силой), что метод подобного классового рассечения общества не есть, строго говоря, то новое, чем вправе гордиться марксизм-ленинизм. В самом деле, выслушаем авторитетного защитника такого классового мировоззрения: «Борьба различных классов наполняет нашу историю»,— пишет Франсуа Гизо в книге «Демократия во Франции» [20]. Еще за год до рождения Энгельса Гизо с похвальной рельефностью и новизной провозглашал тезис о классовом характере развития Франции: «В течение 13 веков Франция заключала в себе два народа: народ победителей и народ побежденных. В течение 13 веков народ побежденных боролся, чтобы сбросить с себя иго народа победителей. Наша история — есть история борьбы». Вполне понятно, что многие из наших советских историков в этом зеркале гизовской, типично буржуазной социологии могут найти и узнать самого себя, не подозревая, однако, что сущность подлинно ленинской исторической науки вовсе не сводится к подобному социологизированию исторического процесса.

Рассекая живой организм прошлых исторических эпох по социальным признакам, иные из наших историков очень часто склонны были множества из деяний и событий минувшего заклеймить, очернить лишь на том основании, что эти события и деяния не связаны с трудовыми классами или их вождями. Желчность и нигилизм к прошлому стали признаком хорошего

тона. Душа исторического материализма — историзм — был извращен низменным, брюзжащим терсидизмом, односторонним отрицанием всего лучшего, светлого, чем изобиловала история наших народов. Краеугольный камень историзма — все, что действительно, то разумно —обходился с большим опасением. Так, росчерком пера расправляясь с «палачами народов», которые при ближайшем рассмотрении часто оказывались проводниками и творцами прогрессивных стремлений истории, рассудочная историография придумывала утешительные антитезы. Она культивировала галерею химерических «революционеров», «борцов за свободу народа», которые противопоставлялись указанным «палачам». В результате картина становилась достойна зрелища если и не богов, то самих историков, умеющих извлечь так много полезного из своих же грубых ошибок и тяжких заблуждений. В частности, взять тех химерических «революционеров», которых придумал Бушуев в лице Шамиля, взять ошибку Панкратовой, которая в лице химерических «революционеров», в лице вождя национально-освободительного движения казахов К. Касымова [21] и др. [...] [22].

Это является, с моей точки зрения, извращением исторической истины. Извращением исторической истины является также показ Ермолова, «декабриста-генерала», который сумел покорить Дагестан в пользу дагестанского же народа. Он объявляется палачом народов Кавказа. Сами же горцы никогда не соглашались бы, и сам Шамиль никогда не согласился бы с подобной квалификацией Бушуева. Когда Шамиля спросили, что он хочет видеть в России, он ответил, чтобы представили его Ермолову.

Длительный и болезненный процесс покорения горцев Кавказа Россией как историческая тема долго облюбовывалась рассудочной историографией, а также нашей поэзией, беллетристикой. Горы Кавказа высоки, неприступны и потому легко отказаться от тех связей, от того целого, о которых говорилось выше. Все дело тут легко объясняется двумя или тремя «классовыми» и «национально-освободительными» силами, выступающими в непримиримой борьбе. С одной стороны, «палач азиатских народов» — царская Россия со своим жестокими генералами, тщетно пытающимися покорить свободолюбивых горцев, с другой стороны — беззаветно преданный национально-освободительному движению и независимости своего народа Шамиль — этот талантливый вождь и государственный деятель, воплощающий собой прогрессивные стремления демократических масс горцев. Далее я даю реальную характеристику самого Шамиля как человека, который осуществлял внешнеполитическую программу Турции и внешнеполитическую программу английской дипломатии против России, и утверждаю в своей работе «Историческая сущность кавказского мюридизма» [23], что, безусловно, Шамиль выполнял реакционную роль в истории и покорении Дагестана, ибо его победа означала бы присоединение Грузии, Армении и Азербайджана к Турции, между тем, как эти народы сами шли к России с просьбой, чтобы эти страны были под эгидой России, чтобы освободиться от гнета Турции и Ирана.

Товарищи, очень важно иметь в виду, и на этом совещании надо поставить вопрос о том, каков основной закон покорения этих народов Россией, то есть покорения и объединения всех наших народов в течение XVIII и XIX столетий. Исторический закон, который мы можем проследить и который в своей работе я постарался доказать, сводится к тому, что чем выше общий культурный уровень, уровень развития цивилизации данного народа, тем охотнее этот народ идет под эгидой России и, наоборот, чем народ более отсталый, чем он более скован азиатчиной, той неподвижностью, которая столетиями угнетала народный дух этих народов, тем он ожесточеннее сопротивляется и не идет любовно под эгиду русского владычества. Этот закон ни в коем случае не нарушается.

Возьмите пример Украины, Грузии, Армении. Эти и в прошлом наиболее культурные народы. Они все, как известно, в лице своих вождей и царей сами льнули, они сами просили и Петра, и Екатерину, и Александра I, чтобы их избавили от того гнета, который довлел над ними веками со стороны Турции и Ирана, по отношению к Украине — Польши. Возьмите

такие страны, как Казахстан, Дагестан,— здесь мы видим совершенно другую картиину. Отсталость этих народов давала возможность местным реакционерам, феодалам, опирающимся на помощь со стороны Ирана, Турции и т. д., вести ожесточенную бессмысленную, с точки зрения ведущей исторической линии, той линии, какую Ленин назвал столбовой дорогой исторического развития, политику. Они вели против этой линии ожесточенную бессмысленную войну, которая, конечно, нанесла очень большой ущерб своим народам и своим народным интересам и интересам России в целом. Поэтому я и ставлю вопрос: к чему сводятся требования ленинского понимания истории народов СССР? Эти требования сводятся к тому, чтобы дать отпор метафизическому пониманию субъекта истории.

Но здесь-то и возникает большой и трудно решаемый вопрос. Дело в том, что идеи пролетарской диктатуры, советского строя и бесклассового общества сложились, а затем и воплотились в жизни лишь за последние сто лет, с появлением марксизма. Как же быть с историческими явлениями прошлых столетий, когда народы и классы вели между собой ожесточенную борьбу, не имея понятия о том, что их деяния способствуют или замедляют приближение человечества к бесклассовому обществу? И вот тот же принцип монистического субъекта как цели исторического развития дает разгадку этой проблемы. Пусть нас отделяют от античной Греции целые горные цепи веков, но мы знаем, что без Гомера и Аристотеля не были бы Пушкин и Ленин, как без рабовладельческого строя не мог сложиться феодальный строй, без этого последнего — капиталистический, а далее — социалистический. Мы ясно видим, что от античного мира до нашей великой эпохи вьется генеральный путь, или, как Ленин назвал, столбовая дорога исторического прогресса. Этот путь нам ясно указывает, какие силы способствовали тому, чтобы он был проведен успешно, а какие силы стали поперек его и старались замедлить ход поступательного движения человечества вперед.

В этом свете и нужно расценивать исторические явления и деяния исторических личностей на арене истории народов СССР. Ведь если мы нашими идеалами обязаны даже отдаленным грекам, то как много мы обязаны народу великой Руси и другим братским народам, которые ныне плечом к плечу строят новое величественное здание общечеловеческого содружества в лице новой социалистической формации, способной спасти человечество от того тупика, в который вошел мир в течение этих двух мировых войн. И тут мы ясно видим, что историей суждено нам играть великую освободительную роль, которую мы уже выполняем с того времени, когда наша страна дарила миру своих гениев по линии поэзии, музыки, театра, философии, науки и политики. Мы обязаны ясно осознать, что без чувства глубокого уважения к прошлому мы не можем возбудить в растущих поколениях чувство уважения к настоящему и будущему. Из ничего ничего не бывает, и что-либо бывает из чего-либо. Когда, например, историк Бушуев с легкой руки называет славного декабриста Ермолова «палачом кавказских народов», а т. Панкратова даже в условиях 1944 г. считает возможным солидаризироваться с такой оценкой [24], какой же смысл был в том, что горный Кавказ ценой огромных жертв был покорен? Если никакого смысла не было, значит, было историческим безумием все, что случилось вслед за этим: присоединение Армении, Грузии, Азербайджана к России, создание промышленных центров вроде Баку, Батуми. Значит, была права Турция в своем вековом стремлении вновь завладеть Кавказом и правы теперь те пантюркисты и энвериста [25], что считают Кавказ, Казахстан своей вотчиной, отнятой Россией.

И вот мы видим, что такие выводы слагаются у тех историков, которые стоят на так называемых позициях классовой борьбы. Тов. Панкратова в указанном выше докладе ясно заявила, что неверно утверждать, что фактор пространства играл свою видную роль в обороне нашей страны, и ссылалась на опыт мировой войны, когда якобы пространство не играло никакой роли. Спрашивается, зачем в апреле 1944 г. т. Панкратовой понадобилось выступать против значения пространства в нашей обороне, когда

об этом трубят так усердно и так лживо наши враги? А вот почему. Тов. Панкратова в бытность свою в Казахстане создала книгу об истории Казахской ССР, в которой по-старинке очернила русскую завоевательную политику, благодаря которой впоследствии казахи приобрели культуру, литературу, национальный облик. Она расхваливала Касымова и его движение за то, что они упрямо шли против исторически прогрессивного движения России на Восток, что диктовалось как интересами безопасности русской империи с Востока, так и интересами культурного пробуждения казахов, веками прозябавших в цепких когтях азиатской неподвижности. Логика тут ясная. Раз Россия зря залезла в казахские степи, в кавказские горы, значит, она зря гонялось за химерами, и, значит, история России сама есть погоня за призрачными химерическими целями. Такая теория, такая «философия» истории народов СССР также культивируется за рубежом. Марксизм учит, что то, что действительно, — разумно. Тов. Панкратова вступает в схватку с исторической действительностью и клеймит ее осуждением и поношением. Она это делает с полным сознанием своей правоты, ибо считает, что ее право и даже долг — оплевывать русских царей, генералов, наместников и облюбовывать всяких бунтарей, авантюристов, одевая их в тогу национальных освободителей, хотя известно, что в те годы казахи и дагестанцы еще не были нациями.

Где тут логика? Логика тут ясная. Она исходит из принципа классовой борьбы, так ложно ею понятого, и строит свои силлогизмы: раз классовая борьба — значит, надо сочувствовать движению «низов» против «верхов». Кто «низы»? — Казахи! Кто «верхи»? — Представители русской империи.

Нам же надо отказаться от подобной ложной трактовки сущности ленинизма и исходить из интересов Советского государства, советского народа. Это и есть тот монистический целостный, неразрывный субъект, который достоин чести быть критерием исторической истины. Подойдя с этим критерием, мы поймем, что борьба за пространственный максимум была велением мудрого инстинкта самосохранения русской нации и державы, и это веление привело Россию к гигантским территориальным завоеваниям благодаря тому, что национальные интересы России совпали с интересами казахов, узбеков, бурят-монголов, азербайджанцев, грузин, армян, горцев и т. д. Если бы не это совпадение, Россия не достигла бы ничего и стала бы объектом ненависти, а не субъектом той силы, которая привела нас к изумительным историческим результатам, воспетым нашим гимном: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь».

Процесс этого сплочения не прошел плавно. Англия, Турция, Иран, затем Шамиль, Касымов позаботились об этом. Но ныне уже ясно, что все эти оппозиционные силы выполняли реакционное дело. Тут цитаты от Маркса и Энгельса о Шамиле не помогут, ибо знание России не составляло сильную сторону этих наших учителей. Главное, они не учли и не могли учесть, что Россия не есть проселочная тропа по отношению к столбовой дороге мировой истории, а наоборот, ей-то и принадлежит высокая честь составлять своей историей последнюю фазу этого великого тракта. Некоторое пренебрежение к славянам чувствовалось даже в их трудах. Это отчасти надо объяснить тем, что славяне, в частности, в России, не были тем, чем они стали с конца XIX и в начале XX века. Именно в это время Россия созрела для обновления, а царский режим прогнил и превратился в реакционную силу, а преемник наследия новой России партия Ленина—Сталина выросла в невиданную творческую, волевую и разумную силу. Все наши крепкие эпитеты о России как тюрьме народов, цари которой — палачи народа, изверги, кретины и т. д., — все это очень гармонирует с Россией этого периода, то есть конца XIX и начала XX в., и начинает терять свою силу, когда мы спускаемся по ступеням в первую половину XIX в. или во вторую половину XVIII века. Поэтому я здесь выдвигаю тезис — вести эту демаркационную линию, чтобы верно употреблять эти эпитеты. Здесь есть ясный критерий — готовность нового наследника взять кормило новой власти огромной державы и вести ее по новому курсу. Это привелось лишь в конце XIX столетия и осуществилось в 1917 году.

Товарищи, я старался доказать, что взгляды мои не суть грибы, выросшие на почве конъюнктурных условий, а вытекают от субстанционального духа ленинизма. Это не значит, что нет уродливых примеров шарахания от вульгарно-социологической историографии в другую крайность — идеализацию царей или всех деяний многих из них, даже достойных царей, что тоже непозволительно. Критическое оружие никогда не должно ржаветь, но критика не должна быть, как бывало, в стиле Собакевича. Мне одно ясно, что мы должны отбросить болтовню о том, что новые веяния в истории вызваны желанием угодить нашим союзникам, угодить существующим условиям времени. Это заблуждение или злой умысел. Эти веяния вытекают из священных интересов Советского Союза, и против этого могут возражать лишь те, которые связаны со старыми ошибками, различными трудами, выступлениями, от которых им не хочется без боя отрешиться. Пожелаем, чтобы они с боем, но все-таки отреклись.

Панкратова. Товарищи, я хочу прежде всего выразить самую искреннюю благодарность ЦК ВКП(б), который в такое трудное время, в напряженных заботах по организации победы в Великой отечественной войне нашел возможность созвать нас, историков, и выслушать наши сомнения, вопросы, недоумения, даже когда они излагаются с такой откровенностью, какая была только что продемонстрирована т. Аджемяном. Всем присутствующим историкам известно, что у некоторых товарищей, действительно, имеются и сомнения, и новые вопросы, которые нас волнуют. Поэтому нам крайне необходимы совет и помощь партии, чтобы мы могли успешно развернуть нашу ответственную и почетную работу по воспитанию молодых поколений в духе советского патриотизма. Мы стремимся писать книги и читать наши лекции по истории СССР с уверенностью в том, что мы делаем эту работу так, как это нужно, то есть в интересах нашего великого народа и прежде всего в интересах нашей победы над злейшим врагом человечества — фашизмом.

Мы не раз уже имели со стороны ЦК нашей партии указания, помощь и внимание, облегчавшие нашу ориентировку в самых трудных и сложных исторических проблемах. Эту помощь мы всегда воспринимали с огромным энтузиазмом и благодарностью. Каждое указание руководителей партии, каждое их выступление по вопросам истории, каждое их критическое замечание по общим или конкретным историческим проблемам поднимало нашу советскую историческую науку на высшую ступень, обогащая теоретически каждого из нас в отдельности и всех вместе, вооружая нас методологией творческого марксизма. Последнее решение Центрального Комитета партии по III т. «Истории философии», содержание которого опубликовано в журнале «Большевик» в статье «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX веков», конечно, относится не только к философам, но также и к нам, советским историкам. Я уже не говорю о том, что реакционные стороны и отрыжки гегельянства, которые были сейчас продемонстрированы в выступлении т. Аджемяна, оказывали в прошлом известное влияние на развитие исторической науки. Самый факт, что ЦК предостерегает нас от того некритического и даже апологетического отношения к философии Гегеля, какое было широко распространено в наших рядах, несомненно, имеет большое творческое значение.

Как известно, Гегель оказал большое влияние на русскую историографию XIX в. начиная от знаменитого русского историка Соловьева, исторические концепции которого во многом опирались на классическую немецкую философию, и кончая Ключевским и его школой. Гегельянство оказывало немалое и во многих отношениях благотворное влияние на общественно-исторические взгляды западников и русских просветителей, хотя они и не всё принимали у Гегеля. Известно, что Белинский, не совсем разобравшись в гегелевской формуле, что всё действительное разумно, с большой страстностью отказался от философской концепции Гегеля. Надо также подчеркнуть, что уже наши русские философы, в частности Герцен и Белинский, сумели за многими сильными сторонами гегелевской

диалектики разглядеть также и недостатки идеалистических позиций Гегеля. Эти и другие представители русской философии уже пытались соединить диалектику Гегеля с материализмом Фейербаха. Вместе с тем можно констатировать, что ряд представителей исторической науки в России заимствовал от Гегеля не только положительные, но и реакционные стороны его историко-философской концепции. В частности, под влиянием реакционных сторон этой концепции находилась так называемая русская государственная школа историографии с Чичериным во главе [26]. Эта «школа» и ее продолжатели усвоили от Гегеля и свои взгляды на государство как на творца истории, и свое непонимание роли народных масс в историческом процессе. Гегелевское понимание связи государства и народа в известной мере было сегодня вновь отражено и в выступлении т. Аджемяна, хотя он и старался внести в это понимание некоторые «поправки» и оговорки. Чичерин, например, писал: «Государство есть высшая форма общежития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная народность, которая выражается преимущественно в единстве языка, собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом» (Чичерин Б. Н. «Опыты по истории русского права», стр. 369).

Историки-«государственники» подчеркивали, что в России государство организовалось сверху действиями правительств, а не самостоятельными усилиями народа. Они изображали русское государство как некую независимую, самодовлеющую, надклассовую силу — организатора русской истории. Разве не принадлежит по своей методологии к таким буржуазно-историческим концепциям трактовка проф. Сыромятниковым петровского абсолютизма как надклассового государства? Разве не примыкают к этой концепции слышанные нами здесь рассуждения Аджемяна о том, что государство и народ — одно и то же, или всем известная концепция чл.-корр. Яковлева о том, что «русская императорская власть» представляла и защищала интересы русского народа? Мне нет надобности останавливаться на разборе политического смысла этого рода концепции о происхождении и роли государства. Их давно и глубоко раскрыли и показали основоположники марксизма-ленинизма Маркс и Энгельс и их великие продолжатели Ленин и Сталин. Мы не обратились бы к этим, казалось бы, давно преодоленным теоретическим ошибкам в понимании вопроса о государстве, его классовой сущности и исторической роли, если бы во время Отечественной войны некоторые наши историки, не поняв и не усвоив сущности Советского государства, принципиальных отличий и основ советского строя, роли народных масс в истории и в особенности роли Великой октябрьской революции и диктатуры пролетариата в борьбе за социализм, не попытались бы провести прямую линию преемственности от старого дворянско-буржуазного государства в России к Советскому социалистическому государству.

Мне кажется, что это — основная теоретическая ошибка тех наших историков, которые не вполне преодолели идеалистические концепции старой историографии или недостаточно овладели марксизмом-ленинизмом. Отсюда и проистекает неправильный подход к вопросу о роли царизма в русской истории на разных этапах его развития. В ряде лекций, устных выступлений, статей и даже книг разных авторов мы имеем идеи, близкие по существу, хотя и не столь открыто формулированные. Сближение русского государства дооктябрьского периода, особенно его внешнеполитических задач и целей, с Советским государством вытекает у ряда историков, возможно, из самых лучших субъективных побуждений, из намерений самого патриотического характера. И все же — это серьезная ошибка не только теоретическая, но и политическая. Воскрешая некоторые гегельянские представления о роли государства в истории и о взаимоотношениях народа и государства, наши историки становятся на антиисторический, антимарксистский путь в подходе к историческому процессу. Они прежде всего выхолащивают действительное классовое содержание исторического процесса, различное на разных этапах истории. Известно также, что история народных движений, как и история отдельных народов, входивших в состав

России, не получила широкого отражения в исторической концепции школы «государственников». Борьбе угнетенных классов, крестьянским движениям, национально-освободительным восстаниям и т. п. совершенно не отводилось места у тех русских историков, которые находились под влиянием гегелевской истории философии. В крайнем случае, эти массовые движения вызывали резкое осуждение, а их вожди представлялись как настоящие разрушители государства, как дикари, как регрессивные силы в истории. Сегодня все это говорил и наш «гегельянец» т. Аджемян.

Несостоятельность этой стороны гегелевской философии истории была раскрыта еще в «Святом семействе» [27], где Маркс показал антиисторизм идеалистических представлений Гегеля об общественном развитии. «В философии истории Гегеля — писал Маркс, — как и в его натурфилософии, сын порождает мать, дух — природу, христианская религия — язычество, результат — начало» [28]. Гегель, в вопросах истории стоявший на позициях идеалистической философии, не сумел возвыситься до понимания подлинно исторической роли и значения народных масс в истории. В решении Центрального Комитета партии подчеркнуто, что авторы, работавшие над III т. «Истории философии», обошли молчанием эти реакционные рассуждения Гегеля, который возвеличивал государство как земно-божественное существо. «Настойчиво защищая реакционный тип государства, — говорится в постановлении, — Гегель подчеркивает божественный суверенитет монарха и бесправие народа». В «Философии права» [29] Гегель пишет, что народ — это не что иное, как «бесформенная масса», действия которой «стихийны, неразумны, дики и ужасны» (стр. 328). В постановлении ЦК отмечено также, что «авторы III тома обходят молчанием и тезис Гегеля о необходимости систематической колонизации других народов», что они не раскритиковали реакционные суждения Гегеля о славянских народах, и т. п. Все эти указания ЦК партии имеют к нам самое ближайшее отношение, тем более, что все эти реакционные идеи просачиваются и в нашу советскую историографию.

Ведь не случайно, товарищи, среди некоторых наших историков имеются наряду с апологетическим изображением старого русского государства и его основных деятелей, независимо от того, к какому бы периоду они ни относились, какую бы эпоху они ни представляли, с какими бы конкретными программами они не выступали, тенденции опорочить или даже отрицать роль народных масс как движущей силы истории. Движение народных масс, их материальные интересы, их историческая борьба с эксплуататорами представляется как стихийная, слепая и страшная в своей разрушительности сила. Вот передо мной лежит лекция проф. Смирнова Павла Петровича [30], которую мне прислали из Историко-архивного института для рецензирования. Лекция посвящается Богдану Хмельницкому, одному из героев национально-освободительного движения на Украине, имени которого посвящен сейчас орден, увенчивающий подвиги наших лучших полководцев [31]. Как изображен Хмельницкий в этой лекции? Как изображены народные массы, которые идут за Хмельницким? Примерно так же, как изображают народные движения и т. Аджемян, когда он говорит о «кровавом одичании» Пугачева или Шамиля, и проф. Яковлев, когда он пренебрежительно трактует восстания казахов как нападения, и акад. Тарле, когда он в одной из своих лекций изображает восстания казаков как действия «врага, стремившегося к расчленению России».

Вот что говорит проф. Смирнов о крестьянской войне на Украине против польских панов и украинских помещиков: «По всей Украине гулом разнеслись эти победы, и всюду в результате движения казаков (ведь вы помните, что Хмельницкий писал прокламации, в которых обращался к казакам с призывом защищать свои попранные права) начали подниматься крестьяне, холопы, всюду начались нападения на помещичьи замки, палаццо, жгли их, захватывали панов, их жен и детей, ксендзов и евреев и пр. Началось что-то грандиозно-страшное. Началась настоящая крестьянская война, у которой сейчас же выдвинулись свои вожди, среди них особенно выделялся Перебийнос, или Кривонос, и др. Эти вожди

действовали и там, где Хмельницкого не было, и там, где он был недалеко. Например, в Заднепровье на левом берегу, где были владения главным образом Иеремии Вишневецкого [32], пылала страшная крестьянская война. «И далее: Что нужно было делать с ними? Кто же будет работать на земле не только тех панов, которые начали возвращаться и начали розыск, но и на землях самих казаков? И Хмельницкий начинает «загонять холопов до плуга» и стал требовать, чтобы с крестьянской войной было покончено. А она, между тем, продолжала бушевать по-прежнему. Крестьяне не слагают оружия, и страшные жестокости продолжаются. На Подолье во главе крестьян стоит Кривонос, у которого было до 80 тыс. человек, Харченко и др. Они захватывали местечки, жгли их, вырезали евреев. У евреев есть в календаре день скорби, который установлен в память этой крестьянской войны... Хмельницкий издал наказ казнить смертью атаманов, и он действительно карает их смертью. Он заставляет крестьян идти в послушество».

Проф. Смирнов из этой мрачно нарисованной им картины делает два неверных и немарксистских вывода. Первый — что польская война явилась только ответом на эту «страшную крестьянскую войну», и второй — что под влиянием этой крестьянской войны Хмельницкий превратился в народного врага и изменника, искавшего случая и возможности продать Украину одному из соседних государств. И вот Богдан Хмельницкий, метавшийся между Россией, Швецией и Польшей, в припадке опьянения, случайно, а не сознательно, решает присоединиться к России с намерением при случае обмануть ее. Разве это действительно объективное изображение национально-освободительного движения на Украине? Конечно, нет.

Возьмем другой пример, не менее ярко иллюстрирующий непонимание роли русского государства и народных масс в истории. Я имею в виду книгу чл.-корр. Академии наук А. И. Яковлева, по явному недоразумению получившую Сталинскую премию. Его книга «Холопы» (я беру на себя смелость это сказать, хотя не являюсь специалистом в этой области) не только не является марксистской, но и не является патриотической книгой. Написанная с позиций формально-юридической школы, книга рассматривает холопство вне всякой связи с общим процессом развития общества и изменениями в положении отдельных классов, антиисторически отождествляя феодально-крепостную и рабовладельческую систему. Русское государство по существу представляется в книге «холопьим царством». Холопы-рабы — основная производительная сила Московского государства. «На холопах, — пишет автор, — не только строилось все хозяйство князей и бояр удельного времени, но при их же обязательной помощи функционировал домашний обиход князя и боярина, действовала административная и судебная власть русских феодалов» («Холопы», стр. 24). В результате этого «похолопления» (термин А. И. Яковлева) и произошло создание русского национального государства, которое в своей основе «холопское» (по Яковлеву, холоп — это видоизмененное слово «славянин», а это понятие автор сводит к немецкому слову «Sclaven» — раб). Помимо того, что специалисты-лингвисты целиком отвергают какую бы то ни было научную основательность лингвистических упражнений проф. Яковлева, допустимо ли столь легкомысленно «подкреплять» общеизвестные теории немецко-фашистских лжеученых о том, что славяне — это рабы по происхождению и по положению в общественном развитии? Как могла эта книга без всякого обсуждения советской общественностью получить Сталинскую премию?

Я привела только некоторые примеры, свидетельствующие о том, что у нас далеко не все историки, называющие себя марксистами, овладели марксистско-ленинской методологией. С другой стороны, эти примеры говорят о том, что советские историки не всегда подходят к историческим вопросам с той ответственностью, которую на них возлагает наша эпоха Великой Отечественной войны. Я считаю, например, не только теоретически ошибочной, но и политически вредной лекцию акад. Тарле на тему: «О роли территориального расширения России в XIX веке» [33]. Как известно, это публичное выступление акад. Тарле в Саратове вызвало чрезвычайно большое волнение среди наших историков и особенно среди преподавателей

и студентов. В своих лекциях в Саратове акад. Тарле решил пересмотреть два основных положения, подчеркнутых в «Замечаниях» тт. Сталина, Кирова, Жданова: во-первых, положение о том, что царская Россия была «тюрьмой народов» и, во-вторых, положение, что царизм на определенном историческом этапе играл роль «жандарма Европы».

Поскольку мне в моем кратком выступлении нужно остановиться еще на книге по истории Казахской ССР, в редактировании которой я принимала участие, я хотела бы остановиться именно на первом положении. Здесь т. Аджемян указывал на то, что я, якобы, отвергала положение о том, что фактор пространства играет большую роль в условиях обороны государства. Это, конечно, неверно. Элементарное знание военной истории подтверждает роль этого фактора. Но, разумеется, я не могу согласиться с теми тезисами, которые выдвинул акад. Тарле в своем докладе «О роли территориального расширения России в конце XIX и начале XX века». Свою основную политическую и принципиальную позицию оправдания всей колониальной и внешней политики царизма акад. Тарле пытается объяснить, якобы, диалектикой: «Диалектика,— говорил он,— требует, чтобы мы смотрели на историю с точки зрения 1944 года». Я не говорю уже о том, что это — самое откровенное возрождение тезиса Покровского об истории как политике, опрокинутой в прошлое. Но и по существу, кроме вреда, такая «установка» ничего принести нам не может. Акад. Тарле аргументирует свое оправдание царской захватнической политики тем, что теперь нас, якобы, спасли пространства: «Если сейчас,— говорил он в этой лекции,— мы начинаем побеждать этого мерзкого врага, который на нас напал, то один из факторов этой победы заключается в этой громадной территории,— это один из моментов, который сейчас является одним из спасающих нас факторов. Говорить об этом факторе, о тех, кто создал этот фактор, как о каком-то недоразумении... совершенно не приходится».

Я должна оговориться, что стенограмма, которую я процитировала, автором не правлена. Может быть, т. Тарле мог бы исправить эту стенограмму в данном месте. Но я должна сказать, что это не отдельное место, а все содержание лекции в этом. Здесь исправлять трудно, так как вся лекция отвечает на вопрос о том, что СССР ныне спасли пространства, завоеванные царизмом. По этому докладу, между прочим, на заседании ученого совета Ленинградского университета была принята резолюция: принять его доклад к руководству как последнее слово советской исторической науки, как дальнейшее развитие творческого марксизма в истории. Было предложено на кафедрах обсудить этот доклад и соответствующим образом изменить программу. Я вновь хочу подчеркнуть громадную ответственность наших выступлений. Когда товарищи выступают и говорят, что первым фактором наших побед является не советский строй, а то, что царская Россия завоевала обширные пространства, а т. Аджемян договорился даже, что борьба за пространственный максимум была исторической прогрессивной задачей царской России, то я вновь и вновь хочу напомнить о политической ответственности наших выступлений. Где же у Вас граница «пространственного максимума», т. Аджемян? Не свернете ли Вы к Милюкову [34], который говорил о «естественных границах» России, которых никто не мог определить? И не пахнет ли от этих ненужных разговоров о «пространствах» дурным запахом всяких «теорий» о «жизненном пространстве», «восточно-азиатском пространстве» и т. п.?

Конечно, фактор пространства в обороне, о котором говорили, касаясь внешней политики России, Маркс и Энгельс, имеет большое значение. Но мы с вами, анализируя источники военной мощи нашего Советского государства, все же исходим не из этого фактора. В своей, как и всегда, очень простой, но очень глубокой содержательной статье о могуществе Советского государства [35] М. И. Калинин также отметил фактор пространства. Но как он этот вопрос поставил? Во-первых, он совершенно правильно самый фактор пространства взял в совокупности условий и исторических, и классовых, и естественных, то есть тех огромных ресурсов, которые открыло и использовало Советское государство. (Щербаков. Он прежде всего

берет советскую власть.) Совершенно верно. Вот с этого и начинает М. И. Калинин. Он выясняет могущество Советского государства, определяя условия, характеризующие советский строй как главный фактор в деле организации нашей победы. А что делает акад. Тарле? Разве есть хоть один намек во всей его стенограмме на роль советской власти, советского строя, рабочего класса или партии как организатора наших побед? Этого ничего нет. Он довольно решительно прошелся по всей нашей стране от Востока до Запада и решительно заявил о необходимости реабилитации колониальных захватов русского царизма, во-первых, потому, что под сталинской Конституцией народам жить стало лучше, чем когда бы то ни было раньше, и, во-вторых, потому, что русскому народу были нужны обширные пространства.

Я совершенно не принадлежу к тем историкам, которые считают, что в политике расширения русского государства нельзя видеть никаких прогрессивных моментов или факторов. Свои мысли я высказала в статье в «Правду» под названием «Великая Русь».

Я не знаю, почему редактор, написавший мне, что статья его удовлетворяет, тем не менее эту статью не только не поместил, но даже не предложил мне над ней поработать, если в чем-нибудь она требует переработки. Мне не было даже сказано, что в этой статье правильно и что неправильно. А между тем, я считала своим долгом как коммунист-историк разъяснить, как надо понимать вопрос о территориальном расширении России в определенных исторических условиях, когда складывалось русское национальное и затем многонациональное государство, имевшее на Востоке Европы свои особенности. Отмечая прогрессивность на определенных этапах борьбы за укрепление своих границ, я, во-первых, нисколько не реабилитировала политики царизма, а во-вторых, я решительно отказалась трактовать Советское государство как продолжение дооктябрьского. «Союз нерушимый республик свободных» явился не продолжением, а отрицанием «единой, неделимой» России — вернее, прочное единство СССР выросло в результате разрушения царской России как «тюрьмы народов». Вот почему мне кажутся не только спорными, но и вредными установки лекций акад. Тарле, особенно в части, касающейся Польши и Финляндии. Я думаю, что такие установки не помогают, а затрудняют нашу внешнеполитическую борьбу.

Перехожу к истории Казахской ССР. Я считаю неправильным и политически ошибочным оценку этой книги как антирусской на том основании, что в ней отрицательно охарактеризована колониальная политика русского царизма. Прежде всего, к Вашему сведению, т. Бушуев, «История Казахской ССР» была написана по предварительному плану и с предварительным обсуждением всех принципиальных вопросов. Вот у меня письмо к секретарям ЦК КП(б) Казахстана, где изложены важнейшие принципиальные положения и методологические установки, которые легли в основу этой книги [36]. (Бушуев. Но мы не знали об этом ничего.)

Прежде чем эта книга была написана, все эти вопросы были обсуждены в ЦК КП(б)К. Копию этого письма мы послали в Отдел пропаганды ЦК ВКП(б). Никаких возражений по существу тех концепций, которые мы в этой книге собирались излагать, не было, и мы считали, что мы подходим к вопросам изучения истории Казахстана правильно. Трудности были большие. Во-первых, это первая в нашей стране работа по истории национальных республик. Все другие работы такого рода еще пишутся. Во-вторых, и по истории Казахстана не было достаточного количества разработанных материалов и источников. Затем т. Бушуев, заявивший здесь об ошибках «Истории Казахской ССР», обвинивший ее в антирусском направлении, должен был бы привести хотя бы один факт или какие-нибудь конкретные материалы для доказательства этих оценок. Без этого трудно возражать по существу. Поэтому при всем желании поскорее исправить книгу мы не имеем для этого никаких конкретных замечаний. С единственной отрицательной (и то только в оценке царских колонизаторов) рецензией А. И. Яковлева мы принципиально согласиться не можем [37].

Я должна оговориться, что ни в коей мере я не считаю, что книга по истории Казахской ССР — во всех своих частях полноценно доработанная книга. Я не считаю, что ей нужно присудить Сталинскую премию. Я об этом говорила еще в Казахстане и здесь, в Москве. Но я считаю, что возражения, которые делались до сих пор, идут не с тех позиций, которые помогли бы авторам улучшить и исправить эту книгу. Мы закончили ее весной 1943 года. Тов. Бушуев спрашивает, почему эта книга была напечатана быстро, в то время, как другие книги лежат годами. Эту книгу писали, редактировали, печатали и издавали сами казахские товарищи. Когда наш институт очутился в Казахстане и Узбекистане, мы, конечно, считали своей обязанностью, прямым партийным долгом придти на помощь казахам и узбекам в создании их национальной истории. Казахи уже лет 10 работали над историей Казахстана. Два института — Казахский институт истории, литературы, языка и письменности и Казахский институт Маркса—Энгельса—Ленина — проделали очень большую предварительную работу: изучали источники — арабские, восточные, китайские, собирали архивные материалы, изучали фольклор и т. п. Мне нужно было только помочь товарищам этот материал, собранный огромным количеством историков, объединить, продумать и дать ему правильное марксистско-ленинское направление. В октябре 1941 г. книгу начали писать. Предварительно составили проспект. В 1942 г., когда я приехала, основные части книги были уже написаны.

Было очень много спорных и трудных вопросов. Прежде всего и Б. Д. Греков по своей части и я по своей пытались показать взаимоотношения между Казахстаном и Россией в той мере, в какой по материалам и источникам я могла это сделать. Второй момент. Нам казалось очень важным выяснить, что в истории казахского народа есть принципиальный рубеж, и что этим рубежом является победа Октябрьской социалистической революции, которая возродила казахский народ как нацию, ибо до победы Октябрьской социалистической революции казахский народ не мог сложиться в нацию. Октябрьская революция помогла создать его государственность и ликвидировать его отсталость. В результате Октябрьской революции и победы социализма в СССР произошел тот исторический скачок, который Казахстан прошел в своем развитии от патриархально-феодального строя к социалистическому, минуя капитализм. Обращая особенное внимание на советский период истории казахского народа, мы имели в виду показать ему, что он всем обязан советской власти, нашей большевистской партии, нашему великому русскому народу. Эту задачу мы, в той или иной мере, выполнили. Никто из товарищей не говорил, что советский период написан не так, как нужно. Но была и другая задача. Мы писали эту книгу в условиях самого напряженного времени — в 1941—1942 годах. Немцы доходили до Кавказа и до Сталинграда — недалеко от заволжских степей Казахстана. Нужно было поднять народ на защиту своей советской родины, показать, что казахи имеют боевые традиции борьбы за независимость, за свободу. Казахи воевали неплохо и под Москвой, и под Ленинградом, и под Сталинградом. Мы хотели показать, что Великая Отечественная война укрепила дружбу народов в горниле совместной борьбы против захватчиков. Борьба против захватчиков за независимость и свободу очень ярко проявлялась в истории казахского народа, отражаясь и в его эпосе, в его литературе, в его песне. Стремясь подчеркнуть боевые героические традиции казахов, мы показали их отражение и в истории, и в литературе. Может быть, здесь мы кое в чем перегнули? Сейчас готовится в Казахстане издание на казахском языке. При дальнейшей работе над редакцией текста я постараюсь внести необходимые уточнения и поправки.

Третий вопрос, который очень важно разъяснить, касается принципиальной оценки истории колониального завоевания Казахстана. По этому вопросу среди историков-казахов было очень много сомнений, шатаний и самых противоположных позиций. Стремясь подойти к вопросу о колонизации по-марксистски, то есть объективно, конкретно и всесторонне, мы считали для себя обязательным сохранить классовый подход, без которого мы не можем обойтись в истории. Чл.-корр. Яковлев в своей рецензии, как

и акад. Тарле в своей лекции, утверждают, что русский царизм и его чиновники-колонизаторы были не только защитниками интересов русского народа, но что они несли и казахам (и другим завоеванным народам) прогресс и высокую культуру. Но последнее — объективный результат, а не политика царизма в отношении угнетенных народов. Я привыкла понимать оценки Ленина—Сталина, которых я изучаю непрерывно, таким образом, что колониально-национальная политика русского царизма отражала интересы господствующего класса русских крепостников-феодалов и что сближать интересы русского царизма и народа (тем более, в XIX в., когда за свержение царизма боролись все лучшие люди русской нации) нельзя. Конечно, нельзя рисовать одной черной краской (мне при редактировании пришлось многое выбросить из того, что было написано,— ведь писали книгу 33 автора), но я не могла позволить себе искажать или фальсифицировать исторические факты и документы.

В этом вопросе, как и во всех, самая лучшая позиция — это марксистско-ленинская позиция, требующая объективного и всестороннего анализа и классового подхода (а борьбу классов в истории, конечно, нельзя отрывать от диктатуры пролетариата, как это делает т. Аджемян). Стоя на этой позиции, мы стремились показать, что царизм был угнетательской силой не только в отношении казахов, но и русских, и что против этой силы русский и казахский народ выступали совместно. Они сокрушили общего врага — царизм, когда во главе общедемократической борьбы встал русский пролетариат, создавший новое по типу Советское государство и укрепивший ту дружбу народов, которая привела эти народы к национальному расцвету. Некоторые товарищи, возражая против этой книги, говорят нам: «Зачем вы так много отводите места национальным восстаниям?» Это неправильная и неправомерная постановка вопроса. У соседей казахов, узбеков, в течение XIX в. вплоть до Андижанского восстания [38], почти не было восстаний, а казахи восставали непрерывно. Нельзя же, чтобы все народы действовали по какой-то норме, нами установленной. Мы берем исторические конкретные факты и должны их объяснить, выяснить, почему здесь так было, а не фальсифицировать историю. Вопрос, ведь, заключается не в том, сколько было восстаний, много или мало, а в том, чтобы подойти к каждому восстанию конкретно, с точки зрения его движущих сил, целей и результатов. Мы и старались так подходить, выясняя антиколониальный или антифеодальный характер каждого из них. Например, восстание Исатая Тайманова [39] носило гораздо более характер крестьянской войны, а восстание Кенесары Касымова, продолжавшееся почти 10 лет, с 1837 по 1847 г., было движением политическим, направленным против русского царизма, за объединение казахов, за сохранение их независимости и самостоятельности.

Совершенно невозможно, не отказываясь от элементарнейших требований марксизма-ленинизма по вопросам национально-колониальной политики, осудить заранее все восстания какого бы то ни было народа только потому, что конечный результат этих восстаний был неудачным, или что в общем итоге присоединение той или другой страны к России было объективно прогрессивным. Тем более неправильно осуждать восстания угнетенных народов против царизма на том основании, что сейчас эти народы живут под солнцем сталинской конституции. Ленин и Сталин постоянно и многократно указывали, что колониальные захваты диктовались класовыми интересами царизма как военно-феодального империализма. Сохранение крепостнических отношений в центре России не давало возможности обеспечить достаточно емкий рынок для растущей капиталистической промышленности. Вот почему в развитии капитализма наметились две тенденции — развитие вглубь и развитие вширь. Процесс колонизации окраин надо рассматривать конкретно и оценивать исторически каждый его этап. Я согласна, что, например, колонизация незаселенных окраин Сибири, Поволжья и Казахстана было исторически прогрессивным делом. Но я не могу понять, почему на этом основании товарищи приходят к выводу, что царская Россия не была «тюрьмой народов».

Возьмем конкретную историю Казахстана. После того, как в течение

150 лет казахский народ борется за свою независимость и политическую самостоятельность, присоединение Казахстана к России стало фактом. Разве этот факт оценен в книге отрицательно? Ничего подобного. И во всей книге, и в специальной главе о колонизации Казахстана показано, что этот факт имел объективно прогрессивное значение. Вопреки намерениям русского царизма, искусственно тормозившего развитие капитализма и сохранявшего патриархально-феодальные отношения на окраинах, развитие капитализма вширь происходило. В результате Казахстан, как и другие окраины, втягивался в орбиту влияния России, происходило разложение патриархально-феодальных отношений, ускорялся переход от кочевого образа жизни к оседлому, росла социальная дифференциация казахского аула — выделялась крестьянская казахская беднота, казахские баи и феодалы переходили на сторону царизма, создавалась возможность выделения элементов прогрессивно-демократических и затем — пролетарских.

Эти элементы росли и вместе с демократическими слоями русского народа, а затем при участии пролетариата, под руководством его революционной партии стали объединяться для борьбы против царизма и империализма. Разве не есть основное требование марксизма — всестороннее, объективное и конкретное изучение какого-нибудь исторического процесса? Без изучения всех сторон процесса колонизации — экономической, социальной, политической, культурной — я не представляю себе, и никто из товарищей мне не сказал, что это неверно, как же надо подходить к вопросу оценки колонизации. Некоторые товарищи говорят, что в книге недостаточно изображена прогрессивная сторона русской колонизации в Казахстане. Возможно, что дальнейшее изучение источников позволит конкретизировать и расширить картину. Русскую колонизацию надо на разных этапах конкретно рассматривать. Не нужно забывать, что русские колонизаторы были разные: и военные, и чиновники, и кулаки, и бедняки-переселенцы, и ссыльные рабочие. В нашей книге делается попытка показать различную роль различных социальных групп русской колонизации. В дальнейшем, очевидно, надо еще более уточнить их роль.

Некоторые товарищи считают, что мы должны были в отношении истории Казахстана применить так называемую теорию наименьшего зла. Я должна сказать, что в 1939 г. наш покойный друг Е. М. Ярославский, которого мы очень ценили, который много помогал нам в нашей работе в области истории, на заседании Академии наук сделал доклад по ряду методологических вопросов истории. В этом докладе он очень резко выступал против применения оценки «наименьшего зла» решительно ко всем колониальным окраинам. Тов. Ярослаевский подчеркивал, что это означало бы создание какой-то специальной «теории наименьшего зла», то есть какой-то новой универсальной отмычки, вроде тех, какие были у Покровского. Такого рода «теория» не изучает конкретно каждую колониальную окраину, а заставляет подходить к изучению с заранее предвзятыми схемами, идеями и оценками. Он показал также, что «теория наименьшего зла», в частности, по отношению к Казахстану, неправильна. Тов. Ярославский возражал покойному т. Шестакову [40], который в одной из статей по истории Казахстана применил «теорию наименьшего зла», указывая, что применение этой «теории» очень легко может привести к оправданию колониальной политики русского царизма и к отказу от основной характеристики царской России как «тюрьмы народов».

Но все же мы постарались к вопросу о «наименьшем зле» в отношении Казахстана подойти с конкретным материалом. Товарищи, которые работали над этими главами, в частности Якунин, Дружинин, Зутис, Вяткин, Бекмаханов [41], собрали и изучили материал конкретного характера, чтобы выяснить, была ли такая же перед казахским народом альтернатива, какая стояла в XVIII в. перед Грузией и в XVII в. перед Украиной. Те конкретные материалы, с которыми нас знакомили авторы, показали, что достаточных оснований для того, чтобы оценивать присоединение Казахстана как «наименьшее зло», в нашем распоряжении не было. (Щербакова. Нельзя ли рассказать об этих материалах?) Я бы попросила по вопросу об истории

Казахстана устроить специальное совещание авторов этой книги. Этих материалов я сейчас не имею. Между прочим, Бекмаханов, Сауранбаев, Миллер [42], Зутис и др. изучали международную обстановку, в какой развивался Казахстан в XVIII—XIX веках. Они рассмотрели три страны — Китай, Коканд и затем возможную перспективу — Англию. В отношении Китая общий вывод был такой, что к концу XIX в. положение в Китае было таково[...] [43]. (Щербаков. В 1730 г. Абулхайр присоединил Казахстан к России.) Он не присоединил, он олжен был заключить военный союз с царицей Анной Ивановной, но когда делегация Тевеккеля [44] была встречена недоброжелательно, присягу приняли только султаны Младшего и Среднего жуза. В дальнейшем отношения Абулхайра были, скорее, союзные, чем вассальные. (Бушуев. Это зависит от описания.) Если мы хотим разобраться, было ли здесь «наименьшее зло», и в других конкретных вопросах казахской истории, надо пригласить авторов, которые работали над этими вопросами. Здесь нет ни одного автора, я была только одним из редакторов книги. Мы были бы чрезвычайно благодарны за такое обсуждение потому, что вопрос о Казахской ССР имеет большое значение и для казахов, и для других национальных республик. Сейчас проблема создания истории союзных республик — актуальнейшая проблема.

Возвращаюсь к вопросу о «наименьшем зле». Угрозы завоевания со стороны среднеазиатских ханств не было. Присоединение Коканда и Хивы к царской России [45] произошло почти одновременно или несколькими годами позднее Казахстана. (Бушуев. Они самостоятельной роли не играли.) Тем более. И, наконец, Англия. Была ли в перспективе возможность присоединения Казахстана к Англии, как, скажем, это было с Афганистаном? Конкретных материалов в отношении Казахстана не знаю. Правда, надо сказать, что англичане, очевидно, различия между Средней Азией и Казахстаном не делали. Если они строили какие-нибудь планы завоевания, а это возможно, то эти планы были более или менее далекой перспективой. Марксизм требует анализировать в истории не далекие возможности, а реальные факты и объяснять эти факты.

Мы не считали целесообразным говорить о перспективе завоевания Казахстана и с политической точки зрения. Вообще нам казалось политически гораздо более правильным и целесообразным говорить казахам не то, что присоединение к России было злом большим или меньшим, а то, что их врагом был не русский народ, а русский царизм, что против этого врага русские и казахи вели героическую борьбу. С другой стороны, мы хотели показать, что включение Казахстана в общероссийскую территорию было историческим прогрессом, способствовало сближению русского и казахского народа и приблизило их к новому историческому бытию в результате победы пролетарской революции и создания Советского Союза. (Щербаков. Старший жуз [46] потерял территорию в пользу Китая.) Да, частями. Часть общин Старшего жуза откочевала в Ходжент. Старший жуз отдельными своими родами вышел из подчинения Китая, но боролся против Коканда. Все же на протяжении всего периода до XIX в. нет материалов о том, чтобы вся территория Казахстана была подчинена другому государству.

Щербаков. Слово имеет т. Нечкина.

Нечкина. Товарищи, я думаю, что такую дискуссию, которую мы ведем сегодня, необходимо держать на очень высокой принципиальной основе. Самое главное — наметить пути разрешения основных и очередных наших проблем. Даже не самое важное — обсудить ошибки или недостатки того или иного историка или той или иной отдельной книги, а важны общие принципиальные вопросы и линия дальнейшей работы. Я наметила для своего выступления два тесно связанных между собой теоретических вопроса, которые, по-моему, недостаточно освещены. Я хочу говорить, во-первых, о проблеме формирования русской нации и о развитии русского национального сознания. В связи с этим — о другой самостоятельной проблеме, которая, по-моему, является чрезвычайно важной для научного исследования, но совершенно не изученной,— о формировании советского

народа. Во-вторых, я хочу внести несколько организационных предложений. Но как первую теоретическую часть, так и вторую, организационную, я хотела бы предварить развитием нескольких общих вводных соображений. Первое из них таково: мы сейчас наблюдаем большое и разностороннее оживление, связанное с нашей наукой. Почему это происходит? Почему история стала действительно центром гуманитарных знаний, почему самые разнообразные слои населения нашего Союза тянутся к истории с разными запросами, сомнениями, требованиями?

От специалиста-профессора по иным, техническим, например, дисциплинам до красноармейца и колхозника мы слышим сейчас вопросы на исторические темы — то о движении Пугачева, то о русской государственности, то о славянах. Колхозники просят Академию наук ознаменовать выездом в их колхоз 200-летие со дня рождения Н. И. Новикова» [47], в усадьбе которого находится колхоз. Колхозница приходит за несколько километров на заседание только для того, как она сама говорит, чтобы узнать, кто такой был Новиков, русский деятель XVIII века. Мне думается, что этот огромный интерес и вместе с тем ясно выраженное недовольство состоянием нашей исторической науки — явление чрезвычайно здоровое и по значению большого масштаба. Оно связано с общим положением нашей страны, с величием переживаемого нами периода, находится в связи с большими проблемами, стоящими перед нашей страной. Оно связано с тем, что наша страна вступает в новый исторический период своего существования, связано с ее ведущей ролью в борьбе против фашизма в союзе с демократическими странами.

Наш советский народ задает вопрос об историческом объяснении этого всемирно-исторического этапа и роли нашей страны, предстоящего ей будущего, тех больших задач, которые перед нами стоят. Советский народ правильно требует от нашей исторической науки быть отточенным орудием в этой борьбе и правильно, законно требует исторического объяснения того, что он сейчас видит и наблюдает. Вот несоответствие состояния нашего исторического знания с величием задач настоящего и предстоящего и является источником законного недовольства, а для нас, историков, — важным сигналом. Если сопоставить все наши работы со всем новым в истории нашей страны, окажется, что мы отстали, что мы далеко не все стороны этого нового можем объяснить. Многое мы недоучитывали, многое лишь начинаем видеть и понимать в новом свете, много ранее незамеченных пробелов в нашей науке обнаруживаем. Я пробовала все эти разнообразные вопросы, возникающие и в наших специальных ученых кругах, и среди студентов, учительства и вообще в широких слоях людей, интересующихся историей, сгруппировать, сделать, так сказать, фотографию этих вопросов. Я не претендую на полную точность этой фотографии, товарищи меня дополнят, но думаю, что основные вопросы попали в поле моего зрения. Их можно сгруппировать следующим образом.

Первая группа — это вопросы, относящиеся к русской государственности и ее истории. Основное тут — вопрос о том, до какого времени сохранял царизм свое прогрессивное значение и с какого времени потерял его и стал тормозом в истории нашей государственности. К этой же группе относится вопрос о международной политике царизма, оценка ее прогрессивности и вопрос о царизме как «жандарме Европы».

Вторая группа вопросов относится к национально-колониальной политике царизма, к царизму как «тюрьме народов». Здесь очень часто совершается такая ошибка, как уравнение понятий «Россия» и «царизм», смешение их или даже отождествление. Это вносит путаницу, порождающую очень много недоразумений и споров.

Третья группа вопросов связана с формированием русской нации, развитием русского национального сознания. К ней относится и вопрос о героическом прошлом нашего народа. Здесь возникает много сомнений. В частности, всех тревожит статья Энгельса о Бородинском сражении [48]. Товарищи правильно указывают на несоответствие этой статьи с нашим пониманием битвы, а также на неправильность характеристики Кутузова.

Энгельс основал свою статью на пристрастном источнике — мемуарах немца Толя. Было бы целесообразно выяснить этот вопрос. К этой же группе относится важный вопрос о влиянии русской культуры на западную, который сейчас всех интересует.

Четвертая и последняя группа вопросов — это Россия и славянство. Эти вопросы исторически не разработаны и долго оставались в тени. Есть потребность в отчетливом разграничении реакционного панславизма от прогрессивной идеи всеславянской солидарности. Сюда же относится вопрос о спорности положений Маркса о славянских народах [49]. К этой же группе относится особенно интересующий всех польский вопрос.

В каждой из указанных групп налицо значительные пробелы, имеющиеся у нас в работе историков. Но с этим оживлением в исторической науке и в работе над заполнением пробелов связана и опасность всякого рода извращений, часто граничащих с ревизией марксизма. Иногда эти ошибки проистекают от непонимания дела, иногда — от недостаточной осведомленности, иногда, может быть, они и вражеские. Мы должны быть бдительными и настороженно охранять нашу науку от каких бы то ни было извращений. И вместе с тем — думать о творческом развитии нашей науки, смело ставить крупные новые проблемы, требующие большой работы, и, может быть, подчас даже нового теоретического обоснования, проблемы, которые доселе нами не ставились. В отношении тех опасностей, которые мы встречаем на этом пути, мы уже, по-моему, на сегодняшнем заседании имели несколько ярких демонстраций. Чрезвычайно неправильны, например, положения, которые развивал т. Аджемян. На целом ряде положений, которые развивал т. Бушуев, я не стала бы останавливаться, если бы т. Бушуев не выступил на заседании, имевшем принципиальное значение. Я руководила этим заседанием, оно было созвано мною в связи с подготовкой второго издания II т. учебника по Истории СССР (Россия в XIX в.).

Расскажу попутно в качестве примера указанных опасностей и искажений об этом выступлении. Указывая, что наш вузовский учебник «полностью пережил себя» и нуждается в коренной переработке, т. Бушуев коснулся важного вопроса об оценке прогрессивной деятельности царизма на разных этапах. Он считал, что у нас «непомерно раздута аракчеевщина, что о ней нужно сказать вскользь, попутно», упомянув и о «положительных сторонах государственного творчества в эпоху реакции» (читаю по сделанным мною во время заседания кратким записям). Это глубоко вредная позиция. Это является опасным и ложным. «Напрасно очерняется политика Николая первого», — говорил далее т. Бушуев, — как будто бы Николай, продолжаю цитировать его слова, «действовал без общественного мнения. Если он гонял сквозь строй, то и в Англии того времени тоже секли»; говоря о Николае I, мы будто бы раздуваем вопрос об его реакционности. В вопросах оценки внешней политики царизма мы будто бы идем на поводу у революционного движения. В этом месте я его прервала, и он выразил этим недовольство. «Какой-нибудь революционер, — продолжал т. Бушуев, — в памфлетном порядке что-нибудь скажет, а мы повторяем». Это относилось к проблеме «жандарма Европы». «В учебнике, — говорил т. Бушуев, — раздут польский вопрос, недооценен Катков, точки зрения которого иногда и правильны. Я бы на Польшу сейчас 10 катковых выпустил». Почитая эту фразу остроумной, он несколько раз ее повторил. Но т. Бущуев, очевидно, не понимает, что Катков — реакционный публицист, представитель самого махрового великодержавного шовинизма, а главное — человек, для которого не существует различий между демократической Польшей и Польшей панской, для которого поляк есть всегда вообще мятежник, негодяй, изменник, а Польша — гнездо мятежа, подлежащее немедленному уничтожению. Поэтому выражение о том, что на Польшу «сегодня» стоит выпустить 10 катковых, мне кажется политически ложным и теоретически чрезвычайно несостоятельным. Судите сами, можно ли все изложенные выше положения считать «развитием идей» т. Сталина в статье об Энгельсе («Большевик, № 9), как утверждает т. Бушуев в сегодняшнем выступлении. Думаю, никак нельзя.

Может быть, выступление т. Бушуева не оставляло бы такого тяжелого

впечатления, если бы он не кончил его следующим неуместным замечанием: «Я добьюсь от ЦК проведения в жизнь этих взглядов» (т. Бушуев был работником аппарата ЦК). Мне кажется, что это выражение — «Я добьюсь от ЦК проведения в жизнь этих взглядов» — неуместное выражение. Мы так не говорим, это не наш язык. Кроме того, это нарочито подчеркивает какую-то «поворотность», принципиальную новизну этих взглядов. Согласитесь, что не стоит «добиваться» признания каких-либо распространенных и общепризнанных марксистских положений. Если он счел необходимым чего-то «добиваться», очевидно, он этому приписывал какую-то особую «новизну». Все это внесло смущение в ряды историков. Я думаю, что т. Бушуевым руководили самые благие намерения. Он полагал, что говорит нечто очень новое и очень истинное. Но его положения не истинны, а ложны, и он не только не говорит ничего нового, но все его положения основательно пахнут нафталином и несмотря на это сильно изъедены молью. Я думаю, что точка зрения, которая хоть в какой-то мере реабилитирует и замазывает аракчеевщину, точка зрения, которая хоть в какой-то мере снимает проблему царизма — «жандарма Европы» при Николае и уравнивает на том основании, что и «в Англии секли и в России гоняли сквозь строй» — социальный и политический уровень России того времени и Англии, — неправильная точка зрения. Думаю, что мы не должны идти по этому пути.

Перехожу теперь к постановке первого намеченного мною теоретического вопроса — развития русской нации, русского национального сознания. Этот вопрос окружен молчанием в марксистских исторических работах, в научной литературе. Между тем, вопрос законный, назревший для изучения, очень серьезный. Полагаю, что надо заняться этой проблемой. Учитывая указания т. Сталина о том, что нация создается на переломе от феодализма к капитализму, мы должны внимательно вдуматься в те четыре признака нации, которые даны т. Сталиным: 1) устойчивая общность теории, 2) общность языка, 3) общность экономической жизни, 4) культуры и национального характера [50]. Вдумываясь в эти четыре признака, мы сразу замечаем, что они сами — исторически развивающиеся явления, имеют длительный период историческо-

го развития и лишь затем приходят к определенному единству. Мы не изучаем этого становления, а его необходимо изучать. Возьмем известную цитату т. Сталина о Петре I как о государе, который представлял помещиков и купцов [51]. Мы эту классовую сторону подробно разбираем. Мы подробно разбираем и другую сторону положения — об эксплоатации крестьянства, о том, что с него «драли три шкуры». Но мы совершенно не обращаем внимания на то, что т. Сталин назвал Петра национальным царем помещиков и купцов. Эту сторону дела также необходимо исследовательски разбирать.

Когда мы говорим о формировании русского национального сознания, особенно в связи с героическим прошлым нашего народа, которое является остро отточенным оружием сегодняшнего дня, мы нередко забываем о существовании двух наций в каждой нации. Мы не ставим исследовательски проблему, поставленную Лениным и неоднократно им подчеркнутую, о том, что есть две нации в каждой современной нации: «Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам, — пишет Ленин. — Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» (Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. Соч. Т. XVII, стр. 143) [52]. «Я — русский, и Россия — моя родина» — формирование этого сознания было неразрывно связано в нашей истории с процессом развития передовой русской общественной мысли. На всех этапах своей деятельности русское революционное движение связывало свои лозунги с раскрытием русского и национального. Оно никогда от этой темы не отказывалось. Оно вместе с тем всегда полагало водораздел между двумя патриотизмами — ложным, реакционным, квазипатриотизмом, который только маскировал названием «патриот» свою реакционную сущность, и подлинным передовым патриотизмом, насыщенным демократическим содержанием.

Еще декабристы назвали свое первое тайное общество «Обществом истинных и верных сынов отечества», явно подчеркивая этим, что есть другие «сыны отечества», не истинные и не верные. Вспомним, что Радищев, один из зачинателей русского революционного движения, назвал свою работу «Что есть истинный сын отечества». Через Герцена, Белинского и Чернышевского на разных этапах русского революционного движения развивалось все более и более глубокое понимание того, что такое «русское», «национальное». Пролетарский период революционного движения унаследовал это понятие, поднял его на новую высоту, обогатил его. Та «национальная гордость великороссов», о которой писал Ленин, является гордостью большевика. Замечательная особенность русского передового национального сознания — его формирование в глубочайшей связи с русским революционным движением, в противоборстве с ложным «патриотизмом», со второй культурой гучковых и пуришкевичей. Вот этот момент должен занять очень большое место в крупной научной проблеме — формировании русского национального сознания.

Кроме того, у русского национального сознания есть другая особенность. Отметим то отличие русской культуры от западноевропейской, что русская литература не разработала в своем творчестве апологии Растиньяка [53], ей осталось чуждым художественное оправдание образа хищника, стяжателя. Еще одна особенность. Русская национальная культура не создала образов клерикальной идеализации, ей остались чуждыми образы, подобные «Le Rêve» E. Zola. Еще одно: русская литература в своих художественных образах заклеймила мещанство, предала осмеянию образы мещанского уюта и благополучия. У нас не возникло образов, подобных гётевскому произведению «Герман и Доротея» [54]. Их разрабатывала именно немецкая литература. Но у нас образы мещан от Помяловского до Горького — это разоблачение мещанства.

Эти замечательные особенности русской национальной культуры, русского национального сознания должны подлежать глубокому и внимательному изучению. Наконец, такая особенность: отсутствие в русской национальной культуре элементов национальной ограниченности, отрицательного отношения к другим народам. Мы встречаем в русской культуре глубокое сознание близости народов. Пушкин свыше 100 лет тому назад полагал свою славу не в том, что его узнает Европа или Америка, а в том, что слух о нем пройдет «по всей Руси великой»! Он хотел, чтобы его имя назвал «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус и друг степей калмык». А в пушкинское время ведь тунгусы и калмыки были совсем дикими, забитыми народами. Но он именно в них в будущем полагал свою славу. Вот историческое формирование этих особенностей и требует научного раскрытия, должно быть очередной нашей задачей.

Мы совсем не занимаемся одной очень важной, еще не поставленной в науке проблемой — проблемой формирования советского народа. Я думаю, что этот вопрос как задача научного исследования и теоретического освещения должен обязательно стать в порядок научного дня. Формирование советского народа прошло большого значения этапы в Отечественной войне. Советский народ — это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории человечества прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой общей хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой несмотря на множественность языков. Однако это не нация, а нечто новое и более высокое. Это совершенно новое явление в истории человечества. Оно должно иметь свою теорию.

Существеннейшей стороной понятия «советский народ» является то, что в этой форме народ стал деятелем истории, и ход истории ускорился. Ускорение исторического процесса связано со вступлением широких народных масс в историю. Такое объяснение явлению ускорения развития исторического процесса в наше время дал Ленин: история ускоряется в связи с увеличением объема исторически действующих народных масс, которые как деятели истории вступают в исторический процесс. Понятие советского народа связано с этим вступлением масс в историю. Историю делают люди.

Зададим себе вопрос о том, всякая ли деятельность человека является исторической. Очевидно, нет. Думаю, что исторической должна называться та человеческая деятельность, которая содействует неодолимости нового. Именно в советской стране масса выступила на защиту неодолимости нового, это оказалось деятельностью советского народа. Мы на примере нашего народа видим сотни и сотни людей, которые становятся деятелями истории. Раньше, изучая Отечественную войну 1812 г., мы могли пересчитать по пальцам всех руководителей партизанских отрядов. А вот у нас только в одном из списков партизан, награждаемых к 25-летию Красной Армии, в списке, который касался не всего фронта, а лишь нескольких областей, было свыше 900 имен. Вот простой пример вступления масс в историю, убыстрения исторического процесса. Это явление связано с понятием советского народа.

Перехожу к организационным вопросам. Мы должны прямо и откровенно перечислить все наши нужды, просьбы, отметить слабые стороны в организации нашей работы, которые нас тревожат. Я скажу откровенно, что первый вопрос — это слабость общего руководства историческим участком работы, отделом гуманитарного знания. У историков нет застоя, но их разнообразная активность не имеет должного направления и руководства. Не можем же мы претендовать на частоту таких встреч, как сегодняшняя. У нас много текущих, повседневных трудных вопросов, по ним надо получить совет и указание. Но советоваться не с кем. Тов. Ярославский оказывал нам большую помощь, но после его смерти место осталось незамещенным. Наши требования к руководителю были бы сейчас еще более высокими. Руководитель, с которым можно посоветоваться по трудным вопросам принципиального значения, должен соединять очень крупный политический авторитет с личной причастностью к исторической работе, с осведомленностью в исторической работе. Он, образно выражаясь, должен знать, что такое шелест страниц архивных исторических документов, которые перелистывает историк. Он должен понимать смысл, вкус и особенности исторической работы, разбираться в исторической эвристике, в лаборатории добывания исторического вывода. Сейчас, когда руководители партии и правительства к нам приходят на помощь, с нами беседуют, мы получаем значительную помощь. Но я говорю о повседневной помощи, этой помощи пока что нам получить неоткуда.

Второе. Руководство наше недостаточно улавливает основное в жизни историка. Я беру на себя смелость сказать, в чем это основное состоит, что является основной затаенной мыслью и болью каждого историка, сидящего сейчас здесь, в этом зале, и историков, находящихся за пределами этого здания. Историк стремится сейчас к углубленной исследовательской работе, у каждого есть любимый монографический замысел и желание сосредоточиться на исследовательской работе. Но нам не дают возможности это сделать. Мы завалены огромным количеством популяризаторских заданий полукомпилятивного характера. Мы даем нередко скороспелые обобщения, экстренные выводы. Дайте нам углубленно поработать. Поставьте работы монографического характера как центральные задания. Дайте целесообразное русло этому здоровому стремлению. Надо прямо сказать, что урывками, ночами и чуть ли не контрабандой приходится историкам отрывать время для своей любимой монографической темы. Это — наша общая беда.

Третье, связанное со вторым: где у нас новые книги по специальным, узловым темам истории нашей Родины? Вот объемистая новая книга, специально посвященная Ивану Грозному, вот другая — о Петре I. Где они вышли? В Англии, в Лондоне. А у нас таких больших работ о нашей же истории нет. Переиздание небольшой, очень интересной книжки Виппера об Иване Грозном — и все. В этом отношении мы крайне бедны. В Филадельфии, в Америке, издана большая книга — 400 страниц — о декабристах (Mazour A. The first Russian revolution 1825) [55], а у нас специальную книжку о декабристах оказалось невозможным напечатать.

Четвертое. Мы лишены возможности своевременно ознакомиться с новой западноевропейской литературой, которая посвящена истории нашей Родины, темам истории СССР. Мы ее попросту не знаем. Она не достигает

наших библиотек, не комплектуется. Мы еще не прочитали новую шведскую литературу о Петре I, о Северной войне, которой там немало вышло. Мы не в курсе английских, американских исторических изданий о нашей же истории. Надо с этим покончить. Нашей стране предстоит большое будущее, она на мировую арену вышла, а мы еще новой литературы не прочитали. Положение ненормальное.

Пятое. Нам негде печататься. У нас нет научных исторических журналов, где можно было бы напечатать детальную исследовательскую статью. У нас есть «Исторический журнал», чисто популярный, — и все. А посмотрите, сколько научных исторических журналов в Западной Европе, в Америке. Нам негде печатать специальные исторические работы. Правда, у нас есть полумифические так называемые «Исторические сборники», о которых можно просто сказать — то ли они есть, то ли их нет. Кажется, что какой-то один номер когда-то выйдет, но больше мы ничего не можем сказать. Нам нужна специальная журнальная литература, где бы мы могли печатать статьи научного исследовательского характера. Нам нужен исследовательский научный журнал, и не один, а несколько. Во-первых, нужен журнал по истории СССР, во-вторых, журнал по новой истории западной или по всемирной истории. В-третьих, нам нужен специальный журнал по средним векам. Одним журналом дело не обойдется. Кроме того, надо двинуть в дело лежащие подготовленные к печати материалы, которых у нас имеется много, говорят, до 700 печатных листов.

Шестая наша беда — диссертации. Надо запретить обсуждение и защиту докторской диссертации, которая не напечатана. Надо решительно поднять уровень наших требований к диссертациям, покончить с тем шаблоном, который у нас существует: диссертация не на особенно высоком уровне, «с одной стороны», она годится, с «другой» — не годится, напечатана по своей неподготовленности быть не может, но все-таки получает ученую степень. Установилось благодушное штампование сравнительно низких по качеству работ. Надо резко поднять критерий при оценке диссертационных работ.

Седьмое — постановка дела со Сталинскими премиями. Сталинская премия — высочайшая награда ученого. Она подобна в какой-то мере ордену, является крупнейшим правительственным, общественным признанием, и она должна даваться только тем работам, которые вслед за этим должны рассматриваться как руководящие. Но здесь крайне неблагополучно. Не могу забыть одного растерянного профессора, который говорил со мной во время обеда в столовой. «Что мне делать, — говорил он, — мне прислали работу, которая, если положить ее на пол, достигает верха моего письменного стола, и потребовали через два дня дать о ней отзыв в Комитет по Сталинским премиям». Когда я его с ужасом спросила, как же он выйдет из этого положения, он ответил: «Что ж, как-нибудь дам отзыв». Ясно, что такую работу он и прочесть не успеет, не то что серьезно продумать. В. О. Ключевский требовал полгода для отзыва на докторские диссертации. Все это просто несерьезно. Позволю себе сказать свое личное мнение по одному вопросу. Мне думается, что Сталинская премия не может быть взята обратно, отнята. Мы знаем, что даже орден может быть отобран, воинское звание отнято, но когда? В случае последующего преступления человека. Но книга не может совершить последующего преступления. Она есть такая, как есть. Очень желательно Сталинские премии никогда обратно не отбирать. Вот случай, который произошел с III томом. Надо приветствовать решение, что лишь через шесть месяцев после выхода книги в свет и после общественной оценки теперь будут даваться Сталинские премии. Восьмым вопросом я наметила вопрос о кадрах и аспирантуре, девятым — о формах исторической общественности. Но время мое уже истекло. Другие выступающие, несомненно, скажут от этом, поэтому я кончаю.

Щ е р б а к о в. Перерыв придется сделать. О следующем заседании условимся так — в понедельник в 2 часа 30 минут.

(Продолжение следует.)

Примечания

1. Список выступавших на совещании: Аджемян Х. Г. (р. 1908) — поэт, переводчик, по образованию философ, в 1944 г.— член Союза советских писателей; Аманжолов С. А. (р. 1903), в 1944 г.— редактор-переводчик Главного политического управления Красной Армии, капитан, занимался вопросами казахского языкознания: Базилевич К. В. (1892—1950), в 1944 г.— доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, труды по истории внешней политики, классовой борьбы, социально-экономических отношений в феодальной России; Бахрушин С. В. (1882—1950), ученик В. О. Ключевского, в 1944 г.— член-корреспондент АН СССР, руководитель сектора истории СССР до конца XVIII в. Института истории АН СССР, труды по истории России XVI—XVII вв., истории сибирских народов и русской колонизации Сибири, истории дипломатии; Бушуев С. К. (ум. 1958), в 1944 г.— профессор, директор Высшей дипломатической школы, ранее — научных сотрудник и ученый секретарь Института истории АН СССР, труды по истории русской дипломатии и революционного движения на Кавказе; Волгин В. П. (1879—1962), член КПССС с 1920 г., в 1944 г.— академик, вице-президент АН СССР, труды по истории социалистических и коммунистических идей домарксового периода: Волин (Фрадкин) Б. М. (1886—1957), член КПСС с 1904 г., партийный работник, историк, в 1944 г.— редактор «Исторического журнала», труды по истории КПСС; Генкина Э. Б. (1902—1978), член КПСС с 1920 г., в 1944 г.— доктор исторических наук, профессор Московского университета, с 1943 г.— член авторского коллектива II т. «Истории гражданской войны в СССР», труды о государственной деятельности В. И. Ленина, истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР; Городецкий Е. Н. (1907—1993) — учеиик С. В. Бахрушина, в 1944 г.— кандидат исторических наук, лектор ЦК ВКП(б), труды по истории Октябрьской революции и становления советского государства; Греков Б. Д (1882—1953), в 1944 г.— академик, директор Института истории АН СССР, труды по истории Киевской Руси, древней истории славянских народов, русского крестьянства до XVIII в.; Державин Н. С. (1877—1953), филолог и историк, в 1944 г.— академик, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР, труды по этногенезу славян, истории русской литературы; Ефимов А. В. (1896—1971), в 1944 г.— член-корреспондент АН СССР, руководитель кафедры всеобщей истории Московского университета, труды по истории русских географических открытий, дипломатии; Ковалев С. М. в 1944 г.— кандидат исторических наук, зав. отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); Минц И. И. (1896—1991), член КПСС с 1917 г., в 1944 г.— член-корреспондент АН СССР, руководитель кафедры истории СССР Московского университета, труды по истории КПСС, Октябрьской революции и гражданской войны в СССР; Нечкина М. В. (1901—1985), в 1944 г.— доктор труды по истории общественного и революционного движения в России в XIX в.; Панкратова М. М. (1897—1957), член КПСС с 1918 г., в 1944 г.— член-корреспондент АН СССР, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, труды по истории российского и западноевропейского рабочего движения, революции 1905—1907 гг. и Октябрьской революции 1917 г. в России; Пичета В. И. (1878—1947), в 1944 г.— член-корреспондент АН СССР, руководитель сектора славяноведения Института истории АН СССР, труды по истории Польши, Литвы, Белоруссии, классовой борьбы в России; Рубинштейн Н. Д. (1897—1963), член КПСС с 1944 г., в 1944 г.— доктор исторических наук, профессор Московского университета, труды по истории России XVIII в. и историографии; Сидоров А. Л. (1900—1966), член КПСС с 1920 г., в в 1944 г.— доктор исторических наук, сотрудник Комиссии по истории гражданской войны в СССР, труды по экономической истории России начала XX в. и истории революционного движения; Сыромятников Б. И. (1874—1947), в 1944 г.— доктор юридических наук, профессор Московского университета, труды по истории русского права, о реформах Петра I; Тарле Е. В. (1875—1955), в 1944 г.— академик, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, труды по истории России и Франции XVIII—XIX вв., о Наполеоне I; Толстов С. П. (1907—1976), член КПСС с 1944 г., археолог и этнограф, в 1944 — доктор исторических наук, директор Института этнографии АН СССР, труды по древней истории Средней Азии; Яковлев А. И. (1878—1951), в 1944 г.— член-корреспондент АН СССР, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, труды по социально-экономической и военно-политической истории России XVI—XVII веков.

На заседании 1 июня 1944 г. присутствовали: Аджемян, Аманжолов, Базилевич, Бахрушин, Бушуев, Васецкий Г. С. (ум. 1983, в 1944 г.— доктор философских наук, главный редактор Госполитиздата), Волгин, Генкина, Городецкий, Державин, Еголин А. М. (1896—1959), в 1944 г.— доктор филологических наук, зав. отделом художественной литературы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (далее — УПА), Ефимов, Зуева Т. М.

(1905—1969, член КПСС с 1920 г., в 1944 г.— научный сотрудник Института истории АН СССР, сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), Ковалев, Кружков В. С. (1905—1991), философ, в 1944 г.— директор ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), Кузаков К. С. (в 1944 г. — зав. отделом УПА ЦК ВКП(б), Лебедев В. И. (ум. 1966, в 1944 г.— профессор Московского университета), Минц, Мишулин А. В. (1901—1948, в 1944 г.— доктор исторических наук, зам. зав. Отделом школ УПА ЦК ВКП(б)), Морозов М. А. (преподаватель истории, в 1944 г.— зам. зав. отделом УПА ЦК ВКП(б)), Нечкина, Панкратова, Пичета, Поспелов П. Н. (1898—1979, в 1944 г.— доктор исторический наук, редактор «Правды»), Рубинштейн, Светлов В. И. (в 1944 г.— профессор, доктор Института философии АН СССР, старший научный сотрудник Института истории АН СССР), Сидоров, Сыромятников, Тихомиров М. Н. (1893—1965, в 1944 г.— доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР), Толстов, Удальцов А. Д. (1883—1958, в 1944 г.— член-корреспондент АН СССР, зам. директора Института истории АН СССР), Федосеев П. Н. (1908—1990, философ, в 1944 г.— зам. начальника УПА ЦК ВКП(б)), Хвостов В. М. (1905—1972, историк, в 1944 г.— сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), Шамберг М. А. (1902—1988, член КПСС с 1917 г., в 1944 г.— зам. зав. Организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б), Шарова П. Н. (в 1944 г.— научный сотрудник Института истории АН СССР), Шаталин Н. Н. (1904—1984, член КПСС с 1925 г., в 1944 г.— зам. начальника Управления кадров ЦК ВКП(б), Щербаков А. С. (1901—1945, в 1944 г.— секретарь ЦК и МК ВКП(б), начальник Главного политуправления Красной Армии, председательствующий на заседаниях совещания), Яковлев Н. Н. (1898 1970, член КПСС с 1920 г., в 1944 г.— кандидат исторических наук. зав. Отделом школ УПА ЦК ВКП(б).

2. Дискуссия состоялась в 1940 г., в ней принял участие Бахрушин, Пичета, А. И. Яковлев и др.
3. Покровский М. Н. (1868—1932) — член КПСС с 1905 г., зам. наркома просвещения, академик АН СССР, автор «Русской истории с древнейших времен» (тт. 1—5. М. 1910—1914), «Русской истории в самом сжатом очерке» (М. 1920), трудов по истории внешней политики, революционного движения, историографии. В 1936—1938 гг. в решениях ЦК ВКП(б) была дана резкая в значительной мере необоснованная критика исторических взглядов Покровского и его школы.
4. Речь идет о статье Бушуева по поводу сборника «25 лет исторический науки в СССР» (1942) под редакцией В. П. Волгина, опубликованный в № 1 за 1943 г. журнала ЦК ВКП(б) «Большевик».
5. Речь идет о книге «Развитие социалистических идей и сталинская Конституция» (М.-Л. 1942).
6. Речь идет об «Истории Казахской ССР с древнейших времен и до наших дней», подготовленный авторским коллективом из 33 человек. Книга была издана АН Казахской ССР в 1943 г. в Алма-Ате под редакцией А. М. Панкратовой и М. Абдыкалыкова. В то же время А. И. Яковлев написал на нее резенцию, копия которой была направлена в УПА Д (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 224, лл. 23—24).
7. См. примеч. 4.
8. РУБИНШТЕЙН Н. Л. Русская историография. М. 1941. В книге освещено развитие исторической науки в России древнейших времен до 1917 г., подчеркнута позитивная роль в этом процессе немецких историков, работавших в России в XVIII в., в том числе А.-Л. Шлецера (1735—1809), адъюнкта Петербургской АН в 1761—1767 гг., автора трудов о русском летописании.
9. Речь идет о Московском университете.
10. Деборин А. М. (1881—1693), член КПСС с 1928 г., философ, в 1939—1941 гг.— академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР, с 1941 г.— в Институте истории АН СССР.
11. В № 9 журнала «Большевик» за май 1941 г. опубликовано письмо И. В. Сталина членам Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 июля 1934 г. «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 22).
12. Большевик, 1941, № 9, с. 3.
13. В феврале 1944 г. Бушуев выступил в Институте истории АН СССР по докладу Нечкиной о переиздании II т. учебника по истории СССР XIX в. для высшей школы. 22 февраля 1944 г. в письме на имя Нечкиной он изложил свои замечания на учебник, копию этого письма направил в УПА ЦК ВКП(б) (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 28—30).
14. Парижский трактат — мирный договор, заключенный в 1856 г. между Россией, Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией, завершил Крымскую войну 1853—1856 годов. По нему Россия возвращала Турции Карс, Черное море объявлялось нейтральным, Россия и Турция не могли держать в нем военный флот. А. М. Горчаков (1798—1883) — канцлер и министр иностранных дел России, в 1871 г. добился отмены ограничительных статей Парижского договора; поэт Ф. И. Тютчев (1802—1873) — в 1848—1858 гг. служил в Министерстве иностранных дел, с 1858 г.— председатель Комитета иностранной цензуры.
15. И. С. Аксаков (1823—1886) — публицист и общественный деятель, был одним из идеологов, славянофилов; «Drang nach Osten» (натиск на Восток) — выражение, характеризовавшее захватническую политику германских феодалов и империалистов в отношении стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

16. Так в тексте.
17. Речь идет о редакционной статье «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX в.» в № 7—8 журнала «Большевик» за 1944 г., которая касалась III т. «История философии» (тт. I—III, 1940—1943), подготовленный Институтом философии АН СССР. В статье излагалось содержание постановления ЦК ВКП(б) от 1 мая 1944 г. «О недостатках в научной работе в области философии».
18. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии (1886 г.). М. 1940; МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 21, с. 274.
19. Соловьев С. М. (1820—1879) — русский историк, автор многотомной «Истории России с древнейших времен» (М. 1851—1879); Ключевский В. О. (1841—1911) — русский историк, автор трудов по истории сословий, крепостного права, финансов, государственных учреждений России, «Курса русской истории», университетских курсов по источниковедению, русской историографии и др.
20. Речь идет о брошюре «De le démocratie en France», написанной в 1849 г. французским историком и государственным деятелем Ф. Гизо (1787—1874), одним из создателей домарксовой теории классовой борьбы.
21. Кенесары Касымов (1802—1847) — хан казахского Среднего жуза, в 1837—1847 гг. возглавил движение против установления власти России в Казахстане.
22. Так в тексте.
23. Выступление Аджемяна почти целиком повторяет его статью «Об исторической сущности кавказского мюридизма» (1943—1944), написанную для «Исторического журнала» (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 223, лл. 15—65). В журнале статья не была опубликована.
24. Речь идет о докладе Панкротовой в конце апреля 1944 г. в клубе Союза советских писателей, в котором она критиковала взгляды Аджемяна, в частности по вопросу о классовой борьбе.
25. Пантюркисты проповедовали объединение под властью Турции всех тюркоязычных народов; энверсисты — сторонники Энвер-паши (1881—1922), одного из лидеров младотурок — участников освободительного движения в Турции в начале XX века.
26. Государственная школа — одно из направлений русской историографии второй половины XIX — начала XX в., сторонники его считали государство главной движущей силой исторического процесса; Чичерин Б. Н. (1828—1904) — историк, юрист, философ, представитель государственной школы.
27. «Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и кампании» — работа К. Маркса и Ф. Энгельса, написанная в 1844 г. (МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 2, с. 3—230).
28. Там же, с. 185.
29. «Основы философии права» (1821 г.).
30. Смирнов П. П. (1882—1947) — доктор исторических наук, с 1938 г. профессор Московского историко-архивного института, автор трудов по истории русского города XVI—XVII веков.
31. Орден Богдана Хмельницкого был учрежден в октябре 1943 года.
32. Кривонос М. (ум. 1648) — казацкий полковник, сподвижник Б. Хмельницкого в освободительной войне против Польши 1648—1654 гг.; Вишневецкий И. М. (1612—1651) — польский магнат, один из руководителей польских войск в борьбе с Б. Хмельницким.
33. Лекция «О роли территориального расширения России в XIX—XX вв.» была прочитана в марте 1944 г. на ученом совете Ленинградского университета (находился в эвакуации в Саратове). Стенограмма этой лекции после совещания историков была направлена в Тарле в УПА (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 134—141).
34. Милюков П. Н. (1859—1943) — политический деятель, историк, публицист, один из организаторов партии кадетов и ее лидер; автор трудов по истории России XVIII—XIX вв. и Октябрьской революции 1917 г., «Очерков по истории русской культуры», мемуаров.
35. Могущество Советского государства — Большевик, 1944, № 7—8.
36. Речь идет о письме от 14 марта 1943 г. ответственных редакторов книги М. Абдыкалыкова и А. М. Панкратовой в ЦК КП(б) Казахстана и СНК Казахской ССР. Его копию Панкратова 18 марта 1944 г. с препроводительным письмом направила Щербакову (ВЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 224, лл. 12—35).
37. См. примеч. 6.
38. Андижанское восстание — антиколониальное движение дехкан и мардикеров в Ферганской области в мае 1898 года. Феодальная знать пыталась его использовать для восстановления Кокандского ханства.
39. Тайманов Исатай (1791—1838) — один из руководителей антифеодального и антиколониального восстания в Букеевской орде в 1836—1837 годах.
40. Ярославский Е. М. (Губельман М. И.) (1878—1943) — деятель ВКП(б) и советского государства, член партии с 1898 г., академик АН СССР, редактор «Исторического журнала», автор трудов по истории ВКП(б) и революционного движения в России; Шестаков А. В.

(1877—1941) — член КПСС с 1903 г., член-корреспондент АН СССР, автор трудов по аграрной истории России, первого учебника по истории СССР для начальной школы.

41. Якунин А. Ф.— автор трудов по истории народов Средней Азии и Казахстана; Дружинин Н. М. (1886—1986), в 1944 г.— доктор исторических наук, труды по социально-экономической истории, общественной мысли и революционного движения в России XIX в., Зитус Я. Я. (1893—1962), в 1944 г.— доктор исторических наук, труды по истории народов Прибалтики XVIII—XIX вв.; Вяткин М. П. (1895—1967), в 1944 г.— доктор исторических наук, труды по социально-экономической истории Средней Азии и Казахстана; Бекмаханов Е. Б. (1915—1966) — автор трудов по истории Казахстана.
42. Суранбаев Н.— историк, один из авторов русско-казахского словаря для начальной школы (1942); Миллер А. Ф. (1901—1973) — востоковед, доктор исторических наук, труды по новой и новейшей истории стран Ближнего и Среднего Востока.
43. Так в стенограмме. Пропуск в записи.
44. Абулхайр (1693—1748) — хан казахского Младшего жуза, в 1731 г. принял российское подданство и этим актом положил начало добровольному присоединению Казахстана к России; Тевеккель (ум. 1598) — казахский хан, вел борьбу за независимость Казахстана от Бухарского ханства, являлся сторонником сближения с Россией.
45. Кокандское ханство (1710—1876) — феодальное государство в Средней Азии, выделилось из Бухарского ханства, в 1876 г. вошло в состав России как Ферганская область; Хивинское ханство (XVI — нач. XX в.) — феодальное государство в Средней Азии, в 1873 г. признало протекторат России, сохранив автономию. После свержения хана в 1920 г. была образвана Хорезмская народная республика, которая в 1924 г. вошла в состав республик Узбекистан и Туркмения.
46. Старший жуз — группа казахских племенных объединений в районе Семиречья, в 1860 г. территория вошла в состав России.
47. Новиков Н. И. (1744—1818) — русский просветитель, писатель и издатель.
48. Речь идет о статье Ф. Энгельса «Бородино» (МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 14, с. 256—262), написанной в 1858 году. Результаты сражения Энгельс оценивал как победу Наполеона.
49. Вероятно, речь идет о статьях Энгельса «Борьба в Венгрии», «Демократический панславизм (1849)» и др. (МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 6, с. 175—186, 289—306).
50. СТАЛИН И. В. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2, с. 290—367.
51. «Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев» — цитата из беседы И. В. Сталина с немецким писателем Э. Людвигом (1881—1948) 13 декабря 1931 г. (СТАЛИН И. В.Соч. Т. 13, с. 105).
52. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 24, с. 129.
53. Растиньяк — персонаж романа Бальзака «Отец Горио» и других произведений, которому сделка с совестью и моральное падение открывают путь к богатству.
54. «Мечта» Э. Золя (1888 г.); поэма И.-В. Гете «Герман и Доротея» (1797 г.), по жанру близка к идиллии.
55. Виппер Р. Ю. (1859—1954) — академик АН СССР, речь идет о переиздании в 1942 и 1944 гг. его работы «Иван Грозный», написанной в 1922 г.; книга — MAZOR A. The first Russian revolution. 1825. The Decembrist mouvement — была издана в 1937 г. Калифорнийским университетом.
56. «Исторический журнал» (1937—1945) — ежемесячный научно-популярный журнал Общества историков-марксистов, с 1941 г.— Института истории АН СССР.
57. Речь идет о т. III «История философии» (М. 1940—1943), подвергнутом острой критике в постановлении ЦК ВКП(б) от 1 мая 1944 года. Поскольку всему трехтомному изданию была уже присуждена Сталинская премия, ЦК постановил, что премия «не распространяется на III-й том этого издания». Отмечая серьезные недостатки в организации обсуждения и рецензирования представляемых на премию работ, ЦК постановил, что работы по общественным наукам могут рассматриваться Комитетом по Сталинским премиям не ранее, чем через полгода после их опубликования (РЦХИДНИ, т. 17, оп. 3, д. 1050, лл. 151, 152).

ISSN 0042—8779

ВИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/96

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году

Заседание 5 июня [1]

Щ е р б а к о в (председательствующий). Продолжим работу нашего совещания. Слово имеет т. Бахрушин.

Б а х р у ш и н. Одно из исключительно крупных явлений на нашем историческом фронте — это опубликование замечаний тт. Сталина, Кирова и Жданова о конспекте учебника для средних школ. Значение этих замечаний не только в том, что отмечен целый ряд случаев неверного освещения отдельных фактов, а и в том, что указывалось направление дальнейших наших работ, отмечалась необходимость отказаться от той схематизации, от той социологизации, которая господствовала в «школе Покровского». Больше того, замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова призывали отказаться от той упрощенности, которая господствовала в исторических трудах «школы Покровского». Они требовали углубления, конкретного изучения отдельных фактов и отдельных явлений. Я вспоминаю тот громадный подъем, который вызвало опубликование этих замечаний не только среди уже опытных историков, но и среди молодежи, перед которой раскрылись теперь широкие пути научного исследования. Покончено было с той узостью, которая господствовала до тех пор. Можно было широко выбирать темы.

Замечания на учебник свидетельствуют о том, что любой вопрос из нашего прошлого заслуживает и требует научного и, повторяю, углубленного конкретного изучения. Замечания показывали, что нельзя подходить к отдельным явлениям с заранее данным решением, с условной точкой зрения. Замечания призывали нас к конкретному научному марксистскому исследованию фактов и явлений нашего прошлого, указывали, что только при этих условиях мы создадим подлинно марксистскую концепцию исторического русского процесса и исторического процесса народов СССР. Только при этих условиях мы сможем воспитать нашу молодежь. И вот теперь, когда прошел ряд лет, конечно, хочется подвести некоторые итоги.

Замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова положили начало целой и большой эпохе в истории советской науки. Пересмотр целого ряда вопросов, постановка новых проблем, создание учебников и переход к серьезной монографической работе, — всему этому мы были свидетелями, это дало чрезвычайно важные и плодотворные результаты. Но не все положения, не все указания, которые даны в замечаниях, мне кажется, выполнены. Я боюсь, что у нас до сих пор остается еще очень много упрощенности, что

П р о д о л ж е н и е. См. Вопросы истории, 1996, № 2.

одним из предыдущих ораторов было названо рассудочностью, то есть очень часто конкретное изучение фактов во всем их многообразии заменяется априорным общим положением, известной схемой, причем, многие исследователи полагали, что пересмотр того или иного неправильного или сомнительного решения сводится просто к принятию противоположной схемы. Одним из наиболее порочных моментов в схеме Покровского было отрицание громадной исторической роли русского народа. Величайшим, я бы сказал, достижением последних лет является то, что роль и значение русского народа сейчас подняты и поставлены на должную высоту. Но из этого не следует, мне кажется, такая сплошная идеализация всего прошлого русского народа. В этом отношении мы должны следовать за теми мудрыми указаниями, которые нам дают т. Сталин и т. Ленин, которые всегда подходят к определенным явлениям с двух сторон: они дают общую принципиальную оценку того или иного явления, указывают прогрессивную сторону того или иного явления и вместе с тем отмечают отрицательные стороны. Словом, они подходят подлинно диалектически к сложным вопросам.

Я опасаюсь того, что за последнее время у нас есть склонность упрощать целый ряд сложных вопросов. Я не имею в виду в данном случае какую-либо определенную работу. Я думаю, что это такое явление, от которого не свободны все мы, в том числе и я, очень часто ловлю себя на том, что подвожу широкие итоги там, где требуется еще большое предварительное изучение. Я позволю себе остановиться поэтому на двух вопросах, хотя бы кратко. Во-первых, вопрос об абсолютистском государстве — вопрос этот чрезвычайно важный. Напомню, что сам Покровский, а тем более его «школа», отрицали вообще значение русского государства как явления положительного в историческом смысле. В русской истории Покровского [2] о государстве говорится всегда в высшей степени отрицательно. Специальная статья его, посвященная образованию русского государства, сводится к тому, что вообще-то русского народа никогда и не существовало и говорить о его заслугах в смысле создания русского государства не приходится. Вот с этой установкой мы покончили и покончили чрезвычайно определенно. Крупное и положительное значение объединения русского народа в мощное централизованное государство общепризнано сейчас и не может вызывать никаких сомнений и возврата назад. Но мы далеко еще не вполне разработали отдельные моменты в развитии этого государства. Мы начинаем историю русского государства, образование русского государства с XV в., отмечаем эпоху Ивана IV, причем личность Ивана IV сейчас выступает в совершенно новых красках как личность крупного государственного деятеля, который ломает остатки феодальной раздробленности и кладет основание дальнейшему развитию абсолютистского государства. Он подготовляет путь к реформам Петра.

Целый ряд вопросов, связанных с историей образования абсолютистского государства, однако, все-таки остается для нас неясным. В частности, я наблюдаю иногда некоторую склонность забывать, что мы имеем дело все-таки с классовым государством. Происходит известная идеализация абсолютистского государства. Если это не особенно видно в отношении государства Ивана IV, то это определенно чувствуется, когда дело доходит до реформ Петра Великого. Петр Великий был очернен предшествующей историографией. Сейчас мы с должным уважением относимся к деятельности этого человека, который довел дело создания асболютистского государства до большей высоты. Из этого не следует, как мне кажется, забывать, что то государство, которое он строил, было государством классовым, было государством феодальным и что оно строилось за счет русских крестьян. Поэтому попытка показать Петра как представителя антифеодальной тенденции, как защитника интересов крестьянства во имя интересов государства мне кажется принципиально неверной. Мне кажется, какие бы передовые мероприятия не принимались Петром, приходится учитывать, что это делалось в интересах господствующего класса, в интересах укрепления государства помещиков. Вот первая проблема, которая для меня представляется бесспорной, но над которой нам придется поработать.

В связи с вопросом об образовании русского государства вытекает вопрос и о периодизации его истории. Одной из ошибок нашего вузовского учебника было то, что мы тогда не обратили на это внимания. Затем, этот вопрос решался как-то схематически. Этот вопрос придется нам изучить, особенно переходное время XVI—XVII вв., когда закладываются те основания, на которых строилось впоследствии централизованное абсолютистское государство. Я не думаю, что здесь нужно выдвигать мысль о какой-то особой форме государства. Это есть переходный момент, но он заслуживает особенного внимания. На этом примере очень коротко я хотел показать, что даже в вопросе, по какому у нас нет никаких разногласий, в вопросе о положительном характере государственного строительства есть еще много проблем, которые упрощенно разрешаться не могут. А если они будут разрешаться упрощенно, то они могут привести нас к идеалистическому понимаю государства. Конечно, никто из нас, в том числе и авторы, высказывающие такую точку зрения, не хотят этого.

Другим вопросом является вопрос, требующий большого исследования, конкретного исследования,— вопрос о колониальной политике царизма. Я вспоминаю время, когда при господстве школы Покровского упомянуть о положительной роли русского народа в колониальных окраинах нашей страны, не только упомянуть, но даже вообще говорить о русских считалось недопустимым. Я вспоминаю случай, когда, говоря с одним из тогдашних мнимых «руководителей» исторического фронта о том, что желал бы заняться историей русской колонии — Сибири, я получил ответ, что нужно заниматься историей народов. Говорить о русских колонистах в Сибири было нельзя, это ставилось в упрек, нужно было русских крестьян, которые развивали земледельческую культуру в совершенно необитаемой стране, называть «колонизаторами».

Таково было положение, и я напоминаю, какое большое благотворное впечатление произвело постановление жюри [3], которое указало на то, что в отдельных случаях надо вникать в условия, при которых происходит присоединение страны к России, и в некоторых случаях учитывать, что мы имеем дело с «меньшим злом». Как не коротко было это замечание, оно открыло очень широкие возможности, очень широкое понимание одного из важнейших моментов в истории нашего народа. Нельзя без оглядки красить черный краской явления нашей колонизации только потому, что оно шло под знаменем царского завоевания. Однако я не могу сказать, что я удовлетворен вполне тем, как исполнено это указание. Оно исполнено часто чрезвычайно упрощенно: просто-напросто начали говорить, что все царские завоевания являются «меньшим злом». И вот в мои руки стали попадать сочинения, написанные молодыми учеными, которые в этом отношении оставляли позади даже царских писателей первой половины и середины XIX века. Это, конечно, было также явлением не совсем нормальным. Я тогда попытался продумать вопрос о том, как нужно понимать меньшее зло. Постановление жюри не говорило об общем явлении, оно говорило лишь, что в отдельных случаях присоединение той или иной народности к Российской империи может рассматриваться, или должно рассматриваться, как меньшее зло. Указывалось два примера, чрезвычайно показательных. Пример Грузии и Украины.

Что особенного в этих двух случаях, выдвинутых постановлением жюри? Первое, мы имеем дело с присоединением, которое не сопровождалось военными завоеваниями. Инициатива шла в той или иной степени от самого данного народа. В отношении Украины это было требование широких народных масс, которому подчинились казацкие старшины, колебавшиеся сначала в этом вопросе. В отношении Грузии: за присоединение к России были, может быть, более узкие элементы, представители господствующих классов, но, во всяком случае, инициатива тоже шла от представителей данной народности. Затем следует учитывать, что грозило этим народам: грозило ли им просто быть присоединенными к какому-нибудь другому государству или в условиях ожесточенной борьбы в феодальную эпоху и еще более обострившейся борьбы за колонии в эпоху капитализма

каждый народ, стоявший на более или менее низкой ступени культуры, находился в опасности превратиться в колонию другого, более высоко стоявшего в хозяйственном отношении государства. Важно уяснить, какой характер приняла бы судьба этого народа, если бы не состоялось присоединение к России. Относительно Грузии картина совершенно ясная. Грузинскому народу грозило полное физическое истребление со стороны иранцев и турок. Для Грузии присоединение к России было спасением в полном смысле этого слова. Оно открывало возможность существования для грузинского народа.

На Украине дело было более сложное. Дело шло об опасности денационализации, уничтожении национальной культуры, уничтожении украинского народа как национальности в смысле культурной силы. И в этом отношении украинский народ верно почуял, что только в союзе с братским русским народом он может отстоять свою культурную самобытность. Мне кажется, что эти два момента приходится учитывать и не распространять механически общее понятие о «меньшем зле» на все остальные народы.

Мне кажется, что мы стоим сейчас перед проблемой, далеко еще не разрешенной (говорю это, опять-таки, на основании некоторого личного своего опыта по моей работе по истории Узбекистана) [4], — перед задачей детального изучения тех явлений, которые привели к присоединению Средней Азии, привели к установлению там царской власти. Мне кажется, что в конечном итоге для нас важна не этикетка, для нас важны не просто слова, а для нас важно по-марксистски, научно выявить положительные и отрицательные стороны царского завоевания. Не приходится закрывать глаза, что даже тогда, когда мы с полным правом в отношении Грузии говорим о «меньшем зле», тем не менее существовали и весьма отрицательные стороны в царской колониальной политике. Я не буду на этом останавливаться, чрезвычайно яркая характеристика колониальной политики царизма дана в учебнике по истории ВКП(б), дана и в статьях товарища Сталина, собранных в его сборниках «Марксизм и национально-колониальный вопрос» [5]. Эти отрицательные стороны не нужно умалчивать, их не нужно критиковать, потому что мы работаем объективно [6]. Для нас недопустимо скрашивать явления в прошлом, потому что мы хотим давать настоящую подлинную картину этого прошлого. И только тогда, когда мы будем давать темные стороны из нашего прошлого, мы сможем достаточно убедительно показать и светлые стороны того же прошлого и с еще большей яркостью показать светлые стороны, блестящие стороны нашего настоящего.

Таким образом, первое, на чем я хотел остановиться, — это то, что закрывать глаза на отрицательные стороны, выразившиеся и в самый момент завоевания и в последующие моменты, не следует. Но это не значит, что мы должны закрывать глаза и на то, что царизм, неся часто разорение своими военными походами, вместе с тем открывал для страны новые пути экономического и культурного развития. Царское завоевание способствовало развитию капиталистических отношений в завоеванных странах. Объективно говоря, это был момент положительный. Но тут нам приходится разделять два момента: момент присоединения к России, к русскому народу и царскую политику. По материалам, которые были у меня в руках по истории Средней Азии, я убедился в том, что царская политика не только не способствовала культурному и экономическому развитию коренного населения страны, но, наоборот, способствовала задержке, мешала развитию капиталистических отношений, с одной стороны, мешала развитию культуры. Повторяю, это — явление, которое нам нужно помнить, нужно учитывать, но самый факт объединения с русским народом имел также очень положительные стороны и в том отношении, что он способствовал сближению передовых сил коренного населения с передовыми русскими людьми и с русским пролетариатом и таким образом подготовлял дальнейшее участие этих народов в великом социалистическом строительстве своей родины вместе с русским и другими советскими народами. Итак, подводя итоги, я бы сказал, что наша очередная задача

сейчас — это не ограничиваться только внешними этикетками: антирусское направление той или иной книги, меньшее зло, зло ли вообще, большее ли зло, — не это важно. Нужно, мне кажется, совершенно конкретно изучить и положительные и отрицательные стороны того или иного явления. Тогда то, что есть великого в прошлом русского народа, возникнет с новой и яркой силой и вместе с тем то, что было отрицательного в деятельности царизма, также выяснится.

Я подхожу, таким образом, к тому основному вопросу, который многих из нас сейчас чрезвычайно волнует, вопрос, о котором уже говорила т. Нечкина, — это вопрос о том, какая основная и очередная задача сейчас стоит перед нами. Нам необходимо в первую очередь развивать научно-исследовательскую монографическую работу, развивать нашу собственную научно-исследовательскую работу и подготовлять кадры, которые продолжали бы эту работу. Сейчас очень много времени уходит у каждого из нас на научно-популярную и популяризаторскую работу. Эта популяризаторская работа берет чрезвычайно много времени и отвлекает нас от другой и, мне кажется, в некоторых случаях еще более важной, работы — от работы научно-исследовательской. Популяризация тогда хороша, когда в основе ее лежит исследование. Популяризация поверхностная может привести только к вредным результатам. Вот почему, мне кажется, одной из очередных задач для нас является так сорганизовать нашу работу, чтобы мы могли основные наши силы посвятить научно-исследовательской работе. Я указывал уже некоторые темы, которые требуют такой углубленной научно-исследовательской работы.

Я не отрываю этого вопроса от вопроса о кадрах. Когда я говорю о кадрах, я имею в виду не просто подготовку преподавателей как средних школ, так и вузов. Я говорю о подготовке научных исследователей, которые будут продолжать и углублять нашу работу, будут открывать новые перспективы для нашей научной мысли. И вот это, мне кажется, вопрос чрезвычайно важный. Не надо закрывать глаза на то, что подготовка таких научных кадров не может не идти чрезвычайно медленно. С первого курса университета мы должны работать с нашими учениками для того, чтобы из них выработать научных работников.

В условиях военного времени такая работа крайне осложнена, не говоря уже о том, что те кадры, которые мы уже подготовили к такой деятельности, были отвлечены на фронт, отвлечены для героической борьбы с врагом. Нужно иметь в виду, мне кажется, два момента. Во-первых, мы должны повышать наши требования в отношении аспирантуры, потому что нам мало готовить преподавателей вузов, нам нужно готовить научных работников. Во-вторых, работу эту нужно начинать с первого курса. На первом курсе нужно уже подбирать будущих аспирантов. Итак, подводя итоги, я бы сказал, что, как мне представляется, необходимо бороться со схематизацией, которая сейчас принимает характер известной идеализации прошлого, часто очень неубедительной. Нам нужно бороться против тех этикеток, которые часто заменяют собой научные исследования. Мы должны не опасаться возможных ошибок, они неизбежны в серьезной научной работе. Мы должны работать научно-исследовательски, должны все вопросы, которые стоят перед нами, изучать не только с точки зрения общей, а также и с учетом всех конкретных материалов.

Сидоров. Товарищи! В области истории мы имеем, пожалуй, наиболее счастливое сочетание старых кадров исследователей, прошедших большую школу научно-исследовательской работы у корифеев нашей исторической науки, и молодежи, но молодежи тоже уже относительной. Мне кажется, это обстоятельство в общем и целом чрезвычайно положительно сказывается на результатах научной работы несмотря на многие недостатки, которые у нас имеются. Многие видные историки старой школы пересмотрели свои методические установки и стараются на деле применить марксистскую методологию. Разумеется, это относится далеко не ко всем. Имеются историки, застывшие на идеалистических установках. Все же мне хотелось бы подчеркнуть, что я не согласен с теми товарищами, которые

в прошлый раз заявляли, что за годы, прошедшие с момента указаний тт. Сталина, Кирова и Жданова и решения Центрального Комитета партии о преподавании гражданской истории и восстановлении исторических факультетов, историки ничему не научились и стоят, или находятся, «у старого разбитого корыта». Так выразился один из товарищей, кажется, т. Бушуев. Такая огульная характеристика положения дел на историческом фронте неправильна. Конечно, положительных результатов у нас не очень много, но мы можем указать на ряд положительных примеров работы: учебники по истории для вузов, «История дипломатии» [7], работа по истории XX в. и советского периода, целый ряд исследований, еще не напечатанных, но уже сделанных,— все это является тем положительным плюсом, который показывает, что указания тт. Сталина, Кирова и Жданова не прошли для нас даром. Наши молодые и старые кадры историков именно после указаний нашей партии всерьез взялись за пересмотр своего собственного мировоззрения и старых методов научной работы.

Первым опытом работы по-новому явились два тома статей, изданных Институтом истории АН СССР, «Против антимарксистских взглядов Покровского» [8]. В этом труде историки не только осудили ошибки «школы Покровского», но постарались проанализировать и преодолеть свои собственные ошибки и на основе указаний нашей партии дальше двинуть историческую науку. Мне кажется, что целый ряд представителей дореволюционной историографии показывают сейчас положительные примеры исследовательской работы, на которых могут учиться и наши более молодые товарищи. Я сошлюсь на Грекова, Пичету, Бахрушина, которые чрезвычайно продуктивно работают и, несомненно, обогащают нашу историческую науку. В качестве примера перестройки работы историков приведу один научный вопрос — о роли и значении Киевского государства. Этот вопрос имеет огромное значение для правильного понимания судеб славянства и нашей истории. Мне кажется, он очень правильно научно и политически был поставлен и разрешен за последние годы, главным образом благодаря инициативе т. Грекова, сплотившего вокруг себя коллектив товарищей, которые вместе с ним работали.

Этот вопрос сейчас поставлен и разрешен совершенно по-новому как в части оценки самого Киевского государства, так и в части социальных отношений X-XII веков. Новая постановка вопроса встречала резкую оппозицию даже со стороны некоторых коммунистов, которые, идя за старыми историками, доказывали, что вопрос о Киевском государстве является чисто украинским, а не общерусским вопросом. С этой националистической трактовкой, шедшей от Грушевского [9], мне кажется, покончено. В штыки были встречена и характеристика Киевского государства как государства феодального. Наоборот, многие товарищи под руководством Шестакова и присутствующего здесь проф. Сыромятникова старались на многих дискуссиях доказать, что не только Киевское государство, но и Московская Русь чуть ли не до XV в. являлись государствами рабовладельческими. Первоначально за этой неправильной установкой тянулись и некоторые наши молодые историки. Теперь с этой неправильной установкой также покончено.

Я бы указал также на широкое развитие исследовательской работы на местах: на Украине, в Белоруссии, в Средней Азии и на Кавказе. Приведенные мною примеры являются иллюстрацией того, что историки учатся, что они, во всяком случае, стремятся к тому, чтобы учиться и разрешать вопросы по-марксистски. Исходным моментом перестройки работы историков, несомненно, является знаменитое указание тт. Сталина, Кирова и Жданова и решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома об учебниках [10]. Тем не менее, я не хочу, чтобы меня неправильно поняли. Надо, как говорится, положа руку на сердце, сказать, что у нас много недостатков, в том числе по линии правильного идейно-политического восприятия и выполнения тех указаний, которые дали тт. Сталин, Киров и Жданов. Очень многие их замечания мы до сих пор до конца не выполнили. А время поставило и новые проблемы. Во время Великой Отечественной войны встали новые

вопросы, на которые историки должны дать ответ. К числу этих вопросов в первую очередь относится вопрос о героическом прошлом нашей родины, о нашей армии, о внешней политике царизма и его колониально-национальной политике.

Я бы хотел обратить внимание совещания только на один из пунктов указаний т. Сталина, который касается вопроса внешней политики России. Актуальность указаний тт. Сталина, Кирова и Жданова в этом вопросе — ничего об этом говорить — огромна. Практическое и политическое значение изучения вопросов внешней политики чрезвычайно велико для нашей советской социалистической родины. Историками уже проделана значительная предварительная работа в этом направлении. Достаточно назвать работу по истории дипломатии, на которой отразилось непосредственное влияние руководящих указаний т. Сталина. Мне одно время даже казалось, что в деле изучения внешней политики мы, историки, заняли настолько прочные позиции, что наша историческая наука смело будет двигаться вперед без новых больших ошибок.

На самом деле историки вполне осознали вред тех взглядов, которые развивал М. Н. Покровский, доказывавший, в частности, что главным виновником развязывания первой мировой войны являлась царская Россия и русское самодержавие. Нечего говорить, что за эти «теории» целиком ухватились враги. Так же неправильно положение Покровского, что внешняя политика России определялась исключительно интересами торгового капитала, что она не играла прогрессивной роли в историческом развития России. Мне кажется, ошибочность этих положений Покровского историки уяснили. В критике ошибок «школы Покровского» большую работу проделал акад. Тарле. Сейчас выросли новые кадры историков, работающие в области внешней политики России, что является большим плюсом. И тем не менее, приглядевшись к нашей работе за последнее время, в том числе к работе такого видного руководящего работника в области внешней политики, как акад. Тарле, взвесив разговоры в своей среде, я прихожу к выводу, что соответствующее задание тт. Сталина, Кирова и Жданова нами не только до конца не усвоено, но за последнее время историки сделали не один, а несколько шагов в сторону от этих указаний и стараются поставить на них крест. За последнее время стало модным освещать вопросы внешней политики, вопреки этим указаниям, как будто во время Отечественной войны они уже утратили свое значение и не соответствуют новым условиям.

Действительно, за последнее время среди историков много было разговоров о новых установках в вопросах внешней политики России XIX—XX веков. Об этом говорил т. Бушуев на кафедре международных отношений Московского университета, об этом же развивал свои взгляды акад. Тарле как на заседании той же кафедры, так и на лекциях в Саратове, а отчасти в последней работе «Крымская война», т. II [11]. Мне кажется, что в этих «новых» установках и разговорах много сомнительного, ненаучного. Можно даже сказать резче: историки пытаются ликвидировать марксистские установки и заменить их своими, скороспелыми, непродуманными и вредными. Чтобы не быть голословным, приведу несколько документов. Сначала прочитаю замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника по истории СССР: «В конспекте не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времен Екатерины II до 50-х годов XIX столетия и дальше («царизм как международный жандарм»)» [12]. Это указание, мне кажется, целиком основано на марксистской оценке внешней политики русского самодержавия, данной основоположниками марксизма в своих трудах. В работе «Польская прокламация» (т. XV, стр. 218—223) [13] Энгельс считает Россию после наполеоновских войн и до 1853 г. «арбитром Европы» и «оплотом европейской реакции». Словом, мы можем сказать, что контрреволюционную роль царизм начинает играть лишь в определенной международной обстановке, со времен Екатерины II. Эту роль русское самодержавие в области внешней политики выполняло до половины XIX века.

Как же следует оценивать внешнюю политику России до Екатерины? Мне кажется, что со времен Ивана IV, то есть со времени создания крепкого централизованного государства, и до Петра I включительно мы можем сказать, что внешняя политика русского царизма преследовала такие задачи, которые шли навстречу национальным интересам страны. Это можно смело говорить в отношении сколачивания Великороссии и объединения вокруг нее украинцев и белоруссов. Это можно говорить в отношении Балтики и продвижения России к побережью Черного моря. Русское государство не могло успешно развиваться без связи с Европой, не имея открытых доступов к Балтике и Черному морю. Балтийская проблема была намечена Иваном IV, а Петр I ее окончательно разрешил.

Исторически прогрессивная роль абсолютизма в России сказалась именно в объединении вокруг русского народа украинского и белорусского, сплочении их в одном сильном государстве и в открытии свободного выхода русского государства к Балтике и к Черному морю. Особенно велико было значение Балтики, являвшейся «окном в Европу». И характерно, что эта сторона деятельности царского правительства неоднократно отмечалась в работах классиков марксизма. И Маркс и Энгельс высоко ставят роль Петра. В «Секретной дипломатии» [14] Маркс проанализировал внешнюю политику Петра I и отметил ее положительное значение. И Маркс, и Энгельс высоко ставят роль Петра, называя его, не в пример прусскому королю Фридриху «Великому», «действительно великим человеком» [15]. Часть неразрешенных Петром вопросов выпала на долю Екатерины. Екатерина II закончила разрешение вопроса о Черноморском побережьи. Мне кажется, что все эти вопросы правильно освещены в «Истории дипломатии».

С Екатерины II начинается новая эпоха внешней политики России. Начиная с Екатерины II и до Николая I включительно характеристика внешней политики дается иная. Никто другой, как сам т. Сталин, разъяснил, почему именно русское самодержавие являлось «жандармом Европы», показал контрреволюционную роль царизма в области внешней политики. Мне кажется, что первое замечание тт. Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника о роли царизма в качестве «жандарма Европы» не совсем было понято автором, который писал соответствующий раздел «Истории дипломатии» (а автором являлся акад. Тарле). И недаром по этой книге появилось следующее дополнение т. Сталина: «На континенте Европы в 1815—1853 гг. преобладающей державой была Россия. Российскую империю ввиду ее отсталости отличало в то время отсутствие глубоких внутренних противоречий в ее военно-феодальном строе. Это обстоятельство сообщало мощь России и обеспечивало ее руководящее положение на континенте Европы.

В отличие от стран Запада в России не было развитой и политически зрелой буржуазии. Рабочий класс как революционная сила в России еще не существовал. Многомиллионное русское крестьянство, являвшееся неисчерпаемым источником живой силы для государства, находилось в положении несознательной и некультурной закрепощенной массы. Разрозненные вспышки крестьянских движений не могли серьезно ослабить силу царской полиции, армии и чиновничества. Царская Россия с ее послушной армией, с ее дипломатией была жандармом Европы — пугалом для революционных и национально-освободительных движений в Европе. При Николае I это влияние России достигает «высшего предела» [16]. Я привел эту цитату, чтобы показать, что лишь при определенных конкретно-исторических условиях (отсталость России и в то же время огромная военная мощь царизма, рост революционного и национально-освободительных движений) в Европе царизм являлся жандармом и пугалом Европы. Изменились эти условия — изменяется и роль русского самодержавия.

Как подробно объясняет т. Сталин, буржуазия Европы была беременна революцией, там была развитая буржуазия, росла роль пролетариата, оформилось революционное учение пролетариата — марксизм. Феодально-крепостническая царская Россия вела борьбу с буржуазной революцией во

Франции, в Испании, в Польше, в Венгрии. Царская Россия «в первой половине XIX в. потому и является «жандармом Европы», что отсталая феодальная монархия выступает против буржуазной Европы и против революционных национальных движений, которые были в Западной Европе, включая сюда и Польшу. Так мне представляется. Царская Россия играла руководящую роль в «Священном союзе». Она поддерживала все реакционные силы Европы против рабочего класса и прогрессивных элементов буржуазии. Поэтому отнюдь не случайно т. Сталиным дается характеристика царской России как жандарма Европы, причем, подчеркивается, что эта характеристика ограничивается эпохой Николая I. Указание т. Сталина ставит на научные рельсы нашу исследовательскую работу в области внешней политики. Я хочу в данном совещании сказать, что замечание т. Сталина отнюдь не случайно. Оно является одним из краеугольных камней для правильного понимания роли России во всей системе международных отношений не только до Крымской войны, но и в последующее время.

Что происходит в настоящее время в нашей исторической литературе? Мне кажется, что в обстановке войны не только нет стремления возможно полнее провести это указание Сталина в жизнь, но это заявление берется в штыки и говорится о том, что эта характеристика царского правительства умаляет значение России, значение русского народа и не является правильным отправным пунктом для понимания конкретной дипломатической истории первой и второй половины XIX века. Такие разговоры велись на кафедре международных отношений университета, и они были не случайны. Например, в одной из лекций, да и не только лекций, я сам слышал соответствующие выступления академика Тарле, посвященные основным моментам русской дипломатии, он прямо заявляет, что это заявление т. Сталина о том, что царизм является «жандармом Европы», является ни чем иным, как шаблоном, каноном, шорами, которые мешают правильно рассматривать и оценивать внешнюю политику. Обратимся к стенограмме лекции акад. Тарле. Я далек от того, чтобы ставить ему «в строку» каждое слово. Я приведу цитату, чтобы показать основную мысль акад. Тарле. А она в общем сводится к следующему: «Имеются как бы две пары темных очков, которые так долго были надеты на глаза историков, особенно русских. Первая пара — о роли России как «жандарма Европы». Вторая пара темных очков, еще больше мешающая видеть действительность, — это взгляды на Россию приблизительно в 20—30-х годах. Ненависть к России как силе, которой приписывалось основное реакционное движение, заставляя предъявлять к ней и основное обвинение в захватнических намерениях».

Перед студентами Тарле разошелся с большей откровенностью, чем перед профессурой, и попросту называет марксистские положения легендами, которые, по мнению Тарле, оказались такими крепкими и живучими. Исходя из этой «шаблонной» оценки царской России как «жандарма Европы», наши историки, по мнению Тарле, на самом деле давали неправильную характеристику внешней политики России, искажали роль Александра I и Николая I. В чем же это выражалось? В предвзятой оценке, в однобоком подборе фактов, в канонах «жандарм Европы», в шаблоне, в непонимании революционных и прогрессивных сторон деятельности Александра I и Николая I (Бушуев. Даже революционных?). Я говорю — прогрессивных. Эти мысли Тарле куда более опасны, чем заявление Бушуева о прогрессивной роли Аракчеева, Каткова. Но вообще эти заявления идут по одной и той же линии. Например, Тарле утверждает, что на Александра I смотрели не как на вождя реакции, а как на человека опасного, «поддерживающего чужие революционные заблуждения», считает великой заслугой Александра I, что он дал Польше и Финляндии конституции, а поляки виноваты в том, что они решили потом нарушить эту конституцию.

Еще более красочно описывается Николай I. Оказывается, за исключением единственного случая, за всю государственную деятельность Николай никогда не вмешивался в европейские дела, а первое грехопадение Николая совершилось в 1849 году. Я не могу не привести еще несколько слов из

стенограммы: «Только в 1849 г., когда Николай I послал свои войска на помощь реакции против революции — это было в Венгрии — и это было единственный раз». Больше, по мнению Тарле, Россия не проявляла свои жандармские действия. Таких фактов «ни разу не было». Такова линия Тарле в освещении внешней политики. Эта линия в освещении внешней политики России мне кажется совершенно неправильной и вредной. Она идет в разрез с правильной, марксистской точкой зрения. Авторы, которые стараются провести эту точку зрения, относятся свысока к основным марксистским установкам в области внешней политики. Они одновременно пытаются создать такое впечатление, что все революционные публицисты и революционные марксисты, которые много писали о внешней политике,— это люди несерьезные, они ошибались, они с тенденцией подчеркивали некоторые слабые стороны русского самодержавия. На основе де новых материалов Тарле исправляет вредный предрассудок и легенду и дает правильное объяснение фактов.

Достаточно подробно эта мысль Тарле находит выражение в стенограмме об основных моментах истории русской дипломатии. И недаром автор этой стенограммы договорился до того, что просто назвал «легендой» марксистское положение о «жандарме Европы». Дальше, как говорится, ехать уже некуда. Я еще могу понять логику акад. Тарле, но я никак не могу понять и объяснить поведение коммунистов, учеников Тарле, которые не один раз слушали вредные рассуждения Тарле и воспринимали их как самое последнее слово марксизма. А между тем если бы акад. Тарле во-время поправить, дать отпор его неправильным мыслям, он бы не договорился до такой крайности и не наделал бы ошибок в своем II т. «Крымской войны».

Второй вопрос — о проливах, соединяющих Черноморское побережье с Средиземным морем. Каким образом освещается эта проблема? Под углом зрения того, что завоевание проливов в тот момент было необходимо для Николая исключительно из соображений безопасности русской территории. При освещении этого вопроса акад. Тарле также порывает с марксистской точкой зрения. Он против того, чтобы объяснять завоевательскую политику Екатерины, Павла, Александра и Николая «политической фантазией». Нельзя с этим не согласиться. Марксисты против того, чтобы фантазиями объяснять важные политические стремления ряда императоров. Но разве можно всерьез считаться с объяснением Тарле этой политики с точки зрения безопасности русского народа? В статье по поводу работы Энгельса о «Внешней политике русского царизма», критикуя Энгельса, т. Сталин пишет: «Характеризуя завоевательную политику русского царизма и воздавая должное мерзостям этой политики, Энгельс объясняет ее не столько «потребностью» военно-феодальной купеческой верхушки России в выходах к морям, морским портам, в расширении внешней торговли и овладении стратегическими пунктами, сколько тем, что во главе внешней политики России стояла якобы всемогущая и очень талантливая шайка иностранных авантюристов (Большевик, № 9, 1941, ст. 2). Согласен ли акад. Тарле с этим объяснением т. Сталина причин внешней политики России? Если согласен, то как он может объяснять соображениями безопасности необходимость завоевания Николаем I проливов? Это объяснение немножко смешно и с фактической стороны, но я думаю, что эта историческая натяжка не нужна историкам и не имеет значения ни в политике, ни в науке, она является лишь свидетельством своеобразного возрождения покровщины, с которой Тарле ранее столь энергично боролся. Как же иначе можно объяснить следующие слова: «Можно ли было для России обороняться другим способом, кроме контроля над проливами? Логика отвечает, что нет, невозможно. Логика диктовала план овладения проливами».

Факт стремления к проливам Николая I фактически обосновывается Тарле соображениями самозащиты. Причем эта политика не критикуется, научно не объясняется, а попросту оправдывается. Я бы не сказал, что эти взгляды захватили нас и литературу, но они довольно широко просачиваются через лекции и широкие собрания, на которых выступает Тарле,

и являются опасными. Это «новое» направление подводит к новой оценке результатов Крымской войны, потому что Крымская война является переломным моментом в истории России. Все мы привыкли читать у Ленина, и сами на основе фактического материала знаем, что Крымская война знаменует сильный удар по царизму. После Крымской войны начинает снижаться удельный вес царизма и внешней политики самодержавия. Это было поражение реакционного самодержавия, но это не было поражением русского народа. Даже прогрессивные элементы среди господствующего класса того времени считали, что поражение царизма ускорит освобождение России от крепостного права. Я уже не говорю о революционных демократах или Марксе и Энгельсе. Мне кажется так же совсем недавно оценивал эти события и сам акад. Тарле. Сейчас он эти взгляды пересмотрел и отнюдь не в правильном направлении.

Во втором томе «Крымской войны», только что вышедшем, Тарле, подытоживая конкретное изложение событий, пишет в заключение: «...Внимательный анализ как военных, так и дипломатических событий, связанных с Крымской войной, приводит нас к непоколебимому убеждению, что о «поражении» России в этой войне можно говорить в лишь очень и очень ограниченном смысле». Конечно, в очень ограниченном смысле можно говорить о поражении России, но это было поражение самодержавия, и Сталин не боялся назвать это поражение подлинными словами, а Тарле этого боится. И не только боится назвать итоги войны даже «ограниченным» поражением, но делает вид, что вообще никакого поражения не было. А между тем вот что пишет товарищ Сталин в статье, посвященной критике работы Энгельса «о внешней политике»: «Дело в том, что со времени крымского поражения... самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать, а к моменту перед мировой империалистической войной царская Россия играла в сущности роль вспомогательного резерва для главных держав Европы».

Тов. Тарле доказывает, что, наоборот, величие и мощь русской империи остались непоколебимыми и никаких изменений не произошло. «Великий колос выдержал страшные удары 1854—1855 годов и не только не упал, но даже и не поколебался. Таков один из исторических уроков Крымской войны». Мы видим, что исторические выводы и уроки акад. Тарле плохо вяжутся с марксистскими оценками. Разве оценка акад. Тарле справедлива? Мне кажется, что она чрезвычайно сомнительна, не идет в ногу ни с объективным исследованием фактов, ни с теми оценками, которые давали основоположники марксизма и великий Сталин. Вместо того, чтобы связать поражение царизма с последовавшими реформами, ростом революционного движения в стране, показать снижение международной роли царизма, Тарле направляет читателя в другую сторону, он говорит: «Смотрите, с какой легкостью царское правительство за два ближайших столетия завоевало, с одной стороны, Среднюю Азию, с другой стороны — Кавказ». Разве в этом урок поражения царского самодержавия 1853—1856 гг., разве эти тенденции нашего исторического прошлого надо поднимать на щит? Кому нужна эта идеализация монархии Александра II? В этой оценке наиболее полно и ярко отражается вредная идеализация царской монархии.

В истории есть другая сторона, которая должна быть поднята на щит,— это поведение народных масс России, роль народов России в этой войне, а не военная колонизаторская деятельность царской монархии, носившая, по словам Сталина, аннексионистский характер. Военно-техническая и экономическая отсталость России наиболее полно выявилась в этой войне. Отмечу, кстати, что в книге акад. Тарле героизм защитников Севастополя, солдат и моряков обрисован превосходно. Тем более не понятна для меня эта тенденция возвеличивать монархию. Она даже мешает Тарле в дальнейшем правильно осветить внешнюю политику России. Тов. Тарле сам часто говорит о знаменитых замечаниях т. Сталина на статью Энгельса. Принципиальное значение т. Сталина чрезвычайно велико. Тов. Тарле сам говорит, что вот эта критика недостатков статьи Энгельса должна быть

использована для разработки внешней политики в марксистском направлении. В каком же направлении следует вести исследование этих проблем, если мощь и международное положение царской монархии после Крымской войны остаются неизменными, как говорит т. Тарле? Выходит, что тогда прав не т. Сталин, а прав Энгельс, который именно и делал царскую монархию единственным пугалом всего международного революционного движения в период империализма. Тогда не прав Сталин, который критикует эти положения Энгельса. А между тем значение статьи т. Сталина применительно к России в том, что он и показывает, как в новых экономических и политических условиях изменилась роль царизма. Царизм потерял свой характер главной и последней твердыни реакции, царизм потерял свое былое значение в области внешней политики и попадает в русло французского, а потом — и английского влияния.

Мне кажется, что в данном случае т. Тарле оказывает медвежью услугу нашей исторической науке. В связи со статьей т. Сталина надо было бы в первую очередь поставить вопрос о природе и характере двух союзов, которые организовались: в 1879 г.— Тройственный союз и в 1891—1892 гг.— Антанта. Единственное, кто дал правильную оценку обоих союзов и вывел историков на правильную дорогу в понимании взаимоотношений Антанты и Тройственного союза применительно к 90-м годам,— это было выступление т. Сталина на XVI съезде [17]. Он впервые поставил вопрос об организации Тройственного союза как организации, направленной против России и Франции. Мы знаем из германских материалов, посвященных империалистической войне 1914 г., что пока еще только Пруссия воевала с Францией, уже созрел план войны на два фронта. Акад. Тарле в своих более ранних работах изображает весь процесс международных отношений совершенно в ином свете. Он доказывает, что русско-французский союз, явившийся ответом на Тройственный союз, был направлен своим острием не против Германии, а против Англии. Что это так, достаточно следующих слов: «В первой своей фазе 90-х годов XIX столе́тия франко-русский союз был направлен не против Германии, а против Англии...». Тем самым основная империалистическая тенденция противоречий между Англией и Германией несколько затушевывается. Но ведь в этом — коренной недостаток статьи Энгельса. Этот недостаток очень существенен, так как мешает правильно понять причину мировой войны, смазывает агрессивность германского империализма.

Критикуя недостатки статьи Энгельса, написанной в 1890 г., когда не было еще закончено создание русско-французского союза, ни кто иной, как т. Сталин, указывает, что франко-русский союз направлен своим острием против австро-германской коалиции, а австро-германская коалиция своим острием была направлена против России и против Франции. По этому вопросу у историков мы имеем неправильные оценки, причем, прошлые ошибки перемешиваются с настоящими. Не полагаясь на авторитет очень видных работников исторического фронта, историкам нужно строить свои исследования на основе марксистских положений, а отнюдь не на основе тех субъективных настроений, которые сейчас часто появляются в нашей исторической литературе и в выступлениях, которые сказываются в трудах такого видного знатока и блестящего стилиста, как акад. Тарле. Признак непоколебленной линии царской России акад. Тарле видит в том, что в конечном итоге Горчаков легко своим «волеизлиянием» уничтожил позорные статьи Парижского мира. В этом он видит и особую защиту Горчакова. Здесь присутствует один из товарищей, который специально занимается Горчаковым. Я не знаю, согласен ли он (Бушуев) с Тарле? Видимо, да, иначе он не назвал бы Горчакова представителем национальных интересов России. Однако обращаю внимание, что Сталин назвал Горчакова не слишком лестно, назвав его «русским авантюристом» в противоположность иностранным дипломатам-авантюристам.

Для того, чтобы правильно оценить роль Горчакова в 1870—1871 гг., следует участь, какой ценой он заплатил за отмену статей Парижского мира. Мне кажется, что цена эта была достаточно высокой — заплачено

поддержкой Германии во время войны 1866 и 1870—1871 годов [18]. Мы далеки, чтобы встать на путь морализирования по этому поводу. Одно несомненно, что дипломатия Горчакова способствовала национальному объединению Германии и дальнейшему росту мощного германского империалистического государства. Больше того, как бы своими руками Горчаков укреплял своего собственного врага, хотя отношения между Россией и Германией на протяжении двух десятков лет 1870—1880 гг. были дружественны. Во всяком случае, сказать, что Горчакову отмена статей Парижского мира далась легкой ценой, нельзя. Марксисты, анализировавшие поведение русской дипломатии в этот момент, недаром заявили, что после легкой победы, которой Германии удалось добиться над Францией, неизбежно в ближайшем будущем будет русско-германская война. Этот прогноз оправдался, правда, сроки наступления войны были другие. Не получилось ли так, что своей «дальновидной» рукой Горчаков подготовил себе мощного противника, который начиная с 90-х годов открыто встал в лагерь противников России, разорвав договор о перестраховке.

Следующим вопросом, на котором я хочу остановиться, является наше отношение к прошлому в исторической науке. Наша историческая наука очень разнообразна, имела очень много видных, крупных представителей, многие из них прошли через гегельянскую школу, и решение Центрального Комитета партии о недостатках в области философии должно и на нас оказать свое влияние, мы должны внимательно пересмотреть свое отношение к прошлому, к наследству, оставшемуся от буржуазной науки. Вот, в университете предстоит открытие сессии на тему о развитии русской науки. Там будет стоять целый ряд докладов и по истории. В качестве крупнейшего достижения русской исторической науки авторы докладов преподносят Павлова-Сильванского [19], но там нет ни одного слова о марксистской науке. Работы Сильванского написаны в начале XX в., когда мы имели целый ряд крупнейших работ Ленина. В частности, вопрос о феодализме задолго до Сильванского был разработан в трудах Маркса и Энгельса, а применительно к русскому феодализму — в трудах Ленина, значительно ранее Сильванского. Почему это не отметить? Вопросы феодализма в России были в 90-х годах Лениным поставлены, а в труде «Развитие капитализма» [20] дана полная характеристика русского феодализма. Труды Сильванского написаны после Ленина и охватывают главным образом юридическо-правовую сторону феодального общества.

В России больше, чем где бы то ни было, ярко и полно сказался конфликт между нашей марксистской наукой, которая имела много славных представителей, и академической наукой. Марксизм никак не мог проникнуть на университетские кафедры. И в результате получается так, что много представителей русской исторической науки, как Милюков, в 90-х годах преподносили нам совсем отсталые теории. Другие, передовые представители буржуазной науки очень робко, односторонне и непоследовательно повторяли то, что задолго до них полно и систематично разработали марксисты. Нужно показать, что в 80—90-е годы ведущую линию исторического развития мы имеем в марксистских работах, которые развивались в подполье, а не через академическую кафедру. Академическая кафедра во многом отстала даже от «легального марксизма». Если мы так высоко ставим либеральных ученых, то как высоко должны поставить марксистские работы, особенно работы классиков марксизма, Ленина — Сталина, впервые научно осветившие важнейшие этапы истории нашей родины?

Рубинштейн. Товарищи, считая несомненно правильным указания на то, что наша наука за это десятилетие имеет ряд новых достижений, идущих от разработки указаний тт. Кирова, Сталина и Жданова, я не стану останавливаться на этих достижениях. Мне кажется, что наша задача — остановиться на имеющихся недостатках в нашей работе, чтобы этим путем обеспечить дальнейшее плодотворное развитие нашей работы. Мне хотелось бы при этом взять вопросы несколько шире и задуматься над источниками, над некоторыми характерными чертами тех недостатков, которые у нас имеются. Я вижу их прежде всего в том, что указания тт. Кирова,

Жданова и Сталина были восприняты в известной мере односторонне. Очень важно было то, что мы повернули к серьезному изучению конкретного фактического материала, к изучению источников. Но мне кажется, что это сопровождалось значительной недооценкой вопросов теоретического порядка, методологического порядка. Мы много дали фактического материала, создали учебники. Но в процессе этой работы поднимался целый ряд вопросов принципиального значения. А эти вопросы не получали должной принципиальной разработки. Здесь было указано, что мы много сделали по Киевской Руси, а в отношении ряда вопросов начала феодализма в древней Руси, в отношении оценки IX—XI вв. у нас расхождения есть. Ставился вопрос о возникновении национальностей — великоруссов, украинцев, белорусов, но ничего не дано в этой области.

Здесь уже говорилось о вопросе перехода к феодально-абсолютному строю, и опять целый ряд конкретных вопросов вставал перед нами, а реально мы этой работой не занялись вплотную. Неверно, между прочим, сказал т. Бушев, что дискуссий было мало, только две. Дискуссий было много, но они ставились не так, как нужно. Дискуссия бывает плодотворной, если ей предшествует подготовительная теоретическая, исследовательская работа и если затем следует серьезная разработка вопроса на базе итогов дискуссий, а у нас это было по принципу: «поспорят, пошумят и разойдутся». Одно заседание пройдет, и этим все исчерпывается. Это первый дефект. Второй дефект здесь уже был частично затронут. Очень важная сторона в замечаниях об ошибках школы Покровского — то, что было обращено внимание на освоение исторического наследства, на изучение достижений старой русской науки, в частности, был переиздан ряд работ, сохранивших свое научное значение. Но, опять-таки, я бы сказал, что это сопровождалось полным упадком марксистской критики старой историографии, критического ее изучения и прежде всего сравнительно слабой историографической работой. Отсюда, мне думается, и тот результат, что весьма часто у нас от критики Покровского переходили к простой идеализации Ключевского. Тов. Аджемян по линии этого противопоставления и пошел. Это вредный и плохой путь работы, не вперед, а назад от Покровского. И далее, я думаю, что 2—3 работы по историографии, которые появились за это время, вопроса не решают.

Мне придется уклониться несколько в сторону, остановиться на вопросе о моей книге «Русская историография», тем более, что здесь были затронуты в этой связи некоторые принципиальные вопросы. Я убежден, что моя книга имеет ряд недостатков, пробелов. Это не только первый опыт марксистского курса русской историографии, но и вообще первый опыт русской историографии в целом. В этом смысле я очень нуждался в обсуждениях, а обсуждений было мало, если не считать одного обсуждения на кафедре истории СССР МГУ. К сожалению, т. Бушуев, член этой кафедры, не принял в нем участия. Но я должен сказать, что с тем основным замечанием, которое сделал т. Бушуев, я не согласен. Его основное положение: не уделено внимания борьбе русской историографии с засилием немцев в русской исторической науке. Такое положение встречается сейчас нередко, и в тезисах к открывающейся сессии Московского университета, та же мысль формулирована в тезисах к докладу акад. Зелинского [21] о Д. И. Менделееве — о борьбе с засилием немцев в русской науке. Люди думают, что это звучит очень патриотично. Мне думается, что это вредный, антипатриотичный, антинациональный тезис: ведь это означает признание действительного засилия, господства немцев в русской науке, признание того, что русская культура несамостоятельна. Это неверно. Достоинством своей работы в данном случае я считаю как раз то, что я показал органическое развитие русской историографии, и я этим бил по мнению о том, что немцы, дескать, создали русскую науку. Теперь о роли Шлецера, о роли Миллера. В нашей печати получило уже должную оценку выступление т. Кольмана [22], который по признаку немецкой фамилии отдал весь цвет русской ориенталистики немцам. Миллер — русский историк, и отдавать его немцам нет никаких оснований. О Ломоносове я говорить не буду, об

этом сказано в моей книге на стр. 87—89 — совсем не то, что приписывал мне т. Бушуев, желающие проверят сами. Я считаю также неправильной сегодняшнюю оценку Павлова-Сильванского. Это вопрос частный, но и это показывает, что в данной области настоящей серьезной работы не ведется.

Далее. Слабость теоретической работы, слабость критической работы над старой историографией, мне кажется, ведет к следующему существенному пороку: у нас зачастую происходит, несомненно, сползание на позиции старой буржуазной историографии. Я считаю, что здесь нужно обратить внимание на ту большую литературу, которую мы имели за последнее время по вопросам героического прошлого. Несомненно, эта литература сделала свое дело, принесла определенную пользу, но подавались эти вопросы, мне кажется, не на уровне требований марксистско-ленинской науки, марксистско-ленинской теории. Я назвал бы брошюру Данилевского о Дмитрии Донском. Мне кажется, что нет большой разницы между его трактовкой Дмитрия Донского и трактовкой Иловайского [23]. Непонимание того, что эти вопросы мы должны ставить в нашей перспективе. Мы должны подходить к этим вопросам прошлого в плане определенной перспективы, учитывая наше понимание советского патриотизма, не переносить его механически в прошлое, учитывая замечательные высказывания Ленина о национальной гордости великороссов. Сейчас получается общая идеализация. (Щербаков. А какую оценку следует давать Дмитрию Донскому?) Надо показать значение его деятельности, но значение деятельности, опирающейся на народ. Показать, как он сумел использовать и организовать силы народа, а не излагать просто историю подвигов Дмитрия Донского. Нужно его показать в системе подвигов русского народа. Мне кажется, что этого важного оттенка не дано. То же самое скажем в отношении Минина и Пожарского. Мы повторяем пересказ об их деятельности, но процесс создания ополчения народом мы не показываем, а только в этом свете мы поймем их как представителей русского народа.

Вопросы идеализации русского прошлого. Здесь уже говорилось о целом ряде отдельных выступлений, об отдельных примерах, но мне кажется, что эти вопросы, получающие за последнее время очень широкое распространение, сведены всего к единой линии, к единой традиции — идеализации царизма с идеализацией часто самых темных сторон. Я должен сказать, что на сегодня эта тенденция выходит даже за рамки собственно исторической науки. У меня под руками № 1 журнала «Советская педагогика», и там есть статья по истории русской педагогики проф. Медынского [24]. Там указывается, что основными чертами русской педагогики с древнейших времен — от Поучения Владимира Мономаха 1096 г. и до наших дней — является: 1) гуманизм, 2) демократизм, 3) высокая оценка просвещения и т. д. Что же, и «Домострой» мы подведем под эту характеристику? Возможны ли такие огульные внеклассовые определения? Возьмем другой пример отражения нашей истории в области художественной литературы, которая широко влияет на общественные массы. Возьмем отражение в художественной литературе исторического признания положительной роли Ивана Грозного, положительной роли опричнины в определении перспектив государственного развития. Здесь у нас пришли к сплошной идеализации. Мы имеем литературные произведения, опубликованные уже сейчас в печати, как драма Алексея Толстого, сценарий Эйзенштейна и др.[25], где Иван Грозный изображен мечтателем, а героем русского народа изображается Малюта Скуратов. Мне кажется, что это свидетельствует о глубоком распространении сплошной антиисторической идеализации нашего прошлого. Мне кажется далее, что этот момент также связан с недостаточной глубиной нашей теоретической работы над вопросами проблемного теоретического порядка.

Мы наблюдаем за последнее время не просто те или другие отдельные ошибки, но искажения методологического, теоретического порядка, самого метода трактовки исторических вопросов. Мы здесь имели очень яркое выступление т. Аджемяна с его идеализацией государства: государство и народ — одно и то же, классовую борьбу надо снять, а есть диктатура

пролетариата без классовой борьбы. Дух государственности, идеализации государства очень широко склонялся в выступлении т. Аджемяна, на мой взгляд, далеко оставившего позади в своем гегельянстве даже Соловьева, не доходившего никогда до такого упрощенчества. Здесь все настолько ясно, что, пожалуй, и спорить не стоило бы. Но дело не только в этом выступлении т. Аджемяна. Это явление, несомненно, более широко распространено на сегодняшний день — явление возрождения идеалистических государственных теорий, по сути отменяющих классовую борьбу, и оно имеет широкое значение, так как представлено за последнее время целым рядом исторических работ.

С этой точки зрения я хочу остановиться на последней работе проф. Яковлева «Холопы и холопство в Московском государстве XVII века». Меня интересуют не отдельные искажения, я не буду останавливаться на трактовке вопроса о происхождении славян, о котором говорят первые главы. Меня интересует методология вопроса, то, как подходит профессор Яковлев к основному вопросу, как он ставит самое проблему. Это ярко показано на стр. 28-31. Оказывается, что в структуре холопства XVI в. мы имеем дело не только с социально-экономическим явлением, а с «сложным сооружением правового характера, опиравшимся на глубокий и прочный, и господами и даже холопами неизменно и дружно признававшийся, правовой пролепсис» (стр. 28). Изучение надо вести, продолжает проф. Яковлев, «с трех наиболее существенных точек зрения: нравственной, собственно юридической и политической». Объявляется, что «мировоззрение того времени предполагало в отношениях между господами и холопами наличие глубокой, органической, даже нравственной связи». «В основе понимания холопства лежала идея внутренней солидарности между обоими участниками этой дуалистической системы».

Выступление холопа против господина, по мнению проф. Яковлева, «явление весьма редкое», трактуется как самая мрачная измена своему государству, своей родине, осуждаемая всеми, даже посторонними наблюдателями. То есть, мы имели дело с своеобразной апологией холопского мировоззрения вне всяких классовых противоречий, напротив, опирающегося на солидарность господ и холопов, на признание, что мы имеем в XVI в. борьбу между Московским государством и союзом господ и холопов. Государство, дескать, разбивает этот прочный союз, причем, характерно, что о ведущем значении и прочности организации холопства эта работа говорит для периода отмирания холопства, хотя работы акад. Грекова уже показали, как шло отмирание этого холопства. Самый тезис о государстве, разбивающем холопство и создающем новые социальные отношения (кабальное холопство), — это, в сущности, старая теория Б. Н. Чичерина о государстве, организующем общество, создающем общественные отношения. И я бы сказал, что это — Чичерин, доведенный до крайности. Это один пример восстановления государственной теории.

Позволю себе привести еще одну цитату, ярко характеризующую методологию проф. Яковлева еще и в ином направлении: «...Боярский двор должен был дорожить старинными природными холопами, полученными путем известной селекции и холопьего скрещения, проводимого боярами по соображениям холопьей евгеники» (стр. 45). В качестве второго такого примера можно привести работу проф. Сыромятникова «Регулярное государство Петра Первого» [26]. Одно из основных ее положений — о средних классах как об опоре монархии Петра I, о средних сословиях как совокупности дворянства и буржуазии (с. 125 и сл.). Это — идея Чичерина, это и терминология Чичерина. Правда, к этому дальше профессор Сыромятников присоединяет взятые у Покровского положения об антифеодальных, антидворянских, буржуазных тенденциях политики Петра I (стр. 124, 144), но тут же переводит это в другую плоскость, говоря уже об «антисословности» монархии Петра I (стр. 143 и др.), приписывая ему стремления ограничения крепостного права (стр. 145), притом, вопреки общественному развитию, создавая представление надклассовости абсолютистской монархии, идущей впереди развития общества (с. 124 и др.).

Я мог бы привести также в целом несравненно более ценную работу проф. Смирнова («Посад и посадские люди») [27], который дал очень интересное раскрытие процесса отделения города от феодального землевладения. Но дал он его лишь потому, что в данном случае правовые отношения отражали в известной мере реальные отношения. Но там, где этого совпадения не было, сразу получилась путаница. Так, когда профессор Смирнов оказался перед фактом внутреннего расслоения и классовой борьбы в городе XVI в., так оказалось, что это расслоение в XVI в. есть явление распада, регресса, тормозящее развитие города, а не движущая сила исторического развития, как показывает Маркс и Энгельс. К этому же отражению идей государственной школы я отнес бы и получившую довольно широкое распространение за последнее время теорию сословной монархии как этапа в развитии феодализма. Здесь не то деление эпохи феодализма на два этапа, которое дано в известных замечаниях тт. Сталина, Кирова и Жданова. Элементы формальной юридической характеристики государства превращаются в принципиальный этап исторического развития общественно-экономической формации. Мне кажется, что лишь в условиях недостаточной теоретической работы на марксистско-историческом фронте появилась возможность проникновения этих течений, которые даже не получили надлежащей обсуждения и надлежащего критики.

И здесь я бы сказал о практической работе, об организационных вопросах в нашей исторической работе. Мне кажется, на сегодняшний день существует, несомненно, ненормальное соотношение в структуре работы между конкретными работами по истории и работой над вопросами исторического материализма. Получились как бы два разобщенные и разделенные друг от друга раздела. Мне кажется, что нашим историкам нужно ближе подойти к разработке исторического материализма, а разработку исторического материализма надо теснейшим образом связать с конкретной исторической работой. От этого обе стороны значительно укрепятся. Разрешите коротко остановиться на нескольких вопросах организационного порядка. Здесь у нас, мне кажется, имеются некоторые организационные трудности, о которых я скажу самым коротким образом.

Первый вопрос. Мне кажется, что мы не имеем сейчас достаточно определенного руководства со стороны руководящих центров научно-исследовательской работы. Мы, в сущности, не имеем настоящего организующего центра научно-исследовательской работы. Мы имеем большую работу по изданию учебников, многотомников — все это нужно, но исследовательская работа, монографическая работа не занимает надлежащего места в планирующих научных центрах; ей нужно дать большее развитие и на ней фиксировать сейчас особое внимание. Второй вопрос. У нас нет организованной исторической общественности, чтобы каждая работа выносилась на широкое общественное обсуждение и в процессе самой работы, и после своего завершения.

В этой связи встает вопрос издательской работы, который здесь поднимался. Необходимо, чтобы монографические работы печатались. Необходимо возможно скорее создать специализированные исторические журналы как основную научную трибуну, сейчас ее нет. В этой связи — общественного контроля, общественного обсуждения, издательства — еще два слова о подготовке наших кадров. Надо сказать, что у нас здесь ненормальное положение. У нас аспирант представляет кандидатскую диссертацию, но она, как правило, не печатается, а идет в архив данного института. Это создает безответственность и аспиранта и руководителя. Дальше, он выпускается на практическую работу, но не имеет возможности научно расти и, во всяком случае, не может печататься, давать печатную продукцию. Все же он урвет время, иногда доработает ту же кандидатскую диссертацию и уже защищает докторскую, которая также не печатается. Мы получаем доктора наук, который не имеет ни одной печатной строчки. Где гарантия качества этого доктора? Мне кажется, здесь нужно обратить самое серьезное внимание. Вопрос кадров — решающий вопрос.

Щ е р б а к о в. Слово имеет т. Сыромятников.

Сыромятников. Мы все, конечно, должны приветствовать инициативу Центрального Комитета партии, открывшего настоящее совещание, которое поставило на обсуждение вопрос о том, в каком состоянии находится сейчас наша историческая наука, специально -- вопрос по разработке истории СССР. Этот вопрос является, несомненно, самым актуальным и своевременным. Мы все, конечно, очень хорошо знаем, какие крупные положительные достижения имеются у нас на фронте изучения истории СССР, но вместе с тем мы знаем, что уже до войны раздавались голоса о том, что на нашем историческом фронте, и в частности по вопросу изучения истории СССР, не все обстоит вполне благополучно. Я думаю, что на настоящем совещании нам не приходится останавливаться на этих положительных достижениях наших исторических знаний, наше внимание должно быть обращено преимущественно на те недочеты и те дефекты, которые мы все сознаем и на которых следует остановиться. Но суть нашей дискуссии должна сводиться не к обсуждению по существу того или иного исторического вопроса, что потребовало бы гораздо больше времени, чем те ограниченные минуты, которыми мы располагаем, я думаю, что наше внимание должно быть обращено на те приемы научного исследования, которые у нас бытуют на данном фронте.

Нужно выяснить, какие здесь у нас намечаются недостатки в самой постановке исторических проблем, в особенности, конечно, в связи с марксистской теорией. Необходимо выяснить те противоречия, которые мы раскрываем в области нашего исторического исследования, выявить те ошибки, которые здесь наблюдаются, и, наконец, те предвзятые, а, можно сказать, нередко и фантастические построения, которые мы в этой области встречаем и о которых здесь отчасти уже говорили товарищи. Поэтому я позволю себе остановиться на том конкретном материале, который дает нам возможность прежде всего выявить приемы исторического исследования и, в первую очередь, отношение к историческим источникам, к которым прибегают и которыми определяется само научное построение. Мы все отлично знаем и понимаем, что в основе всякого серьезного научного исследования лежит точное, добросовестное и критическое использование источников, на которых базируется то или иное историческое построение. Так вот, в этой области у нас дело обстоит не совсем благополучно.

Я позволю себе прежде всего напомнить о недавно вышедшей статье в журнале «Большевик» проф. Базилевича о Петре Великом [28]. Автор говорит о «Табели о рангах» Петра Великого и о тех чинах, которые якобы перечисляются в этой «Табели о рангах». Здесь сразу видно, что произошло какое-то недоразумение. Мне, поскольку я знаком с литературой предмета, был совершенно ясен источник этого недоразумения. Я обратился к недавно вышедшему учебному пособию проф. В. И. Лебедева под названием «Реформы Петра I».На 75 стр. автор напечатал «Табель о рангах», но вместо настоящей «Табели о рангах» Петра I я нашел какую-то фальшивку, хотя под этим документом стояла точная ссылка на VI т. Полного собрания законов [29]. Откуда же мог заимствовать эту «Табель о рангах» Владимир Иванович Лебедев? Мне нетрудно было догадаться, что заимствовал он ее из одной серии «Памятников русской истории», которая была выпущена в издании Клочкова, один из выпусков которой посвящен «Законодательным актам Петра I». Там также напечатана все та же фальшивка и с такой же ссылкой на Полное собрание законов. Таким образом, ни Базилевич, ни Лебедев, ни Клочков не имеют представления о «Табели» Петра I и не потрудились перепечатать эту «Табель» из Собрания законов.

Откуда же Клочков взял свою табель? Я обратился к изданию другого «учебного пособия» — проф. Грибовского, выпуск первый которого был опубликован в 1905 г. под названием «Эпоха Петра Великого». Но и здесь оказалась та же фальшивка. Но Грибовский не ссылается на Полное собрание законов, а ссылается на книгу Порай-Кошица по истории русского дворянства, который в свою очередь ссылается на Арсеньева, то есть на его «Начертание российской статистики», вышедшей в 1818 г., и где мы и находим нашу фальшивку. Но Арсеньев не называет ее петровской табелью. Он

сам составил ее и говорит: вот те чины, которые действуют ныне в России при Александре I [30]! Товарищи, мне кажется, что это достаточно яркий пример того, как у нас относятся к историческим источникам.

Позвольте привести следующий пример. В 1939 г. вышла книга акад. Тарле «Наполеон». И там, на 192 стр. в самом начале 12-й главы акад. Тарле говорит: «Сперанский — умный, ловкий и осторожный разночинец — вернулся из Эрфурта, куда он ездил в свите Александра в полном восторге от Наполеона. Крепостное право Сперанский никак даже отдаленно не трогал, напротив, убедительно доказывал (?!), что оно совсем не рабство. Православной церкви тоже никак не трогал, — напротив, говорил ей много комплиментов при всяком удобном случае. На какое-либо ограничение самодержавия он и подавно не только не посягал (?), но, наоборот, в царском абсолютизме видел главный рычаг затеянных им преобразований (?!)» [31]. Так характеризует Сперанского акад. Тарле!

Бóльшей клеветы на этого замечательного государственного человека, автора первой русской конституции, написавшего свой первый политический трактат в 1802 г., где он вынес совершенно уничтожающий приговор русской самодержавной империи, которую он квалифицировал как «деспотическую» империю, основанную на двух классах — «рабов государя и рабов помещиков», где он дворян русских называл «дармоедами», живущими на даровой труд, где он доказывал, что при самодержавно-деспотическом строе не может быть ни свободы, ни законов, ни просвещения, ни экономического прогресса и где только при освобождении крестьян возможно возрождение страны одновременно с ликвидацией самого самодержавия и введением конституции. (См. нашу статью «Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель» — «Советское право и государство», 1940 г., № 3). Кто не знает, что Сперанскому принадлежит после Радищева первый проект освобождения крестьян в духе Радищева! Как же мог выступить со своей декларацией акад. Тарле? Ведь еще в 1905 г. журнал «Русская Мысль» издал сборник, в котором был помещен основной проект государственной реформы Сперанского 1809 г., где он доказывал, что всякие «пристройки» к самодержавию в духе конституции для придания «законной» формы российской монархии тщетны, потому что «первый жест самовластья» все их опрокинет. Наконец, есть, правда, небогатая, но все-таки специальная литература о Сперанском! Ну хотя бы т. Тарле заглянул в статью известного историка Семевского [32], появившуюся в «Русском Богатстве» в 1906 г. (№ 1), где подробно были изложены с обширными выдержками тексты из проекта Сперанского 1802 года. Между тем т. Тарле нигде не делает ни единой ссылки на какие-либо источники, работы Сперанского или литературу о нем!

Позвольте перейти еще к одному примеру того, как у нас используются источники. В 1940 г. вышло историческое «исследование» доктора исторических наук Юшкова «Очерки по истории феодальных отношений в Киевской Руси» [33]. На стр. 24 мы читаем: «Хотя материал о рабстве в дофеодальной Киевской Руси исключительно скуден, тем не менее мы решительно настаиваем на патриархальном характере рабской эксплуатации... В XI в., когда уже наметился процесс превращения холопов в крепостное крестьянство, источники того времени очень хорошо оттеняют патриархальность отношений между рабами и рабовладельцами». Какие это «источники», однако, остается неизвестно, так как никаких ссылок на них автор в своей книге не дает. Чувствуя беспочвенность своей «аргументации», автор спешит прикрыться авторитетом Ленина. И вот на 25 стр. он пишет: «Рабство в Киевской Руси не успело, естественно, вырасти в развитую рабовладельческую систему хозяйства, в особую рабовладельческую общественно-экономическую формацию... В Киевской Руси совершился процесс по формуле Ленина: «от патриархального рабства к крепостничеству», и Юшков дает ссылку на 24 т. сочинений Ленина, на знаменитую лекцию Ленина «О государстве» [34].

Но, товарищи, хотя мы с вами помним эту лекцию Ленина, но все же посмотрим на соответствующую 367 стр. и увидим, что эта цитата Ленина

у Юшкова поддельная. У Ленина нет слов «патриархальное рабство». У Ленина стоят слова «первобытное рабство». Но автору нужно, чтобы Ленин сказал о «патриархальном рабстве», и он, не смущаясь, печатает поддельную цитату из Ленина. Но цитата взята автором не вся и вырвана безоговорочно из контекста. Если же обратиться к соответствующему месту из лекции Ленина, то мы с вами увидим, что здесь Ленин, дав краткую характеристику основных исторических формаций: эпохи рабовладельческой, эпохи феодальной и эпохи капитализма, затем в заключение говорит: «Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму — вы всегда должны иметь в виду, ибо, только вспоминая этот основной факт, только вставляя в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии будете правильно оценить эти учения и разобраться, к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий». Итак, ясно, как день, что под «первобытным рабством» разумеет рабовладельческий период. Между тем Юшков подменяет этот период периодом «патриархального рабства». Интереснее и курьезнее всего следующее обстоятельство. В конце своей книги на 250 стр. Юшков говорит: «Можно думать, что Киевскую Русь имел в виду Ленин в данной формулировке». Он действительно имел в виду и Киевскую Русь в рабовладельческий период, как это ясно из его формулы. Автор сам не понял, что в данном случае он сказал нечаянно правду!

Позволю себе остановиться еще на той книге, которая привлекла здесь достаточно внимания, — книге «Холопы и холопство в Московском государстве XVII века» А. И. Яковлева. Эта книга у всех нас, историков, вызывает полное недоумение: каким образом можно было написать все то, что написал Алексей Иванович, известный историк, которому принадлежит в прошлом такая работа, как его исследования о засечной черте, о приказе сбора ратных людей[35], где вскрывается военная организация Московского государства, и каким образом автор этих книг в своем «Холопстве» мог написать, что войско в древней Руси состояло из холопов и что на Куликовом поле победил не русский народ, не народное ополчение, а, как мы читаем, боярские холопы? Дальше мы видим, что Яковлев в двух местах своей книги (стр. 11 и 17) говорит, что никакого рабовладельческого периода в древней Руси не было. Он может, конечно, держаться любого мнения, но в своей работе, посвященной специально истории холопства, ему нужно было остановиться на вопросе о том, был или не был рабовладельческий период на Руси, а не заявлять голословно, что «нельзя говорить» о рабовладельческом строе в эту эпоху. Почему «нельзя говорить», кем может быть запрещено доказывать то или иное научное положение? Все дело состоит именно в доказательствах. Но что же при таком исходном пункте мы узнаем от автора? Мы узнаем, что вся древняя Русь от VI ст. до XVII в. включительно была холопьим царством, что вся администрация древней Руси, Московского государства состояла из рабов, что все войско состояло из холопов, и т. д. Имеется даже такое утверждение, что бояре, дворяне, вообще все служилые люди Московского государства называли себя «холопами», но — по словам автора — это не «метафора», а вполне «адекватное» выражение по существу дела, что все эти люди были из холопов! Мне думается, что это положение может вызвать только недоумение.

Обратимся к той лингвистике, которой так широко пользуется автор данной монографии. Оказывается, что большинство названий городов древней Руси произошло от холопского строя Московского царства. Возьмем город Вязьму, от какого слова произошел этот город? В Древней Руси холопов «связывали», вот Вязьма и происходит от слова «вязать». Дальше — город Псков (Плесков), получивший свое название от озера Псковского (Плескова), у Яковлева происходит от глагола «плескать», что значит «бичевать», так как в древней Руси рабов «бичевали»! Дальше, город Галич происходит он «птичьего гомона». Дело в том, что в Галиче существовал рынок, на котором продавали разноплеменных, разноязычных рабов,

так вот этот шумный рынок напоминал собой «птичий гомон», галочий крик и поэтому его называли Галичем. Дальше — город Жидчичи. Название его, якобы, происходит от рынка, где продавали рабов только евреям. Некоторые товарищи, я вижу, весело улыбаются, когда я сообщаю такие факты, но это весьма плачевные явления на фронте нашей исторической науки. Факты эти говорят о том, что мало у нас считаются с настоящими историческими фактами и источниками и как позволяют себе наши историки чрезвычайно произвольно обращаться с ними.

Товарищи, за краткостью времени я не могу высказаться по остальным вопросам, которые, к сожалению, не были затронуты здесь, на совещании, или были затронуты недостаточно. Я позволю остановиться на источниках. У меня имеется до 20 выписок пользования источниками нашего уважаемого историка Бориса Дмитриевича Грекова. Известно, что Борис Дмитриевич является защитником теории, что в древней Руси существовало два вида смердов: одни были свободными, другие — закрепощенными. Чтобы доказать то и другое, Борис Дмитриевич на стр. 128 ссылается на известный фрагмент летописи, где говорится о Долобском съезде князей [36], когда князья заспорили о том, можно ли выступить весной в поход против половцев, так как придется оторвать от пашни смердов. Ссылаясь на этот фрагмент, Борис Дмитриевич говорит, что здесь идет речь о свободных крестьянах — общинниках, а на 133 стр., ссылаясь на то же самое место летописи, он говорит, что эти же смерды, очевидно, были связаны с «Челами» князей и дружинников, сидели на их землях и были «зависимыми смердами».

Дальше, чтобы доказать, что смерды были закрепощенными и передавались вместе с владельческими землями, он берет известную грамоту Пантелеймонову монастырю XII века. В этой грамоте есть такие слова: князь дарит монастырю «село Витеславцы и Смерды», то есть два села. Издатель этой грамоты по своему собственному произволу «Смерды» написал не с большей буквы, а с маленькой, так что получилось, будто монастырю дарится «село Витеславцы и смерды». Юшков использовал этот искаженный текст в пользу» смердов закрепощенных», а Борис Дмитриевич, ссылаясь на Юшкова, усматривает в этой поправке «еще одно прямое доказательство того, что часть смердов в XI и XII вв., уже находилась в феодальной зависимости (Киевская Русь, стр. 132—133). Это уже не толкование, а искажение фактов, так как данный источник был издан неправильно. В подлиннике написано с большой буквы слово «Смерды». Раз с большой буквы, то это значит, что было дано монастырю два села — Витеславцы и Смерды, а если бы говорилось о том, что дано только одно село и смерды, то было бы написано так: «село Витеславцы со смерды». Греков же склоняется к принятию искаженного текста в «толковании» Юшкова!

Приведу еще один пример. Поскольку Борис Дмитриевич полагает, что в древней Руси были и закрепощенные смерды, он говорит на стр. 139: «Если смерды были бы закрепощены, они должны были бы бегать, но они не бегают, и об этом «Русская правда» молчит». Далее, «Русская правда» говорит, что за убийство холопа нет «виры», а как же дело обстоит с «зависимым смердом»? «Русская правда» и об этом молчит. Наконец, «Русская правда» говорит, что нельзя привлекать «к послушеству» холопа. «А зависимого смерда?» — вновь спрашивает т. Греков: «опять молчание»! «Казалось бы, отсюда следует прямой вывод, что «Русская правда» не знает никакого «зависимого» или «закрепощенного смерда» и его и не было в природе, и поэтому нет никаких данных к тому, чтобы говорить о закрепощении смердов в древней Руси. Но Борис Дмитриевич неожиданно делает вывод, что если «Русская правда» раз молчит, два молчит, три молчит, то это значит,.. что закрепощенные смерды были!? И иное толкование «исключается» (стр. 139). Я захватил с собой эти книги, где все буквально напечатано. (Щербаков. Я должен свое мнение сказать. На основных проблемах и вопросах Вы не останавливаетесь. Есть много фактов не вполне добросоветского отношения к историческим документам. Это мы все знаем.)

Вопрос об отношении исследователей к источникам я считаю одним из основных.

Я позволю себе остановиться теперь на самом важном вопросе — на вопросе исторической периодизации. С этим вопросом обстоит дело чрезвычайно неблагополучно. Мы знаем, что и Маркс, и Энгельс дали совершенно четкую формулу для выяснения существа закономерного развития человеческих обществ — так называемую схему исторических «формаций». Я позволю себе сослаться на два руководящих фрагмента из Краткого курса истории партии. Там на 114 стр. читаем, что Маркс в своем учении о формациях дает ключ для объявления того, «почему данный общественный строй сменяется именно таким-то новым строем, а не каким-нибудь другим, почему первобытно-общинный строй сменяется именно рабовладельческим строем, рабовладельческий строй — феодальным, феодальный — буржуазным, а не каким-либо другим строем». Такова «естественно-историческая» закономерность развития всякого человеческого общества. А на 113 стр. мы находим ответ и на вопрос, прошла ли история нашей страны, СССР, через эти основные формации или она не прошла: «На протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы, в СССР сменились даже четыре общественных строя. Между тем, за тот же период географические условия в Европе либо не изменились вовсе, либо изменились... незначительно». Кажется, все четко, ясно, и слова эти никаких сомнений вызывать не могут. А между тем у нас ряд историков до сих пор утверждает, что древняя Русь миновала рабовладельческий строй и прямо от родового строя перешла к феодализму, игнорируя ясное указание «Краткого курса». Сошлюсь в данном случае еще и на Ленина.

В той же уже цитированной лекции Ленина мы читаем, что «деление общества на классы» есть «основной факт» истории: «Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов... затем — общество, основанное на рабстве». И далее: «Через это прошла вся современная цивилизованная Европа» (стр. 366). Ленин не делает при этом никаких оговорок о том, что русское государство, СССР, будто бы не прошло через последнюю стадию. И любопытно, что когда мы обратимся к соответствующей русской исторической литературе и к работам Грекова, и к I т. «Истории СССР», то хотя мы находим у них немало ссылок на Маркса, Энгельса, Ленина, но мы ни разу не находим ссылок на указанные нами цитаты ни из Ленина, ни из «Краткого курса» истории партии, где прямо говорится, что СССР прошел через рабовладельческий период. Где же оказывается этот рабовладельческий период у наших историков? Если открыть I т. «Истории СССР», то оказывается, что славяне прошли через первобытный общественный строй в V—VI вв. н. э., а рабовладельческий период они пережили за 2 тыс. лет до н. э. в Урарту (Грузии и др[угих] стр[анах]), а феодализм водворился на Руси в XI в. н. э. (стр. 22 и сл., гл. 2 и стр. 86, гл. 1). Если мы обратимся по этому вопросу к Грекову, который является наиболее горячим защитником того, что для Руси исторический «закон не писан» и Русь миновала рабовладельческий период. Однако, когда он читал свой доклад по вопросу о рабстве в России в Институте материальной культуры и доказывал, что Киевская Русь не была рабовладельческим государством и рабство в XI в. уже «отмирало», ему был задан вопрос: если рабство «отмирает» в XI в., то как же было раньше? Раньше было рабовладельческое общество, ответил Греков (ГАИМК [37], вып. 86, стр. 106, 129), и рабство являлось «производственной базой» (там же, стр. 159—160; там же, вып. 72, стр. 33, 90).

Так, с одной стороны, мы видим, что в древней Руси было рабовладельческое общество, а с другой стороны — его не было! Возьмем «Киевскую Русь» Грекова. Заканчивая первую ее часть, автор опять возвращается к вопросу об эволюции рабства в России, и мы читаем здесь, что рабство

в России «на наших глазах завершает полный цикл своего диалектического развития», то есть прошло все основные этапы своего развития! Иначе этого нельзя понимать. Значит, у нас была и рабовладельческая формация, а в XI в., как говорит Греков, она превратилась уже в «уклад» (стр. 156). Но, напечатавши это положение, Борис Дмитриевич вскоре прочитал доклад все на ту же тему и в примечании к его реферату в «Историке-марксисте» [38] жирным шрифтом напечатал свою «просьбу» вычеркнуть слово «уклад». Таким образом, остается совершенно неясным, что на самом деле думает автор о рабовладельческом периоде: был он или его не было!? С одной стороны, выходит, что он был, а с другой стороны — что его не было! С одной стороны, Россия прошла через рабовладельческий период, а с другой стороны — что она его как-то миновала, сделав скачок из первобытного строя к феодальному. Я думаю, что все это показывает, что здесь есть какая-то недоговоренность, неясность и явные противоречия. А между тем, выступая в прениях в ГАИМК, Борис Дмитриевич сказал, что Россия развивалась нормально, вопреки утверждениям, будто Россия — страна «самобытная», которая имеет свою «особенную стать». История России, заключил т. Греков, представляет «один из вариантов нормального, закономерного общественного развития» (ГАИМК, вып. 103, стр. 259). А если Россия развивалась нормально и закономерно, значит, она и не могла миновать рабовладельческого периода. Мне кажется, что вывод этот совершенно ясен и неизбежен.

Мое время истекло, и мне об этом напоминают. Поэтому, опуская целый ряд моих замечаний, в заключение разрешите остановиться на тех критических замечаниях, которые относятся непосредственно ко мне в выступлениях товарищей. В частности, по поводу моей книги «Регулярное государство Петра Великого». Тов. Панкратова, выступая здесь, сказала, что будто бы я являюсь сторонником «надклассовой» конструкции государства Петра Великого. К сожалению, она не сослалась ни на одну страницу моей работы. Я же вообще считаю своей обязанностью ссылаться на соответствующие тексты соответствующих работ, когда их критикую, для того, чтобы не быть голословным. Того же я требую и от моих критиков. Тот, кто прочел бы мою книгу, конечно, не решился бы выступить с подобными обвинениями. Я не знаю, читала ли т. Панкратова мою книгу или кто-то ей оказал медвежью услугу, сообщив явно недобросовестную информацию о ней. Но дело в том, что в моей книге доказывается как раз обратное положение, и я как раз упрекаю I т. «Истории СССР» за то, что там не выявлена классовая природа государства Петра Великого («Регулярное государство», стр. 66). Государство Петра Великого было классовой организацией, говорю я, но оно, рядясь в идеологические одежды просвещенного абсолютизма, создавало видимость, «иллюзию» своей надклассовости (там же, стр. 65, 122, 189). Далее, вторая глава моей книги, которая посвящена исторической подготовке петровской реформы, у меня целиком занята выявлением классовой структуры общества удельной России, Московского государства XVI—XVII вв. и, наконец, русского государства и общества Петра Великого (там же, стр. 37, 63, 65, 73, 93, 95, 96—99, 103, 105, 107, 122, 146 и др.), причем, мною выявляется и политическая идеология каждого из борющихся классов.

Сегодня т. Сидоров преподнес мне другое обвинение, будто бы я стою на той точке зрения, что у нас рабовладельческая формация господствовала до XVI столетия! Я бы хотел, чтобы т. Сидоров указал мне, где и когда я об этом говорил и писал. Это безответственное заявление. Если я являюсь сторонником, вместе с группой других историков, той теории, что и Русь прошла своеобразным образом через рабовладельческий период, то это не дает никакого права т. Сидорову говорить явную неправду, будто бы я рабовладельческий период растягиваю до XVI столетия. Кажется, моя критика книги т. Яковлева исключает всякую возможность подобного искажения моих научных взглядов. Поэтому, когда товарищи выступают с критикой моих работ, то я ее всецело приветствую, пусть эта критика будет резкой, уничтожающей, но только при одном условии, чтобы она

была основана на четких и ясных ссылках на источники, а главное, была добросовестной! Тогда я готов вступить с товарищами в дискуссию по любому вопросу. Но когда мне приписывают явно неверную и даже противоположную точку зрения, то, конечно, такую дискуссию нельзя назвать дискуссмей научного характера, а у нас, к сожалению, в нашей исторической литературе критические приемы подобного рода являются неединичными. Тов. Панкратова, которая полемически навязала мне прямо противоположный моему взгляд, поступила бы гораздо лучше, если бы объяснила, каким образом могла появиться у нас книга о «холопстве» Яковлева, которая прошла через Институт истории. (Панкратова. Она не прошла через институт.) Но она вышла под маркой института! Значит, Институт истории не имеет права слагать с себя ответственность за работу, которую т. Панкратова назвала не только антиисторической, антимарксистской, но даже и вредной. Я вынужден на этом закончить мое выступление[39].

Минц. Я хочу остановиться на одном вопросе, имеющем важное значение. В Великую Отечественную войну вместе с русским, украинским, белорусским народами сражаются все народы нашей страны, и среди этих народов есть немало таких, которые десятилетиями, а некоторые — целыми веками, не воевали. Эти народы, не сражавшиеся до сих пор, сейчас вместе с Красной Армией нанесли поражение немецко-фашистским полчищам, перед которыми совсем недавно 8—9 армий сложили оружие, в том числе французская, самая сильная на континенте. У наших народов появились свои генералы, свои Герои Советского Союза, по решению Верховного совета создаются свои наркоматы обороны и свои национальные части. Великая Отечественная война, несомненно, усилила национальное самосознание, повысила национальную гордость. Неудивительно, что у наших народов появился огромнейший интерес к своей истории. Неслучайно у нас вышла книга по истории Казахстана, в гранках имеется история Башкирии, вышли два тома по истории Украины, готовится книга по истории Белоруссии и т. д. Повторяю, неудивителен этот интерес к истории, но при удовлетворении этого интереса наблюдается, по-моему, тенденция не только неправильная, но даже вредная.

Я начну с маленького примера, который покажется, может быть, даже незначительным. Недавно вышла книга писателя Евгеньева «Пулеметчик Ханпаша»[40]. Это книга о Герое Советского Союза Ханпаше Нурадилове. Книжка неплохая, а герой замечательный: он убил 920 немцев. Но герою 22 года, он вырос в нашей обстановке, воспитан при советской власти, нами взращен. Чего лучше? Можно было бы показать, что сделала советская власть для воспитания таких героев, можно было бы много сказать, что значит советская власть для этих народов. Однако автору показалось это недостаточным. Автор обязательно старается связать своего героя с кем-нибудь из деятелей прошлого. С кем? Автор пишет, что Герой Советского Союза продолжает традиции шейха Мансура[41]. Кто этот Мансур? Он действовал в 1785 г. еще при Екатерине II. Но уже давно, задолго до Октябрьской революции, итальянский проф. Оттино[42] доказал, что шейх Мансур был... итальянским авантюристом Джиованни Боэтти.

В литературе появился об этом материал. Зачем же воспевать авантюриста и воспитывать на его «традициях» нашу молодежь? Мне могут сказать, что Евгеньев — писатель, а не историк. Но ошибка не перестает быть ошибкой от того, что ее сделал писатель, а не историк. А во-вторых, для меня важен как раз тот факт, что писал книгу писатель: всего материала по истории он не знает, значит, он обобщил какую-то тенденцию, которая там, на местах, подчеркивается. А какая эта тенденция? Поднять на щит все, что можно изобразить борцом против старой России, некритически подойти к любому национальному движению, не считаясь с тем, с кем мы имеем дело: может быть, это просто абрек, разбойник. Кстати, такая же история была с Зелим-Ханом. Никто не мог доказать, что он был связан с политическими партиями, хоть такая попытка была. Напротив, все материалы доказывают, что он резал русские семьи, резал семьи армян, евреев и т. д. А между тем в Чечне подняли авторитет Зелим-Хана, высоко подняли культ Зелим-Хана и на этом воспитывали молодежь.

Эта тенденция некритического рассмотрения ряда явлений в национальной истории проникает даже в нашу литературу марксистскую. Меня никто не упрекнет в том, что я поставил своей задачей кого-то проработать — нас не для этого собрали, но я хочу остановиться на том, насколько эта тенденция проникает далеко в освещение истории.

Вот «История СССР», т. II, вузовский учебник. Читаю там следующие строки. Говоря о восстании казахов, автор пишет: «Кенесары Касымов смело нападал со своими джигитами на пограничные сибирские селения, сжигал казачьи станицы, разбивал торговые караваны, громил враждебные ему казахские аулы» (стр. 271). Я не привел бы этой цитаты, но именно эту цитату я нашел в другой книге, которая вышла на местах в связи с 20-летием Казахской ССР. Там эта цитата уже приведена. Кто-то ее считает правильной, слабое место уже использовано. Что же тут объявляется смелостью? Разгром сибирских селений, сжигание казачьих станиц и тому подобная борьба с мирным населением. Я не встретил осуждения этих методов борьбы. А между тем, когда мы говорим о неудаче пугачевского восстания, мы подчеркиваем, что одной из причин поражения Пугачева является тот факт, что нерусские национальности, участвовавшие в борьбе вместе с Пугачевым, уничтожали при этом горно-заводские поселки, то есть подрывали главную опору, на которой держалось пугачевское движение. Мы отмечали это как главный недостаток. Почему же теперь мы не осуждаем этих методов? Разве марксизм запрещает это делать? Напомню вам хотя бы такое место. Вот что писал Энгельс в статье под названием «Россия в Средней Азии» [43]: «По ту сторону реки верховная власть России над тремя ордами, или племенами, киргизов оставалась чисто номинальной, и русские торговые караваны подвергались разграблениям со стороны как киргизов, так и хивинцев, пока в 1833 г. генерал Василий Перовский не был послан в Оренбург в качестве главнокомандующего. Он нашел торговые сношения России с внутренними и южными областями Азии совершенно прерванными благодаря этим грабителям-кочевникам, так что даже военных конвоев, в течение нескольких последних лет сопровождавших караваны, оказалось недостаточно для их защиты». Вот как писал Энгельс, не побоявшись назвать вещи своими именами. Это — лишнее доказательство того, что есть у нас еще закоулки, которые не проветрены.

Школа Покровского действовала по схеме: колониальный режим царизма значит абсолютное зло, национальное движение значит абсолютный прогресс, то есть некритически подходила к любому национальному движению, брала его изолированно, все оправдывала без учета конкретного материала, без того, чтобы поставить явление в историческую обстановку, без того, чтобы считать его частью основного вопроса о революции. В этой связи перейду к вышедшей из печати большой книге по истории Казахской ССР. Несомненно, начинание это нужно приветствовать. Появляется история одной из наших союзных республик, показавших наряду со всеми народами, что такое мощь Советского Союза. Начинание в этом смысле нужно приветствовать. Но именно потому, что это — первая книга, и с ней будут считаться все остальные народы, мы должны особенно строго подойти к некоторым вопросам, решаемым в этой большой и нужной по теме книге. Я возьму только один вопрос. На стр. 155 мы читаем: «Переход казахов в российское подданство явился результатом сговора части казахской знати и царского правительства... Подданство было принято вопреки воле народных масс. Казахский народ боролся против него». Это пишется о султане Младшего жуза Абулхайре. Авторы считают настолько важным этот факт, что в предисловии специально оговаривают: «На основании новых материалов, далее показано, что события 30-х годов XVIII века, когда хан Абулхайр вступил в формальное подданство Российской империи, явились сговором части казахской знати и царского правительства, а не добровольным подданством казахского народа, как это трактовалось в дореволюционной литературе» (стр. 32). Итак, факт принятия подданства Абулхайром дважды подчеркивается как факт, совершенный против воли народа, как реакционный шаг.

Перелистаем 10 стр. и прочитаем по поводу другого султана — Аблая, действовавшего в Средней орде: «28 августа 1740 года хан Абул Мамбет и султан Аблай прибыли в Оренбург... Здесь они присягнули на коране в верности России и с почетом вернулись в свои кочевья. Это был вполне своевременный шаг» (стр. 165). Разница в несколько лет, во всяком случае, разница не в десятилетии, почти рядом, в одних социально-экономических условиях один хан отдает ханство в подданство России, и это считается актом неправильным, а во втором случае это считается вполне своевременным шагом. Почему? Не потому ли, перефразируя старую русскую поговорку: что Аблаю здорово, то Абулхайру смерть? Мало того. По поводу того же султана Абулхайра, шаг которого авторами признан предательским, мы вдруг читаем на стр. 158: «Абулхайр своим политическим маневром достиг значительных преимуществ».

Чем объяснить эту качку в одном и том же вопросе? Мне кажется, это объясняется тем, что точка зрения на этот вопрос о присоединении Казахстана, я лично могу сказать, неправильна, что авторы некритически подошли к своему материалу. Тов. Бахрушин говорил, что теория «наименьшего зла», о которой писали в замечаниях тт. Сталин, Киров и Жданов, что эта теория относится только к Украине и Грузии. (Щербаков. Это в постановлении жюри сказано, а не в замечаниях). Виноват, оговорился. В постановлении жюри говорилось, что теория «наименьшего зла» относится к Украине и к Грузии. Верно. Но что это означает? Означает ли это, что нам рекомендуется говорить о «наименьшем зле» во взаимоотношениях царизма и народов только этих двух стран? Отнюдь нет. Видимо, в тот период мы делали ошибку в этих двух конкретных вопросах — о Грузии и Украине, и на это нам и указали, а вовсе не сказали: не касайтесь в других случаях теории «наименьшего зла». Опять-таки, здесь говорил т. Бахрушин, что кто-то хочет теорию «наименьшего зла» применить ко всем народам. Нет. Попробуйте применить ее к Польше — и вы сразу получите осечку. Теория эта – не всеобщая отмычка, но в отношении Казахстана ее можно применить. Возьмите конкретную обстановку. Что угрожало Казахстану? Китай, Хивинское ханство. Чем это угрожало? Всем ясно, чем стал бы Казахстан, попади он под власть Китая. Такова одна перспектива.

Какова же другая перспектива, если бы Казахстан не стал жертвой китайщины, рутины, застоя? Общественное состояние трех жузов было таково, что они взаимно истребляли друг друга, обескровливали, истекали бы кровью. С этой точки зрения, с конкретной точки зрения, в свете этих двух возможных перспектив единственно прогрессивным выходом было, несомненно, идти в подданство России. Это было зло? Да, зло, потому что царская Россия приносила не конфекты, но это было зло наименьшее, потому что оно открывало возможности приобщить Казахстан к общей культуре, к развитию капитализма и создавало условия для народных масс Казахстана бороться вместе с русским народом против общего врага. Так бы я решил этот вопрос.

Тут т. Панкратова говорила: не все ли равно, наименьшее зло или наибольшее зло для Казахстана? С этим я согласиться не могу. От этого зависит изложение событий. Если бы авторы стояли на точке зрения «наименьшего зла» для казахского народа, то не написали бы так, как это мы читаем на стр. 238: когда казахи боролись с другими народами и прежде всего с Россией, то представляли единый цельный народ, вели всегда прогрессивную освободительную борьбу, когда же казахи столкнулись с киргизами, то они боролись не с киргизами как народом, а с киргизскими манапами. Подумайте, что получится с историей наших народов? Если киргизы пойдут по тому же пути и в свою очередь написали бы историю, где бы говорили, что боролись не с казахами, а только с казахскими ханами, а говоря о себе, писали бы как об едином народе? И на этом воспитывать? Если бы эта точка зрения «наименьшего зла» была принята, то не была бы написана такая фраза: говоря о литературе и культуре соседей неказахов, авторы пишут: «Во второй половине XIX века усилилось влияние татарских мулл, которые весьма часто являлись агентами

царского правительства» (стр. 330). Во-первых, это неверно, во-вторых, что здесь подчеркивается? Какова здесь тенденция? Непременно подчеркнуть: хоть и делалось прогрессивное дело под властью царя — рост культуры, но те, кто это делал, были все же агентами царизма. Ведь такое подчеркивание только усиливает межнациональную рознь. Кому это нужно? Разве читатель-татарин пройдет мимо этого?

Значит ли это, что я предлагаю обелить царское правительство? Мне кажется, что после выступления т. Сталина, где было сказано: «По сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме» [44], — после такой характеристики царизма не приходится говорить об обелении колониальной политики царизма. Я хочу сказать только, что задача наша состоит в том, чтобы ликвидировать остатки антиисторического подхода при изучении некоторых вопросов истории народов нашей страны, ликвидировать неправильные тенденции непременно поднять на щит, некритически поднять на щит все то, что связано с национальным движением. Об этом идет речь. Нельзя неправильно изображать вопрос о взаимоотношении старой России и других народов, сеять тем самым недоверие ко всему русскому и на этом воспитывать молодое поколение. Надо помнить правильные трактовки национального вопроса, а у нас имеются на этот счет указания, которые не ставились под сомнение.

Я позволю себе эти установки прочитать. Я говорю о резолюции XII съезда партии по национальному вопросу: «Развитие капитализма обнаружило еще в прошлом столетии тенденцию к интернационализации способов производства и обмена, к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связное целое... Поскольку этот процесс отражал колоссальное развитие производительных сил, поскольку он облегчал уничтожение национальной обособленности и противоположности интересов различных народов, он был и остается процессом прогрессивным, ибо он подготовляет материальные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства. Но, — продолжает резолюция, — тенденция эта развивалась в своеобразных формах, совершенно не соответствующих ее внутреннему историческому смыслу. Взаимная зависимость народов и хозяйственное объединение территорий устанавливались в ходе развития капитализма не путем сотрудничества народов как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другим, в порядке угнетения и эксплуатации народов менее развитых народами более развитыми». Дальше, говоря о борьбе двух тенденций, резолюция говорит о все большем и большем противоречии между ними и заканчивает: «Таким образом, непримиримое противоречие между процессом хозяйственного объединения народа с империалистическими способами этого объединения определило неспособность, беспомощность, бессилие буржуазии найти правильный подход к решению национального вопроса» [45].

Этот правильный подход был найден нами, большевиками, советской властью. По-моему, с этой точки зрения мы и должны рассматривать вопрос о колониальной политике царизма и национально-освободительной борьбе. Конкретно подходя в каждом отдельном случае при изучении вопроса, суметь показать борьбу этих тенденций и показать, что только советская власть разрешила эти противоречия. Так обстоит дело с неправильной тенденцией некритического подхода ко всем явлениям национальной борьбы, поднятия на щит и оправдания всего, направленного против старой России.

Тут я хотел перейти ко второй тенденции, которая также может быть показана на том же явлении колониальной политики царизма. В постановлении о пропаганде [46], где разоблачена и осуждена покровщина, подчеркивается как одна из основных ошибок на историческом фронте — это то, что всю прежнюю историю нашего народа мазали черной краской. К чему это вело? Во-первых, к тому, что не позволяли делать выводов, не позволяли пользоваться историей как наукой, лишали историю научности. А во-

вторых, то, что историю всю мазали черной краской, приводило к тому, что Великая Октябрьская революция не могла быть показана как продолжение, как итог всего прогрессивного, всех достижений человечества и в том числе нашей страны. Многое изменилось с тех пор, многое сделали, чтобы исправить эту гибельную ошибку Покровского. Вышло немало книг, посвященных великому прошлому нашей родины, но не все, еще многое предстоит сделать. Я как историк, изучающий историю нашей Красной Армии, могу сказать, что в этой области мало сделано. Мало подчеркивается, что теперешняя наша военная доктрина, сталинская советская доктрина является высшим достижением военного искусства, что наша военная доктрина воплотила в себе, изучила, обобщила, критически переработав, весь опыт создателей славы русского оружия — старых полководцев, флотоводцев. Чего стоит один только факт.

Я помню, когда в 1918 г. вышла первая красноармейская книжка, то наряду с общими статьями «Что такое советская власть», «Что такое Красная Армия» и т. д. была опубликована полностью суворовская «Наука побеждать» [47]. Этот факт надо довести до сведения нашего народа. Работы еще много, но кое-что уже сделано, и делать нужно еще больше. Но уже наблюдается тенденция не только поднять все то историческое прошлое, носителем, продолжателем и дальнейшим развитием которого является наша Великая Октябрьская революция, но и тащить то, чем никогда русский народ не гордился, против чего боролись все прогрессивные деятели и партия большевиков. Эта тенденция — наряду с прогрессивным тащить как наследство и реакционные моменты прошлого — приводит к тому, что затрудняется показ нашей Октябрьской революции как освободительницы от всего гнета. Это — тенденция идеализации всего прошлого и в том числе и реакционного, это — тенденция оползания с классовых позиций, отказа выступать с классовой точки зрения при обсуждении ряда вопросов нашей истории. Чудовищным примером этой тенденции является т. Аджемян. Отказавшись от классовой оценки всех явлений истории, он осудил пугачевщину за то, что она, де, расшатывала государство. Если встать на эту точку зрения, то Вы должны осудить Октябрьскую революцию, которая произошла в период войны России с Германией. Вот какой можно сделать вывод из ошибочной позиции т. Аджемяна. (Аджемян. Хороша аналогия — пугачевщина и Октябрьская революция.) Я не думаю, чтобы кто-нибудь согласился с Аджемяном, но его выступление показывает, до чего можно дойти, если встать на путь сползания с классовой позиции.

Говоря об этой тенденции сползания с классовой оценки, я и хочу остановиться на том же вопросе о царской России как «жандарме Европы». Нечего греха таить, в свое время иные преподаватели поняли так вопрос о «жандарме Европы», что на царскую Россию валили все, что только можно, что царская Россия всегда была «жандармом Европы, словом, иногда некоторые докладчики и лекторы изображали такую картину, по поводу которой можно выразиться словами гоголевской героини: «он бач яка кака намалевана». Я приведу один пример. Вот цитата из второго тома вузовского учебника, это марксистский учебник. Вот что мы читаем по поводу России как «жандарма Европы»: «Международное значение [России] стояло так высоко, как никогда до тех пор. Эту роль Александр I не замедлил использовать для усиления значения России как международного жандарма» (стр. 106). Или еще одно место: «Россия с того времени особенно широко и настойчиво стала осуществлять свою роль ««жандарма Европы» (там же). Из этих двух мест иные читатели делали вывод, — разумеется, сами авторы не сделали этого, — что роль жандарма была всегда свойственна царской России, имманентно, внутренне свойственна царской России, а Александр I, Николай I — тем более, «усилили значение России как международного жандарма».

Разве так марксисты подходят к этому вопросу? Конечно, нет. Как марксисты подходили к вопросу о России как «жандарме Европы»? В Европе произошла буржуазная революция, она потрясла все буржуазные

страны Западной Европы. Реакционные правительства боялись революции, но могли справиться с революцией и искали помощи со стороны царской России, видели оплот против революции в царской России, крепостнический режим которой не знал таких классовых противоречий, как буржуазные страны Западной Европы. Разумеется, обладатели военной силы Александр I и Николай I использовали это положение. Таким образом, роль «жандарма Европы» не имманентно, не внутренне присуща царской России, а является результатом международного положения и внутреннего состояния тогдашней России. Изменилась международная обстановка — и царская Россия перестала быть «жандармом Европы». Напротив, во второй половине XIX в. империализм стал помогать царизму душить революцию, а позже и сам пытался задушить революцию в России. Так вот, вместо того, чтобы именно так ставить вопрос, говорили, что царской России это всегда было свойственно, Россия всегда была «жандармом Европы». Надо уточнить указанные выше места.

Но теперь проявляется новая тенденция, представителем которой проявил себя, например, Тарле: имеются такие разговоры, что эпоха Николая I вообще не является эпохой реакционной, или разговоры о том, кто выдумал, что Россия была «жандармом Европы»? Пошли разговоры, что колониальная политика России являлась политикой оборонительной. Он оправдывает всю завоевательную политику царизма, о чем здесь говорили. К сожалению, здесь не присутствует т. Яковлев, но он выражает эту же тенденцию. Я читал его отзыв на книгу «История Казахстана». В этом отзыве он правильно отмечает некоторые ошибки книги, но неправильно их критикует. Он пытается объяснить, что Россия вела оборонительную борьбу против казахов и других. Он говорил, что генералы Черняев и Скобелев [48] - - герои русского народа. Зачем тащить то реакционное, против чего мы боролись, зачем оправдывать агрессивную политику царизма? Это нам затруднит понимание роли Великой Октябрьской революции как освободительной революции.

Таковы две тенденции. Меня могут спросить, какая из них сильнее и опаснее. В ответ на это сошлюсь на цитату из выступления т. Сталина на XVI съезде: опасна та, против которой не борются [49]. Поэтому нам с вами надо бороться против обеих тенденций.

Щ е р б а к о в. На сегодня пока достаточно. Еще раз соберемся 10 июня в 2 часа 30 минут.

(Продолжение следует)

Примечания

1. На заседании 5 июня присутствовали: Аджемян, Аманжолов, Базилевич, Бахрушин, Бушуев, Васецкий, Волгин, Волин, Галкин И. С. (1898—1990, доктор исторических наук, в 1941—1948 гг. — ректор Московского университета; труды в области историографии, истории международного рабочего движения и международных отношений), Генкина, Городецкий, Греков, Державин, Еголин, Ефимов, Зуева, Иовчук М .Т. (1908 1990, член КПСС с 1926 г., в 1944 г. - - доктор философских наук, сотрудник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)), Ковалев, Косьминский Е. А. (историк-медиевист, в 1944 г. -- профессор Московского университета), Кружков, Кузаков, Лебедев, Минц, Михайлов Н. А. (1906 1982), член КПСС с 1930 г., в 1944 г. — первый секретарь ЦК ВЛКСМ), Мишулин, Морозов, Нечкина, Панкратова, Пичета, Поспелов, Ратнер (в 1944 г. — сотрудник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(Б)?) Рубинштейн, Светлов, Сказкин, Сидоров, Слепов Л. А. (1905—1978), член КПСС с 1926 г., в 1944 г. - сотрудник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)), Сыромятников, Тихомиров, Толстов, Удальцов, Фатеев (в 1944 г. — сотрудник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)?), Федосеев, Хвостов, Шамберг, Шарова, Шаталин, Щербаков, Яковлев Н. Н. (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 125, д. 225, л. 199 200).
2. Речь идет о «Русской истории в самом сжатом очерке».
3. Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3—4 классов средней школы по истории СССР (1937 г.). — Большевик, 1937, № 17.

4. История народов Узбекистана. Под ред. С. В. Бахрушина и др. Т. 1. М. 1943.
5. История ВКП(б). Краткий курс. М. 1938; Сборник избранных статей и речей И. В. Сталина. М. 1934.
6. Так в тексте.
7. История дипломатии. Под ред. В. П. Потемкина. Т. 1. М. 1941.
8. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Тт. 1–2. М. 1939–1940.
9. Грушевский М.С. (1866–1934) – украинский историк, академик АН СССР, основной труд — «История Украины-Руси» (в 10-ти тт.).
10. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 января 1936 г. – Пролетарская революция, 1936, № 7, с. 173.
11. Том II вышел в свет в Москве в 1943 году.
12. Пролетарская революция, 1936, № 7, с. 173.
13. Речь идет о первой статье Ф. Энгельса из серии статей «Эмигрантская литература», написанной в мае-июне 1874 г. и напечатанной в газете «Volksstáat», № 69, 17 июня 1874 г. (МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 18, с. 503–509).
14. MARX K. Secret Diplomatic History of the XVIII century. Lnd. 1899.
15. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 29, с. 20.
16. Публикация цитируемого текста не обнаружена.
17. XIV съезд ВКП(б). Стеногр. отч. М. 1926. с. 15.
18. Речь идет об австро-прусской войне 1866 г. и франко-прусской войне 1870—1871 гг., закончившейся провозглашением Германской империи.
19. Павлов-Сильванский Н. П. (1869–1908) – русский историк, автор книг «Феодализм в древней Руси», «Феодализм в удельной Руси» и исследований по истории реформ Петра I, движения декабристов.
20. ЛЕНИН В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности (1899 г.).
21. Зелинский Н. Д. (1861–1953) – химик, академик АН СССР.
22. Миллер Г.-Ф. (1705–1783) – русский историк, немец по национальности, член Петербургской АН, собрал коллекцию документов по русской истории, издал «Историю Сибири»; Кольман Э. Я., в 1944 г. — сотрудник Института философии АН СССР.
23. Речь идет о брошюре Виктора Вас. Данилевского «Дмитрий Донской» (М. 1942, 1944); Иловайский Д. И. (1832—1920) – историк, публицист, автор трудов: «Разыскания о начале Руси» (полемика с норманистами), «История России», тт. 1–5 (1876—1880), учебника по русской и всеобщей истории.
24. Медынский Е. Н. (1885–1957) – педагог, действительный член Академии педагогических наук РСФСР, автор трудов по истории педагогики и школы, первого советского учебника по истории педагогики.
25. Толстой Ал. Ник. (1883–1945) – писатель, академик АН СССР, автор дилогии «Иван Грозный» (1942–1943); Эйзенштейн С. М. (1898–1948) – режиссер и теоретик кино, сценарист и постановщик фильма «Иван Грозный» (первая серия вышла в 1945 г.).
26. Регулярное государство Петра Первого и его идеология. М.-Л. 1943.
27. Вероятно, «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.».
28. Петр Великий. – Большевик, 1943, № 17, с. 49–67.
29. Полное собрание законов Российской империи (1830).
30. «Табель о рангах» – законодательный акт, определяющий порядок прохождения службы военными, чиновниками и придворными. Издан Петром I в 1722 г., упразднен после 1917 г.; Ключков М. В. (1877–1952) – историк, речь идет о работе «Законодательные акты Петра I»; Грибовский В. М. (р. 1867) – юрист, специалист по истории государственного права в России, писатель, речь идет о его работе «Памятники русского законодательства XVIII в.— Эпоха петровская» (СПб. 1907); Арсеньев К.И. (1789–1865) — историк, статистик, географ, академик Петербургской АН, составитель «Начертания статистики Российского государства» (СПб. 1818–1819).
31. Сперанский М. М. (1772—1839) – русский государственный деятель, автор проектов либеральных преобразований.
32. Семевский В. И. (1849–1916) – историк народнической ориентации, труды по истории крестьянства XVIII в., декабристов и петрашевцев.
33. Юшков С. В. (1888–1952) – историк права, с 1938 г. – научный сотрудник Всесоюзного института юридических наук, автор книги «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» (М.-Л. 1939).
34. ЛЕНИН В. И. ПСС Т. 39, с. 64–84.

35. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М. 1916; Приказ сбора ратных людей. М. 1917.
36. Киевский князь Святополк Изяславович и переяславский князь Владимир Мономах со своими дружинами в 1103 г. съехались у Долобского оз. близ Киева для совместного похода на половцев.
37. Государственный академический институт материальной культуры.
38. «Историк-марксист» (1926—1941) -- научный ежемесячный журнал Общества Историк-марксистов, в 1941 г. объединен с «Историческим журналом».
39. 10 и 11 июня 1944 г. Сыромятников обращался к А. С. Щербакову с двумя письмами, содержавшими ответ на возражения Грекова на совещании 10 июня (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 223, л. 166– 185).
40. ЕВГЕНЬЕВ Б. С. Пулеметчик Ханпаша. М. 1943.
41. Шейх-Мансур — *один из военных деятелей кавказской войны конца XVIII в.*, поднял чеченцев против России, в 1790 г. его отряды были разбиты, он попал в плен, был сослан в Соловецкий монастырь, где и умер.
42. Ottino Carlo Leopoldo.
43. Статья написана в 1858 г. и напечатана в газете «Нью-Йоркская еженедельная трибуна», в первое издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса вошла под названием «Россия в Средней Азии», во второе -- «Продвижение России в Средней Азии» (т. 12, с. 614–619); Перовский В. А. (1795—1857) — генерал от кавалерии, в 1832—1842 и в 1851 г. был командиром отдельного Оренбургского корпуса.
44. Доклад на торжественном заседании Моссовета с партийными и общественными организациями Москвы 6 ноября 1941 г. «24 годовщина Великой Октябрьской социалистической революции». Правда, 7.XI.1941.
45. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М. 1970, с. 433—443.
46. Постановление ЦК ВКП(б) от 14.XI.1938 г. «О постановке пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Изд. 3-е. М. 1938».
47. В первой «Служебной книжке красноармейца», изданной в 1918 г., из наставления А. В. Суворова «Наука побеждать» были помещены 10 наиболее важных поучений.
49. Черняев М. Г. (1828– 1898) — генерал-лейтенант, участник Крымской войны и военных действий против горцев Северного Кавказа. В 1865—1866 и 1882– 1884 гг. -- губернатор Туркестанской обл.; Скобелев М. С. (1843—1882) — генерал, участник завоевания Средней Азии, подавлении Кокандского восстания 1873–1876 гг., русско-турецкой войны 1877– 1878 годов.
49. XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отч. М.-Л. 1930.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/96 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

А. А. Искендеров — Историческая наука на пороге XXI века 3

С. В. Римский — Церковная реформа Александра II 32

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

И. Е. Шокина — Жетулиу Дорнелис Варгас . . . 49

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году 65

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

А. В. Головнин — Записки для немногих 94

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина . . . 112

ПУБЛИКАЦИИ

Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах 135

СООБЩЕНИЯ

Г. М. Адибеков — Почему Тольятти не стал генеральным секретарем Коминформа 156

Выходит с 1926 года

ТОО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» МОСКВА

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году

Заседание 10 июня 1944 года [1]

Щербаков (председательствующий). Продолжим наше совещание. Слово имеет т. Пичета.

Пичета. Мне хотелось бы поставить здесь несколько вопросов, которые меня волнуют и которые я хотел бы так или иначе разрешить. Первый вопрос — о славянофилах и западниках. С легкой руки А. Н. Пыпина [2] славянофилы были названы реакционерами с разными оговорками, а западники — прогрессистами. Эта точка зрения до сего времени была вполне понятной, и она у нас все время поддерживалась нашей историографией вплоть до нынешнего времени. Между тем мне кажется, что подобного рода точка зрения совершенно неправильная и лица, так говорящие о славянофилах и западниках, фактически не понимают сущности ни славянофильства, ни западничества. Нужно иметь в виду, что в период разложения крепостного хозяйства происходит формирование русской нации, что забывают наши исследователи, и на этой почве развивается известное чувство народного самосознания, что также не замечается нашими историками. Во-вторых, достаточно внимательно прочитать сочинения славянофилов, чтобы убедиться в том, что высказывания Гегеля о славянских народах, будто «славяне есть нечто среднее между европейцами и азиатами, люди, лишенные энергии и всякого творчества; если бы XIX век был веком славянства, это было бы ужасно», вызвали возмущение среди славянофилов. Это — факт, которого отрицать нельзя, но о котором почему-то наши исследователи умалчивают. Мало того, если даже сравнивать славянофилов и западников в других отношениях, хотя бы даже в области исторической теории, то, конечно, славянофилы, несомненно, стояли на более здоровой и правильной точке зрения, чем западники, ибо у славянофилов субъектом истории был народ, а у западников народ не был субъектом истории. Конечно, у славянофилов есть реакционные элементы, как есть реакционные элементы и у западников. Это закрывать не нужно, но огульно называть всех славянофилов реакционерами будет неисторично и ненаучно, не отвечает нашему пониманию современной действительности.

Вернусь к западникам. Западники, этого никто не отрицает, типичные гегельянцы. К сожалению, из этого не делается вывода. Как себе представляют западники исторический процесс? До XVI в.— потемки, пустота, наконец, появляется Петр, его касается западноевропейская культура — абсолютный гегельянский дух, и Россия преображается. Разве это не гегельянская точка зрения, разве в этом сущность исторического процесса?

Продолжение. См. Вопросы истории, 1966, №№ 2—3.

Разве это не есть полное отрицание известного чувства национального самосознания? Мне кажется, подобная точка зрения будет неправильной и нельзя весь вопрос о славянофилах и западниках рассматривать по трафарету — как реакционеров и прогрессистов. Это будет неправильным. Этот вопрос надо пересмотреть.

Теперь второй вопрос — о Киевском государстве. Киевское государство — государство славянское. Это точно отмечено в наших учебниках по истории СССР, а когда речь идет о многонациональном государстве, то как только русское государство как составная часть многонационального государства исчезает, Россия перестает быть славянской. Россия не существует, хотя существует многомиллионный русский народ. Мало того, мы, историки, игнорируем широко развитые культурные связи России с южными славянами. Говоря о XVIII и XIV вв., мы много говорим о влиянии западноевропейской культуры на Россию. Это трафарет, который все повторяют, но о том, что русское государство, русская культура имели огромное влияние на культуру славян, в частности, на сербов и болгар, что болгары и сербы в 60-х годах были верными учениками Чернышевского, Добролюбова, Писарева,— об этом у нас обыкновенно в наших учебниках умалчивают или потому, что люди этого не замечают, или потому, что не хотят говорить. О том, что царизм проводил определенную субъективную восточную политику захвата,— это всем хорошо известно, но что объективно эта восточная политика содействовала развитию национальной культуры и политическому возрождению славянских народов,— об этом в учебнике истории не встретите ни слова.

Мы говорим о Бухарестском мире 1812 г., но о том, как Кутузов защищал интересы южных славян, в частности, сербов,— об этом в учебнике ни слова, как и о том, что сербы получили автономию и возродились благодаря России,— ни слова. Дальше, мы говорим о русско-турецкой войне (1828—1829 гг.), но умалчиваем о том, что мир, заключенный в 1829 г., заставил турок подтвердить автономию Сербии, о том, что Россия стояла на позиции охраны этой автономии и сербы после 1829 г. действительно встали на путь автономии,— мы об этом в наших учебниках молчим. Равным образом молчим и о том объективном значении, которое имеет русско-турецкая война 1877—1878 гг. для истории не только Болгарии, но и Сербии. Сейчас, когда славянский вопрос в жизни России и русского народа имеет громадное значение, мне кажется, об этом пора говорить более объективно и не замалчивать то, что раньше замалчивали.

Третий вопрос, которого я хотел коснуться,— это вопрос о славянах. Мы в последнее время стали интересоваться славянами и кое-что в этой области делаем. Но вот мы мало знакомы с тем, что по этому поводу говорили немецкие историки. Вот очень яркая характеристика оценки всех тех мнений немецких историков, которые говорили о славянах. Возьму немецкого историка Лео [3] — 1837 г., «История Германской империи». Что там говорится о славянах? Это разбойники, жулики, специальность их — только убивать женщин и детей. Даже когда славяне занимались торговлей и были мореходцами, то их больше интересовали убийства и грабежи, чем занятие торговлей. Я не буду перечислять ни работ Менсуаля, ни Дауэля, ни других работ, но интересно, что после 1867 г. в нашей русской царистской литературе вплоть до Отечественной войны не было сказано об этом ни слова. Пора на это обратить особое внимание. Вместе с тем у нас появляются крайне странные суждения, которые не могут не волновать всякого советского гражданина вот по какому вопросу. Вышла работа А. И. Яковлева «Холопы и холопство в Московском государстве в XVII веке». В 1937 г. в Институте истории Академии наук СССР А. И. Яковлев прочел доклад, в котором он передал содержание своей работы. Тогда его доклад вызвал много возражений в Институте истории Академии наук СССР. В частности, я принимал горячее участие в обсуждении этого вопроса и должен констатировать, к своему величайшему сожалению, что то, что написано им в этих главах,— это то, что было прочтено в 1937 году. Те критические замечания, которые были сделаны, им не были приняты во внимание.

Между тем я должен сказать, что то, что было написано Яковлевым в этих главах, является величайшим оскорблением русского народа и славянства, и пройти мимо этих двух вопросов я не могу.

Прежде всего меня удивляет филология А. И. Яковлева. Я плохой филолог и входить в эти рассуждения не буду. Но когда т. Яковлев, стараясь оправдать свою неудачную филологию, ссылается на покойных и ныне живущих академиков, приводя их имена, и старается их авторитетом поддержать свою неудачную филологию, это производит крайне грустное впечатление. В чем же тут дело? Дело в том, что А. И. Яковлев, беря греческое слово, которое встречается у Маврикия [4],— «склявы», что означает «славяне», старается доказать, что славяне поступали на западноевропейские и восточные рынки в качестве рабов. Благодаря этому слово «склявы» появляется в некоторых языках — романском и других, созвучное со словом «склявой», что означает «раб». В глазах всей Западной Европы и Востока славяне были рабы. Это — первый замечательный вывод, к которому приходит член-корреспондент Академии наук Яковлев. Продолжая дальше свою филологию путем очень неудачных комбинаций, совершенно натянутых, А. И. Яковлев пытается доказать, что слово «склявы» при известной перестановке получает значение «холоп», «хлап», отсюда русское «холоп». Отсюда славяне — рабы, хотя такую точку зрения, что «славяне» происходит от слова раб, никто никогда в историографии не поддерживал, кроме замечаний в словаре Шмидта, сделанных в 70-х годах XIX в.[5], да и то Шмидт не пытается так категорически высказать свое суждение, как это делает советский ученый Яковлев.

Мало того, А. И. Яковлев старался доказать, что Киевское государство — это страна рабов, что эти рабы разбегаются в разные стороны: на Север, Запад, Восток и т. д., и получается колонизация русской равнины рабами. Это сногсшибательное открытие, которое до сих пор еще никто из наших историков не делал. Для того, чтобы доказать свою точку зрения, А. И. Яковлев прибегает опять-таки к филологии, но филологии довольно странного характера. Он хочет доказать, что целый ряд географических названий связан со словом «раб». Я не буду здесь входить во все рассуждения т. Яковлева, но я только приведу два примера. В западной части Белоруссии есть город Браславль, город, о котором у нас имеются точные сведения начиная с XIV столетия. Яковлев считает, что слово «Браславль» происходит от польско-румынского слова «бранка», что значит «плен». Как может слово «бранка» в XIV в. попасть на белорусскую почву, когда там не было поляков? А если бы А. И. Яковлев обратился к Любавскому [6], то он узнал бы, что раньше Браславль назывался Брачиславом. Значит, он относится к периоду князя Брачислава. Вот одна поэтическая фантазия. Коснусь другой поэтической фантазии. Есть местечко Голтва в Полтавской области. А. И. Яковлев производит слово «голтва» от слова «голытьба», хотя это слово появилось в XVI в., а местечко Голтва от названия реки появляется довольно рано в наших русских летописях. Это не научное доказательство, а какая-то своеобразная филологичесая фантазия. Я не буду затруднять ваше внимание, потому что все страницы филологических исследований А. И. Яковлева относительно того, что рабы разбегались и т. д.,— все это не выдерживает никакой критики. Но я думаю, что советский историк мимо этих вопросов пройти не может и не должен, ибо если работа А. И. Яковлева в этой своей части попадет за границу, попадет в руки наших врагов, то, я бы сказал, наши враги найдут в книге А. И. Яковлева целый ряд аргументов для оправдания своих взглядов на славянство. Они скажут: поймите, зачем вы возражаете на наши взгляды о славянах, когда ваши советские историки называют славян рабами? С этой точки зрения работа А. И. Яковлева является вредной, а научно — неграмотной.

Вопрос польский. Какие тут вопросы должны быть предметом нашего внимания. Когда мы изучаем Польшу в XIX в.— Царство польское, восстание 1830 г., восстание 1863 г.,— мы должны обратить особое внимание на то, что поляки требовали границ 1772 г., то есть требовали Литву,

Белоруссию и Украину. Это первое. Второе. Тут, между прочим, высказывалось мнение, что между шляхецкой революционной демократией и аристократией польской в эмиграции была существенная разница в политических взглядах и настроениях. Согласен. Но только в одном не согласен: и польская аристократия во главе с Чарторыйским и польская демократия во главе с Лелевелем стояли на одной точке зрения — требовали границ 1772 года [7]. Тут — единство точки зрения аристократов и демократов, о которой у нас умалчивается. Я думаю, что это не мешает подчеркнуть. Наконец, одно небольшое замечание. Известно, что об отношении Герцена к польскому восстанию 1863 г. известно тонкое замечание В. И. Ленина: «Герцен спас честь русской демократии» [8]. У нас почему-то, говоря о Герцене как сторонике независимости Польши, не упоминается о тех переговорах, которые были между Герценом и революционным польским жондом [9], о тех требованиях, которые Герцен ставил польскому жонду, как, например, предоставление белорусам, украинцам, литовцам права на национальное самоопределение, что это и было основной причиной разногласий между Герценом и польскими революционерами. Кроме того, в издании «Литературное наследство» [10], вышедшем в 1941 г., опубликовано новое письмо Герцена к Огареву. Там отмечено, что если поляки не желают поддерживать нашу программу в отношении национального вопроса, то мы мешать полякам не будем, но и воздержимся от их поддержки.

Вот чисто национальная точка зрения, которую проводил Герцен в польском вопросе, ее нужно подчеркивать, а мы стараемся об этом умалчивать. Почему это нужно сделать? А вот почему. В 1923 г. в Польше вышла работа Я. Кухаржевского — это польский черносотенец, который был министром и председателем совета министров. И вот этот профессор Краковского университета выпустил 3-томную книжку под названием «От белого до красного царизма» [11]. К сожалению, эта работа, вышедшая в 4-х томах, у нас не имеется. Я знаю только второй том, первого и третьего у меня нет. Второй том посвящен Герцену. Посмотрите, как он оценивает Герцена: так как Герцен требовал, чтобы белорусы, украинцы и литовцы имели право на национальное самоопределение, то точка зрения политики Герцена была антипольской, она была вредной с точки зрения польских интересов, и Герцен в глазах Кухаржевского выступает чуть ли не агентом царизма. Учитывая эту точку зрения отдельных польских историков, нам несколько нужно быть разборчивее в своих оценках польского восстания и необходимо подчеркивать отдельные важные моменты, которые наиболее характерны для польского восстания и для взаимоотношений между польскими революционерами и русским революционным движением. Несомненно, что русское революционное движение поддерживало польское восстание, но на условиях разрешения крестьянского вопроса, с одной стороны, а затем предоставления национальностям права на национальное самоопределение.

Далее, русские революционеры «Земли и воли», Герцен и Бакунин предостерегали поляков от преждевременного восстания. Если поляки выступят преждевременно одни, без содействия революционного движения русских, то это вызовет крах восстания. Но польские революционеры сознательно это игнорировали. Это тоже нужно подчеркивать. Словесно они желали иметь поддержку, а в действительности они желали идти дальше без всякой помощи и поддержки со стороны будущей русской революции. Вот эти сложные и интересные вопросы у нас освещаются в учебниках весьма примитивно. Далее, нам пора расстаться с тем трафаретом, который у нас имеется, по выяснению классовой сущности восстания 1863 года. Конечно, когда Драницын [12] заявляет, что восстание 1863 г. было восстанием буржуазным,— это вздор. Но когда говорят, что восстание 1863 г. было восстанием шляхетским, а это приводится в учебнике «История СССР»,— это является неправильным, говоря о сущности классовых отношений в Польше. Во-первых, в 1863 г. Польша была в периоде развития капиталистических отношений, а об этом у нас забывают. Во-вторых, в Польше в это время оказалось громадное количество разночинной интел-

лигенции, ремесленников, рабочих. Они принимали деятельное участие в восстании 1863 года. Игнорировать город и разночинную революционную интеллигенцию, ремесленников и нарождавшийся рабочий класс никак не приходится.

Последнее, на что я хотел бы обратить внимание. Мы очень мало знаем о том, что выходит за границей. Но что мы знаем, то никак не отражается в нашей критической литературе. Мы должны бороться с нашими врагами. Вот в Польше вышла книга Кукеля [13], в которой говорится о войне 1812 года. Эту работу никто не читал, потому что ее в Москве нет. Эта работа посвящена резкой критике работ русских советских ученых. Я приведу фразу, которой он кончает: «Вот как пала советская наука». Разве мы можем молчать, если появляются такие работы за границей? А между тем мы должны хорошо знать, что выходит за границей в лагере наших врагов. Мы должны вести упорную литературную борьбу с ними.

Наконец, последнее, о чем еще я хотел сказать. У нас сейчас возрождается историческое славяноведение. У нас происходит интересный окончательный процесс дифференциации. Славянская филология резко отделяется от истории, то есть, другими словами, пришло то разделение, которое намечалось в конце XIX в. и что было перепутано, когда учреждали в 1939 г. кафедру славяноведения [14]. Для того, чтобы мы могли выступать перед славянами с известными своими достижениями, а такие достижения имеются, мы должны иметь возможность издавать если не журналы, то во всяком случае отдельные исторические сборники, чтобы западные и южные ученые, западная и южная славянская демократия имела возможность познакомиться с достижениями советских ученых, советских историков. Если мы этого не будем делать, то вся наша большая научная, организационная работа станет неизвестной.

Е ф и м о в. Товарищи, основной вопрос, стоящий перед совещанием,— как ставить некоторые проблемы прошлого для того, чтобы наши исторические традиции были наиболее эффективным оружием в борьбе с врагом, чтобы в то же время не ухватиться за оружие негодное, которое подведет. Для этого нужно указать, какие оценки прошлого являются неправильными. Если совещание дало известный, хотя и несистематизированный, материал о неправильных оценках прошлого, то не так много сделано для того, чтобы на примерах, взятых из истории СССР, показать, как надо правильно ставить сложные вопросы, в решении которых историки испытывают затруднения и где имеются особенно явные колебания и шатания. Указывались ошибки в духе буржуазного национализма, местного национализма, сказано было вскользь, что была тенденция чернить прошлое. Глубоко верно, что тот уклон наиболее опасен, против которого не борются. Из этого и будем исходить.

Перейдем к анализу некоторых систем ошибок на материале конкретных исторических вопросов.

Придется сказать о выступлении т. Аджемяна. Собственно о нем не стоило бы говорить, настолько оно ниже уровня совещания. Здесь происходит совещание историков, между тем т. Аджемян показал, что он, безусловно, не историк, хотя, по моему разумению, нет данных и о том, что он философ. Он сделал «открытие», что советские историки занимались народом, а царей просмотрели, в то время как эти цари как раз и представляют прогрессивные тенденции народной истории. Эта идея, конечно, не новая, развивали ее монархисты разных оттенков, например, Карамзин, Чичерин, Соловьев, Ковалевский [15]. Другая его идея — отказ от марксистской теории классов — тоже не новая, ревизионистская идея. Декларативно критикуя буржуазный национализм и покровщину, т. Аджемян как только переходил к истолкованию истории, тотчас же сползал с классовых позиций, а сползание с классовых позиций — это переползание или же переход на позиции чуждых классов. Остановлюсь лишь на одном примере. Тов. Аджемян стал на сторону Екатерины II, подавившей крестьянское восстание во главе с Пугачевым. Лассальянцы говорили, что крестьянство реакционно. Де Леон [16] писал об этом. Меньшевики это утверждали. Тов. Аджемян тоже

это полагает. Но ведь если крестьянство без класса гегемона не может победить, то из этого отнюдь не следует, что крестьянские войны реакционны. Как может быть реакционна борьба подлинных народных масс, являющаяся условием развития всякого классового общества, в том числе феодального? Борьба народных масс вела к дальнейшему развитию феодализма, к возникновению абсолютной монархии. Эта борьба заставила дворянскую монархию для своего укрепления разрешать некоторые общенациональные задачи во внешней и внутренней политике. Движение Пугачева вдохновило выступление гораздо более последовательного борца против крепостничества, чем Вольтер,— первого русского республиканца Радищева.

Даже потерпевшая поражение крестьянская война является прогрессивным историческим фактом. Правда, ломая феодальные отношения, она еще не имеет чем заменить их, но в дальнейшем прогрессивное значение крестьянских войн сказывается даже через много лет. В Германии именно в тех районах, где в XVI в. была крестьянская война, оказалось наиболее активным крестьянское движение 1848 года. В Китае именно в тех районах, где происходила великая тайпинская крестьянская война, возникли первые китайские советские районы [17]. Крестьянская война, связанная с именем Пугачева, не ослабила, а усилила Урал. Тов. Аджемяну дали слово, очевидно, в педагогических целях, чтобы показать историкам, куда можно покатиться, став на путь ревизии марксизма. Для самого т. Аджемяна — нетерпимого, самовлюбленного и абсолютно неосведомленного в вопросах истории «изобретателя системы», это — возможность одуматься, осознать свои заблуждения и, если его сумбур имеет основой путаницу только в теоретических вопросах, то под воздействием партийных указаний и общественного мнения исправить свои ошибки дальнейшей работой, не обязательно, впрочем, в области истории. Химеры т. Аджемяна, в отличие от химер Собора Парижской богоматери, сами по себе никакого интереса не представляют, но они — симптом шатаний в сторону буржуазного национализма.

Веяния этого же порядка в слабой или сильной степени возникали и в других выступлениях на совещании. Дважды совещание столкнулось с теорией «избранного» народа. Тов. Нечкина выступила с правильными политическими лозунгами, но один из ее выводов, это — что русская литература потому избегла апологии некоторых отрицательных образов, например, подобных Растиньяку, что она народная. Следовательно, либо другие литературы не народные, а если и другие народные, то русская литература особенно хорошая, особенно избранная, исключительная, вероятно, потому, что русский народ особенный, избранный. А это — одна из славянофильских идей. Но пережитки славянофильства — это не выход из трудностей, а, как видно, одна из трудностей, которую еще надо преодолеть в сознании историков, тем более, что эта же этническая концепция «избранного народа» содержится в книге «Казахстан». Казахи для вящей славы своей и всего мира бьют соседние с ними народы, в том числе и русских. На с. 225 сказано о русских военных силах, что это — «враги». Если казахи во главе с их героями бьют русских, ойротцев, узбеков, это — благо. Но где критерий этого блага? Получатся,— в том, что казахи — «избранный народ». А если так же будет написана история Узбекистана? Тогда «благом» будет, если узбеки будут бить казахов. Впрочем, на анализе этой проблемы остановимся подробнее в дальнейшем.

Здесь с великим почтением говорилось о западниках — о Кавелине [18], Чичерине. Верно, это крупные буржуазные историки, особенно Чичерин, но когда говорят о западниках, забывают, что они, превознося все западное, хулили все русское. К сожалению, эта традиция западников не изжита еще и до сих пор. Об этом вскользь упомянул т. Минц. Если один историк чернит Россию, то другой поступает нисколько не лучше, начиная обелять царизм. Если одни историки, впадая в экстремизм, предлагают пересмотреть все оценки прошлого, другие, не более устойчивые в методологии, заявляют, что никаких вопросов ни пересматривать, ни рассматривать не следует.

Вопрос о материально-политическом единстве в прошлом. Вы выступаете перед бойцами, командирами, политработниками, говорите о патриотизме нашей страны в 1812 году. Память о 1812 г. вызывает большой патриотический подъем. Но будет неправильно изображать Россию как страну, в которой в 1812 г. классы куда-то исчезли. Это опасно по своим последствиям. Это поведет к идеализации реакционных лиц и учреждений. Как найти правильное решение, когда внутренняя борьба, борьба крепостных против крепостников притушена как общее правило, на время ослабела? А правильный выход есть. Надо указать на то, что в период уничтожения наполеоновского нашествия цели народа, с одной стороны, и дворян и царя — с другой, были различными. В 1813 г. русские войска продолжали начатое и предрешенное в 1812 г. на полях России освобождение Европы от наполеоновского гнета, а царь и помещики ставили целью восстановить реакционные династии в Европе, стремились к подчинению Европы русским помещиком.

Верно, что в 1812—1813 гг. все классы России в основном действовали вместе, в одном направлении и поддерживали государство в разрешении общенациональной задачи уничтожения иноземного нашествия и предотвращения его повторения. Но различие классовых целей можно и нужно показать, чтобы не получилось сползания с классовых позиций. Вспомним манифест Кутузова, тесно связанного с армией, от 1 января 1813 г., где отражены народные чаяния: «Храбрые и победоносные войска,— писал Кутузов,— наконец вы на границах империи... Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, поднятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят нам бессмертную славу... Но не последуем примеру врагов наших в буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались святынею, и вы видели, как десница вышнего праведно отомстила их несчастие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем. Не порабощения и не суетной славы мы желаем, но мы ищем освободить от бедствия и угнетения даже те самые народы, которые вооружались противу нас». Конечно, не надо трактовать этот документ буквально, но все же мы видим отличие народных чаяний от целей царя и дворян, от политики Александра I, политики реставрации.

Не следует при этом упускать из виду, что если крестьянские движения 1812 г. в ряде мест прекратились вовсе, то в других они продолжались. Кое-где там, где были крестьяне-партизаны, они кое-чего добились от помещиков. 1812 год в силу ряда причин был годом исключительно высокого морально-политического подъема. Вообще же морально-политическое единство в истории прошлого не следует идеализировать. В Америке в XVIII в. в период войны за независимость в некоторые моменты больше чем половина английской армии состояла из американских жителей — сторонников короля и парламента. Во время Французской буржуазной революции XVIII в. и революционной войны 1793 г. 60 департаментов из 83 находились в состоянии мятежа. Для понимания различия морально-политического единства прошлого и настоящего сравним морально-политическое единство гражданской войны в России, Отечественной войны 1918—1919—1920 гг., и нынешней Великой Отечественной войны.

В октябре 1917 г. произошел разрыв цепи в системе империалистических государств, и из этой системы выбыла Россия, в которой произошла пролетарская революция. В связи с этим внешнее перешло во внутреннее, международная империалистическая война перешла в гражданскую. В то же время империалистическая война имела свое продолжение в виде одной из форм классовой международной войны, интервенции и борьбы против нее. Внешнее давление на страну, а в еще большей мере — внешние удары войны производят двоякое действие на нацию, на государство. В одних случаях они сплачивают даже антагонистические классы для разрешения общенациональных задач. В других — внешние удары на отдельных участках, в отдельных звеньях, а иногда и в целом ослабляют и даже разрушают в связи с военными поражениями национальное единство. Здесь уместно вспомнить

слова поэта: «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат». В советской России в 1918—1920 гг. значительная часть господствующих классов при начале интервенции перешла в ее лагерь и, спасая поместия и капиталы, изменила родине. Имели место колебания середняка. В то же время появилось замечательное морально-политическое единство пролетариата и крестьянской бедноты, а с осени 1919 г. окончательно сложился и прочный союз с середняком. Начало сбываться гениальное предвидение «Манифеста Коммунистической партии» по национальному вопросу о том, что со временем пролетариат конституируется в нацию. Но в 1918—1920 гг. принципы социализма, уже провозглашенные, только еще начали претворяться в жизнь, еще не была, например, осуществлена коллективизация сельского хозяйства, не победила еще социалистическая промышленность. Морально-политическое единство народных масс нашей страны, страны победившего социализма, в теперешней Великой Отечественной войне стоит на значительно более высокой ступени, чем в 1918—1920 годах. Это огромная прогрессивнейшая историческая сила, но тем преступнее попытки ее срыва.

Выводы: 1. Для того, чтобы не скатываться к изображению России в прошлом, в периоды патриотического подъема, как бесклассовой страны, надо указывать различие целей и народных масс, с одной стороны, и правящих кругов — с другой. Подъем народных масс не исключал вовсе классовой борьбы, например, в период так называемого смутного времени, в 1812 г. и в других случаях. 2. Не следует отождествлять морально-политическое единство до 1917 г. и морально-политическое единство периода гражданской войны 1918—1920 годов. Морально-политическое единство СССР в период Великой Отечественной войны является небывалой в истории высшей социалистической формой морально-политического единства. 3. Не следует изображать морально-политическое единство нашей страны абсолютным. Историкам надо помнить указания о наличии пережитков прошлого в экономике, в быту и в сознании людей и проводить мысль о том, что для ускорения победы надо зорко, оперативно и решительно предупреждать любые попытки срыва нашего невиданного в истории морально-политического единства.

Царизм — «международный жандарм». Известно, что Россия играла реакционную роль в Европе, особенно в период от Екатерины II до Парижского мира. Это — один из основных исторических фактов. Реализация ленинской установки о том, что Россия была «жандармом Европы», будет марксистской, если она будет в полном соответствии с фактами. Это — основное требование марксизма. Поэтому именно в целях должной правильной реализации данной установки историки должны показать, что и на том преходящем историческом этапе, когда Россия играла роль «европейского жандарма» и когда ее внешняя политика была реакционной, все же Россия в ряде моментов играла в истории прогрессивную роль. Так, Россия сделала прогрессивное дело, сломав в XVIII в. враждебный ей крымско-польско-шведский барьер, отгораживавший ее от Европы. Провозгласив декларацию о «вооруженном нейтралитете» [19] в 1780 г., российское правительство в своих интересах поддержало борьбу североамериканских колоний за независимость. Русские войска освободили Европу от наполеоновского ига. При Александре I ведущая роль европейской реакции в большинстве случаев принадлежала не России, а Австрии, Меттерниху. Оставаясь реакционером, Александр I по соображениям международного характера проводил в Финляндии и Царстве Польском конституционную политику, настоял на введении, хотя и ограниченной, конституции во Франции. Меттерних же провел «карлсбадские постановления» [20]. Франция и Австрия подавляли как жандармы революции в Испании в 1823 г., в Неаполе в 1820 г. и в Пьемонте в 1821 году. Наполеон III как жандарм Европы задушил Римскую республику в 1849 году.

При Николае I Россия стала главным «жандармом Европы». Но в тот же период по соображениям международного порядка Россия поддержала освободительное движение в Греции [21]. В первой половине XIX в. Россия поддержала борьбу славянских народов на Балканах за независимость.

Говоря о наиболее критическом моменте — об интервенции Николая I в Венгрию в 1849 г., не следует забывать о самой Австрии как жандарме Европы. Не следует амнистировать реакционнейшую Пруссию и ее контрреволюционную политику 30—40-х годов XIX века. Наконец, почему не отдать должное Англии как неофициальному партнеру «Священного союза», как твердыне консерватизма, ее политике реставрации, удушения революций? Фактов контрреволюционной политики царизма так много, что положение о царизме — «европейском жандарме» отнюдь не поколеблется. При этом, освещая вопрос о «жандарме Европы», не следует забывать историю русского народа. Жандарм во внешней политике был жандармом и внутри России. Но силы народные, скованные царизмом, находили в те же десятилетия выход в создании замечательных произведений русской литературы, литературы братских народов, в произведениях музыки, в трудах Лобачевского и Сеченова, Менделеева и других. Ведь неоднократно давались указания о том, что в центре надо поставить историю непосредственных производителей, историю народа. А между тем государственная теория Карамзина, Чичерина и Соловьева до сих пор довлеет над нашими историками. Разделы учебника истории СССР под редакцией акад. Грекова таковы: Военно-бюрократическая империя Петра I; Дворянская империя 1725—1762 гг.; Дворянская империя при Екатерине II. А где народная история за этот период? Между тем в Америке вышел ряд работ под названием «История народа Соединенных штатов». Другой вопрос, в какой мере это название оправдано содержанием самих работ.

Подведем итог: 1. Показ царизма как «жандарма Европы» есть одна из основных задач исторических работ по соответствующему периоду. Этот показ не должен сопровождаться изображением внешней политики царской России как сплошь реакционной, как какого-то основного, коренного свойства России, как ее постоянного качества, а не как лишь одного этапа ее истории, как свойство только русского государства. Наряду с царизмом в качестве «жандармов Европы» и их пособников орудовали австрийская империя, прусское и французское королевства и конституционная Англия. 2. Царизм в определенный период был «жандармом Европы», но русский народ активно участвовал в общей культурной жизни народов, и его представители внесли ценнейшие вклады в мировую культуру. Здесь правильно говорили о попытке акад. Е. В. Тарле в корне пересмотреть вопрос о царизме как «европейском жандарме». Есть и другая опасность. Мы знаем, что у М. Н. Покровского была такая ошибка: он разоблачал русский империализм, но при этом обелял империализм других стран, особенно германский. Надо насторожиться и в отношениях тех, кто попытался бы в духе западника Кавелина и «школы Покровского», идеализируя политику западных государств, чернить не только царизм, но и самую Россию. Против этого как раз предостерегал т. Сталин в статье «Энгельс о внешней политике России». Может быть, влияние «школы Покровского» как раз является причиной того, что исторические журналы не реагировали на эту важнейшую статью.

Вопрос о колониях в России. Глубоко неправы те, кто противопоставляет классовую и национальную точки зрения. Конечно, вместе с ходом истории и развитием капитализма, а затем социализма, происходило развитие марксистского учения, и в учение марксизма о нациях вносились новые идеи — об обострении национальных противоречий в ходе развития капитализма, идея буржуазной революции как начала национальных войн и др. Вспомним, что буржуазные революции вели к усилению стран, хотя и не такому поразительному, как Великая Октябрьская социалистическая революция. Страны, в которых произошли революции, приобщались к наиболее передовым для своего времени хозяйственным формам, политическим, к новой военной технике, тактике и стратегии, создавали новые приемы дипломатии и т. д. Их развитие ускорялось, и они стремились отвоевать ведущее место в системе государств. Нидерланды в ходе своей буржуазной революции, обособляясь как нация, воевали с Испанией [22]; Англия при Кромвеле разгромила своего главного соперника —

Голландию; слабая до революции, Франция усилилась и воевала со всей Европой; Италия воевала с Австрией, Германия — с Данией, Австрией и Францией и т д. Важнейшим новым этапом в развитии марксизма явилась работа т. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» и другие труды, в которых исследованы вопросы о признаках нации, национально-классовой структуре государств на Западе и на Востоке Европы и мн. др. Учение о нациях есть неотъемлемая часть марксистского учения о классовом обществе, идущем к диктатуре пролетариата. Марксизм учит не противопоставлению двух законов — закона классовой борьбы и закона национального развития, а изучению национально-классовой структуры, национально-классовых противоречий общества в их противоречивом развитии. Это же относится и к истории колоний. Развитие капитализма нельзя изучать и расценивать, исходя из судеб какой-нибудь из колоний и оторвав ее от метрополии и других колоний.

Надо брать весь процесс наступления крепостничества и капитализма на колонии и оценивать прогрессивность или реакционность процесса с точки зрения развития всей данной колониальной системы. Известно, что развитие капитализма отнюдь не является идиллией. Это кровавый процесс, предпосылкой которого является ограбление целых частей света, торговля рабами и т. п. Ленин, борясь с народниками, дал концепцию развития капитализма вширь и вглубь. Это важнейшая концепция, наброски которой содержатся в 25 гл. 1 т. «Капитала» [23], имеет огромное значение для решения проблемы. Ленин писал: «Важно то, что капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства» [24]. Если бы Казахстан был покорен Джунгарией [25], он затем, вероятно, был бы поглощен остальным Китаем. Если бы Казахстан был завоеван Англией, он тоже был бы отсталым до сих пор. Включение его в систему России исторически привело его к социалистической революции, огромному движению вперед. Если писать историю завоевания колоний в полном отрыве от истории России, тогда Россия получит уродливое однобокое освещение, тогда появится характеристика русских военных сил как «врагов» («Казахстан», с. 225). Нельзя в изложении отделять историю завоевания Казахстана от превращения его в царскую колонию, даже при некоторой неодновременности этих процессов. Это опять ведет к однобокому освещению. Как могло случиться, что Россия на протяжении целой части книги освещалась так однобоко, только как колонизатор, каратель, зверь, а авторы не замечали этого? Здесь сказалось наследие ошибок западников и «школы Покровского» или веяние местных националистических тенденций.

Между тем, становясь колонией, Казахстан вырывался из феодальных отношений. Там появлялись ростки капитализма в его колониальной форме, то есть без какой-либо перспективы деколонизации в рамках капитализма. В то же время началось национальное угнетение и ограбление Казахстана, торможение его развития колониальным гнетом. Но вопрос о прогрессивности развития капитализма решается не характером его развития в отдельной колонии, а судьбой всей капиталистической системы в целом. Развитие же капитализма в России приближало ее к пролетарской революции. Однако, исходя из того, что «господа ташкентцы» [26] были агентами капиталистического развития, отнюдь не следует их обелять. В отношении народа они были реакционерами, подавляли массы, их прогрессивную борьбу. Поэтому превозносить их за то, что они участвовали в прогрессивном, антагонистическом развитии капитализма как носители его худших черт, вызывавших против себя самый острый протест и борьбу, отнюдь не приходится. Реакционерами в отношении масс были Ермолов, Черняев, Скобелев и другие генералы и чиновники, завоеватели и покорители колоний.

Была ли прогрессивной борьба масс против колониального закабаления? Те, кто боролись против капиталистического закабаления, часто представляли цели этой борьбы как возврат к старому. Они не понимали того,

что самая их борьба была движущей силой истории, моментом капиталистического развития. Самое их сопротивление отвоевывало более человеческие и более прогрессивные условия существования населения колоний. Борьба масс была борьбой не только против национального великорусского гнета официальной царской России, но и классовой борьбой против помещиков-крепостников и их государства, против эксплуататоров-капиталистов и феодалов, как русских, так и своих, местных. Она становилась и революционной традицией, она сплачивала народ для его классовой борьбы в союзе с русским крестьянством, а затем — и русским пролетариатом. Чем дальше, тем больше борьба колоний против их закабаления становилась открыто классовой. С классовых пролетарских позиций должен решаться вопрос об образовании семьи народов, о благотворном ведущем влиянии русского народа на другие народы и о благотворном взаимном влиянии народов нашей Родины.

Когда перед нами сложнейший процесс переплета капиталистических и феодальных отношений, отношений национальных и классовых, когда стоит вопрос о понимании сущности процесса самими его носителями и об объективном его содержании, то очень плохую услугу оказывают те историки, которые вместо конкретного изучения развития колоний занимаются наклеиванием ярлыков: Шамиль — реакционер, Ермолов — революционер. Предупреждение против идеализации вожаков крестьянского движения остается в силе и для истории колониальных движений. И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России. «Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма...» (Ленин В. И. Соч. Т. III, с. 487—489) [27]. Не беря на себя решение проблем, поставленных в книге «Казахстан», полагаю, что в ряде случаев их решение затруднено не отсутствием достаточного количества фактических данных, а неправильным подходом к ним. Так, например, авторы считают, что вопрос об английской экспансии в отношении Казахстана нельзя ставить, так как английские историки и дипломаты не дали соответствующих подтверждений. Пожалуй, однако, для решения вопроса об экспансии английского капитализма таких справок и не требуется. Вопрос о слабых соседях сильных держав в исторической литературе ставился неоднократно. Так, Монтескье считал, что слабых соседей иметь выгодно, так как можно расширить территорию за их счет.

Напомню замечательное возражение против этой мысли Монтескье, принадлежащее С. М. Соловьеву: «Если соседнее государство, клонящееся к падению, представляет безопасность само по себе, то по слабости своей оно может усилить другого соседа, который захочет увеличить свои средства на его счет, другие соседи не могут этого позволить, и таким образом падающее государство становится предлогом постоянной борьбы между ними. Его слабостью (то есть слабость падающего государства.— *А. Е.*) уничтожается пространство, разделяющее сильные государства. По его поводу они приходят к постоянным столкновениям друг с другом, следовательно, существование между ними слабого государства не приносит им никакой выгоды, напротив, гранича непосредственно друг с другом, они имели бы менее причин к вражде» (Соловьев С. М. Курс новой истории. Ч. 2. М. 1873, с. 168—169). Ошибка Монтескье и Соловьева заключалась в том, что они хотели решить вопрос, выгодно ли иметь слабых соседей, абстрактно, для всех случаев одинаково. Между тем этот вопрос решается конкретно для каждого отдельного случая. Самая же постановка вопроса является ценной. Надо еще учесть, что когда книгу редактируют семеро, а пишут 30 авторов, то даже правильные установки введения разойдутся с содержанием самой книги, а отдельные части ее будут друг другу противоречить.

Выводы: 1. Историю бывших колоний России надо писать, не отрывая ее от истории России и других колоний, иначе получится уродливый однобокий показ России. 2. Колонизация как этап развития капитализма есть факт исторически прогрессивный. В дальнейшем вместе с развитием

антагонистических противоречий капитализма, с изжитием капитализмом своей прогрессивности все больше перестает быть прогрессивным факт существования самой колониальной системы. 3. Отнюдь не следует какими-либо способами обелять зверства колонизаторов, носителей худших черт антагонистического развития капитализма реакционеров, в отношении масс. 4. Борьба масс против колонизации — исторически прогрессивное явление как момент развития капитализма несмотря на то, что те, кто боролся против колониального завоевания, часто представляли дело так, что реальным содержанием их борьбы является борьба за возврат к старому, к патриархальным и феодальным отношениям. Эта борьба приобретает все более открыто классовый характер и все более связывается с борьбой народных масс всей России. 5. Подобно тому, как не следует идеализировать вожаков крестьянских движений, не надо без меры превозносить вожаков крестьянских движений в колониях. Надо показать и их слабые стороны.

Политика России в отношении Польши. В основе марксистско-ленинского понимания международных отношений лежит теория классов. Тов. Сталин дал глубокий анализ внутренней и внешней функции государств, показав, что и внешняя функция изменяется с изменением классовой структуры государства или классовой структуры той системы государств, в которой данное государство находится. Стремление к завоеванию есть стремление господствующего класса одной страны — монополиста средств производства в ней захватить и эксплуатировать территорию и средства производства, в их числе прежде всего население другой страны. Таким образом, в основе завоевания лежит классовая потенция. (Внешняя политика зависит от классовой структуры борьбы и внешнеполитической позиции классов и партий данного государства и государств, его окружающих).

Внешняя политика Екатерины II была политикой русских помещиков-крепостников. При этом она разрешала и разрешила некоторые большие общенациональные задачи — политические и народнохозяйственные. Не только до Петра I, прорубившего в барьере лишь окно, но и до Екатерины II Россию отгораживал от Европы барьер враждебных отсталых феодальных государств — Турция и Крымское ханство, Польша, Пруссия и пришедшая в XVIII в. в большой упадок Швеция. Хотя и неверна легенда западников об исключительной отсталости и полной изолированности России от Европы до Петра I, но враждебный барьер и после Петра продолжал тормозить развитие России. Екатерина сломала этот барьер в его южной части и частью — на Западе. Было ли исторически прогрессивным присоединение к России Крымского ханства [28] и освобождение и присоединение непольских земель Речи Посполитой? Повторяем, речь идет не о том, была ли политика Репнина в Польше или Стахиева в Константинополе и Шагин-Гирея [29] в Крыму гуманной.

Ко второй половине XVIII в. Польша и Крым окончательно потеряли всякую самостоятельность. Крым, как и Польша и Швеция, стал ареной борьбы за политическое равновесие враждебных в то время России сил. В Крыму орудовали турецкие агенты, прусские и французские разведчики. Тогда Россия овладела сильными позициями внутри Крыма. В 1783 г. решался вопрос не о самостоятельности Крыма, ее давно не было, решался вопрос о сломе части враждебного России барьера, отгораживавшего ее от Черного моря и от Западной Европы. При этом Крым превратится в колонию России со всеми последствиями этого. Польша тоже давно уже потеряла самостоятельность и тоже являлась ареной, на которой боролись против России враждебные государства, прежде всего Франция и Турция и сама Россия. По трем разделам Польши [30] к России не отошло ни клочка польской земли. Украинцы и белорусы были избавлены от второго дополнительного национального польского гнета и соединились с украинцами и белорусами России. Русские земли присоединились к России. Это было исторически прогрессивным. Отметим, что инициатива раздела Польши и лишение ее государственной самостоятельности принадлежали Пруссии. При этом польские земли были захвачены Пруссией и Австрией, а в XIX в.

часть их — Россией. Какой основной урок истории можно вывести из судьбы лишившейся самостоятельности Польши и ставшей игрушкой внешних сил? Весь ход историй этой Польши показал, что враждебная России «барьерная» Польша существовала.

Выводы: 1. Ввиду того, что и польские революционеры 1830—1831 гг. и 1863 г., и современные польские реакционеры без всякого основания апеллировали и продолжают апеллировать к «Великой Польше в границах 1772 г.», целесообразно осветить вопрос о том, что никакой «Великой Польши в границах 1772 г.» не существовало. Польша еще задолго до того, примерно, со времени Вестфальского мира в 1648 г., в котором Польша уже не участвовала, фактически перестала быть самостоятельным государством. Она стала игрушкой в руках великих держав, ареной борьбы за «европейское равновесие», частью реакционного, враждебного России барьера, которым Франция, Турция, Швеция и др. державы стремились отгородить Россию от Западной Европы. 2. Во время первых трех разделов Польши ни одного клочка польской земли к России не отошло. К России были присоединены русские же земли с украинским и белорусским населением. 3. Реакционная, антидемократическая, враждебная Россия «барьерная» Польша никаких исторических прав на существование не имела, не имеет и не будет иметь.

Недооценка марксизма. Имеются факты недооценки марксизма. Понятно, что сползание некоторых историков с классовых позиций закономерно ведет их и к недооценке марксизма. Недавно учитель предложил исключить из программы средней школы тему «I Интернационал». Далее, студенты все хотят специализироваться по вопросам истории международных отношений. Студенты-историки на экзаменах хуже всего отвечали по политической экономии. Имеются и другие сигналы. (А д ж е м я н. Ваше выступление есть сигнал о недооценке марксизма.) Вы очень нетерпимы — я уже об этом говорил. Когда Вы говорили, я без всякого удовольствия слушал Вас, да и все Ваше выступление никому никакого удовольствия не доставило. Однако Вас слушали. Сейчас Вы послушайте меня, а если захотите выступить, попросите опять слово. Есть сигналы о сползании с классовых позиций и веяниях буржуазного национализма и других извращений в понимании вопросов истории, делаются ошибки и в тех случаях, когда марксисты ведут борьбу с буржуазным национализмом. Все это ставит с настоятельной необходимостью вопрос об усилении работы в области марксизма, о поднятии уровня всей теоретической работы историков. Решение по вопросам философии имеет непосредственное отношение и к историкам.

Организация научной работы в Отделении истории и философии АН СССР. Наконец, последний очень важный вопрос — организационный. Что должно быть основной формой движения исторической науки вперед — капитальные монографии и капитальные публикации источников или многотомники? Конечно, в отдельных случаях многотомники или сборники могут быть полезны, отказываться от них отнюдь нельзя. Но если они становятся основной организационной формой развития науки, как это случилось с Отделением истории и философии Академии наук,— это путь неправильный. В Институте истории пишут историю военного искусства, историю русского флота, русской культуры, пролетариата, крестьянства, Москвы (7 тт.), Ленинграда и другие многотомники. Но именно потому монографиями там не занимаются или почти не занимаются. Институт истории упорно держится за бригады, почему? 1) Может, боятся тронуть сотрудников, которые потому так привыкли писать бригадой, что в одиночку писать не могут? 2) Умеющих писать включают во многие бригады, заставляют переделывать негодную продукцию слабых сотрудников. Получается уравниловка, осужденный школьный бригадно-лабораторный метод, который еще закрепился в институтах Истории и Философии. 3) Мало монографических работ. Нет капитальных научных публикаций, без которых невозможно развитие исторической науки. В загоне историография и библиография, они не особенно нужны, ибо научно-популярные статьи

в многотомниках надо писать в экстренном порядке, работать на уровне современного состояния науки нет времени. От этого слабеет качество научной экспертизы гуманитарных институтов Академии наук и страдает подготовка кадров. Институтам не с чем будет выйти на международный съезд историков, если положение не будет изменено. Кроме того, бригады вместо серьезного исследования читают огромное количество статей и рецензий на них, им помогает ряд товарищей, бригадир может оказаться и не в курсе существа вопросов чрезвычайно широкого тематического охвата, как это обычно бывает в многотомниках. О качестве коллективных работ Института истории в 1944 г. свидетельствует и обсуждение I т. истории русского военного искусства [31].

При обсуждении в Институте истории единодушно признано, что никакой истории русского военного искусства не получилось, что имеются разнородные и разноценные очерки, содержащие ряд ошибок. Например, говорится, что Суворов до Американской и Французской революций XVIII в. ввел новую тактику боя цепями и колоннами (мелкими каре). Если это так, то Энгельс неправ. Энгельс в «Анти-Дюринге» [32] ошибся. На самом деле Энгельс прав. Поскольку об этом можно судить до монографического исследования этого вопроса, Суворов до американской революции не ввел новых боевых порядков, а применял цепи для целей разведки. Если бы была написана монография, это было бы хотя и более медленным, но более бесспорным движением науки вперед и разрешило бы данный вопрос. Итак, коллективность работы советских ученых состоит не в бригадах. Коллективность — в советской плановости, в участии общественности в обсуждении планов и продукции, в организации важнейшей научно-вспомогательной работы, в применении, таким образом, разделения труда в научной работе, в связи с читательской массой. Пример прекрасной коллективной научной работы — школа И. П. Павлова, где, самостоятельно соревнуясь, работают крупные ученые с большим научно-вспомогательным аппаратом. Универсальный же метод бригад институтов Истории и Философии в том виде, в каком он ими применяется,— это левацкое извращение принципа коллективности в научной работе. Это — пережиток бригадно-лабораторного школьного метода, перенесенный в науку.

«Исторический журнал» должным авторитетом не пользуется. Его недостатки зависят как от общего снижения уровня работ историков, пишущих бригадами, так и от неверных установок редакции. 1. Это не журнал по истории, а в основном журнал только по вопросам эпохи империализма. М. Н. Покровский истории не умел понять и объяснить и считал, что она начинается только в XX веке. Эта идея сказывается и на установках журнала. 2. «Исторический журнал» дает больше публицистику на исторические темы, чем серьезные научные статьи. 3. Библиография и историография в журнале на крайне низком уровне. 4. Определенного профиля у журнала нет, он предназначен для слишком широкого круга читателей. Нужны еще специализированные исторические журналы. 5. Основного научного исторического журнала, который мог бы должным образом способствовать развитию и подъему исторической науки, у нас нет.

В заключение необходимо сделать такой вывод. Залогом успешного развития исторической науки должна быть ликвидация благодушия и примиренчества к ошибкам. Большая теоретическая исследовательская работа обязательно будет соединена с поднятием на большую высоту историографии и критики. Необходимое условие наиболее успешного и быстрого движения исторической науки вперед — непримиримая, острая и в то же время товарищеская, подлинно большевистская критика и самокритика среди историков.

Яковлев. Всякий человек нашей профессии, работающий на исторической ниве Советского государства, не может не относиться с чувством глубочайшей благодарности к тому вниманию, которое уделено нам созывом настоящего совещания. Мы с гордостью можем сказать, что наш голос будет услышан и что спрашивают нашего мнения, спрашивают люди, которые состоят на вершине исторических знаний. Мы с гордостью можем

сказать, что к нашему цеху принадлежат такие величайшие историки, как покойный Владимир Ильич и как ныне здравствующий Иосиф Виссарионович. Каждый из них внес ценнейший вклад в наше дело и являлся, по отношению к Владимиру Ильичу, и является, по отношению к Иосифу Виссарионовичу, более чем компетентным судьей в оценке нашей работы. Из обращения к нашему скромному рабочему сословию цеховых историков надо сделать ряд глубоких выводов, вытекающих из самого факта этого обращения. Первый из выводов, конечно, относится к тому, что на нашем фронте не все благополучно. Надо сказать, что последнее десятилетие, когда стало ликвидироваться злосчастное наследие покровщины, мы были поставлены в положение вполне удовлетворительное, в некоторых случаях даже блестящее. Была дана полная возможность работать, дана была драгоценная привилегия выпускать тяжелые большие книги, что являлось исключительно важным правом. И, тем не менее, нами недовольны, я скажу больше: мы и сами собой давно недовольны. В нашей деятельности есть ряд промахов, нам давно заметных и нас давно настраивающих тревожно. Не секрет, что в нашей среде нередко шли разговоры: кончится плохо, нам достанется, и к этому прибавлялось — и поделом достанется! Вот к этому положению надо дать, очевидно, наш цеховой рабочий комментарий: в чем же дело?

Надо сознаться, товарищи, что за этот счастливый для нашей науки десятилетний период все-таки сделано было очень мало. Мы не смогли удовлетворить ряд высказанных нам пожеланий. В замечательной статье от 16 мая 1934 г. [33] было выражено пожелание, чтобы дана была учебная книга по истории, в которой в живой, занимательной форме вместе с изложением важнейших событий и фактов в их исторической последовательности была бы дана характеристика исторических деятелей вместо преподносившегося дотоле схематичного изложения эволюции общественно-экономических формаций. Дали мы такой учебник? Нет, у нас его нет. Мы не осилили этого дела. Надо сказать, что в старой историографии была куча учебников, неприемлемых для нас, советских людей, с нашей точки зрения, но прекрасно написанных в литературном смысле. Великий мастер стиля — Ключевский, неплохой стилист — Иловайский. Даже историки, сравнительно мало популярные, как Елпатьевский, излагали сравнительно неплохо, платоновский учебник [34] также изложен хорошо.

Второй наш грех, в котором надо сознаться: преподавание в нашей школе, особенно в высшей школе, продолжает хромать. Мне приходилось ревизовать несколько раз преподавание, и из материалов проверки видно, что и преподаваемый материал и усвояемый материал далеко не первоклассного качества. Исчезла и не возродилась школа требовательной точной проверки, точной формулировки. Человек пишет наотмашь, как фельетонист, да так же часто и говорит в аудитории: ну, какая важность, махнул не тот год, все равно аудитория не запомнит! А если аудитория запомнит? В прочитанной мною статье одного авторитетного органа, посвященной Кутузову, я нашел около двадцати неточностей и погрешностей. Стало быть, и тут дело обстоит неблагополучно. Очевидно, звание специалиста и профессора еще не всегда гарантирует нас от промахов памяти, а принудить себя к тому, чтобы проверить и освежить сообщаемые данные, не хватает, очевидно, энергии, силы воли, а иной раз, может быть, даже просто добросовестности.

Наконец, перейдем к собственному нашему делу — к цеховой научной работе. В цехе научной работы от нас справедливо ждали исследований. Архивные исследования в нашем предмете — то же самое, что лабораторные работы у химиков, физиков, физиологов. Надо брать старые факты. Москва — оазис для истории. А историки всеобщие — изволите ехать во Францию или Англию получать скупо дающиеся разрешения на работу в Британском музее или в Национальной библиотеке в Париже, где к вам сначала присматриваются, не позволяют даже писать пером, пишите карандашом, потому что пером вы можете подправить, подделать, загрязнить документы. И это относилось даже к таким историкам, как покойные

Виноградов и Савин [35]. В московских архивах — клад за кладом, груды драгоценнейших сведений. Что, они разработаны? Где эти монографии? Военные архивы в Лефортово, походы Румянцева, Потемкина, военные поселения Аракчеева, архивы Поместного приказа на Девичьем поле [36]! Чуть-чуть, там и сям кто-то выдергивал оттуда документы, но засесть и годами работать там — нет, мы не собирались с духом и с настроением. Стало быть, и тут дело обстоит не блестяще. Не буду говорить о том, о чем говорил уважаемый т. Ефимов,— о составлении 7-томников, 10-томников. Я полагаю, что нам надо несколько приободриться и взяться за дело так, как этого требует тот, кто к нам отнесся с доверием, и как этого требует и наша совесть. Надо взяться за работу, как говорят, по-новому, но одних пожеланий недостаточно, надо подчинить себя известной школе, дисциплине.

Перейду к некоторым практическим заключениям. Для этого надо прежде всего систему преподавания поставить на более строгие основания как в школе средней, так и в школе высшей, для чего и надо дать соответствующие учебники. Нужно развить семинарскую работу лицам, которые хорошо знают предмет, а не лицам, которые делают это любительски, и работу эту надо развивать возможно шире. В течение ряда лет, не менее 5—6 раз я представлял докладные записки о необходимости издать памятники русской истории для учебных целей, что систематически делается за границей, что делается в Англии и Америке. Пока удалось провести 2—3 выпуска только. Очевидно, это дело требует большей энергии и настойчивости. Надо сказать, что враждебного отношения нигде не было, а просто коллектив наш относился к делу вяло, между прочим. Заинтересуются, пригласят прислать образчики, потом сложат их в шкафы, и на этом дело кончается. Необходимо освежение подхода к научно-исследовательской работе и в начинающих группах историков.

Начинающим историкам надо привыкать смотреть на свои научные задания как на девственное поле, которому предстоит сначала очень много отдать труда, чтобы потом иметь право снять с него урожай. Ключевский, например, на 5 лет зарылся в скучные материалы древнерусских житий святых, и только после пяти лет труда русская историография получила, правда, шедевр, с точки зрения критической, но книгу совсем не эффективную исторически [37]. Благодаря его житиям мы уверено знаем, что и где можно найти для того, чтобы использовать материал житийных сказаний в изобразительной исторической работе. Подходя к этому делу с чисто профессиональной педагогической точки зрения, я выскажу еще несколько пожеланий, в частности, относительно общего курса, который, конечно, в конце концов сложится. Я не сомневаюсь, что наши люди его создадут. Совместными усилиями предстоит создать советскую теорию эволюции русской державы. Начиная с наших старых обозрений — царственной книги, «Синопсиса» [38] и т. д.— предложено бесконечное число таких схем. Наконец, сложилась блестящая для своего времени схема — курс Ключевского. Советская история, то есть события, ход событий, в значительной степени поправила ее, затем ее поправили и наши ученые руководители целым рядом указаний. Вот эту схему надо развить, надо найти, характеризовать эволюцию русской державы в ее разных этапах.

Я предложил бы такую схему общей динамической постановки этого задания. В основе истории русского народа лежат три динамических момента. Первый момент — поворот на мирный труд. Наша история началась с того времени, когда мы перестали громить Балканский полуостров. Мы долго занимались схватками с Византией, но наша настоящая история началась с того времени, когда мы на Днепре взялись за прочное хозяйственное овладение своей равниной. Германцы этого не сделали, они несколько столетий с этого же времени продолжали лезть в Италию и подорвали этим свое внутреннее развитие. А мы занимались мирным трудом колонизаторов. Первая народная идея — переход к мирному труду. Наша история есть история колонизации. Вторая идея русского народа — идея дружной обороны, которая постепенно развивалась и крепла. Мы не агрес-

соры. У нас нет мечты завладеть каким-то Эльдорадо, захватить в эксплуатацию Индию, добраться до Китая. Наша забота другая — не трогай нас! И горе тому, кто нас тронет! Это было доказано решительно тысячи раз, а в наши дни об этом говорить можно только с большим волнением.

Идея обороны любой ценой, обороны, в которой мы ничего не пожалеем, эта идея выражена бесчисленное количество раз. Выражена она церковным подвижником вроде Сергея [39], выражена Мининым, выражена Петром и бесчисленными героями наших битв в прошлом. Наконец, третья идея, которая лежит в основе нашей народности,— это идея равноправного подхода ко всякой другой национальности. Если они к нам подходят с добрыми намерениями, нам дела нет до этнического происхождения людей. Эта идея братского единения — великая идея, она-то и сделала нас победителями. Вот почему сто народов вошли в состав русской державы и не скорбят об этом. «Сначала уничтожь, а потом унизь и обескровь»,— как мечтали в 1870-х годах немцы относительно Франции, собиравшиеся выпустить из нее последние капли крови. Мы такого подхода не знали. Даже самые нелепые из наших царей с такими мыслями не носились. У нас этого нет, и свойство нашего народа идти навстречу дружески всем есть драгоценнейшая черта, которая сделала нас великим народом и великим государством. Если бы мы проводили резню, мы бы давно были уничтожены сами.

Щ е р б а к о в. Ваше время истекает, Вы ничего не рассказали о затронутом здесь холопстве.

Я к о в л е в. Итак, оставлю общие вопросы и перехожу к вопросу о холопстве, который был задет уважаемым Владимиром Ивановичем. Меня замечания Владимира Ивановича не задевают, хотя они довольно ядовиты, потому что они никакого отношения не имеют к содержанию книги. Он говорил по поводу книги, а не против книги. В параграфе 1 я исследую лингвистически слово «холоп», и только. Что слово «славянин» идет от греческого языка, что оно прошло через ряд вариантов, мною вскрытых и изученных,— факт чисто лингвистический. При чем здесь наше национальное чувство и о каких славянах идет речь? Я бы хотел спросить самого Владимира Ивановича: про кого мы говорим, когда утверждаем, что на средневековом рынке появилось много славянских пленников, рабов? Может быть, Владимир Иванович мне ответит? (П и ч е т а. О славянах Вы говорите). Славян много. В Югославии есть Михайловичи, в Польше был Бек [40]. Каких славян громили Карл Великий, Генрих Птицелов, Оттон? Они громили тех самых полабских, лужицких славян, о печальной участи которых мы на каждом шагу слышим и теперь. Должны ли мы говорить, что славян никто никогда не трогал? История полабских славян вписана в летописи Европы буквально кровью. Следует ли нам замалчивать злодеяния тевтонов в прошлом? Да, таковы они были, такими и остались до наших дней. Надо ли отрицать насилия германцев над славянами, насилия Карла, Каролингов, Генриха Птицелова, Оттона? Это было историческим предостережением всему славянству, и славянство ответило на него созданием велико-моравской, чешской, польской и русской держав. Это — разоблачающее психологию германизма предостережение и нам самим, мы его крепко помним и знаем, не раз на него отвечали и еще ответим в ближайшем будущем. Ныне, к сожалению, Лаба — Эльба не славянская, Гданск — Данциг еще не славянский. Они будут опять славянскими, но пока славянское Поморье не славянское. Ваши возражения мне непонятны и подобны спору о выборе шрифта или бумаги для печатания книги, и никакого отношения к самому предмету книги не имеют.

Ваши возражения против ряда общеизвестных фактов, гласящих, что наша русская равнина в значительной степени была колонизирована именно бежавшими от крепостной неволи людьми, не может не вызвать удивления. Разве не доказано, что в последующие века Дон был колонизован именно элементами, решившимися бежать от крепостной неволи? Кем колонизованы наш Север, Сибирь, Урал, как не людьми, не захотевшими жить с колодкой на шее в барской усадьбе или в крепостном селе и смело

пошедшими искать счастья и воли вдали от ранее насиженных мест? Что в такой, кстати, уже принятой в русской историографии, точке зрения неверного или с нашей теперешней точки зрения предосудительного? Что толкование некоторых топонимических терминов в моей книге может быть оспариваемо, не возражаю — я и сам предупреждал об этом в ее тексте. Как трудно было, например, установить, что летописный город Лодыжин — Лодяжин есть не что иное, как исковерканное название Колодяжин — Колоднич, то есть город колодников, холопов, и разве такая расшифровка не проливает свет на исторический облик этого города? Трудно было разгадать, что город Свяч есть город Святослава, Сиволаж — город Всеволода и т. д.

Что касается пресловутого вопроса об истории Казахстана, скажу только два-три слова. Вопрос этот имеет глубокий смысл. Когда в истории Казахстана развертываешь страницы с похвалами восстанию Амангельды, происходившем как раз тогда, когда развертывалось Брусиловское наступление на нашем юго-западном фронте [41], это не может не вызвать протеста. Амангельды — герой с точки зрения казахов, но хвалить его подвиги с нашей, русской, точки зрения едва ли удобно. (Голос с места. Он большевик.) Кто? (Голос с места. Амангельды. Голос. А ему какое дело?) В 1916 г. среди восставших никаких большевиков не было. В то время мы еще не были уверены, что революция восторжествует так блистательно, немцы были еще сильны, а два русских корпуса должны были сражаться с казахами.

Закончу, во-первых, пожеланием, обращенным к нашему брату цеховому историку, взяться за дело поэнергичнее, не бояться черного труда в архиве и над источниками, и, во-вторых, почтительным обращением к аппарату власти, благожелательность которой нас ободряет, сохранять контакт с нами и впредь. Для нас очень важно, чтобы могучий центральный аппарат Советской державы поддерживал этот контакт периодическими созывами историков, на которых работники нашей науки давали бы отчет, выслушивали замечания и указания, на что должно быть ориентированы их внимание и труд [42].

Щербаков. Слово имеет т. Городецкий.

Городецкий. Несколько замечаний о выступлении т. Ефимова, прежде чем перейти к основной теме своего выступления. Я думаю, что замечания т. Ефимова, связанные с выступлением Нечкиной, являются собственно отрицанием какого бы то ни было национального характера и национальных особенностей русской культуры и русской литературы. Тут товарищи бросают Аджемяна из стороны в сторону. Кто говорит — он не историк, а философ, кто заявляет, что он не философ, а историк, в общем, ни то, ни другое. Я думаю, что дело не в этом, а очень полезно было бы подумать над тем, есть ли какие-нибудь, собственно говоря, точки соприкосновения у Аджемяна и у некоторых наших историков. Выступление Аджемяна, его статья в такой форме, в какой это сделал Аджемян, являются, конечно, исключительным явлением. Но такие или подобные идеи имеются у ряда наших историков. Аджемян просто обобщил эти идеи и выразил в самом уродливом виде. Я думаю, что это видно хотя бы из выступления проф. Яковлева, особенно из его последнего замечания по поводу восстания под руководством Амангельды Иманова. Оказывается, для профессора Яковлева является откровением, что Амангельды Иманов являлся большевиком. (Панкратова. Книгу читал до Октябрьской революции.) Восстание в 1916 г. в Средней Азии — это одно из национально-освободительный восстаний, которое по характеристике т. Сталина являлось резервом нарастающей пролетарской революции. Характеризовать это восстание как предательский удар в спину русской армии — значит извращать ленинскую оценку войны 1914—1917 гг. и становиться на позиции оправдания и защиты царизма.

Я хотел бы привести другое выступление проф. Яковлева, которое является еще более ярким и показательным для характеристики антимарксистских идей, которые имеют, очевидно, хождение среди некоторых ис-

ториков. Выступая на заседании в Наркомпросе 7 января 1944 г. [43], проф. Яковлев, говоря об учебниках, заявил: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве. Совмещать с этим интерес к 100 народностям, которые вошли в наше государство, мне кажется неправильным. Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях. Я думаю, что это заявление искажает прежде всего характер русского исторического процесса, проходящего в рамках многонационального государства. Во-вторых, это заявление свидетельствует о пренебрежении к нерусским народам нашей страны, так характерном для великодержавного шовинизма. С этой точки зрения то, что здесь высказывал Аджемян, не является оригинальным. Его заявления, несомненно, перекликаются с тем, что проповедовал профессор Яковлев. Эти идеи антиленинские не нашли своего развернутого выражения в печатных трудах. Ни одно издательство не стало бы публиковать такие труды. Но об этих идеях следует сказать именно потому, что они носятся в воздухе, они высказываются на совещаниях по очень важным вопросам, по вопросам создания учебников, создания исторических романов и т. д.

На совещании в военно-морском флоте выступал акад. Греков. В своем выступлении акад. Греков говорил, что государство и народ разделить невозможно: «Сейчас историки отрезвели и поняли, что государство и народ разделить невозможно. Когда Карамзин написал «Историю Государства Российского», то наши либеральные историки обиделись – как это он пишет историю государства! В ответ на это появился довольно бездарный, но многотомный труд «История русского народа». Между тем, эти две вещи совершенно неразделимы. Как можно народ от государства разделить?» Эта «теория» нераздельности государства и народа, которая на этом совещании была так подробно развернута Аджемяном, является отказом от классовой оценки государства. Вместе с тем эта «теория» ведет к смазыванию принципиального различия Советского государства от предшествующих ему государственных форм. Только Советское государство является организацией единства нации. Следовательно, нельзя переносить единство советского народа и государства на историческое прошлое. Я ни в коем случае не хочу роднить акад. Грекова с Аджемяном. Но то, что идеи, развернутые в выступлении Аджемяна, очень напоминают известные статьи Струве и других кадетов в сборнике «Вехи» [44],— это совершенно ясно и несомненно. Имеет ли это какое-либо значение для нашей советской истории? Несомненно, имеет. Я думаю, что мы здесь, на этом совещании, ясно и прямо должны об этом сказать. У нас проявляется некоторая беспринципность. Стоит человеку услышать о каких-то «новых установках» — и он готов отказаться от правильных позиций, на которых стоял вчера.

К сожалению, приходится это сказать о проф. Бахрушине. Бахрушин написал хорошую, правильную статью по истории русской империи для политсловаря. Редактор сказал, что желательно было бы отметить прогрессивные стороны в развитии Российской империи. Профессор Бахрушин понял это замечание несколько своеобразно и написал концовку, которая совершенно не вяжется со всей статьей. (Голос с места [Бахрушина]. Статью перередактировали.) Концовка написана Вашей рукой: «В течение двухвекового своего существования Российская империя воплощала в себе политическую мощь русского народа». То есть от основания и до падения царизм выражал силу, мощь русского народа. И это написано после слов о свержении самодержавия. Эта концовка не вяжется со всем тоном статьи. Об этом можно было сказать, отказавшись от всех принципов, на которых построена статья.

Тут очень много говорилось о книге проф. Яковлева. Проф. Яковлев в своем выступлении, собственно, обошел серьезные обвинения, которые предъявлялись его книге. Я думаю, что появление такой книги и ряда

других произведений на историческом фронте, в частности, книги проф. Рубинштейна по русской историографии, должно подвергнуться творческому обсуждению и критике. Книга проф. Рубинштейна — очень солидное исследование и действительно явилась первой книгой по русской историографии в советской науке. Но по ряду очень существенных разделов проф. Рубинштейн занимает явно неправильную позицию. Речь идет прежде всего о роли немецких историков в русской историографии. Проф. Рубинштейн в своем выступлении, так же, как и Яковлев, уклонился от ответа на критику. Между тем совершенно правильно отмечая, что в русской исторической науке не было засилия немецких историков, т. Рубинштейн обошел очень существенный вопрос о роли немецких историков. Этот вопрос очень важный и не менее сложный.

Традиция определенной положительной оценки немецких историков (Байер, Миллер, Шлецер, Эверс) [45] идет еще от буржуазной историографии в России. Эта традиция нашла свое место и в советской историографии. Дело в том, что ряд историков, работавших в России в XVIII в., проникали в Россию по разным причинам и побуждениям, иногда довольно темным. Очень хорошо об этом говорит Шлецер в своей автобиографии: «Что это был за народ, люди, выдававшие себя за то, чем я хотел быть, русские исследователи истории! Об иностранной истории они ровно ничего не знали, древних ученых языков они не понимали, точно так же, как и новых. Не надо быть ни гением, ни ученым критиком, довольно просто уметь по-русски и быть прилежным — и в короткое время можно было угостить публику квартантами и рассчитывать на похвалу и благодарность. Год, много — два, можно пожертвовать, чтобы в худшем случае узнанное в России обратить в деньги в Германии».

Вот лицо хищников, которые проникали в Россию для того, чтобы на легком поприще заработать, схватить, что можно, из исторических документов, опубликовать, превратить в деньги, в славу. Часто это делалось, определенно преследуя политические и антирусские цели. Проникая в Россию, немецкие историки здесь делали определенное дело, они создавали архивы, систематизировали, обрабатывали материалы, организовывали публикацию документов, занимались вопросами источниковедения. Все это было, но может ли эта деятельность немецких историков закрыть перед нами ту несомненную реакционную роль, которую сыграли Байер, Шлецер и др. в русской исторической науке? Нет. Эти люди, выросшие на идеях немецкой науки, твердо стоящие на немецкой почве, пытались в идеологической области расчистить путь для «Дранг нах Остен» и закабалить русскую науку. Они приносили к нам реакционные идеи прусского национализма, они насаждали антинаучные взгляды на славян, на русскую государственность. С этой точки зрения любопытно обратиться к полемике, которая была в XVIII в. между Ломоносовым и Миллером. Кстати, этот вопрос достаточно выяснен в статье акад. Грекова «О Ломоносове как историке». Однако я не знаю, есть ли еще такие работы, которые правильно оценивали бы роль Ломоносова в исторической науке. Проф. Рубинштейн в своей книге «Русская историография», снисходительно похлопав по плечу Ломоносова, говорит, что Ломоносов в своей полемике с Миллером исходил из национальной гордости и не стоял на уровне науки того времени.

А как выступал Ломоносов? Он выступал против Миллера, упрекая его в том, что Миллер отделяет славян от скифов, что он относит приход славян в Европу слишком к позднему времени, и т. д. Уже из этого видно, что Ломоносов стоял на уровне научных знаний того времени. По замечанию Ломоносова, у Миллера «на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают. Сие так чудно, что если бы г. Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал более бедным народом, каким еще ни один из самых подлых народов ни от какого писателя не представлен». Конечно, Ломоносов исходит из чувства национальной гордости, но он вместе с тем исходит из правильного, научного понимания задач русской исторической науки.

Ломоносов ополчился, и совершенно правильно, против филологичес-

ких упражнений Шлецера, подражание которым мы видим в выступлении и в книге проф. Яковлева. Ломоносов считал совершенно неправильным и диким производить слово «боярин» от слова «баран» или слово «дева» от немецкого слова «сука». Ломоносов по поводу филологических упражнений Шлецера говорит: «Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина». (Б у ш е в. И по существу точная характеристика.) Между тем этот вопрос о роли Байера, Шлецера и др. имеет существенное и очень важное научное значение, потому что эти немецкие историки, как известно, являются создателями норманнской теории. По этой теории выходит, что славяне не в силах были создать свою государственность, она была перенесена извне скандинавами-немцами. Можно было бы сегодня об этом не говорить, если бы эта норманнская теория не дожила благополучно до наших дней. Она нашла свое место еще в дворянской и буржуазной историографии. Тем более необходимо сейчас выяснить всю порочность этой норманнской теории. На словах все историки согласны, что эта теория неправильная. (Г о л о с. Некоторые стараются доказать, что это правильная теория.) Я имею в виду такие работы, которые составлены большими коллективами,— работы по истории СССР, вузовский учебник, учебник для средней школы. Но даже и в этих работах формальное отрицание норманнской теории сопровождается фактическим ее признанием. Это признание имеется и в первом томе «Истории СССР» — в вузовском и в учебнике под редакцией т. Панкратовой. (П а н к р а т о в а. Что-то я не заметила.) В учебнике по истории СССР для вузов следует эпический рассказ о двухвековой дискуссии по этому вопросу, а в заключение говорится: «Длительный спор около двухсот лет не дал окончательного решения вопроса, однако, обогатил нашу науку новыми фактами и в конечном счете значительно приблизил правильное решение вопроса».

Какое же это решение? «Северная Русь, по-видимому, связана со Скандинавией, а именно с частью Швеции на северном берегу Финского залива». Есть ли это новое решение вопроса помимо того решения, которое уже было дано норманистами? Нет, здесь по существу никакого ответа норманистами нет. Вот учебник для средней школы под редакцией т. Панкратовой, переиздание, которое вышло в 1943 году. Там вопрос о происхождении государственности у славян не поставлен четко. В главе о Киевском государстве говорится: «Отдельные варяжские князья со своими дружинами захватили наиболее удобные пункты и обложили данью окрестное население. Очень часто они уничтожали или подчиняли себе местных славянских князей и становились на их место. Рюрик в Новгороде, Синеус в Белоозерье, Трувор в Изборске, Аскольд и Дир завладели Киевом». Собственно, здесь легенда излагается как фактический материал. Никакого другого объяснения происхождения русской государственности в учебнике нет. Можно ли считать, что это есть опровержение норманнской теории? Нет. Русская история здесь по-прежнему начинается с Рюрика. Государственность ведет свое начало от варягов, история славян до IX в. не характеризуется.

Можно ли после этого говорить, что вопрос о реакционном влиянии немецких историков не является существенным? Проф. Рубинштейн пытался отделаться от этого вопроса тем, что Миллер является русским историком, а не немецким. Конечно, мы судим об историке не по фамилии, не по национальному происхождению, а по характеру его идеологии. С этой точки зрения Байер, Шлецер, Миллер и Эверс являются немецкими историками не только потому, что они писали и мыслили по-немецки, но главным образом потому, что эти историки были типичным порождением немецкой науки XVIII и начала XIX века. Между тем не только профессор Рубинштейн, но и в ряде исторических статей, в статье т. Нечкиной об Эверсе, в статье проф. Бахрушина о Миллере, немецкие историки изображаются как основоположники русской исторической науки. Проф. Бахрушин пишет: «В лице Миллера историческая наука России порывала с наивными и безграмотными методами феодальной историографии... «История Сибири» (Миллера) — краеугольный момент в развитии русской исторической науки

в XVIII столетии». Тов. Нечкина в статьях об Эверсе (1927 и 1933 гг.) называет Эверса основоположником историко-юридической и государственной школы, хотя такие основоположники этой школы, как Кавелин, Чичерин, Соловьев вовсе не нуждаются в таком предшественнике, как Эверс. Имеет ли все это значение для современного этапа развития исторической науки? Несомненно, имеет. Такие важнейшие вопросы, как разработка истории Руси до IX в., вопросы происхождения русского народа и государства, характера русской культуры,— все эти вопросы нельзя правильно решить без полной ликвидации немецких реакционных влияний, реакционных идей, которые еще имеют хождение в нашей советской историографии.

Щербаков. Слово имеет т. Греков.

Греков. Я хотел начать свое выступление несколько иначе, но поскольку т. Городецкий затронул здесь ряд вопросов и высказал по моему адресу несколько упреков, я начну с них. И после выступления т. Городецкого я продолжаю думать, что в историческом исследовании государство не всегда можно отрывать от народа, что только в известные периоды в истории народа, действительно, противополагается народ государству. Я считаю, что этот вопрос слишком сложен, чтобы его разрешения можно было требовать от суждения, высказанного вскользь по определенному поводу. Я действительно в соответствующей обстановке коснулся нашей старой историографии по этому вопросу. Наши профессора в XIX в. действительно очень часто в своих построениях разрывали государство и народ. Упрекать Карамзина, что он занимался государством, мне кажется, совершенно незачем. Можно возражать лишь против того, как он это делал. Я действительно упрекнул наших старых историков и в том, что они лишь бы отмежеваться от государства, даже в таких вопросах, как крепостное право, отрицали роль государства.

Я продолжаю считать, что государство, являясь органом господствующего класса, осуществляет интересы, нередко совпадающие с интересами народа. Бороться с варяжским вопросом нужно, и, вероятно, больше других боролся именно я. Поэтому мне очень удивительным показалось выступление т. Городецкого, что мои аргументы якобы не попадают в цель. Какие же промахи я сделал? Мой промах заключается в том, что я сказал, что северная Русь связана со Скандинавией. Да, это две соседние страны, и они в течение многих веков жизни были действительно связаны. Это совсем не значит, что я признаю создание русского государства делом варягов. Как же, собственно, бороться с варяжской теорией? Самый легкий способ — просто ее зачеркнуть, о ней не говорить, но такой способ едва ли нас удовлетворит. Нужно не зачеркивать, а вдуматься в суть дела и показать, что русское государство образовалось и существовало и без них и даже до них, что я во всех своих работах и делаю. Поэтому я не понимаю, в чем, собственно, упрек, брошенный мне т. Городецким.

Теперь я хочу перейти к другим вопросам, которые волнуют меня и многих наших историков. Я также благодарен Центральному Комитету, который нас собрал как раз в тот момент, когда мы потеряли контакт между собой. Действительно, нужно сказать правду, что события мирового значения так быстро стали развиваться, что опередили не только нашу историческую науку, но, я думаю, что и всемирно-историческую науку. Поэтому в настоящий момент, когда Отечественная война развертывается так энергично, когда в ней участвуют все народы нашего Союза, когда уже видны вдали очертания послевоенного мира, действительно, историкам необходимо остановиться на ряде вопросов, для них далеко не безразличных. Мы должны многое пересмотреть из того, что мы уже сделали. Это — во-первых, а во-вторых, мы должны откликнуться на такие стороны жизни, которые мы до сих пор оставляли в тени. Конечно, речь идет совсем не о пересмотре марксистско-ленинской теории, а о более тонком и глубоком ее применении. Речь идет о творческом марксизме, к которому нас зовет «Краткий курс истории ВКП(б)». Я хотел остановиться на некоторых моментах, связанных с моей специальностью.

Мы побеждаем врага потому, что наша страна крепка политически, потому, что народы Союза хорошо поняли опасность, грозящую им от «высшей расы» и «нового порядка», хорошо поняли, что наше спасение и сила — в нашем единении. Не будем скрывать, что в некоторых недавно освобожденных районах в период хозяйничанья там немцев распространялись иные мысли. Война показала, что народы Союза умеют приносить жертвы для Родины и что русскому народу в этом благородном соревновании принадлежит первое место. Каждый историк СССР знает, что так было и в прошлом, если не абсолютно всегда, то в большинстве случаев, что не случайно всех нас объединяла «Великая Русь», и что это объединение началось не со вчерашнего дня. Это главное, над чем мы сами должны подумать и разработать исследовательским путем. Я поддерживаю тех, кто стоит за научно-исследовательскую работу, хотя не отрицаю полезность и коллективных работ. Но ведь исследовать можно только нечто конкретное и определенное. Мы должны в своей тематике ближе подойти к вопросам, которые выдвинула наша современная жизнь. На первом месте сейчас должна стоять история народов нашего Союза. Сейчас у всех народов есть все возможности к тому, чтобы беспрепятственно развивать и изучать свою культуру. Мы должны разобраться, когда и как вошли эти народы в состав Руси, что они нашли в ней положительного и отрицательного, что заставило их вместе с русским народом выступить против самодержавия последних царей и в то же время держаться за связь с русским народом. Мы должны сказать обо всем этом правду, без всяких скидок в пользу тех или других тенденций.

Мы должны показать, как строилось наше государство, какова его роль в жизни народа. Эта задача не легкая и не лишняя, особенно если и сейчас есть по этому предмету сомнения и разногласия. Какие переживало оно тяжелые моменты, грозившие ему разрушением? Мы должны уяснить это и показать миру наше место во всемирной истории. А оно было определено уже в докиевский и особенно в киевский период нашей истории. В ответ на клевету наших врагов, пытавшихся утверждать, что Москва не имеет с Киевом никакой связи, что она является всегдашним врагом Украины, нам важно именно сейчас определить, что такое Киевская Русь, чем мы ей обязаны, какое значение она имеет в истории нашей страны. Известно, например, что Грушевский враждебно относился к Москве, но он как историк не отрывал Украины от Руси. Он написал «Историю Украины — Руси». Галицкие князья называют себя князьями Малой Руси. Новгород — тоже Русь. Так его называет и Константин Багрянородный [46].

Не отказывался от принадлежности к Руси и сам Новгород. Князья киевские только тогда говорят о себе, что они владеют всей Русью, когда под их властью находится и Новгород, и северо-восточная Русь. Ярослав Мудрый только тогда считал себя «самовластцем русской земли», когда в руках у него оказалось возвращенное от Польши Западное Побужье, когда он получил Приазовье и Тмуторокань, овладел Новгородом и Волжско-Окской землей. Вот это и есть Великая Русь и территориально. Но Великая Русь — это не только территория, это — русский, в широком смысле слова, народ. Отсюда идет и Русь Малая, и Русь Червонная, и Русь Белая, и Русь Черная, и та Русь, за которой остался позднее термин «Великая». Кто заставлял каракалпаков или черных клобуков (так назывались кочевники, осевшие на Киевской Руси) влиться в Великую Русь и говорить киевскому князю: «Мы... умираем за Русскую землю и головы свои складываем за твою честь»? На каком основании киевские князья называли их «своими», тем более, близкими? Каким путем на русской земле образовались бесчисленные поселения, своими названиями говорящие о своем происхождении (Печенеги, Печеники, Торчин, Торчак, Малое и Великое Половецкое, Берендичев — сейчас Бердичев — и др.)? От Карпат до Оки тянется широкая полоса этих живых свидетелей достигнутой солидарности Руси с народами Востока.

Действительно, Великая Русь объединяла эти народы, и не насильно. Азиатские кочевники пришли к нам врагами, но много их добровольно

осталось на Руси в качестве друзей и стали «своими». В начале XI в. немецкого епископа удивило, что в Киеве несметная сила народа, состоящая главным образом из беглых (рабов и крепостных), стекающихся сюда со всех сторон. Очевидно, Русь чем-то умела их привлекать. И это не новость. В VI в. Прокопий Кесарийский [47] отмечал то же самое: угнетенные массы Восточной Римской империи большими толпами убегали к варварам (в данном случае имеются в виду славяне). Чтобы скрыться от родной земли, каждый из них охотно менял ее на любую чужую, как будто бы их земля была захвачена врагами. Врагом их был рабовладельческий строй, от которого массы римского народа бежали на Западе к германцам, на Востоке — к славянам.

Чем объяснить радикальный переворот в общественном строе Византии, которая в VIII в. совершенно перестроилась на славянский лад, как не сочувствием угнетенной массы восточно-римского народа славянскому нерабовладельческому строю? Эта масса обездоленных рабовладельческим Римом людей связала свою судьбу со славянами, потому что славяне несли римскому обществу освобождение от рабства и показали новый путь к жизни. Угнетенные массы Римской империи у славян находили более справедливый и, как показала история, более прогрессивный общественный строй: в это время у славян в основе производства лежал труд свободных крестьян-общинников (наличия патриархального рабства никто не отрицает). Совершенно то же, что западно-римские угнетенные массы находили у западных варваров, а у этих последних сами основоположники марксизма совершенно недвусмысленно отмечали отсутствие рабовладельческой формации. В этом — великий смысл перехода от древних веков к средним. Варвары, то есть новые люди, не знавшие рабовладельческой формации, по выражению т. Сталина, «объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим». Именно после этого и вследствие этого человечество сделало огромный шаг вперед.

Как будто бы тут все продумано и ясно. Ясно, но, оказывается, не для всех. Б. И. Сыромятников прошлый раз снова поднял вопрос, казалось бы, уже решенный. Он хочет и старается доказать, что в то время, когда Европа вступила в новую и прогрессивную фазу своего развития, в это же самое время самое большое славянское государство — государство русское — топталось на задворках истории, до XIV в. пребывая в рабской формации, давно уже ликвидированной в Европе. Может быть, действительно, судьба была столь немилостива к славянам. Нет, тут дело совсем не в судьбе. Б. И. Сыромятников не может привести в защиту своей теории ни одного убедительного факта. Да их и нет. Он оперировал здесь отдельными цитатами из классиков марксизма. Я не собираюсь повторять полемику со своим противником, имевшую место несколько лет тому назад. Мне сейчас хотелось бы остановиться на ошибках Б. И. Сыромятникова, которые он допустил в толковании основных тезисов марксистской теории. В. И. Ленин начал свою знаменитую лекцию «О государстве» ссылкой на труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и подчеркнул, что «это — одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала... Напоминаю об этой книге,— говорит В. И.,— потому, что она дает правильный подход к вопросу» [48] (речь идет о государстве). Ясно, что Ленин не собирался расходиться по этому вопросу с Энгельсом. А у Энгельса сказано ясно: «Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следует крепостничество в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации» [49].

В. И. Ленин от этого принципа не собирался отходить и не отошел. Не отошел от него и «Краткий курс истории ВКП(б)». Только Б. И. Сыромятников не успел дочитать до конца изложение этих мыслей; он не сказал нам, что курс, перечисляя общественные формации, имел в виду не отдельные народы, а историю человечества. Об этом совершенно ясно там говорится

на с. 122: «Такова картина развития производственных отношений людей на протяжении истории человечества». И на с. 118: «Вот схематическая картина развития производительных сил от древних времен до наших дней». В других местах книги тоже об этом говорится. Не отошел от этого принципа и И. В. Сталин. Если бы он допускал мысль, что каждый народ переживает все известные формы общественных отношений, он бы не говорил о Киргизии, Башкирии и Северном Кавказе, что эти народы еще в начале XIX в. переживали «полупатриархальный, полуфеодальный быт», он не подписался бы под запиской Кирова и Жданова, где в обращении к историкам Руси выставлено требование отделить феодальный период от дофеодального (о рабовладельческой формации тут не говорится). Напомню здесь всем нам памятные его же слова: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостную форму эксплуатации трудящихся». Это ведь те же мысли, которые мы видели и у Энгельса и у Ленина. Речь идет не об отдельных обществах, а об истории человечества.

Я позволю себе сделать общее замечание, что Б. И. Сыромятников с классиками марксизма обращается произвольно, чего вообще делать не следует, а в данном случае его выводы направлены против славянства и русского народа. Русский народ на рубеже древнего рабовладельческого и феодального средневекового периода истории выступил очень активно, плодотворно участвовал в перестройке общественной и политической жизни Европы и совсем не плелся в хвосте общечеловеческого исторического процесса. Глубоко продумал эту проблему Маркс и ярко выразил ее, указав, что только два крупнейшие нерабовладельческие государства имели решающее значение в истории средневековой Европы: империя Карла Великого — в Западной, империя Рюриковичей — в Восточной Европе.

Личные вопросы я оставляю в стороне. Хочу только сказать, что в операции, перед этой аудиторий проделанной с моей книгой Б. И. Сыромятниковым, не было ни одной не искаженной моей мысли. За сказанное я отвечаю полностью. С каким ироническим жестом обратился Борис Иванович к аудитории, указав, что авторы учебника по истории СССР признают рабовладельческий строй в Урарту! Он не ошибся. Мы действительно признаем, что некоторые древнейшие народы нашей страны застали рабовладельческую эпоху, жили в ней и многие из них пережили рабовладельческую формацию, в том числе и Урарту. Жест Бориса Ивановича так же мало убедителен, как и его слова. Ни великороссы, ни украинороссы, ни белорусы никогда не забывали своего родства с Киевской Русью, хотя некоторым историкам и хотелось отрезать Великороссию от Киевского государства.

Именно в наше время поэтому необходимо подчеркнуть и напомнить наше родство, наше стародавнее единство, создавшее наше государство и наш оплот в настоящее время. Нам очень невредно вспомнить яркие слова Ярослава Мудрого: будьте в любви между собой, а если будете жить, ненавидя друг друга, то погибнете сами и погубите землю своих отцов и дедов, созданную великими трудами. Это предупреждение, как известно, не помогло. Крупные феодалы расчленили Русь, свои классовые интересы поставили выше интересов всего народа. Не будь этого расчленения, татары не одолели бы Русь. Европа, которую с Востока защищала Русь, поспешила воспользоваться ее бедствием и оторвать кусок ее окровавленного тела. Немцы, шведы, Папа сговариваются захватить единственный уголок Руси, которого не смогли потоптать татарские кони. Немецкие крестоносцы идут вместе с татарским ханом против Руси. Но даже раненая Русь оказалась сильнее этих хищников, она сумела себя защитить. Враг подбирался с другой стороны. Огромная часть Руси оказалась в руках литовцев и Польши. Литва подчинилась более высокой русской культуре. Польская шляхта успела перетянуть на свою сторону землевладельческую верхушку Руси и поспешила заявить, что после этого Русь уже не существует, нет больше Руси, остались только мужики и попы. Но эти мужики и попы и оказались

настоящей подлинной Русью. Они не изменили своей национальности. В наши дни разрешается окончательно эта большая историческая проблема, и Русь снова объединяется, конечно, на другой базе, с учетом пережитого, с учетом приобретенного за время раздельного ее существования. Объединяются народы, родственные по единству происхождения и культуре. Но мне кажется, что и сейчас не мешает помнить слова Ярослава — «имейте в себе любовь», чтобы не погубить своей земли.

История русского народа — это история преодоления на пути своего развития таких препятствий, каких не знало ни одно западноевропейское государство. Перед возрождающимся из пепла русским государством стояло несколько основных задач: 1) собрать разрозненную Русь, 2) покончить с татарами, 3) защитить ее от западных соседей. Ни одна из этих задач не решалась и не могла быть решена изолированно. Почувствовав усиление Руси, Литва и татары вошли между собой в соглашение, направленное против Руси. Турецкий султан, возглавив мусульманский мир, стал большой угрозой всей Европе и прежде всего Руси. Запад очень внимательно следил за всем, что делается на Руси, и не пропускал случая поживиться за ее счет. Первая задача — самая важная и самая трудная. Разрешение ее затянулось до наших дней. Русь находила в себе силы систематически решать эти задачи. Историку есть над чем подумать и поработать.

Не секрет, что тут есть и трудные моменты. Ведь от историка требуется не только утверждение факта, но и оценки. В оценках мы и предшествующие нам поколения много грешили. «Школа Покровского» своими оценками грозила морально разоружить народ. А разве не занимались тем же и до «школы Покровского»? Конечно, на иной лад и манер. Долго уже на палитре историков лежит только две краски — белая и черная, которыми историки и пользуются усердно. А между тем жизнь многокрасочна. Партия давно призывает историков покончить с покровщиной, суть которой не только в самом Покровском и в его «школе», а и в его предшественниках. Нужно сознаться, что мы в этом направлении сделали далеко не все. Здесь раздавались опасения, как бы историки не забыли о классовой борьбе, не сошли с пути марксистско-ленинской теории. Мне кажется, что тот, кто стал на этот путь, сойти с него не захочет: не захочет возвращаться на путь беспомощного барахтанья среди моря фактов. Всякий, кто работает над исторической проблематикой, прекрасно понимает, что классовая борьба в классовом обществе никогда не прекращается, что без учета классовой борьбы нельзя понять историю народа ни внутреннюю, ни внешнюю, что борьба принимает разные формы,— это ясно. Только мне кажется, что мы не всегда правильно оцениваем факты, что у нас все еще преобладает один какой-либо цвет: то белый, то черный.

Правильно ли мы, например, делаем, когда не учитываем международный отклик на все то, что делается внутри страны? Внутренняя жизнь государства и международные отношения всегда переплетаются. Все эти вопросы гораздо сложнее и многостороннее, чем мы их часто изображаем. Может быть, и я что-нибудь недооценил или переоценил. Я, ведь, и не собирался решать здесь задачи. Мне хотелось только показать те стороны нашей работы в области моей специальности, над которыми мы все должны думать и много, много работать. Я настаиваю на необходимости глубже и серьезнее задуматься над явлениями жизни. Нельзя безнаказанно отделываться словами, сказанными даже очень авторитетными людьми в определенной обстановке и по определенному случаю. Нельзя прятаться за эти слова, подменять ими ответственную, тяжелую и в то же время благодарную работу исследования. Марксизм — не догма. Марксизм — метод. Я хочу подкрепить свою мысль вдохновенными словами «Краткого курса Истории ВКП(б)». Тут говорится: «Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит уметь обогащать эту теорию новым опытом революционного движения, уметь обогащать ее новыми положениями и выводами, уметь развивать ее и двигать вперед, не останавливаясь перед тем, чтобы, исходя из существа теории, заменить некоторые ее положения и выводы, ставшие уже устаревшими, новыми положениями и выводами, соответству-

ющими новой исторической обстановке» (с. 340). Это обращение «Краткого курса истории ВКП(б)» к историкам мы должны провести в жизнь, и чем скорее, тем лучше.

Мне хотелось бы воспользоваться этим собранием, чтобы остановиться еще на одном вопросе, над которым я и некоторые мои товарищи неоднократно думали. Кроме исследовательских работ, нужных нашей стране и вызывающих интерес за рубежом, мы должны оживить издание основных источников. Без источников не может быть науки. У нас сейчас новые источники почти не издаются, старые стали давно библиографической редкостью. Их нет даже во многих университетских библиотеках. Неслучайно «Повесть временных лет» переведена на все европейские языки. Неслучайно «Русскую правду» знает весь ученый мир. Наш долг энергичнее приняться за работу, переиздать по-новому старое, дополнить старое новым и создать монументальное собрание источников, по которым могли бы работать все желающие изучить историю нашей страны. Мы должны стать в этом отношении на уровень наиболее культурных народов мира. Мы должны сами войти в этот мир убедительно и прочно. Это будет огромным вкладом в мировую культуру, и это будет созвучно нашей великой эпохе.

Щербаков. На этом кончить сегодня?

Панкратова. Как, вообще?

Щербаков. Как, угодно еще раз собраться?

Голос. Безусловно. Есть ряд вопросов.

Аджемян. Выступления только развертываются сейчас.

Щербаков. Собираемся третий раз. Тов. Поспелов имеет слово для справки.

Поспелов. В своем выступлении проф. Яковлев мимоходом бросил замечание, что в статье какого-то авторитетного автора, посвященной Кутузову и опубликованной в «Правде», содержится 22 ошибки. Когда я попросил проф. Яковлева разъяснить, о какой статье идет речь, проф. Яковлев, к сожалению, не мог назвать фамилии этого авторитетного автора, не мог указать конкретно ни одной ошибки. Мне представляется подобное заявление, когда оратор не помнит даже фамилии автора статьи, которого он подвергает столь серьезной критике, безответственным.

Яковлев. Ничего нет удивительного, статья подписана авторитетным автором, с военным чином, фамилия которого в моей памяти, к сожалению, не удержалась. Фамилию этого автора я сегодня скажу т. Поспелову по телефону. Эта статья у меня в портфеле. Тут ничего удивительного нет, что я не помню фамилию автора. Просто не могу удержать в памяти всех авторов статей, печатавшихся в газете. Что касается ошибок, то я скажу. Статья гласит: после битв под Бородино командование русской армии немедленно собралось в Филях для того, чтобы решить — оставлять Москву или нет. Факт? Факт. Дальше, в этой же статье говорится, что когда армия Кутузова перешла через Дунай, то Наполеон с огорчением увидел, что между ним и армией Кутузова стелется водная гладь Дуная, в то время как Дунай в этом месте уже, чем Москва-река здесь, в Москве, и т. д. Вот такие недочеты и ошибки я нашел, я об этом говорил.

Щербаков: Условимся так, что т. Яковлев назовет фамилию автора статьи. На сегодня достаточно.

(Продолжение следует)

Примечания

1. На заседании 10 июня присутствовали: Аджемян, Аманжолов, Базилевич, Бахрушин, Бушуев, Васецкий, Волгин, Волин, Галкин, Генкина, Городецкий, Греков, Державин, Еголин, Ефимов, Зуева, Ковалев, Косьминский, Кружков, Кузаков, Минц, Мишакова, Морозов, Нечкина, Панкратова, Пичета, Ратнер, Рубинштейн, Сидоров, Слепов, Толстов, Удальцов, Федосеев, Хвостов, Шарова, Шамберг, Шаталин, Щербаков, Яковлев А. И., Яковлев Н. Н. (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 202—203).

2. Пыпин А. Н. (1833–1904) – литературовед, академик Петербургской АН, автор трудов по русской литературе XVIII—XIX веков.
3. Лео Г. (1799–1878) — немецкий историк, автор трудов по истории Германского государства.
4. Речь идет о «Псевдо-Маврикии» — условное название автора византийского анонимного произведения, приписываемого византийскому императору Маврикию (539—602), в котором есть сведения о быте и общественных отношениях славян.
5. Шмидт И. (1843–1901) — немецкий языковед, иностранный член-корреспондент Петербургской АН, автор «Нового карманного польско-русского и русско-польского словаря» (Лейпциг. 1873).
6. Любавский М. К. (1860–1936) – историк, академик АН СССР; труды по исторической географии, истории взаимоотношений русских и литовских княжеств.
7. Чарторыский А. (1770–1861) – польский политический деятель, после польского восстания 1830—1831 гг. в эмиграции объединял вокруг себя польские консервативно-монархические элементы; Лелевель И. (1786–1861) — польский историк и общественный деятель; требование границ 1772 г.– речь идет о границах Польши до ее первого раздела между Австрией, Россией и Пруссией.
8. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 21, с. 260.
9. Жонд народовы – центральный коллегиальный орган повстанческой власти в ходе польских восстаний 1830–1831, 1846, 1863–1864 годов.
10. «Литературное наследство» (1931–1977) — непериодические сборники статей и материалов АН СССР, посвященные деятелям русской культуры.
11. Od bialego cazatu do czerwonego. Tt. 1—5. Warszawa. 1925–1931.
12. Драницын С. Н. (р. 1879) — автор трудов по общей теории государства и права, книги «Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность». Л. 1937.
13. KUKIEL M. Dzieje Wojska polskiego w dolie napoleońskiej 1795—1815. Warszawa. 1918.
14. В Московском университете.
15. Ковалевский М. М. (1851—1916) — историк, юрист, социолог, академик Петербургской АН, труды по истории общины и родовых отношений.
16. Леон де Д. (1852–1914) — руководитель и идеолог Социалистической рабочей партии США.
17. Крестьянская война в Германии 1925—1526 гг.; тайпинское восстание крестьян в Китае 1850—1864 гг.; советские районы были образованы КП Китая в глухих сельских местностях после поражения в 1927 г. национальной революции.
18. Кавелин К. Д. (1818–1885) – историк, либеральный общественный деятель и публицист, автор одного из первых проектов отмены крепостного права в России.
19. «Вооруженный нейтралитет» – вначале 1780—1783 гг. союз России, Дании и Швеции для охраны торгового мореплавания нейтральных стран в ходе войны английских колоний в Северной Америке за независимость.
20. «Карлсбадские постановления» – решения 1819 г. о репрессивных мерах против революционного движения в Германском союзе. Подготовлены Меттернихом и приняты конференцией министров Австрии, Пруссии, Баварии, Саксонии и др., включали положения о запрещении конституций в германских государствах, отменены в 1848 году.
21. Имеется в виду провозглашение независимости Греции в ходе народно-освободительной революции 1821–1829 годов.
22. Нидерландская буржуазная революция 1566—1609 гг. сочетала антифеодальную борьбу с национально-освободительной войной против Испании. Завершилась освобождением от испанского господства северных провинций и образованием республики соединенных провинций.
23. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 23, с. 774—784.
24. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 3, с. 595.
25. Джунгарское ханство – феодальное государство ойротов в Джунгарии (часть территории современного Северо-Западного Китая).
26. «Господа ташкентцы» — сатирическая хроника М. Е.Салтыкова-Щедрина (1869—1872).
27. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 3, с. 597.
28. Крымское ханство – феодальное государство в Крыму в 1443–1783 годах. С 1475 г.– вассал Турции, в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Турция признала независимость ханства, в 1783 г. Крым был присоединен к России.
29. Репнин А. И. (1668–1726) – фельдмаршал, сподвижник Петра I, участник Северной войны; Стахиев А. С. (1724—1794) – в 1775—1781 гг.— российский посланник в Константинополе; Шагин-Гирей – последний крымский хан.

30. В 1772, 1793 и 1795 годах.
31. Очерки по истории русской армии и русского военного искусства.
32. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 20, с. 1-338.
33. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г. — Пролетарская революция, 1963, № 7, с. 171—172.
34. Платонов С. Ф. (1860 — 1933) — академик Российской АН, автор трудов по истории «Смуты» в России начала XVII в., курса лекций по русской истории.
35. Виноградов П. Г. (1854 — 1926) — русский историк, академик Российской АН, в 1902—1908 и с 1911 г. жил в Великобритании, автор трудов по аграрной истории средних веков в Англии; Савин А. Н. (1873 — 1923) — историк, профессор Московского университета, труды по истории Западной Европы средних и новых веков, истории Англии XVI века.
36. Речь идет о Центральном государственном архиве древних актов СССР в Москве.
37. Речь идет о монографии В. О. Ключевского «Древне-русские жития святых, как исторический источник» (М.— 1871).
38. Царственная книга — иллюстрированная рукопись — копия части Лицевого летописного свода, списка Никоновской летописи. Составлена в 60 — 80-х годов XVI в.; «Синопсис» (обозрение) — «Киевский синопсис» — первое учебно-историческое произведение, издано в Киеве в 1674 г., содержит сведения о происхождении и быте славян.
39. Сергий Радонежский (ок. 1321—1391) — русский религиозный и политический деятель, основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря.
40. Бек Ю. (1894 — 1944) — польский политический деятель, сторонник Ю. Пилсудского.
41. Амангельды Иманов (1873 — 1919) — член РКП(б) с 1918 г., один из руководителей средне-азиатского восстания 1916 г. и борьбы за установление советской власти в Казахстане; Брусилов А. А. (1853—1926) — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, войска которого в мае — июне 1916 г. провели удачное наступление (так называемый Брусиловский прорыв).
42. 21 июня 1944 г. Яковлев обратился с докладной запиской «О некоторых вопросах истории СССР и преподавании ее в школе» на имя Маленкова, Андреева и Щербакова, а 22 июня с письмом Щербакову с приложением справки «Неточности, недоразумения и ошибки в статье «Михаил Кутузов» (Правда, № 3933 от 31 июля 1942 г.)» с просьбой присоединить ее к протоколу совещания от 10 июня 1944 года. Фамилия автора статьи не была указана (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 2-26).
43. 7 января 1944 г. в Наркомпросе РСФСР с участием историков обсуждался вопрос о преподавании истории в средней школе.
44. «Вехи», сборник статей о русской интеллигенции» (М. 1909) был выпущен близкой к кадетам группой публицистов и философов (Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве и др.).
45. Байер Г.-Э. (1694 — 1738) — немецкий историк, филолог, член Петербургской АН, автор трудов по ориенталистике и истории древней Руси, один из основоположников «норманской теории»; Эверс И.-Ф. (1781 — 1830) — русский историк, немец по национальности, почетный член Петербургский АН, труды по истории древнерусского государства и права.
46. Константин VII Багрянородный (905 — 959) — византийский император, автор сочинений, содержащих сведения о русско-византийских отношениях X века.
47. Прокопий Кесарийский (ок. 500 — после 565) — византийский писатель-историк.
48. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 39, с. 67 — 68.
49. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 21, с. 173.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

5-6/96 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

И. И. Жилинский — Блокадный дневник (публикация **Г. В. Андреевского**) 5

СТАТЬИ

П. В. Волобуев, В. П. Булдаков — Октябрьская революция: новые подходы к изучению 28

Ю. Н. Жуков — Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 года . 39

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Д. И. Олейников — Шамиль 58

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году 77

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки (с древнейших времен до наших дней). Глава XVII (автор **Е. А. Ларин**) 107

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

А. В. Головнин — Записки для немногих 118

Выходит с 1926 года

ТОО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» МОСКВА

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году

Заседание 22 июня 1944 года [1]

Щ е р б а к о в (председательствующий). Слово имеет т. Базилевич.

Б а з и л е в и ч. Мне кажется, что в предшествующих выступлениях ясно наметились три проблемы, которые в настоящее время стоят в центре внимания нашего исторического коллектива, — это проблема колониальной политики царского правительства, проблема внешней политики царского правительства на различных этапах и веках ее развития и проблема национального развития, главным образом, национального развития русского народа. Так как по первым двум проблемам было высказано много суждений, я позволю себе остановиться на третьей проблеме — на вопросах, связанных с национальным развитием русского народа. Эта проблема не нашла еще достаточного отражения в наших выступлениях. Проблема национального развития в целом распадается на три группы вопросов. Первая группа вопросов касается происхождения тех восточнославянских племен, которые стали этнической основой в развитии русского (великорусского) народа. Вторая группа вопросов касается возникновения русской (великорусской) народности. Третья группа вопросов касается превращения русской народности в русскую нацию.

По первой группе вопросов, мне кажется, идет достаточно плодотворная работа, и тот метод, который найден в этой работе, заслуживает полного признания. В результате больших археологических обследований и раскопок начиная с 1933 г. удается восстановить основной процесс сложения славянской материальной культуры в отличие от смежных культур неславянских народностей. Этот путь, а также путь лингвистических исследований, приводит к выводу о возникновении славянской культуры. Совершенно правильно поставлена также третья проблема — об образовании русской нации, хотя сама проблема в конкретном ее выражении недостаточно изучена. Некоторые трудности возникали по второй группе вопросов, относящихся к той стадии этнического развития, которая занимает промежуточное положение между племенами и нацией. По этой группе вопросов меньше всего сделано. Мне кажется, будет вполне правильным считать, что племена путем экономического общения, а также исторической и экономической общности жизни складываются в народности, которые предшествуют образованию наций.

Ясные указания относительно национального развития были сделаны т. Сталиным на X съезде партии в 1921 г. в докладе «Очередные задачи

П р о д о л ж е н и е. См. Вопросы истории, 1996, №№ 2—4.

партии в национальном вопросе»: «И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народностей, еще не сложившихся в нацию, но уже объединенных в общее государство» [2]. Таким образом, как указал т. Сталин, «народность» предшествует «нации». Но что отличает народность от нации, какие элементы, определяющие сложение нации (общность языка, территории, экономической жизни и психологического склада), отсутствуют или недостаточно развиты у народности, — по этому вопросу сделано еще мало. Между тем с этим вопросом связаны другие вопросы, не только научные, но и политические. Например, в какой мере мы русское государство эпохи Ивана III, Ивана IV, то есть конца XV и XVI в., можем называть «национальным» русским государством? Не приходится скрывать, что на лекциях, на публичных докладах мы часто получаем записки, указывающие на то, что как будто нельзя это государство называть «национальным» государством, ибо тогда еще не было русской нации. Я думаю, что эти возражения неправильны. Обычно при этом указывают, что характеристика русского государства XV и XVI в. как национального будто бы противоречит указанию т. Сталина, что на востоке Европы, в отличие от западной, «нации не развивались здесь и не могли развиться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых, подчиненных. Таковы Австрия, Венгрия, Россия». (Из тезисов на X съезде партии) [3].

Товарищи, которые отрицают на востоке Европы существование русского национального государства, не обращают внимания на другую часть данного указания, так как речь в нем идет о многонациональном буржуазном государстве, между тем, конечно, никто русское государство конца XV и XVI ст. ие назовет буржуазным. Поэтому мне кажется неправильным, что в наших программах и учебниках после раздела, посвященного образованию русского национального государства, следует глава о превращении русского национального государства в многонациональное государство при Иване IV. Многонациональным государством при Иване IV русское государство быть не могло, оно вобрало некоторое количество народностей, однако удельный вес этих народностей в XVI и XVII ст. до присоединения Закавказья и Средней Азии был еще невелик. Я думаю, что и русское государство XVII в. нельзя назвать многонациональным, это — русское национальное государство в смысле государства русской народности, еще не сложившейся в русскую нацию. При этом термин «национальный» производится от слова «народность». Что это справедливо, мне кажется, указывают слова т. Сталина в известной беседе с Эмилем Людвигом, который назвал государство Петра I национальным государством [4]. Так что эпоха превращения русского национального государства в многонациональное должна быть отнесена к концу XVIII и началу XIX века. Вот та проблема, которая стоит перед историками русского национального развития и которая распадается на три главных части.

Теперь я коснусь нескольких общих вопросов. Наша задача состоит в том, чтобы в наших выступлениях дать верное отображение положения в области исторической науки, не преувеличивая своих заслуг, но и не перегибая палку в другую сторону. Между тем я считаю, что в выступлениях некоторых товарищей палка была сильно перегнута в отрицательную сторону. Создается впечатление, что историки за 5—6 лет ничего не сделали. Задают вопрос, с чем мы выйдем на арену международной научной жизни, у нас нет научных достижений, а что сделали, то плохо. Это неверно. Сделано недостаточно, и есть очень много крупных недостатков, но сделано, безусловно, много. Стоит только сравнить положение с преподаванием исторических курсов лет 6—7 тому назад и нынче, состояние этого дела в наших вузах и курсах.

Нас обыкновенно упрекают, что нет монографий, но мне кажется, что судить об исследовательской работе нужно не по печатной литературе, а по

фактически исполненной работе. Достаточно сказать, что в архиве Института истории Академии наук лежит не напечатанных 700 печатных листов, составляющих 40 исследовательских работ. Пусть они будут не все одинаковой ценности, может быть, даже некоторые устарели, но все же значительный процент этих работ заслуживает внимания и издания. Мы затруднены полиграфической базой, в особенности в условиях войны, но, к сожалению, и тем небольшим полиграфическим фондом, которым мы располагаем, мы пользуемся чрезвычайно неумело. Мы не можем напечатать не только крупную работу, но и выводы из исследований. Между тем две специальных работы, рассчитанные на очень узкий круг читателей, появляются в большом тираже. Я не буду касаться недостатков и достоинств работы А. И. Яковлева, едва ли целесообразно эту работу размером в 50 печатных листов издавать в 4 тыс. экземпляров. Это — небрежное расходование бумаги. Не лучше ли было бы выпустить ее в 400—500 экземплярах и издать еще несколько книг, в которых мы так нуждаемся. Исследовательская работа, несомненно, ведется, но ведется ни в таких темпах, в каких следовало бы ее вести, и в этой работе мы достигли не тех результатов, которых хотелось бы достигнуть.

Главным нашим методологическим недостатком, в котором чувствуется отдаленное влияние все той же «школы Покровского», является узкий схематизм, вульгаризация, отсутствие правильного усвоения положений диалектического и исторического материализма. Часто товарищи вместо того, чтобы то или иное верное положение превратить в исследование во всем многообразии проявлений исторической действительности, превращают это верное положение в схему, напитывая его известным количеством отобранных фактов. Отсюда броски из одной стороны в другую, чрезвычайно резкие переломы у отдельных товарищей в трактовке тех или других событий, и ненужные переломы, не отвечающие существу дела. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

В последнее время нами был заново пересмотрен вопрос об Иване Грозном. Только в советской литературе Иван Грозный получил правильное освещение: это крупный государственный деятель, ему принадлежит большая заслуга в борьбе за государственное единство, за разрешение тех исторических задач, которые стояли перед русским народом. Но во что превращен Иван Грозный? Он совершенно лишен исторических перспектив. Если бы товарища, который собрал только одни положительные качества Ивана Грозного, попросить написать другой исторический образ, например, Петра Великого, то он, вероятно, написал бы примерно то же, что написал об Иване Грозном. Это — искажение исторической перспективы. И особенно старается здесь популярная и художественно-историческая литература, которая часто не считается с выводами исторической науки. Возьмем пример крестьянских восстаний. Мы имеем ясные, точные указания в работах классиков марксизма о характере, роли и значении крестьянских восстаний, но значит ли это, что все крестьянские восстания нужно равнять под одну гребенку, что восстание в начале XVII в. под руководством Болотникова, движение Разина в конце этого столетия, Пугачева в XVIII в. не имеют никаких различий между собой ни по характеру, ни по результатам? А у нас стирают всякое своеобразие исторической действительности. Можно привести еще примеры, но я ограничусь одним.

Большой заслугой нашей историографии за последнее время является то, что она поставила русскую историческую науку на должное место среди европейских наук. Мы правильно считаем, что наша историческая наука развивалась в основном самостоятельно, но это правильное положение превращают в неправильное положение, когда хотят изолировать русскую историческую науку от общего движения мировой исторической мысли и почему-то считают оскорбительным говорить о влиянии того или иного иностранного ученого на того или иного русского ученого. Я приведу пример из истории XVIII века. Миллер и Шлёцер — да, они были немцы, но они были крупными историками. Кто же будет отрицать, что в исторической науке они занимали одно из первых мест? Шлёцеру принадлежит

блестящая критика источников. Значит ли это, что мы оскорбим наше национальное чувство или будем несправедливы, если скажем, что Шлёцер оказал влияние на русскую историческую науку? По-нашему, совершенно не значит. По-моему, является положительным, что русская историческая наука развивалась в тесной связи с передовой западной мыслью. Ведь мы же не умоляем значение Гёте в литературе; смешно было бы говорить, что Лейбниц ничего не сделал в математике.

Теперь я позволю коснуться еще одного вопроса — о состоянии наших исторических знаний в широких массах нашего населения. Можно сказать, что в этой области сделано чрезвычайно много. Лекция на историческую тему, которая бы удовлетворила широкую аудиторию лет шесть-семь тому назад, теперь не удовлетворит. Аудитория требует более глубокого знания. Но наряду с этим положительным явлением все же значительная часть нашей интеллигенции не знает историю и, к сожалению, не знают даже квалифицированные люди. Это та часть, которая училась в средней школе между 1919—1932 г., когда не было еще постановления партии и правительства о преподавании гражданской истории, то есть проходили по схеме Покровского. Недавно происходили вступительные экзамены в Высшую дипломатическую школу. Явились люди, закончившие высшие учебные заведения. Но ответы некоторых товарищей поистине поразительны. На вопрос, кто такой Папа Римский, последовал ответ: отец римского императора. На вопрос, когда жила Екатерина, последовал ответ: в XIII столетии. Значит, до монголо-татарского нашествия? Вероятно, да. Кто такой был Карл Маркс? Последовал ответ: диалектик. Подробнее — француз. Когда он жил? В XVII столетии. На вопрос, что такое утопический социализм, последовал ответ: это буржуазное направление, представители которого хотели утопить социализм. Кто такой Наполеон? Французский царь. А что было после Наполеона? Пришли ремесленники к власти. Как, ремесленники? Ну да, бурбоны. Таких примеров можно привести много. Они являются некоторым отражением подготовки в историческом вопросе нашего студенчества технических вузов, которые прошли историю сравнительно давно. Упрек заслуживает и современное преподавание в школах. Мы даже в специальные учебные заведения получаем недостаточно подготовленных историков. На первом курсе очень трудно читать общий курс истории, потому что элементарных знаний у слушателей недостаточно. Это также существенный изъян в области состояния исторических знаний, изъян, на который следует обратить серьезное внимание.

Последнее, на чем я хочу остановиться, это дать ответ проф. Сыромятникову, который указал на мою статью о Петре Великом, напечатанную в «Большевике» за 1943 г., № 17. Он назвал использованный мною текст «Табели о рангах» 1722 г. недобросовестным отношением к источникам. «Табель о рангах» взята мною из сборника законодательных памятников Петра Великого, изданного крупнейшим специалистом по эпохе Петра акад. Богословским [5], которого проф. Сыромятников изругал в своей книге, но забыл упомянуть основную его работу. Текст, опубликованный Богословским, несколько расходится с текстом Свода законов, но расхождения не имеют существенного значения. Кроме того, проф. Сыромятникову, очевидно, не известны, кроме текста Свода законов, другие документальные источники, касающиеся расположения чинов административной военной системы. Тогда бы он убедился, что чины, указанные в тексте, опубликованном Богословским, это не чины XIX в., а чины XVIII в., хотя порядок их в течение царствования Петра Первого изменялся.

Щ е р б а к о в. Слово имеет т. Тарле.

Т а р л е. Я, к величайшему своему прискорбию, не был в начале заседаний на совещании. Меня это приглашение застало на персидской границе в Ереване. Но я очень рад, что подоспел к концу. Самый созыв мне представляется в высшей степени отрадным фактором. Этот призыв исходит из учреждения, которое время от времени принуждено выступать, чтобы указать исторической общественности на те, часто совершенно вопиющие, уклоны и заблуждения, в которые историческая общественность

впадает. Вот это вмешательство всякий раз и толкает нас вперед. Так было в 1934 г.: выступление тт. Сталина, Жданова и Кирова, выступление ЦК. Уже то обстоятельство, что они должны были выступить, показывает, насколько ненормально было положение дел на историческом фронте. Я не сказал бы, что мы, историки, ничего не сделали или мало сделали. Упрекают, что монографий мало. Но я согласен с т. Базилевичем, что много не печатается. Конечно, пишется тоже мало, но не в этом только дело. Дело в другом. Дело в том, что еще не совсем изжита, к сожалению, та, в высшей степени вирулентная, ядовитая культура, которая была насаждена «школой Покровского». Это не совсем изжито.

Советская историческая общественность должна знать, что от нее требуют партия и широчайшие круги советского народа, чтобы прежде всего наука двигалась вперед. До тех пор, пока советская наука вполне не освободится от печальных пережитков этой «школы», мы не отделаемся от больших тормозов, мешающих движению науки. Мне кажется, человек, который берется за монографическое исследование, обязан толкнуть, хотя бы немножко, науку вперед, и выявлять новые факты без оглядки на то, что было сказано 95 лет тому назад, то есть без предвзятого стремления подогнать фактическое содержание к тому фактическому изложению, которое было уместно и понятно сто лет назад. Будем следовать теории, будем следовать методам, но будем стараться обогащать науку новым фактическим содержанием, добываемым упорной нашей собственной исследовательской работой. Сейчас на историческом фронте дело обстоит лучше, конечно, 1934 год в данном случае — это был год в полном смысле слова раскрепощения исследовательской работы. Нужно продолжать в этом же духе. Я это веду к тому, чтобы показать, почему такое отрадное впечатление производит нынешний созыв, нынешний свободный обмен мнений.

Я хочу остановиться, если мне позволят, на некоторых частных вопросах, касающихся моих работ, и, если время позволит, я перейду к некоторым вопросам общего характера, которыми мне хотелось бы поделиться. Тут я буду очень немногословен. Мне это дело облегчила и сама природа «критики», которая была представлена здесь. Тов. Сидоров заявил, что я, говоря о Крымской войне, боюсь сказать, что царизм был виновником поражений этой войны. Я не боюсь этого сказать о царизме, а т. Сидоров боится сказать правду и предпочитает сказать неправду. Вы позвольте мне прочитать те строки, взятые как раз с той страницы, на которую ссылается т. Сидоров. Он, впрочем, даже и не претендует на то, что прочитал мою книгу. Если бы он ее действительно прочитал, то увидел бы, что в книге буквально 25 раз, если не больше, говорится, что царизм проиграл войну, а русский народ ее старался героически выдерживать. Я привел много фактических примеров, в литературе не бывших, на которых я доказывал это.

Я не претендую на то, чтобы т. Сидоров прочитал книгу, но я бы хотел, чтобы он прочитал хоть ту страницу, на которую он ссылается, чтобы он ее прочитал до конца. Он говорит, что я боюсь сказать, кто проиграл войну. Вот смотрите, что я пишу по этому поводу: «Ведь когда мы знакомимся с подвигами героев Крымской войны, мы ни на минуту не должны забывать о безобразной отсталости как в технике, так и в военной подготовке командного и рядового состава, ни об общем слабом промышленном развитии страны, ни о невозможном состоянии путей сообщения... Крепостной уклад со всеми губительными социально-экономическими последствиями, гнет николаевского режима, так страшно усилившийся именно в 1848—1855 г.,— все это ослабляло военный потенциал России». Теперь далее: «У большинства тогдашних образованных слоев русского общества стало быстро нарастать давно накопившееся чувство возмущения и негодования против самодержавия и николаевщины».

Я знакомился еще с выступлением т. Панкратовой. Ошибка т. Панкратовой в том, что она взяла какую-то неправленную стенограмму или запись и какие-то нелепости, которые она вычитала в ней, приписала мне. Для того, чтобы не уклоняться, чтобы покончить с этим вопросом, я на

этом остановлюсь. По существу т. Панкратова отвергает, что фактором, который тоже способствовал русскому народу в сопротивлении, являются пространства. Она полемизирует против того, что я с этой точки зрения признаю положительным фактором, что Россия большая, а не маленькая. Ошибка Панкратовой в том, что я никогда не говорил, что это единственный фактор. Я выступал в Саратове, и это высказывание не вызвало никаких недоуменных вопросов, а там сидели люди квалифицированные, квалификация коих не уступает ни моей квалификации, ни квалификации проф. Панкратовой.

Я сказал, что героический дух русского народа, наследственно передаваемый, способность к организации, веками доказанная, и другие человеческие факторы должны быть поставлены в центре, а одним из второстепенных факторов, который тоже, безусловно, помогал делу сопротивления, являются бескрайные пространства нашей страны. И повторяю это, и повторяю снова, что Московия, например, не могла бы придти к победе в таких темпах, так отстоять себя, как отстояла себя сталинская Россия, нынешний сталинский Советский Союз, хотя, конечно, главным фактором победы сталинской России было не пространство, а другие факторы. Но не признавать вовсе значения фактора пространства — этого азбучного факта военно-политической истории — нельзя. Вот главное, что я хотел сказать.

Прибавлю еще относительно того, что когда говорю, что великий колосс не пал после Крымской войны, я под этим понимал русский народ, конечно, не самодержавие. Не пал и даже не покачнулся. В этом смысле я, в сущности, даю объяснение цитируемых мною же строк Некрасова, где я касался того, что народ «не шатнулся до конца», как выразился поэт. Вот, больше возражений никаких не было. Я считал своим долгом высказать это. Теперь, если Александр Сергеевич мне разрешит остаться на трибуне, если я не исчерпал своего времени, я хочу остановиться еще на некоторых вопросах.

Щербаков. Временем Вы располагаете.

Тарле. Я бы хотел поделиться некоторыми своими соображениями с товарищами. Я вникал, что имеется в виду теми, кто нас созвал, что им желательно узнать от нас. Им желательно узнать, что мы делаем и как укладываемся в ту огромную работу, которую Россия сейчас проводит, над какими темами мы должны работать.

Я хочу поделиться соображениями о немногих из этих тем. Мы тут говорили о пространствах. Нами в этой области (то есть в изучении истории территории) до сих пор почти ничего не сделано, если не считать очень и очень немногих монографий старой литературы, монографий устаревших и не совсем, с нашей точки зрения, интересных. Не выяснена история территорий Советского Союза. Это — одна из самых трудных тем. Ведь когда мы имеем в виду Россию, мы должны ее сравнивать с антицедентами великих государств, а Римская империя, например, была таким антицедентом. Это тоже не сделано — у науки нет точного установления роста Римской империи. Тогда историческим материалом была какая-то средневековая карта (Петингера), которая относится к последним векам Римской империи, еще один-два источника — и обчелся. У нас источников больше. Эта задача мне представляется не сделанной вообще, для истории территорий России это нужная вещь — фактическое обследование исторического материала, дающего понятие о том, как к России постепенно присоединяется то или иное государство, когда это было, какое положение было и т. д.

Скажу и о другой теме. Относительно истории дипломатии. Несколько лет тому назад одно за другим последовали два предложения, два сигнала, идущие с верхов партии, о том, что почти ничего не сделано по истории дипломатии, что советская общественность обезоружена в этих вопросах и что обезоружение в этих вопросах принесет не только научный, но и политический вред. Последовали два сигнала — первый, когда я имел великую честь принадлежать к одной критической группе, от которой требовали произвести очень серьезную критическую работу над кое-чем уже готовым. Второй сигнал, когда затем нам поручили писать историю дип-

ломатии, мы кое-что сделали, худо ли, хорошо ли, но ведь то, что мы написали, — это только наметка того, что еще нужно сделать.

Сейчас требования идут настойчивее, требования создать дипломатическое преподавание: «Открывайте факультет международных сношений» — «Принято столько-то» — «Примите еще»! Нужны люди, советская власть требует. Нужны подготовленные исторически дипломаты, а без знания истории нет хорошего дипломата, это наскоро не приобретается. Я преподаю в дипломатической школе при НКИД, состою заведующим кафедрой международных отношений в университете. Я ссылаюсь на товарищей, которые вместе со мной преподают. В чем затруднения наши? Мы не знаем, что дать читать нашим слушателям. Ведь дело доходило до анекдотических случаев с людьми, кончившими юридический факультет. Человек приходит экзаменоваться в дипломатическую школу и говорит, что Екатерина была перед нашествием татар. Он не виноват в этом — его так учили. Вернее, его совсем не учили. Он был на факультете в эпоху торжества «школы Покровского». Вот возьмите всю эту молодежь, которая жаждет знаний, что мы можем ей дать? Вот в этом смысле нужно писать и писать на темы по истории дипломатии.

Я поделюсь своими некоторыми впечатлениями. С одной стороны, от нас требуют, чтобы мы знали, что мы будем делать. Дана двухтомная программа — я говорю об «Истории дипломатии». Но это только программа. Там по каждой странице нужно писать исследования, потому что затрагиваются вопросы, по которым ничего нет. С другой стороны, тоже скажу, что это отсутствие научной литературы приносит гнетущий, прямо злободневный вред. Скажу одно — я имею честь принимать участие в одной комиссии. Эта комиссия занимается совсем злободневными и очень сейчас срочными делами, но кто туда втаскивает исторический материал? Вы можете подумать, что это делаю я как историк? Ничего подобного. От меня требуют в спешном порядке дать материал по ряду вопросов, например, насчет Белоруссии, насчет Севастополя, насчет Очакова и т. д. Это злободневное, нужное дело, а сколько таких вопросов? Есть вопросы, на которые я могу ответить, а сколько вопросов, на которые я не могу отвечать, на которые должен был бы отвечать тот или другой исторический коллектив! Я не сторонник того, чтобы громить особенно товарищей или впадать в особый пафос, указывать, что ничего не сделано. Сделано и делается, часто в трудных условиях.

Мы, ленинградские историки, затеяли писать историю Ленинграда, а две трети сотрудников выбыли — убиты непосредственно на фронте или заморены голодом финнами и т. д., их нет. Наш Ленинградский институт [6] имеет какие-то жалкие остатки в смысле количественном. В этих условиях очень трудно сразу же делать много. Нужна правильная тематика, первоочередность задач должна быть установлена. Нет этого в достаточном количестве, это, во-первых, а во-вторых, требуется установка того, к чему нас призывают, направление. Власть говорит нам: работайте, имейте в виду только историческую правду и пишите. Так нам говорят в ЦК. Пишите, стремясь к правде. Вы знаете гораздо больше того, что знали предшественники. Фрэнсис Бекон недаром говорил, что самое последнее поколение всегда самое умное, оно знает то, что знали предшественники и плюс то, чего не знали предшественники. Мне представляется в данном случае, что очень хорошо, что нас призвали и что мы делимся с людьми власти нашими соображениями. Все это необходимо. Историческая наука у нас всегда от этого только выигрывала. Позвольте на этом кончить.

Щербаков. Слово имеет т. Толстов.

Толстов. Одним из разделов нашей исторической науки, который особенно много обязан указаниям, в свое время сделанным тт. Сталиным, Кировым и Ждановым в их замечаниях на конспект учебника истории СССР, является история народов, составляющих наш Союз. Здесь я должен присоединиться к предшествующим товарищам. Мы действительно можем похвалиться значительными успехами. За последнее десятилетие подняты и разрабатываются большие пласты истории народов, до того времени

почти совершенно не затронутые или в крайне недостаточной степени затронутые историческим исследованием. Развернута большая работа на местах, в Закавказье, в Средней Азии и в других частях Советского Союза. Отечественная война и сопровождающий ее грандиозный патриотический подъем среди всех народов СССР явились новым могучим толчком к развитию исторической науки в этом разделе, создав законное, естественное стремление как среди русского народа, так и среди других братских народов Советского Союза выявить свое прошлое, сделать достоянием широких масс великие культурные достижения своих предков, их вклад в мировую культуру, показать героические боевые традиции каждого из народов Советского Союза, так героически защищающих сейчас нашу Родину от подлого и жестокого врага, покусившегося на ее свободу и независимость.

Эта большая работа была бы еще лучше, еще успешней, если бы в ее организации, в ее ходе не был допущен ряд крупных погрешностей и недостатков. Основной погрешностью в развертывании этой работы считаю разобщенность этой работы, отсутствие единого руководящего центра. Разработка истории отдельных народов ведется изолированно, вне общей исторической связи, вне всемирно-исторических связей каждого народа в его развитии, вне, в первую очередь, достаточно полного учета связей между историями отдельных народов нашей Родины. Это сопровождается другим явлением, которое выявилось в отдельных выступлениях и на текущем нашем совещании в отношении освещения некоторых вопросов истории русского народа (Аджемян, Яковлев). Дело в том, что руководимые совершенно естественным и законным стремлением выявить лучшее в традициях каждого народа, некоторые наши историки иногда подменяют подлинную историю односторонне-тенденциозным освещением исторического прошлого данного народа, показом только положительных, исторически прогрессивных, созвучных нашей эпохе страниц его истории, оторванных от теневых, мрачных, реакционных ее сторон. В результате этого весь процесс оказывается искаженным. А так как работа над историческим прошлым каждого народа ведется изолированно, мы в ряде случаев имеем резкое расхождение между историками отдельных республик в оценке тех или иных вопросов истории народов нашей родины.

Я хочу привести две работы, посвященные истории наших среднеазиатских республик. Одна из них — «История Казахстана» — уже фигурировала на предшествующих заседаниях. Другая, посвященная истории таджикского народа, еще не упоминалась. Это — книга тт. Гафурова и Прохорова «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость» [7], вышедшая в Сталинабаде в 1944 году. Эта работа базируется на серьезной проработке источников и литературы, на большом количестве мало известного широкому читателю материала. Авторы руководствовались, несомненно, самыми хорошими намерениями, но благодаря указанным мною двум основным недочетам в организации нашей работы по истории народов в этой книге мы найдем целый ряд мест, которые не могут не вызвать возражений. Я отмечу прежде всего следующее. На протяжении всей книги, вернее, первой ее части (до XIX в.), мы имеем сознательное стремление вычленить историю Таджикистана из истории всех остальных народов Средней Азии. Авторы считают это принципиально необходимым, подчеркивая это в предисловии (стр. 1).

Между тем мы знаем, что и в древний период, и в средние века история таджикского народа и других народов Средней Азии, особенно узбекского народа, настолько тесно связаны между собой, что практически разделить их невозможно. Что же мы имеем в итоге? Вся древняя история Средней Азии, история Согда, история Сыр-Дарьинских областей, даже история Хорезма, никогда ничего общего не имевшая с историей Таджикистана, объявляются безоговорочно историей предков только таджикского народа. Мы знаем, что таджикский народ является законным наследником великих культурных традиций древней Средней Азии, но не он один. Это наследство делит с ним в первую очередь узбекский народ, основной этнографический массив которого, как известно, составили древние согдийцы (другая часть

которых влилась в состав таджиков) и хорезмийцы, ассимилировавшиеся с представителями разнообразных тюркских племен, на протяжении более чем полутора тысячелетий оседавших в оазисах и городах Мавераннахра, Сыр-Дарьи и Хорезма.

Идя дальше, мы встречаемся в разбираемой книге с весьма характерной концепцией взаимоотношения тюркских и иранских элементов в истории Средней Азии. Тюркские элементы на протяжении всей книги последовательно, без всяких исключений, рисуются как носители разбоя, угнетения, порабощения и реакции (стр. 85, 92—103 и др.) и, наоборот, иранские элементы совершенно безоговорочно и также последовательно рисуются как носители культуры и прогресса. Возьмем Саманидское государство, которое в истории Средней Азии и всего Востока имело огромное значение. Авторы совершенно правы, когда ярко рисуют те большие культурные и исторические заслуги, которые принадлежат этому ранне-феодальному среднеазиатскому государству. Но авторы идут дальше.

Они не раскрывают превращения этого государства в реакционную, тормозящую общественное развитие силу, не видят, что падение этого государства предопределено ходом исторического развития, переходом феодального строя на новую историческую ступень. Причины недовольства саманидским режимом среди народных масс сводятся почти исключительно к засилью тюркских гвардейцев саманидских правителей (стр. 87). Вот как авторы рисуют падение саманидов: «Период блестящего культурного расцвета Саманидского государства был оборван новым грабительским вторжением чужеземных захватчиков» (стр. 85). Имеются в виду караханидские тюрки, сыгравшие большую роль в истории формирования узбекского народа, но авторы не указывают на то, что эти чужеземные захватчики опирались на городские и крестьянские движения в Мавераннахре, направленные против саманидов, что ни одна рука не поднялась в Мавераннахре в защиту изжившего себя саманидского режима. Авторы пытаются объяснить бессилие саманидов в борьбе за власть лишь изменой феодалов и тех же тюркских гвардейцев (стр. 88).

Можно было бы привести много таких примеров. В этой книге замалчивается всякое участие тюркских элементов в культурном строительстве Средней Азии. Не показано, что в VI в. во главе с тюрком Абруем и в VIII в. во главе с Муканной тюрки и согдийцы Мавераннахра рука об руку боролись с иноземными захватчиками. В книге не показано, что по крайней мере с VI в., на что имеются прямые документальные свидетельства, а фактически значительно раньше, мы можем говорить о процессах слияния тюркских кочевников с иранским оседлым населением в Мавераннахре. Если посмотреть внимательно эту книгу, мы встретимся с целым рядом других погрешностей, иногда мелких, иногда крупных, но идущих по той же линии.

Приведу в качестве примера даваемое в книге объяснение происхождения названия «таджик» (стр. 6—7). Этот вопрос в исторической науке давно решен и, в сущности, вопроса-то никакого нет, потому что всякий специалист знает, что в VII—VIII вв. это слово (каково бы ни было его первоначальное значение) было наименованием арабов в языке населения Ирана, Армении, Средней и Центральной Азии и Китая и лишь впоследствии было перенесено на все мусульманское население. Это подтверждается многочисленными документами. Авторы же приводят совершенно «дикую» этимологию, утверждая, что слово «таджик» происходит от слова «тадж», что означает «корона», откуда якобы слово «таджик» означает: «человек, носящий корону» (стр. 6, прим. 3). Фантастическая теория, ничего абсолютно за собой не имеющая и находящаяся в полном противоречии с известными каждому востоковеду фактами. Дальнейшее изложение отражает те же тенденции: узбеки XVI ст. рисуются исключительно как угнетатели и разбойники (стр. 137—139 и др.). Их роль в историческом развитии Средней Азии рассматривается исключительно в отрицательном плане. Исключительно узбекам приписывается относительная застойность и отсталость культуры Средней Азии в XVI——XVIII вв. (стр. 143—144),

на деле объясняющаяся гораздо сложнее. Нужно ли говорить, что это стремление только через «таджикские очки» взглянуть на исторический процесс влечет за собой совершенно ненужное и вредное создание какого-то взаимного недовольства между двумя братскими народами Советского Союза, являющимися ближайшими родственниками по своему происхождению, по своему культурному наследству, по всему своему историческому развитию.

Я остановлюсь и на втором труде, хотя о нем уже говорили много, — на работе, посвященной истории Казахстана. Эта работа по своему объему, по вложенному труду, конечно, является очень солидным вкладом в историографию нашей страны, но здесь тот же недостаток, который я отметил в истории Таджикистана, налицо: замкнутость, отрыв казахского исторического процесса от всемирной истории, от истории русского народа, от истории других народов Средней Азии, одностороннее, только через «казахстанские очки» рассмотрение целого ряда важных исторических фактов. Все это приводит к целому ряду серьезных ошибок. Здесь мы встречаем те же элементы идеализации исторического прошлого казахского народа. Мы не найдем здесь характеристики отсталости, экстенсивности казахского хозяйства, не создавшего предпосылок для формирования централизованного феодального государства, невозможного на базе господства патриархально-родовых и примитивно-феодальных порядков, господствовавших в Казахстане в XVI и последующих веках. Напротив, на стр. 107 своего труда авторы именно утверждают, что Казахстан уже в XVI в. представлял собой централизованную феодальную монархию, в то время как никакой базы для создания централизованной феодальной монархии в экономике Казахстана в это время не существовало.

Авторы не показывают, что не в феодальной раздробленности, а в самой экономике кочевого хозяйства, неразрывно связанного архаической формой первого общественного разделения труда с хозяйством смежных земледельческих областей (Маркс и Энгельс. Переписка о книге Бернье и происхождении Ислама) [8], коренились причины господства центробежных тенденций в политическом развитии Казахстана, тяготения отдельных его частей к Хорезму, к сыр-дарьинским узбекским городам, к Поволжью и Приуралью, к Сибири. Авторы не видят, что единственный в этих условиях путь для создания Казахского государства заключался в завоевании оседлых среднеазиатских областей, попытки чего являются базой для всей политической деятельности казахских ханов XVI в., а в XIX в. эту же попытку вновь предпринимает Кенесары. Авторы не понимают, что крушение этих попыток и является первопричиной политического распада Казахстана в XVII—XVIII вв. и втягивания отдельных его частей в сферу политического влияния смежных государств.

Отрыв истории Казахстана от истории смежных областей приводит к тому, что процесс вхождения Казахстана в систему Российского государства рисуется односторонне и неправильно как процесс голого захвата, обмана и насилия, как абсолютное историческое зло. Конечно, если бы Казахстан представлял из себя уже централизованную феодальную монархию, обладавшую всеми потенциями самостоятельного исторического развития, тогда можно было так ставить вопрос, но если мы исторически правдиво нарисуем, как развивалась история Казахстана и до возникновения казахского народа и после того, как он выступил на историческую арену, мы увидим картину совершенно иную. Мы увидим прежде всего, что история Казахстана связана с историей Восточной Европы, с историей Руси в частности, очень тесными и очень древними узами. Намек на это есть и в книге по истории Казахстана (стр. 76—77), но только намек: это те самые черные клобуки и половцы, о которых говорил в прошлый раз Б. Д. Греков. Ведь Казахстан — «Дешт-и-Кипчак», то есть «Половецкая степь».

Уже с раннего средневековья, а по существу, с гораздо более раннего времени (со скифской эпохи и даже с бронзового века), кочевые племена этой области тесно связаны с кочевыми племенами южно-русских степей, составляя с ними единое этнографическое целое. После XIII в. Казахстан

представлял собой восточную окраину Золотоордынского государства, в систему которого, как мы знаем, была включена и Русь, и борьба против которого составляла содержание русского исторического процесса на протяжении ряда веков. Закономерным завершением этой борьбы явилось подчинение русскому государству всех золотоордынских земель, навсегда устранившее опасность нового монгольского нашествия. Появление Руси на Волге в середине XVI в., победоносно завершившее этот процесс борьбы между монгольскими завоевателями и поднимающимся восточным славянством, поставившее Русь лицом к лицу с восточными улусами Золотой орды, не могло не стать предпосылкой для политического тяготения восточных золотоордынских областей к Руси.

И мы действительно видим на протяжении XVI—XVII вв. многократные примеры втягивания восточно-золотоордынских феодалов в систему вассальных связей с Московским государством. Без учета этого обстоятельства многое было бы непонятным в истории Сибири. Мы знаем вместе с тем, что распад Золотоордынского государства ослабил восточные границы территории, которая в него когда-то входила, и открыл ворота для новой волны монгольского нашествия — для калмыков-джунгар. XVII — первая половина XVIII в. для среднеазиатских государств, для Хивы и особенно для Казахстана — это подлинная година бедствий. И мы знаем, что уже в 30-х годах XVII в. узбекские правители ищут союза с Москвой против калмыков, в 1670-х годах хивинский Ануша-Хан просит Москву построить крепость на Мангышлаке для защиты от калмыков торгового пути из Хивы в Москву. С этой точки зрения понятны попытки Хакк-Назара [9] и Тевеккеля установить вассальную связь с Россией. Тем более признание в XVIII в., в 1730 г., в обстановке жестокого нажима со стороны калмыков, феодальной зависимости от России Абулхайром — одним из весьма мудрых и дальновидных политических деятелей тогдашнего Казахстана — явилось единственно правильным политическим шагом. И мы знаем, что вхождение Младшего жуза в систему России обезопасило этот жуз от нашествия калмыков благодаря дипломатической акции русского правительства, вынудившей Галдач-Церена умерить свои аппетиты.

Тов. Минц уже отмечал непоследовательность авторов этой книги. Естественный шаг Абулхайра рассматривается авторами как измена интересам казахского народа, а тот же шаг Аблая, избранного авторами в качестве национального героя, рассматривается как положительный факт. Мы знаем, что падение Джунгарии не избавило Казахстан от угрозы покорения со стороны своих восточных соседей, что значительная часть Старшего жуза вошла в систему Китайской империи, что тот же Аблай через 17 лет после принятия им русского подданства (1740 г.) вынужден был в 1757 г. признать власть китайского императора. До Среднего жуза простиралась, таким образом, гегемония Китая, и в этой обстановке тяготение значительной части казахского народа к России являлось естественной попыткой найти мощного союзника в борьбе с восточными завоевателями.

Если мы посмотрим, таким образом, путь развития Казахстана на протяжении XVI—XVIII ст., то мы увидим, что здесь было только два альтернативных решения: или вхождение казахского народа в систему Российского государства, взявшего в свои руки вассальные феодальные связи Золотоордынского государства на Востоке, или расчленение казахского народа, ибо мы знаем, что на Востоке Китай, на Юге Коканд и Хива были вполне реальными завоевателями, подчинившими себе отдельные части Казахстана. Быть расчлененными между четырьмя государствами или войти целиком в состав одного из этих государств, причем, бесспорно, самого передового из них,— вот два пути, которые стояли тогда перед Казахстаном. Третьего пути не было. Ни сил отстоять свою самостоятельность и целостность, ни, главное, социально-экономических предпосылок для создания собственного национального государства казахский народ еще не имел.

Вопрос о боевых традициях казахского народа, который здесь был затронут в выступлении т. Минца,— бесспорно, вопрос, который должен

разрабатываться. Каждый народ должен знать своих героев, и у казахского народа немало героев, которыми он вправе гордиться. Но нельзя все валить в одну кучу. Нельзя рядом с действительными представителями освободительного народного движения Срымом Датовым [10] и Исатаем Таймановым, поднимавшими народные массы на борьбу с растущим феодально-колониальным гнетом, против казахских феодалов, усиливавших эксплуатацию масс по мере втягивания в систему связей российского рынка, и приходившей к ним на помощь царской администрации ставить типичного представителя своекорыстной феодальной знати султана Каратая, использовавшего политическую ситуацию в своих личных целях в борьбе за власть в Младшем жузе, или заведомого авантюриста и агента среднеазиатских ханов, бандита Садыка Кенисарина, объединяя их только по одному признаку — что они выступали против русских.

Сложный и противоречивый в истории образ Кенесары Касымова нарисован в книге односторонне. Совершенно не видно, куда развивались политические тенденции движения Кенесары, особенно на втором этапе этого движения, когда совершенно ясно раскрылась его политическая программа — захват Киргизии, завоевание Коканда и возведение новой казахской династии на кокандский престол. Неслучайно в памяти киргизского народа образ Кенесары запечатлен как образ угнетателя и захватчика. В киргизском фольклоре сохранилось воспоминание о том, как жигиты Кенесары вторглись на территорию киргизских кочевий, когда отсутствовали их защитники, и как женщины Киргизии вышли на берег реки, вынесли своих детей в люльках и положили на дорогу, чтобы задержать наступающих, апеллирую к древнему священному в глазах народа обычаю. Киргизское предание говорит о том, что Кенесары растоптал этих детей копытами коней своих табунов, следом за которыми шли его жигиты. Когда Кенесары попал в плен, киргизские старейшины выдали его на расправу матерям, дети которых были растоптаны копытами его лошадей. Это фольклорный материал, и я не берусь утверждать, что это предание полностью соответствует действительности. Но оно рисует нам, как отразился в памяти киргизского народа образ Кенесары Касымова, война которого против киргиз и сыр-дарьинских узбеков носила бесспорно захватнический характер.

В книге же перед нами авантюры Кенесары в Киргизии и кокандских владениях рисуются в весьма сочувственных тонах. Совершенно забывая, что Кенесары — вождь и представитель казахских султанов, авторы нарочито подчеркивают, что в Киргизии он боролся «с манапами», создавая совершенно ложную иллюзию антифеодальной направленности его движения. Совершенно забывая, что Кенесары действительно напал на киргиз, авторы ополчаются на тех киргизских предводителей, которые отвергли предложение Кенесары подчиниться ему, обвиняя их в клевете на него, заключавшейся в том, что они опасаются, что Кенесары попытается завоевать Киргизию. Какая же это клевета, если он действительно это сделал? В целом эти страницы книги, бесспорно, благодаря содержащемуся в них искажению исторической правды будут весьма недоброжелательно приняты в Киргизии. И я не думаю, что авторы книги были бы довольны, если бы киргизские ученые встали на их путь и изобразили бы в «Истории киргизского народа» Кенесары Касымова в духе приведенного мной предания только как насильника и захватчика, умолчав о его роли на более раннем этапе движения, когда он на некоторое время действительно попытался возглавить освободительную борьбу народных масс против царизма. И здесь, как и в предшествующих примерах, односторонний, тенденциозный подход к материалу влечет за собой весьма нежелательные результаты: вместо воспитания и укрепления чувства дружбы и взаимопонимания народов авторы вопреки, я уверен, своему желанию сеют семена вражды и недоверия их друг к другу.

Таковы основные замечания, которые я хотел сделать. Мне кажется, что перед нами стоит большая задача — задача разработки узловых, связующих проблем истории нашей страны в целом, тех трудных исторических

вопросов, которые лежат на грани историй отдельных народов СССР. И из них самой важной, самой центральной является проблема формирования русского многонационального государства. Только в свете сталинского учения о причинах и условиях создания этого государства мы правильно сумеем осветить историю вхождения Казахстана в его систему. Предыстория процесса сплочения народов Восточной Европы и прилегавшей части Азии вокруг самого мощного и политически развитого из этих народов уходит, как правильно на прошлом совещании отметил акад. Б. Д. Греков, в далекое прошлое. Завершение этого процесса, как показал т. Сталин, было предопределено потребностью создания мощного централизованного государства для борьбы с монгольскими, турецкими и другими завоевателями, на протяжении веков угрожавшими народам нашей страны.

Исторически правдивое освещение развития экономических, культурных и политических связей между отдельными частями нашей родины, подготавливающих сплочение народов вокруг Великой Руси, завершенное Великой Октябрьской Социалистической революцией, превратившей «тюрьму народов», которой стала царская Россия в XIX в., в братское содружество свободных социалистических республик, будет способствовать развитию взаимного понимания, чувства любви и взаимного уважения между отдельными народами, на протяжении веков связанными общностью исторических судеб и составляющими ныне наш великий Союз. Между тем эти вопросы совершенно не разрабатываются. В изучении этих вопросов центральные научно-исследовательские учреждения должны занять ведущее место, оказав помощь научным учреждениям республик в разработке истории каждого народа. Тогда мы можем избежать тех недостатков, которые я попытался вскрыть в своем выступлении.

Последнее, на чем я хочу остановиться, — это один из важных разделов нашей отечественной истории, который незаслуженно у нас забывается. Речь идет о древней истории нашей страны, разрабатываемой у нас почти исключительно в археологическом плане. В нашем преподавании мы имеем курс древней истории античного мира Средиземноморья и Востока. Древняя же история нашей страны не имеет самостоятельного места, выступая лишь как незначительный привесок к курсу средневековой истории. Это является одной из причин того, что история древних связей между отдельными частями нашей страны остается неразработанной. Разработка истории древних могучих политических и культурных центров нашего Причерноморья, Кавказа, Средней Азии, их роль в мировой истории и особенно в истории народов более северных районов СССР, позднее выходящих на историческую арену, те традиции нашей отечественной античности, которые в дальнейшем в процессе развития славянства играют такую большую роль и накладывают отпечаток на всю дальнейшую культурную историю народов СССР. Разве этой задачи недостаточно, чтобы в наших научно-исследовательских учреждениях были созданы соответствующие сектора, а в ведущих университетах — кафедры, на которые было бы возложено обеспечение этого обширного раздела нашей истории? Почему мы должны тщательно изучать историю Египта, Ассирии, Рима, Греции и забывать, что в нашей стране существовали не менее важные, хотя и менее исследованные, исторические центры, история которых во многом предопределила все дальнейшее развитие народов нашей Родины?

Урарту, древняя Грузия, Армения и Албания, Древнехорезмийское и Древнебактрийское царства, Боспор Киммерийский, Скифские объединения должны стать объектом систематического, пристального внимания советских историков. Да уже и сейчас мы располагаем достаточным материалом, чтобы дать нашим студентам и школьникам не сухие конспекты и социологические определения, а живую и красочную историю одной эпохи нашей Родины, не уступающую тому, что дается в курсах истории античных Греции и Рима. При этом древняя история СССР должна разрабатываться как единое целое, ибо исторические и культурные традиции древних цивилизаций нашей страны сыграли свою роль в развитии всех ее народов, а не только тех, которые сейчас живут на тех же территориях. Эллинская

цивилизация вовсе не является лишь введением в историю средневековой и современной Греции. Если мы будем пытаться, как попытались это сделать тт. Гафуров и Прохоров, всю древнюю историю Средней Азии считать принадлежащей по праву наследства одному только таджикскому народу только на том основании, что он говорит на языке, принадлежащем к иранской лингвистической группе (хотя, впрочем, вопреки утверждению авторов разбираемой книги, весьма далеко стоящем от древнесогдийского, как известно, гораздо более близкого к осетинскому), то мы впадем в весьма и весьма серьезные ошибки.

Генкина. Товарищи, понятно, что война поставила перед историками ряд новых вопросов. Очень многие вопросы нашего исторического прошлого осветились по-новому. Ряд проблем потребовал дополнительного изучения, известного пересмотра, освещения по-новому на основе марксистско-ленинской теории. Всем нам ясно, и все мы с этим согласны, что обилие вопросов, которые здесь ставились, острота их постановки и та дискуссия, которая ведется нами довольно продолжительное время, она в основном является фактом положительным, показателем несомненного роста нашей исторической науки, ее движения вперед. Мы сегодня, в третью годовщину войны, собрались для того, чтобы обсуждать исторические вопросы. Мы можем смело сказать, что наша историческая наука неизмеримо шагнула вперед за годы войны.

Но у нас получилось так, что при решении большого количества новых вопросов, которые перед нами встали, возникла опасность такого пересмотра, который ведет нас в сторону от марксистской трактовки и ничего общего в марксизмом не имеет. Это тем более имеет для нас большое значение, что разноголосица по важнейшим принципиальным вопросам отнюдь не ограничивается академическими спорами на узких закрытых заседаниях и поэтому имеет не только академический интерес. Ведь те вопросы, которые здесь обсуждаются, — это одновременно вопросы преподавания истории, пропаганды исторических знаний среди широких масс. Разноголосица переносится неизбежно на вузовскую кафедру, в студенческую аудиторию, на урок истории в средней школе. Создается сумятица, путаница и студенческой голове. Речь идет о тысячах наших студентов, о миллионах наших школьников, а когда речь идет о миллионах, как нас учили этому Ленин и Сталин, — это уже политика, это серьезнейшие вопросы нашего движения вперед, нашей исторической науки.

Некоторые здесь присутствующие были на общевузовском партийном собрании в университете [11], которое происходило в конце марта этого года. Там приводился ряд примеров и по философскому факультету, и по литфаку, и по историческому факультету, которые свидетельствовали о тревожных сигналах, о фактах идеологической распущенности, о недостатках преподавания, о забвении в отдельных случаях марксистско-ленинских положений и оценок и т. д. Как это стало возможным наряду с несомненным ростом исторической науки? Когда мы выдвигаем или обсуждаем важнейшие проблемы истории, мы, мне кажется, часто допускаем ошибку такого порядка, что забываем в своих спорах некоторые важнейшие, всем нам хорошо известные основные документы нашей партии и основные ленинско-сталинские указания.

Здесь останавливались на двух важнейших документах — это замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника по истории СССР и постановление жюри правительственной комиссии. Но ведь есть, товарищи, и более поздние документы, которые имеют для нас огромное принципиальное значение. Это, прежде всего, постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», это сам «Краткий курс истории ВКП(б)» и глава «Краткого курса», написанная т. Сталиным, «О диалектическом и историческом материализме». Это письмо т. Сталина по поводу статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма», написанное в июле 1934 г., но опубликованное лишь в мае 1941 года. И, наконец, книга т. Сталина о Великой Отечественной войне [12], которая дает нам важнейшие указания

для разрешения тех вопросов, которые мы здесь обсуждаем. Надо прямо сказать, что всех выводов для себя, вытекающих из этой книги, историки еще не сделали.

Я остановлюсь на некоторых важнейших указаниях, которые даны в этих документах. Возьмем постановление Центрального Комитета партии от 14 ноября 1938 года. Какое оно имеет к нам отношение? Прежде всего — это постановление со всей силой разоблачает извращения «школы Покровского», наносит решающий удар всякой вульгаризаторской путанице. Затем, оно дает оценку положения, относящуюся тогда к вопросам изучения истории партии, и в некоторой степени это может быть отнесено сейчас к тому, что мы имеем на фронте исторической науки. В постановлении говорится, что выход «Краткого курса» положит конец произволу и неразберихе, обилию различных точек зрения, произвольному толкованию важнейших вопросов партийной теории. В постановлении говорилось об отсутствии исторического подхода, об упрощенчестве и вульгаризации, об антиисторических попытках приукрасить историю вместо правдивого ее изложения. Есть у нас, товарищи, произвол и неразбериха, произвольное толкование важнейших вопросов истории? Да, есть. Есть у нас еще упрощенчество и вульгаризация, отсутствие исторического подхода, антиисторические попытки приукрасить исторические факты вместо правдивого изложения? Да, есть. Поэтому так важно напомнить сейчас основные моменты постановления ЦК ВКП(б) от 14.XI.38 года.

Важнейшие указания даны и в «Кратком курсе истории ВКП(б)» в главе т. Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Они сводятся, прежде всего, к требованию исторического подхода к изучаемым явлениям, к тому, «что без такого исторического подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в груду нелепейших ошибок» («История ВКП(б)», стр. 105). Мы все, конечно, знаем и помним это решающее указание, но наши споры показали, что мы не всегда руководствуемся им при разрешении конкретных вопросов. Вот, например, вопрос о царизме как «жандарме Европы». Ленин и Сталин дают нам замечательный урок исторического подхода при разрешении этого вопроса. В одной своей статье, написанной в 1909 г., Ленин со всей ясностью вопрос о царизме как «жандарме Европы» поставил в определенные хронологические рамки. Ленин писал: «Полвека тому назад за Россией прочно укреплена была слава международного жандарма. Наше самодержавие в течение прошлого века сделало не мало для поддержки всяческой реакции в Европе и даже для прямого военного подавления революционных движений в соседних странах. Достаточно вспомнить хотя бы венгерский поход Николая I и неоднократные расправы с Польшей, чтобы понять, почему вожди международного социалистического пролетариата, начиная с 40-х годов, неоднократно указывали европейским рабочим и европейской демократии на царизм, как на главный оплот реакции во всем цивилизованном мире.

Революционное движение в России, начиная с последней трети XIX в., понемногу изменило это положение дела. Чем сильнее колебался царизм под ударами растущей революции в его собственной стране, тем слабее становился он в качестве врага свободы в Европе. Но в Европе вполне сложилась к этому времени международная реакция буржуазных правительств, видевших восстания пролетариата, осознавших неизбежность борьбы не на живот, а на смерть между трудом и капиталом и готовых приветствовать каких угодно авантюристов и разбойников на троне ради совместной борьбы против пролетариата. И когда в начале XX века японская война и революция 1905 года нанесли сильнейшие удары царизму, международная буржуазия бросилась на помощь ему, поддержала его миллиардными займами, приложила все усилия для локализации революционного пожара, для восстановления «порядка» в России. Услуга за услугу. Царизм помогал не раз контрреволюционным буржуазным правительствам Европы во времена их борьбы с демократией. Теперь буржуазия

Европы, ставшая контрреволюционной по отношению к пролетариату, помогла царизму в его борьбе с революцией» (Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 112) [13].

Таким образом, главным оплотом реакции во всем мире царизм был и мог быть лишь, примерно, в первой половине XIX в., особенно начиная с 40-х годов XIX ст., и в то же время с последней трети XIX в. царизм переставал быть «жандармом Европы», потому что в Россию постепенно переносился центр мирового революционного движения, революционная борьба трудящихся России все более расшатывала мощь царизма, главным оплотом реакции становились другие страны, а Россия все более превращалась в главный оплот революции. Эту же мысль подчеркивал т. Сталин в своем письме о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Тов. Сталин указывал на «**переоценку** роли царской власти как «**последней** твердыни общеевропейской реакции» (слова Энгельса). Что царская власть в России была могучей твердыней общеевропейской (а также азиатской) реакции, — писал т. Сталин, — в этом не может быть сомнения. Но чтобы она была **последней** твердыней этой реакции — в этом позволительно сомневаться». (Голос с места. Об этом ни в одном учебнике вузовском нет ни слова). Это вовсе не значит, что царизм в конце XIX в. стал «лучше», чем он был в первой половине XIX столетия. Общеизвестна сталинская характеристика царизма, данная в его работе «Об основах ленинизма», где т. Сталин говорит о том, что в эпоху империализма «царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме», что «царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат», что царская Россия была «величайшим резервом западного империализма», «сторожевым псом империализма на востоке Европы» [14], и т. д.

Я бы хотела отметить и другое очень важное ленинское указание. Если царизм в эпоху Николая I был «жандармом Европы», главным оплотом реакции во всем мире, то это не значит, что всю эту эпоху нужно замазать сплошной черной краской и ничего не видеть в этот период, кроме реакции. Есть глубоко интересное указание Ленина о революционной роли реакционных периодов. Ленин приводит в качестве примера эпоху Александра III. Он указывает, что «в России не было эпохи, про которую бы до такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», как про эпоху Александра III! Право же так... Именно в эту эпоху, — писал Ленин, — всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического миросозерцания. Да, мы, революционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов. Мы знаем, что форма общественного движения меняется, что периоды непосредственного политического творчества народных масс сменяются в истории периодами, когда царит внешнее спокойствие, когда молчат или спят (по-видимому, спят) забитые и задавленные каторжной работой и нуждой массы, когда революционизируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования. Вот, ведь и в Европе период после подавления революции 1848 года отличался небывалым экономическим прогрессом и работой мысли, которая создала хотя бы «Капитал» Маркса. Одним словом, «очередь мысли и разума» наступает иногда в исторические периоды человечества точно так же, как пребывание политического деятеля в тюрьме содействует его научным работам и занятиям» (Ленин. Соч. Т. IX, стр. 127) [15].

Таковы основные ленинско-сталинские указания о царизме как «жандарма Европы». Разрешение этого вопроса — пример подлинно исторического подхода к изучаемым явлениям. А у нас иногда антиисторически, вне конкретных рамок определенной эпохи пытаются ставить и разрешить этот вопрос. Такой же антиисторический подход был в выступлении проф. Яковлева, когда он говорил о трех абсолютных идеях, хотя он и называет их динамическими идеями, лежащими в основе истории русского народа. Это

полное отрицание исторического развития, исторического прогресса, движения вперед, изменения. Все дано, все неизменно, извечно, нет развития, ничего не меняется, нет истории. Проф. Яковлев, очевидно, не понимает, что из этой его концепции вытекает один вопрос — о правомерности Октябрьской социалистической революции и советской власти, ибо зачем тогда Октябрьская революция, если и братство народов и дружная оборона — все это было дано всегда, еще тысячелетия тому назад.

Наконец, товарищи, я хочу сказать о книге т. Сталина «О Великой Отечественной войне» и о тех выводах, которые вытекают для историков из этой книги. Здесь присутствующие ее много раз читали, изучали, проводили доклады, излагали основное содержание этой работы т. Сталина. А ведь т. Сталин там дает ответы на те вопросы, которые мы сейчас обсуждаем. Я хочу выделить два важнейших указания, данных в книге. Это, во-первых, сталинская программа воспитания национального самосознания советского народа и, во-вторых, сталинская постановка вопроса об источниках силы Советского Союза.

Сталинская программа воспитания национального самосознания целиком опирается и развивает дальше ленинскую программу, так классически сформулированную в статье Ленина «О национальной гордости великороссов» [16]. Эта программа дается прежде всего, со всей силой и ясностью, свойственной т. Сталину, в его докладе 6 ноября 1941 года. Тов. Сталин говорит в докладе: «По сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме. Известно, что гитлеровцы так же охотно попирают права рабочих, права интеллигенции и права народов, как попирал их царский режим, что они так же охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим». Вот вам характеристика царского режима, совершенно ясная характеристика. Здесь совершенно ясно говорится о том, что фашизм — это копия царского режима. Это говорится во время войны, в самый разгар войны, в самые трудные месяцы войны.

И тут же рядом, в этом же докладе т. Сталин говорит о фашистах: «И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова» [17]. Это же и есть сталинская программа воспитания национального самосознания народа, в этом ее суть, это то, о чем мы спорим. Тов. Сталин показывает, на чем, на каких образах прошлого надо воспитывать народ, о какой исторической преемственности идет речь, и вместе с тем говорит, что гнусное наследие царского насилия и произвола целиком воспринято фашистами. А у нас иногда думают, что надо обелять царизм — царизм XIX века. Неужели и это в интересах воспитания национального самосознания, вопреки ясным и четким ленинско-сталинским указаниям? Поэтому, может быть, я выскажу несколько парадоксальную мысль, но мне лично кажется, что одну и ту же по существу ошибку делают все те, кто пытался, или пытается, вычеркнуть из нашей истории Кутузова, Суворова, Александра Невского, Минина и Пожарского, или те, кто хочет сейчас поднять Николая I, Аракчеева и Каткова. Это одна ошибка, это одно и то же. Это не две тенденции, а одна тенденция искажения марксизма, отрицания ленинско-сталинской программы воспитания национального самосознания.

В связи с этим я хотела бы коснуться того вопроса, о котором говорил Владимир Иванович Пичета: о славянофилах и западниках. Он подчеркнул прогрессивные черты славянофильства. Это правильно. Об этом говорится и во II томе вузовского учебника. По этому вопросу была специальная дискуссия, опубликованная в «Историческом журнале» по докладу т. С. С. Дмитриева, где большинство выступающих говорили о необходимости подчеркнуть прогрессивную роль славянофилов в ряде вопросов. Но т. Пичета поставил так вопрос: западники — гегельянцы, а славянофилы — шеллингианцы. Он не говорил, что славянофилы — шеллингианцы, но

смысл его выступления сводился к тому, что раз западники — гегельянцы, значит, реакционеры. (Пичета. Я так не говорил.) Может быть, на слух я неправильно восприняла. Я не говорю о том, что Вы дословно сказали, что западники — гегельянцы и в этом их реакционность. Так можно было понять. Это неправильный вывод из постановления ЦК по философии — все, что от Гегеля, все реакционно.

Тов. Пичета говорил о том, что славянофилы, а не западники, выражали рост национального самосознания русского народа. Я с этим не согласна. Герцен, Белинский, левое крыло западников по-настоящему отражали рост национального самосознания народа. (Бушуев. Герцен говорил, что билось одно сердце.) Когда мы говорим о воспитании патриотизма, мы знаем, что Чаадаев не совсем правильно оценивал прошлое России, он неправ был в своем слишком мрачном взгляде. Но кто все же является подлинным патриотом своего отечества — Чаадаев, ошибки которого вытекали из горячей любви к родине, или Бенкендорф, который говорил, что «прошлое России удивительно, настоящее великолепно, а будущее еще выше и т. д.»? Ответ ясен для всех нас.

Не следует также забывать, что славянофильство — это все же реакция на революционное движение на Западе, это попытка запереть все двери и окна от революционного сквозняка, который дул с Запада. Возьмем последние указания т. Сталина об источниках силы Советского Союза. Я не читала стенограмм акад. Тарле, на которые здесь ссылались. Но он сегодня выступал и говорил по вопросу о факторе пространства в такой формулировке, что «Московия не могла отстоять себя так, как отстояла себя сталинская Россия». Почему для сравнения берется именно Московия? Ясно, что в основу кладется только пространственный фактор, и это идет совершенно вразрез с тем, что говорил т. Сталин об источниках силы Советского Союза. Ведь этот фактор территориального пространства был и в период русско-японской войны, и в период мировой войны, но он один не дает победы, и т. Сталин об этом прямо говорит [18]. (Щербаков. В Китае этот фактор налицо, царская Россия тоже располагала этим фактором.) Но этот фактор один не дает победы. Советская власть, большевистская партия дали победы. В этом суть указания т. Сталина.

Говоря об условиях победы, об источниках силы нашего государства, т. Сталин выделяет в первую очередь не фактор пространства, количество населения, богатства недр нашей страны, а новое качество, которое дано Октябрьской революцией и советской властью. Это указание т. Сталина для нас является основным и руководящим. Напомню только, что т. Щербаков в своем докладе, посвященном 20-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина, ясно сказал о том, что от позора порабощения и потери государственной самостоятельности нашу страну спасла большевистская партия, а проф. Яковлев сомневается в том, существовала ли вообще большевистская партия в 1916 году. Поэтому приходится напоминать важнейшие документы нашей партии, которые мы не имеем права игнорировать и только на основе которых мы можем правильно разрешить те вопросы, которые нас волнуют, которые мы здесь обсуждаем.

Историки не сделали всех выводов из указаний т. Сталина об источниках силы Советского государства. Надо показать, как сложились эти источники и, в частности, как сложился один из важнейших источников силы — дружба народов нашей страны. Ясно, что только Октябрьская революция и советская власть создали реальные возможности для дружбы народов, для их подлинного братского единства. Но, говоря об источниках дружбы народов, об ее исторической подготовке, надо во всей широте показать, как зарождалась, скреплялась эта дружба и до Октября, какую роль играла национальная программа партии и совместная борьба народов под руководством русского рабочего класса. Но значит ли это, что, показывая, как готовилась дружба народов до Октября, надо кардинально пересматривать сущность национально-колониальной политики царизма, отказываться или замазывать тот факт, что царская Россия была «тюрьмой народов»? Ни в коем случае.

Часто проблема «наименьшего зла» у нас трактуется как проблема наибольшего блага, а наибольшим благом является только советская власть. Мне кажется, что в этом смысле нем нечего пересматривать национально-колониальную политику царского правительства, которая очень хорошо охарактеризована тт. Лениным и Сталиным. Я совершенно согласна с т. Толстовым в том, что мы чрезвычайно изолированно и оторванно от общей истории, от общего исторического процесса показываем борьбу народов. Царская Россия — это государственное единство, единство насильственное, империалистическое, как говорил Сталин, но единство. А история народов в общем курсе истории СССР часто дается в отрыве от общего процесса исторического развития и освободительной борьбы русского народа. Вот, например, глава о восстании 1916 г. в Средней Азии в книге «История Казахстана». Глава по содержанию очень хорошая, в ней много нового фактического материала, но восстание 1916 г. в ней показано в отрыве от революционной ситуации, от революционной волны и огромного революционного подъема, который имел место в России в эти годы. В этой главе говорится о страданиях казахских масс, о том, что произвол и насилия царских чиновников во время войны 1914 г. еще более увеличились. Это все правильно.

Но ведь бедствия и страдания усилились не только для казахского народа, а еще в большей мере им подвергался русский народ, вынесший на себе основную тяжесть войны. А общая оценка восстания дается такая: «Восстание 1916 года нанесло сильнейший удар по самодержавию. Оно способствовало подъему революционной борьбы русского пролетариата, возглавлявшего борьбу за политическое и национальное освобождение всех народов России» (стр. 372). Ударение бы здесь следовало сделать иное. Не столько восстание 1916 г. способствовало подъему революционной борьбы русских рабочих, сколько революционный подъем в России объясняет нам и значение восстания 1916 года. Народы восставали против царизма. Но в своей борьбе шли рука об руку и под руководством русского народа. Забывают то, о чем говорил т. Молотов на приеме колхозников Таджикистана и Туркмении, что «царизм попирал пятой угнетения не только нерусские национальности, он угнетал и трудящиеся массы русского народа». (Б у ш у е в. Дело в том, что курс истории СССР XX в. не читается.) В заключение я хотела бы сказать несколько слов об изучении истории советского периода.

Изучение нашего исторического прошлого, изучение дооктябрьского периода и изучение советского периода нашей истории тесно связаны между собой. Нельзя понять основные вопросы советского периода, не показав преемственной связи с нашим историческим прошлым, но одновременно если смазать принципиальные различия, снять царизм как «тюрьму народов» и «жандарма Европы», то это значит принижать роль и значение Советского социалистического государства, затруднять понимание великой роли советской власти, ставить под вопрос основное — правомерность и историческую обусловленность Великой Октябрьской социалистической революции. Одним из существенных недостатков изучения советского периода является также тот факт, что историки дошли здесь в своей исследовательской работе до 1921—1922 гг. и дальше не пошли.

Есть ряд монографий по истории Октябрьской революции и гражданской войны, опубликована большая документация, но дальше идет как бы запретная зона, которой историки не занимаются. По периоду после гражданской войны нет ни серьезных монографий, не опубликована документация. А между тем в архивах, в Архиве Октябрьской революции собраны богатейшие документы особенно по периоду восстановления 1921—1925 годов. Историки над этими документами не работают. Институт истории Академии наук начал большую работу по истории коллективизации, и эту работу надо всячески приветствовать. Беда только в том, что вновь проектируется многотомное издание, раньше предполагалось 8 томов — теперь 5, причем первые тома опять посвящены Октябрьской революции и гражданской войне, и пока дойдут до коллективизации, пройдет много времени.

Стремление к многотомным изданиям, известная гигантомания вряд ли принесет нам пользу.

В постановлении жюри правительственной комиссии указывалось, что недостатком изучения советского периода являлся тот факт, что «большинство авторов эпоху построения социалистического общества в СССР описывает больше восклицательными знаками, кликами восхищения и разного рода трогательными анекдотами, песенками и общими характеристиками плюс перечисление 3—4 наиболее популярных первенцев первой пятилетки вместо того, чтобы точно, ясно и просто показать, как в итоге двух пятилеток создана мощная промышленность, крестьяне объединились в колхозы, сельское хозяйство переведено на базу тракторной техники, а для защиты рабоче-крестьянского государства создана мощная, технически оснащенная Рабоче-Крестьянская Красная Армия» [19].

Это говорилось в 1937 г., но этот недостаток не изжит и сейчас, потому что историки не ведут здесь исследовательскую работу, не пошли в архивы, не изучают документов. ЦК партии вправе потребовать от нас преодоления отставания в этом важнейшем вопросе. У нас есть ряд институтов, которые занимаются вопросами истории советского периода. У нас есть советский сектор Института истории Академии наук, редакция «Истории гражданской войны», есть комиссия по составлению хроники Отечественной войны. По существу мы занимаемся вопросами в пределах одного периода — советского периода и очень мало связаны между собой. Параллельно ведется работа, но нет единого связующего центра. Я не предусматриваю создание Института истории советского периода, но пойти по какой-то линии объединения этих институтов с привлечением всех наших историков нужно обязательно. Мне кажется, что хорошо, что во главе истории коллективизации стоит профессор Ляшенко [20]. Привлечение к этой работе по изучению истории советского периода наших старых кадров историков имеет большое для нас значение.

Щ е р б а к о в. Слово имеет т. Державин.

Д е р ж а в и н. К числу проблем, на которых сейчас особенно заострено внимание советских историков, поскольку это сказалось и на наших совещаниях, относится проблема «Царское самодержавие и русская общественность в осознании советской современности». Эта проблема лежит в основе обширной тематики, интересующей сейчас русских историков. Она же нередко дает и наибольший разнобой мнений в оценке конкретного исторического материала. Позвольте мне остановиться в нескольких словах на этой проблеме и отметить мои расхождения с высказываниями некоторых из товарищей.

История царского самодержавия пока не написана, но совершенно понятно, что царское самодержавие не представляет собою явления раз навсегда данного, окончательного и раз навсегда сложившегося и застывшего в своих исконных формах. Русский царизм имеет свою диалектику. В основе своей это дворянская монархия, шаг за шагом разлагаемая капитализмом, идущая на уступки буржуазии и в конце концов погибающая как дворянская монархия. Царская Россия — это «тюрьма народов и международный жандарм». Контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времени Екатерины II до 50-х годов XIX в. и далее была подчеркнута в 1934 г. в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» тт. Сталина, Жданова, Кирова». При Екатерине II царская Россия получает окончательное оформление как абсолютистско-феодально-крепостническая держава. С начала XIX в. вместе с подъемом в России капитализма и зарождением национальной буржуазии начинается процесс разложения абсолютистско-крепостнической монархии, который в правление Николая I приводит страну к глубокому экономическому, финансовому и политическому кризису. Этот кризис выражается в прогрессирующем росте крестьянских восстаний, в разложении помещичьего землевладения, в росте оппозиционного общественного движения в среде интеллигенции.

Правительство Николая I пытается спасти разлагающийся царизм тер-

ром, но террор, естественно, не останавливает кризиса, и он завершается катастрофическим поражением всей контрреволюционной системы николаевского абсолютизма в Севастопольской кампании 1854—1855 годов. Правительство Александра II стремится уступками буржуазии спасти разваливающуюся машину царского самодержавия, но прогрессирующий рост капитализма наносит ей беспощадные удары изнутри, и контрреволюционное до мозга костей самодержавие Александра II заканчивается катастрофой 1 марта 1881 года [21]. Самодержавие Александра III мобилизует все реакционные силы страны на спасение старого абсолютистско-феодального порядка. Системою террора, доведенного до крайних пределов напряжения, самодержавная контрреволюционная власть придушила голос общественности и создала ту удушливую атмосферу во всех областях жизни — в искусстве, в науке, в литературе,— которая превратила жизнь уцелевшей от царского погрома русской общественности в обывательское болото, в котором мечты чеховских трех сестер о Москве и неизменная вера лучших русских людей в грядущий расцвет счастливой и радостной жизни, которая наступит после них, были единственным выходом и единственным утешением в окружающей гнетущей обстановке разлагавшегося царского самодержавия, закончившего данный этап своего развития дальневосточной авантюрой и цусимской катастрофой.

Блестящее художественное воплощение этих невеселых страниц в истории русской общественности дал на страницах своих произведений незабвенный Антон Павлович Чехов. После смерти Александра III царское самодержавие Николая II, начавшееся «Ходынкой» и «Цусимой» [22], под влиянием могучего роста производительных сил страны, вопреки максимальному торможению их развития со стороны царского самодержавия, под влиянием роста новых производственных отношений и быстро развивавшейся капиталистической промышленности стремительно катится по наклонной плоскости вниз и доживает свои дни на положении прогнившего насквозь, разложившегося «живого трупа». Октябрьская социалистическая революция сметает этот тормоз с путей исторической жизни народов царской России и открывает перед ними широчайшие пути свободного национального хозяйственного и культурного развития в рамках могучего объединенного социалистического государства — Союза Советских Социалистических Республик.

Согласно учению классиков марксизма, при рабовладельческом строе, при феодализме и при капитализме деятельность государства как государства эксплуататорского меньшинства характеризуется двумя основными функциями — внутреннею (главною) и внешнею (не главною). Внутренняя функция государства заключается в том, чтобы держать эксплуатируемое большинство, то есть трудовой народ, в узде; внешняя функция заключается в том, чтобы расширять территорию своего господствующего класса за счет территории других государств или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Когда, параллельно с историей царского самодержавия в России как государственной системы эксплуататорского меньшинства, следишь историю эксплуатируемого большинства, то есть историю народа, видишь совершенно иную картину.

Закабаленный под игом феодализма, затем капитализма в рамках государства эксплуататорского меньшинства, русский народ живет своею собственной жизнью. Составляя в государстве эксплуатируемый элемент, русский народ никогда, однако, не рассматривает себя как элемент случайный или посторонний в этом государстве, но всегда понимает себя как элемент, временно насильственно отстраненный от власти и эксплуатируемый царскими чиновниками и помещиками, и всегда ведет неустанную борьбу за свое раскрепощение от ига эксплуататорского меньшинства во имя захвата власти в свои руки и создания своего государства и в то же время бережно хранит территорию государства эксплуататорского меньшинства как свою родную землю, как свое национальное достояние, как священное наследие своих предков, как свою мать-кормилицу и защищает ее от интервентов-захватчиков с Востока и Запада: от степных

кочевников — печенегов и половцев в X—XII вв., от польских феодалов в XI в., от немецких прохвостов-рыцарей с XIII по XVI в., от татар в XIII—XV вв., от польских панов в XVII в., от «двунадесяти языков» во главе с Наполеоном в 1812 г., от коалиции европейских держав в 1854—1855 гг., от немецких империалистов в первую мировую войну.

После Октябрьской социалистической революции под руководством партии большевиков во главе с Лениным и Сталиным он с удвоенной энергией защищает свою землю в 1918 г. на Украине и в Белоруссии, в 1922 г. геройски ликвидирует превосходящие силы интервенции бывших союзников царского самодержавия и создает свою новую пролетарскую государственность и свое новое социалистическое государство, подлинно народное государство, которое за четверть века вырастает в мощный, экономически и политически, оплот демократии всего мира, в ведущее мировое государство.

С изумительным, небывалым и непревзойденным самоотверженным героизмом советский народ, весь целиком в своем 200-миллионном составе, без различия пола и национальности, защищает свое социалистическое государство, свою родную землю от разбойничьего нападения на нее хищнического немецкого империализма, одерживает над ним блестящие победы, которые не только освобождают от врага его родную землю, но и спасают народы Европы от гитлеровской тирании подобно тому, как в XIII—XIV вв. он же спас их от татарского погрома, в XV—XVI вв. — от ига немецких феодалов — князей и баронов, и в 1812 г. — от наполеоновского ига. Имеются ли при феодализме и капитализме точки общности интересов государства эксплуататорского меньшинства с интересами эксплуатируемого народа? Да, имеются. Это, прежде всего и самое важное, — защита территории государства от нападений со стороны других государств, что мы и видим выше на приведенных фактах организованной совместной защиты народом и его эксплуататорами территории государства от нападающих на него врагов.

Классовой государственности принадлежит в данном случае руководящая роль организатора вооруженной защиты территории со всеми вытекающими отсюда необходимыми предпосылками и следствиями. В данном случае, теоретически, интересы классового государства и интересы эксплуатируемого большинства совпадают и идут рука об руку, но в действительности государство эксплуататоров нередко и в данном случае изменяет народу и предает его интересы врагу. Так было, например, в истории русского народа в XVIII в. в Семилетнюю войну, когда интересы русского народа были наглым образом преданы царским самодержавием (Петр III) в пользу агрессора, прусского короля Фридриха. Так было и в Первую мировую войну, отмеченную фактами предательства царским самодержавием интересов народа в пользу империалистической Германии. Блестящим примером такого предательства является политика сателлитов гитлеровской Германии в настоящей войне. Таким образом, царское самодержавие имеет свою историю. Царское самодержавие Ивана Васильевича Грозного или Петра I — это не то же, что царское самодержавие Николая I и тем более Николая II. Это разные этапы в развитии русского самодержавия.

Царское самодержавие не есть русский народ и не есть форма воплощения государственного сознания русского народа, испокон веков политически-демократического и социально-коллективистического, артельного и мирового. Эти исконные для русского народа начала лежат в основе советской социалистической, глубоко народной государственной системы, чем Советское государство и сильно, чем оно и близко русскому народу. Я никогда не отождествлял политики русского царизма с мышлением русского народа. Я высоко ценю политику Ивана Васильевича Грозного, создателя централизованного многонационального государства, которое по своей политической мощи занимало первое место среди европейских держав, считавших, что только московский царь мог бы избавить Европу от агрессии османских турок.

Я высоко ценю плодотворную государственную политику Петра I,

европеизатора России, хотя свою евпропеизацию он проводил и крутыми мерами. Я отмечаю некоторые прогрессивные элементы в политике екатерининского самодержавия (воссоединение белорусских земель), в политике Александра I (освобождение Сербии, Молдавии, Бессарабии) и Александра II (освобождение Болгарии). Но я решительно протестую против утверждения о прогрессивной исторической роли царского самодержавия вообще, и в частности — о прогрессивной роли самодержавия Николая I, вешателя декабристов, истязателя Пушкина и Белинского, мучителя Герцена, душителя русской общественной мысли, «жандарма Европы» и, что гораздо важнее, сугубо жандарма у себя на родине, опиравшегося притом в своем удушении — русского народа и русской культуры на немцев — дуббельтов, бенкендорфов и т. п., убежденных врагов русского народа.

Начальные годы своей педагогической деятельности, с 1900 по 1908 гг., я провел в Закавказье, в Батуми и в Тбилиси. В течение всех годов пребывания в Закавказье я принимал активное участие в жизни местной демократической национальной общественности. В Тбилиси я был избран рабочими железнодорожных мастерских на должность председателя организованного ими общества народных университетов. Организовал и руководил работой народного университета, организовал 12 школ грамоты на родном языке для грузин, армян, татар, осетин, для русских, для айсоров [23] и других национальностей. В 1905—1906 гг. я возглавлял общественное движение местной интеллигенции. Я русский человек. Отец мой родился в Ярославле, мать — в Тверской губернии. В Закавказье я был свидетелем политики царского наместника, князя Г. С. Голицына, похвалявшегося тем, что он уничтожит всех армян, и их будут показывать только в музеях. Сменивший его наместник И. И. Воронцов-Дашков организовал армяно-татарскую резню, а 22 октября 1905 г. — черносотенный погром, в результате которого были разгромлены прекрасно оборудованные 1-ая мужская гимназия, где я состоял преподавателем, и духовная семинария, считавшиеся очагами революции. После погрома на улицах было подобрано много убитых и раненых.

Мне было поручено общественностью произвести обследование погрома. Я собрал обширный материал, в том числе и собственноручные показания свидетелей и лиц пострадавших, и составил подробный очерк погрома 1-ой мужской гимназии от его начала и до конца, и установил подлинных виновников и активных участников погрома. Таким оказалась известная черносотенная организация — «Союз русского народа», проводившая погром вооруженною силою запасных солдат царской армии и учеников царского юнкерского училища. Доклад мой был сдан в типографию для опубликования в печати, но из типографии он был изъят или выкраден. У меня на руках сохранился, однако, оригинал со всеми собственноручными показаниями свидетелей. В 1907 г. я вывез его с собой в Петербург и в 1935 г., в 30-ю годовщину революции 1905 г. в Закавказье, подарил его грузинскому правительству, которое сдало его на хранение и опубликование в Институт им. Сталина.

Я, русский человек, воспитанный на великой русской классической литературе, на идеях Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова, на «Капитале» Карла Маркса, наблюдая своими глазами национальную политику царского самодержавия в Грузии, никогда не отождествлял истребительной системы управления Кавказом князя Голицына или погромной системы Воронцова-Дашкова с политикой русского народа. Я солидаризировался с национально-освободительным движением местной национальной демократической общественности и с революционным движением рабочего класса, которые я рассматривал как органическую часть национально-освободительного и революционного движения русского народа. Это, конечно, не мое субъективное настроение. Это — настроение всей передовой русской общественности. Поэтому я очень рад был прочесть в «Истории Казахской ССР» следующие строки: «Сама по себе колониальная политика царизма не только не была «прогрессивной», а наоборот, стремилась задержать экономическое развитие колоний, искус-

ственно поддерживала самые отсталые формы хозяйства и быта, тормозила развитие национальной культуры. Вот почему передовые русские люди, заинтересованные в демократизации царской России, горячо сочувствовали национально-освободительной борьбе казахов, как и других народов, против царизма. Это совместная борьба казахского и русского народов против общего врага — царизма приближала час их освобождения от реакционно-феодальной власти и дальнейшей борьбы за победу социализма в нашей стране» (стр. 32).

Как известно, Грузия добровольно приняла русское подданство. Но что сделало для Грузии царское самодержавие за все сто с лишком лет своего владычества в Грузии в смысле подъема ее народного благосостояния и культуры? Ничего! Система управления Грузией была направлена к тому, чтобы затормозить рост местной промышленности, затормозить разработку богатейших недр земли, задержать развитие национальной культуры и всячески заглушить ее традиции. Известна история старинного Сионского собора в Тбилиси. Его старая фресковая грузинская живопись по распоряжению царского правительства была покрыта густым слоем извести, которая затем была расписана владимирскими богомазами. Я был поражен, когда, побывав в 1902 г. в Абхазии, узнал, что богослужение в этой древней стране христианства совершается на церковнославянском языке. Известно, что до революции 1905 г. в Закавказье не было ни одного высшего учебного заведения, а только в 1907 г. под давлением местной общественности был создан в Тбилиси местный комитет для разработки проекта создания политехнического института в Тбилиси. Я был членом этого комитета и принимал участие в его работах. Но требование местной общественности создать в Тбилиси университет не получило и в 1907 г. разрешения царского правительства. Такова была система аннексионистско-колониальной политики царского самодержавия в Закавказье вплоть до Октябрьской революции.

Спрашивается, как должен оценить эту систему историк грузинского народа? Он обязан заклеймить ее позором, и было бы чудовищным, немыслимым для передовой русской общественности ни в прошлом, ни тем более в настоящем, чтобы она усмотрела в этом отношении грузинской исторической науки к русскому царизму какое-то оскорбление чести или достоинства русского народа. А между тем нечто подобное мы сейчас наблюдаем со стороны некоторых русских историков по отношению к прекрасному труду «История Казахской ССР», который я рассматриваю как образцовый труд по истории национальностей Советского Союза. Аннексионистскую, колониальную, денационализаторскую и колонизаторскую политику царского самодержавия казахский историк не может рассматривать как положительное достижение в исторической жизни казахского народа. Советский историк это должен понимать. Убийственная аннексионистская колонизационная политика царского самодержавия не есть политика русского народа. Я решительно отмежевываюсь от этой политики и как русский человек клеймлю ее позором. Как бы некоторые русские историки ни пытались затушевывать эту политику, для меня остается незыблемым факт, что царская Россия была «тюрьмой народов», в том числе и тюрьмою русского народа, и что Великая Октябрьская социалистическая революция разрушила эту тюрьму до основания и впервые в истории ее народов создала все предпосылки для могучего роста национальной экономики, промышленности и культуры, в том числе и русского народа. Так именно и представлена в капитальном труде по истории Казахской ССР история казахского народа.

Когда нам приходится говорить о национально-освободительном движении героического чешского народа, для нас нет сомнений в том, что правда в данном случае — на стороне угнетенного захватнической колониальной политикой австрийских габсбургов чешского народа; что в подобном же случае правда — на стороне сербского и болгарского народов, боровшихся за свое освобождение с османской Турцией; что правда — на стороне польского народа, боровшегося за свое национальное

освобождение и государственную независимость с абсолютистско-колониальной политикой русского царизма, и что честный и самоотверженный Костюшко, возглавлявший повстанческую армию польского народа в его борьбе с русским царизмом, — подлинный герой польского народа.

Почему же национально-освободительное движение казахского народа, направленное против истребительной, грабительской, разбойничьей, аннексионистской политики русского царизма, я должен рассматривать иначе, чем национально-освободительное движение чешского, сербского, болгарского или польского народов, и усматривать оскорбление чести русского народа, когда казахский историк говорит о разбойничьих нападениях на казахские аулы и кочевья яицких и сибирских казаков или о карательных экспедициях оренбургских губернаторов, или о системе так называемых воинских поисков, которые совершались часто и по любому поводу и заключались в вооруженном грабеже казахских аулов царскими отрядами, и которые, как признался один из оренбургских губернаторов, производились потому, что они позволяли «составлять состояния»?

Почему сербский Карагеоргий или болгарские Василь Левский и Христо Ботев, или польский Костюшко [24], которые вооруженною рукою боролись со своими насильниками во имя освобождения родины и своего народа от угнетающей чуженациональной власти, — национальные герои, и почему такие же борцы за свободу казахского народа — Батыр Срым во второй половине XVIII в. или доблестный сын казахского народа Исатай Тайманов и его сподвижник, поэт-революционер Махамбет Утемисов [25] в первой половине XIX в., или Кенесары Касымов в XIX в. и т. д., честные сыны казахского народа, — не должны пользоваться нашим уважением? Потому, что они вели вооруженную борьбу за свободу и независимость казахского народа против русского царизма? В одном из своих писем к представителям царской власти Кенесары, перечисляя крупнейшие из грабежей, производимых русскими отрядами и султанами за период с 1825 по 1840 г., насчитывал 15 случаев насилий, грабежа, увоза девушек, продажи детей: «Итак, — писал Кенесары, — множество начальников отрядов с подобными, как султан-предатель Джамантай Букеев, и разбойничьими майорами без вины подвергали опустошительному разгрому множество аулов. За период с 1825 по 1840 г. они предали наши аулы 15 грабежам. Поэтому мы, казахи, не выдержав подобных притеснений, грабежей и убийства, вынуждены были перекочевывать в неизвестном направлении. Однако и здесь они не дали нам покоя. Поэтому я, Кенесары Касымов, вооружившись, поднялся во главе великой борьбы».

Я решительно возражаю против раздававшихся здесь обвинений со стороны некоторых товарищей в том, что будто бы «История Казахской ССР» писалась без плана и т. п. Мне известно, как этот труд писался, как вдумчиво и детально был разработан его план, как этот план проходил через руководящие инстанции, сколько огромного труда было положено казахами-историками на его создание и какую огромную работу по его оформлению проделали редакторы этого труда, в том числе один из уважаемых наших историков и выдающихся общественных деятелей А. М. Панкратова.

Я считаю большой заслугой русской исторической науки, что она помогла казахскому народу написать свою историю как солидный научный труд, написанный в строгом соответствии с указаниями Ленина и Сталина по колониальному и национальному вопросам, а также с замечаниями тт. Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по истории СССР, требовавших подчеркивать «аннексионистско-колонизаторскую роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками», и с указаниями их же на необходимость показывать «условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России» иначе — «Октябрьская революция, как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, равно как немотивированным остается и создание Союза ССР». Авторами «Истории Казахской ССР» учтено было также очень важное указание жюри правительствен-

ной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР о том, что при изучении истории народов СССР изображать эти народы не как объекты истории, а «ввести в качестве субъектов истории также и другие народы, порабощенные царской монархией и освобожденные от национального гнета Великой социалистической революцией».

Нельзя, товарищи, смешивать советский патриотизм с патриотизмом «Союза русского народа». Советский патриотизм покоится на незыблемых традициях Октябрьской социалистической революции, на основах национальной политики великой партии Ленина — Сталина, на принципах советского социалистического государственного строительства. Нельзя переводить советский патриотизм на старые, прогнившие рельсы зоологического патриотизма или патриотизма вообще. Советский патриотизм — это детище Октябрьской социалистической революции, это детище огромной организационной работы партии и советского правительства, Ленина и Сталина. Вот наши учителя в деле воспитания патриотизма. Советский патриотизм есть не только социалистический патриотизм, но и сугубо критический патриотизм. Этого нельзя забывать.

Ложно понятый советским историком патриотизм может легко привести к возрождению в нашей исторической науке старых легенд помещиков и буржуазии, вредных для подлинной исторической правды, которую советский историк обязан раскрывать в своих трудах. Было бы грубейшей ошибкой и немыслимым положением вещей, если бы, исследуя тот или иной исторический факт, советский историк, игнорируя все положения марксистско-ленинской теории, стал подходить к его оценке с мерилом великодержавного национал-шовинистического патриотизма, а не с мерилом истории борьбы рабочего класса и интересов советского социалистического государственного строительства. Я убежден в том, что ни один из народов, угнетенных русским царизмом в прошлом и освобожденных из «тюрьмы народов» Великой октябрьской социалистической революцией, не может петь гимнов денационализаторской аннексионистской политике русского царизма, и во имя ложно понятого некоторыми русскими историками патриотизма забывать и игнорировать свое родное национально-освободительное движение, направленное против русского царизма, а тем самым затушевывать великую освободительную роль Октябрьской социалистической революции от национального угнетения.

Может быть, политика русского царизма в Грузии, в Казахстане, в Польше и в других подобных случаях не была аннексионистско-колонизаторской и денационализаторской политикой, но политикой, диктовавшейся интересами государственной безопасности и охраны государственных границ? Нет, такою она не была! Об этом вопиют факты, характерные именно для захватнической колониальной политики русского царизма в национальных областях. Надо было бы предварительно выбросить из истории угнетенных царизмом народов эти факты для того, чтобы политику тюремщика угнетенных народов превратить в политику их благодетеля. Но в таком случае подлинную историческую науку мы должны были бы превратить в лженауку.

Есть и другая опасность, угрожающая, с моей точки зрения, исторической правде, вставшая перед советскими историками за годы войны. Это именно ретроспективная оценка аннексионистско-колониальной политики русского царизма в таких национальных областях, как Грузия, Польша, Казахстан и. т. п., то есть оценка этой политики с перспективной точки зрения более позднего времени. В силу этой точки зрения русский царизм своею аннексионистско-колониальной политикой в национальных областях преследовал, будто бы, интересы обеспечения государственной безопасности России со стороны Индии, Китая и Ирана. Но документальных данных в этом смысле не приводится никаких, а между тем имеется склонность этому домыслу принести в жертву подлинную историческую действительность и тем самым если не совершенно аннулировать всю аннексионистско-колониальную политику русского царизма в национальных областях, то в значительной мере смягчить и затушевать ее. С моей точки зрения, эта

искусственно и ретроспективно навязываемая политике русского царизма тенденция не отвечает ни интересам советской исторической науки, ни интересам советского социалистического строительства в наших национальных республиках.

Советским историкам известно требование, чтобы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР и чтобы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, от мировой истории. И это требование они проводят на практике в своих трудах, как это мы имеем, например, в учебнике «Истории СССР». Хотелось бы, однако, чтобы это важное требование советские историки освоили еще шире по линии еще большей увязки истории России с историей славянских народов. Я считал бы сейчас обязательным для всех советских историков по Западу и России изучение истории славянских народов — этого требуют от нас интересы международной политики и исторической методики.

Начиная с VI в. нашей эры славяне занимают самые обширные пространства на европейской территории начиная от Подонья на Востоке и кончая Залабьем, бассейном р. Заалы и Адриатическим побережьем — на Западе, Балтийским побережьем — на Севере и Балканским полуостровом, Причерноморьем и Приазовьем — на Юге. Начиная с VI—VII вв. и в течение всего последующего времени вплоть до настоящего дня славянские народы стоят в самой гуще международных отношений и играют значительную роль в истории народов Запада и Востока. Это настолько значительный фактор в истории народов Европы, в том числе и истории России и СССР, что игнорировать его означало бы априорный, сознательный отказ от изучения подлинной исторической действительности народов Европы, России и Советского Союза и сознательное ограничение исторического познания. Русские, украинцы и белорусы вместе образуют восточную ветвь славянского народа, то есть его органическую часть. На известных этапах исторического развития этой части она тесно связана со своим целым и вместе с ним переживает общий исторический процесс своего развития.

Такие проблемы, как: проблема происхождения русского народа, проблема общественного строя у восточных славян в древности, процесс зарождения и развития феодальных отношений и становления феодального строя у восточных славян, восточные славяне и Византия вплоть до XV в., международные славянские связи и отношения России в древности, в частности русско-польские отношения, славяно-германские отношения начиная с VII в. и русско-германские отношения как их прямое продолжение начиная с XIII в., религиозно-рационалистические движения у славян (богомильство X в., гуситские войны и реформация в XV в.) [26] и их отражения в истории русской общественности, завоевания славянских народов Балканского полуострова, северного Причерноморья и Приазовья османскими турками и начало русско-турецких отношений; обширную и очень важную страницу в истории России составляют русско-славянские отношения со времен Петра I.

Нельзя знать по-настоящему польской политики Екатерины II и ее подлинной роли в истории разделов Польши 1772, 1793 и 1795 гг. без детального изучения польско-германских отношений, то есть истории Польши в XVIII веке. Нельзя по-настоящему понимать историю общественного движения в России в начале XIX в. без изучения истории славянского возрождения в конце XVIII и в начале XIX в., нашедшего себе широкий отклик в идеологии Общества соединенных славян и левого крыла декабристов, Кирилло-мефодиевского братства [27] и, в частности, в творчестве его члена, Тараса Григорьевича Шевченко, восторженного демократа-панслависта.

Славянско-русскими отношениями, тесно переплетающимися с широкими международными отношениями, переполнена вся русская история XIX века. И т. д. Только изучение истории славянских народов, изучение истории многовековой борьбы славянских народов с немецкими захватчиками и излюбленных пруссаками методов международной политики,

основанных на закулисных интригах, лжи, клевете и провокации, на системе натравливания славянских народов друг против друга, и в первую очередь польского народа против России и русского народа, расшифровывает подлинный смысл прекрасного пушкинского стихотворения 1831 г. «Клеветникам России», представляющего собой гневный окрик русского поэта, вырвавшийся из его груди, в защиту русского народа и его чести против западных клеветников, интриганов и провокаторов. Эта политическая система, характерная для пруссаков-пангерманистов, остается в полной силе и в политике империалистической Германии и его фашистской своры.

Русским историкам надо знать, что в кругах немалочисленных наших врагов на Западе русский народ и его история опутаны густой сетью интриг и клеветы, и в этой плоскости западными историками нередко освещается и наша международная политика, и наша история. Нам надо быть постоянно начеку, быть постоянно во всеоружии критической исторической мысли и никогда не принимать ничего на веру идущего к нам от западной буржуазной науки. Руководством в этом нам могут служить марксистско-ленинская теория и собственное социалистическое сознание.

Заявление А. М. Панкратовой: Секретарю ЦК ВКП(б) Щербакову А. С.

Прошу Вашего разрешения огласить [28] следующее мое заявление:

1) Учитывая замечания критиков и рецензентов, а также сознавая необходимость всемерного улучшения напечатанной год тому назад книги «История Казахской ССР», являющейся первым в СССР опытом создания истории советской национальной республики с древнейших времен до наших дней, коллектив авторов постановил приступить к переработке книги на русском языке и к подготовке ее издания на казахском языке.

Стремясь сделать подлинно большевистскую книгу, воспитывающую казахский народ в духе преданности к советской родине и дружбы народов, особенно к великому русскому народу, авторы просят здесь присутствующих историков внести все имеющиеся у них поправки и конкретные замечания, чтобы учесть все возможное и необходимое для улучшения книги.

2) Вместе с тем авторы книги, дважды обсудив рецензию Яковлева и изложенные в ней установки, не считают возможным принять их как не соответствующие основам марксизма-ленинизма в вопросах национально-колониальной политики, а политически имеющие тенденцию великодержавного шовинизма, способную лишь вызвать реакцию местного шовинизма, а не бороться с ним.

3) Считаю своим долгом заявить мое решительное личное несогласие (авторский коллектив об этом не знает) с принципиальными установками проф. Ефимова, высказанными им в его выступлении 10.VI, которые несмотря на всякие оговорки, правильные общие положения и цитаты являются, как и все выступление проф. Яковлева, вопиющим разрывом с духом и смыслом учения Ленина-Сталина по национальному и колониальному вопросу. Так называемые пять пунктов теории колонизации проф. Ефимова, в которых нет ни малейшего классового подхода к колониальному вопросу, по сути дела, воспроизводят бернштейнианско-ревизионистскую позицию, как она особенно ярко проявилась на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 году. Эта позиция, не признавая колониальных войн, захватов и завоеваний, все дело сводит к неправильным «методам» отдельных колонизаторов и так же безоговорочно, как это сделал проф. Ефимов, объявляет «колонизацию» фактом объективно-прогрессивным, осуждая «вожаков национально-освободительных движений».

Требуя не отрывать истории колоний от России и других колоний, проф. Ефимов фактически, как и проф. Яковлев, становится на путь отказа от первого и основного требования марксистско-ленинской исторической науки — рассматривать историю народов нашей страны не как объект, а как субъект истории. Фактически же это требование проф. Ефимова

в замаскированной форме означает отнесение всех народов СССР, кроме русского, к народам «неисторическим».

Я не могу также ни согласиться, ни принять мотивировку проф. Ефимова в его возражении по поводу «теории» наименьшего зла в отношении к истории Казахстана. Ссылаясь на устаревшее и неверное положение историка Соловьева о том, что малая страна неизбежно становится ареной борьбы за нее и вокруг нее сильных соседей, и поэтому (следует сделать вывод) малые и слабые страны не имеют права рассчитывать на самостоятельное и независимое существование, а должны искать себе сильного покровителя, в состав которого они должны войти, проф. Ефимов считает неизбежным присоединение в будущем Казахстана к Англии (если бы не царская Россия), хотя «Англия и не оставила документальных справок о планах своей экспансии».

Возможность (а не реальность в XVIII—XIX вв.) экспансии Англии мы не отрицали. Но, не обладая документами и фактами переговоров, нападений и даже торговых или иных значительных операций англичан в Казахстане в этот период, мы не считали себя вправе (ни с научной, ни с политической стороны) становится на путь сомнительных оценок намерений и замыслов англичан в Казахстане в будущие времена.

4) Выступление т. Минца по вопросу о применении «теории» наименьшего зла в отношении Казахстана, к сожалению, ничего не дало для улучшения нашей книги, так как т. Минц не привел ни одного факта и ни одного документа, а сослался на то, что наша книга дает материал для такого рода общей оценки присоединения. Действительно, мы старательно отметили все факты двойной агрессии в отношении Казахстана, чтобы казахи знали, что им приходилось бороться за свою независимость и до русского завоевания, и во время этого завоевания. Мы показали, что казахам несли Китай, Джунгария, среднеазиатские ханства и т. п., но к концу XIX в., когда завершилось завоевание, эти агрессоры были все слабее царской России. Мы не считали необходимым говорить казахам, что у них была какая-то возможность выбора (ее не было уже), но мы отделили царизм и его политику от русского народа и его жизненных интересов, показав, что свержение царизма и его национального и социального гнета отвечает коренным интересам русского, казахского и всех остальных народов России.

Если по каким-либо соображениям, каких мы, видимо, не учли, необходимо подчеркнуть, что изложенная в нашей книге двойная агрессия и есть «теория наименьшего зла», мы оставляем за собой возможность вернуться к этому вопросу и продумать, в какой форме и степени эту «теорию» применить в истории Казахстана.

5) От имени авторского коллектива, из членов которого здесь, к сожалению, никто не присутствует, я еще раз убедительно прошу организовать (м. б. в Управлении пропаганды) конкретное обсуждение «Истории Казахской ССР» с вызовом местных авторов и редакторов, поскольку этот вопрос стал крайне остро именно в Казахстане и является для него вопросом решающего значения, затрагивая все вопросы пропаганды и агитации и глубоко задевая национальные чувства казахов.

А. Панкратова

22.VI.1944 г. [29].

(Продолжение следует)

Примечания

1. На заседании 22 июня присутствовали: Аджемян, Аманжолов, Базилевич, Бахрушин, Бушуев, Васецкий, Волгин, Волин, Галкин, Генкина, Городецкий, Греков, Державин, Еголин, Ефимов, Иовчук, Ковалев, Косьминский, Кружков, Кузаков, Минц, Мишулин, Морозов, Нечкина, Панкратова, Поликарпов Д. А. (1905—1965, член КПСС с 1924 г., в 1939—1944 гг. — зав. отделом и зам. начальника Управления агитации и пропаганды

ЦК ВКП(б), Ратнер, Рубинштейн, Светлов, Сидоров, Слепов, Тарле, Толстов, Удальцов, Фатеев, Федосеев, Хвостов, Шамберг, Шарова, Щербаков, Яковлев А. И. Яковлев Н. Н. (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 204—206).

2. Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отч. М. 1963, с. 181.
3. Там же, с. 598.
4. СТАЛИН И. В. Соч. Т. 13, с. 105.
5. Богословский М. М. (1867—1929) — историк, академик АН СССР, автор трудов и публикаций документов по истории абсолютизма, местного управления в XVII—XVIII вв., материалов для биографии Петра I (тт. 1—5).
6. Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
7. ГАФУРОВ Б., ПРОХОРОВ Н. Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины. Очерки по истории таджиков и Таджикистана.
8. Речь идет о письмах К. Маркса Ф. Энгельсу от 2 июня 1853 г. в Манчестер и Энгельса Марксу в Лондон от 6 июня, в которых упоминается книга французского путешественника Ф. Бернье (1625—1688) «Путешествия, содержащие описание государства Великого Могола, Индостана, Кашмирского царства и т. д.» (1830). (МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 28, с. 214—215, 222).
9. Хакк-Назар (ум. 1580) — казахский хан; в 1573 г. русское правительство пыталось установить с ним отношения.
10. Срым Датов (Батыр Срым) (ум. 1802) — руководитель восстания крестьян и части патриархально-родовой знати в Казахстане против царизма, хана и султанов Младшего жуза в 1783—1797 годах. Восстание потерпело поражение из-за раскола среди восставших.
11. Речь идет о Московском университете.
12. СТАЛИН И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1942. В 1944 г. вышло четвертое издание книги.
13. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 19, с. 52—53.
14. СТАЛИН И. В. *Вопросы ленинизма*. 11-е изд. М. 1952, с. 4—5.
15. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 12, с. 331—332.
16. Там же. Т. 26, с. 106—110.
17. СТАЛИН И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 4-е изд., с. 26, 28.
18. Там же, с. 109—111.
19. Большевик, 1937, № 17, с. 11.
20. Лященко П. И. (1876—1955) — экономист, член-корреспондент АН СССР, автор трудов по аграрным проблемам и истории народного хозяйства СССР.
21. Убийство народовольцами Александра II.
22. «Ходынка» — катастрофа на Ходынском поле в Москве 18 мая 1896 г. во время раздачи подарков по случаю коронации Николая II, где погибло 1389 человек; «Цусима» — сражение 14—15 мая 1905 г. в Корейском проливе у о. Цусима во время русско-японской войны, где была разгромлена приплывшая с Балтики русская эскадра.
23. Ассирийцы.
24. Карагеоргий (Петрович Г.) (1768—1817) — руководитель первого сербского восстания 1804—1813 гг. против османского ига, основатель династии Карагеоргиевичей; Левский (Иванов) В. (1837—1873) — болгарский революционный демократ, участник 1 и 2 военных соединений болгарских эмигрантов 1861—1862, 1867—1868 гг., созданных для борьбы за освобождения Болгарии, казнен турками; Ботев Х. (1849—1876) — болгарский революционный демократ, поэт, с 1874 г. — член болгарского революционного комитета, погиб в бою с турками; Костюшко Т. (1746—1817) — руководитель польского восстания 1794 года.
25. Махамбет Утемисов (1804—1846) — казахский поэт, участник антиколониальных и антифеодальных восстаний под руководством И. Тайманова.
26. Богомильство — еретическое, антифеодальное движение на Балканах в X—XIV вв.; гуситские войны 1419—1437 гг. — борьба чешского народа против католической церкви, феодального гнета и немецкого засилья; реформация — общественное движение в Западной и Центральной Европе в XVI в. против католической церкви.
27. Общество соединенных славян — тайная революционная организация декабристов на Юге России в 1823—1825 гг.; Кирилло-мефодьевское братство — тайная политическая организация разночинной интеллигенции в Киеве в 1845—1847 годах.
28. Данное заявление находится в тексте стенограммы; очевидно, оно было оглашено на заседании 22 июня.
29. 27 июня 1944 г. Ефимов обратился с письмом к Щербакову с возражениями по поводу этого заявления (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 75—82).

ISSN 0042-8779

ВИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/96

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году

Заседание 8 июля 1944 года [1]

Щ е р б а к о в (председательствующий). Продолжим работу нашего совещания. Слово имеет т. Ковалев.

К о в а л е в. Я остановлюсь на одном вопросе, который в прениях не нашел достаточного отражения,— на вопросе о том, что до сих пор в советской исторической науке не преодолено до конца пренебрежительное отношение к великому прошлому нашей Родины, которое насаждалось длительное время антимарксистской «школой Покровского». В 1936 г. при опубликовании замечаний тт. Сталина, Жданова и Кирова ЦК и СНК отмечали, что попытки ликвидации истории как науки связаны с распространившимися взглядами «школы Покровского»: «Совнарком и ЦК указывают, что задача преодоления этих вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и подъема исторического образования в СССР, имеющих важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения». Советские историки проделали большую работу по ликвидации этих вредных взглядов, и это дало возможность создать учебники по истории и двинуть вперед историческую науку. Однако сделано еще не все. Следует указать, что пренебрежительное отношение к прошлому нашей Родины насаждалось не только «школой Покровского», но всей дворянской и буржуазной историографией. Это пренебрежение вытекало из неправильных методологических основ дворянской и буржуазной историографии.

С одной стороны,— метафизический рационализм, считавший все предшествующее развитие человечества сплошным заблуждением, ошибкой, с другой стороны — идеалистическая философия, связанная с именем Гегеля, с ее презрением к народным массам, с ее отрицанием творческой роли трудящихся в истории, наконец, политическая позиция историков, по преимуществу консервативная,— все это являлось идейным источником пренебрежительного отношения к прошлому. Это пренебрежение в той или иной степени свойственно всем дворянским и буржуазным историкам России начиная от Карамзина и кончая Ключевским. Наиболее полно оно сказалось в характеристике русского народа, данной историком Погодиным [2]. Погодин указывал, что «основное свойство русского народа — это покорность и равнодушие». Русский человек изображается как «сиволапый увалень, настоящий медведь, национальный зверь наш». Основоположник

П р о д о л ж е н и е. См. Вопросы истории, 1996, №№ 2—6.

«государственной школы» Кавелин писал, что «Европа и Россия —— это два отдельных мира. Россия в отличие от Европы — это мужицкое царство. Народные массы у нас не сформировались еще, не осели. Это какая-то этнографическая протоплазма, «калужское тесто»». Даже Соловьев высказывал подобные взгляды с той лишь разницей, что вместо «калужского теста» у него народные массы — это «жидкий элемент», который нуждается в опеке монархического государства. Такова в сущности точка зрения и у Ключевского. Ликвидация этого пренебрежительного отношения к нашему прошлому, которое было свойственно дворянской и буржуазной историографии и «школе Покровского», является важнейшим условием для создания подлинной исторической науки.

Рецидивы такого рода взглядов сказываются в нашей исторической науке. Это проявляется, в частности, в том, что среди части советских историков укоренился совершенно неверный взгляд, согласно которому наука, литература, искусство в России всегда отставали в своем развитии от культуры Запада, а выдающиеся деятели России — ученые, писатели, деятели культуры и искусства — являлись простыми подражателями культуры Запада и не создали ничего самостоятельного. Дело представляется таким образом, что Россия и русские ничего не дали миру ценного, а находились как бы на иждивении Запада. Для примера возьму первый том учебника для исторических вузов (под редакцией Лебедева, Бахрушина, Грекова). В этом томе есть глава, которая называется «Русская культура XVII века». Как подается эта глава, как описывается развитие русской культуры XVII века? XVII век — это особый век, век Болотникова, Разина, век, когда русский народ отбил нашествие польско-шведских интервентов, век Богдана Хмельницкого, когда произошло воссоединение русского и украинского народов. В это время русский народ уже имел богатую культуру. Взять, к примеру, такое глубоко патриотическое произведение, как «Плач о пленении и окончательном разорении русского государства», как «Повесть об Азовском сидении донских казаков» и т. д. Но авторы не нашли ничего лучшего, как характеризовать развитие русской культуры в течение всего XVII в. словами изменника Родины Котошихина [3]. Известно, что Котошихин будучи служащим в одном из приказов продавал государственной важности документы иностранцам, затем бежал за границу и там по заказу шведского канцлера Магнуса Делагарди написал пасквиль на русское государство и русский народ. Авторы учебника цитируют наиболее отвратительные места этого пасквиля. В учебнике приводятся, например, такие слова Котошихина: «Русские люди природою своею спесивы и непривычны ко всякому делу, понеже в государстве своем научения никакого доброго не имеют и не приемлют кроме спесивости и бесстыдства и ненависти и неправды...»

Приведя эту клевету на русский народ, авторы пишут: «Котошихин живо отражает потребность в более высоком образовании, которая ощущалась в Московском государстве XVII века». В учебнике по истории для неисторических факультетов вузов Котошихин прямо характеризуется как передовой деятель России. Вслед за высказываниями Котошихина авторы приводят писания другого изменника Родины, князя Хворостинина [4]. Как известно, Хворостинин был приближенным Лжедимитрия I, ставленника польских интервентов, и писал свои «сочинения» на польском языке. Он презирал все русское и даже пытался бежать в Литву, за что был арестован. Тем не менее авторы приводят высказывания Хворостинина о русских людях, в которых он говорит, что «в Москве людей нет, весь люд глупый, жить не с кем» и у него общения с русскими людьми не может быть никакого. Непонятным становится, почему эти писания изменников родины Котошихина и Хворостинина отнесены к русской культуре XVII в. и зачем привели авторы их высказывания для характеристики развития русского народа.

Далее, в той же главе авторы приводят высказывания о России хорвата Юрия Крижанича [5]. Затем идет подзаголовок «Немецкая слобода», в которой повествуется о культурной миссии немцев в Московском государстве. После этого следует заголовок «Украинско-Белорусское влияние», затем

идет «Борьба украинского и греческого влияний», где русское государство изображается как пассивный объект для борьбы иностранных культурных влияний. Лишь после всех этих высказываний авторы дают краткую характеристику состояния культуры, науки, искусства в Московском государстве XVII в., причем в характеристике состояния культурной жизни русского государства преобладающее внимание отводится иноземному влиянию. Во всей этой главе проводится мысль, что никакой самостоятельной культуры в русском государстве XVII в. не было, что русский народ — это тупой, ни на что не способный народ, нуждающийся в постоянной опеке иностранцев.

Нечего говорить, насколько неправильно такое изложение истории нашей страны. Тот же учебник приводит далее следующую характеристику Радищева: «Радищев — типичный ученик французских рационалистов и враг мистицизма, хотя в некоторых его философских представлениях материалистические идеи Гольбаха и Гельвеция неожиданно смешиваются с идеалистическими представлениями, заимствованными у Лейбница, которого Радищев изучал в Лейпциге. Его идеи о семье, браке, воспитании восходят к Руссо и Мабли. Общая мысль о свободе, вольности, равенстве всех людей сложилась у Радищева под влиянием другого французского просветителя — Рейналя» [6]. Таким образом, Радищев рисуется простым эпигоном западных деятелей. Даже мысль о свободе у него, оказывается, навеяна не условиями России, а навеяна Рейналем. Подобным же образом характеризуется и другой великий русский революционер-демократ Белинский.

Понятно, что передовые люди нашей страны воспринимали и использовали прогрессивные идеи и достижения Запада и всего человечества. Историческое величие и сила выдающихся деятелей в том и состоит, что они поднимаются до вершин науки и культуры своего времени. Без этого они не могли бы сыграть своей выдающейся роли в истории. Не могло быть Пушкина без Эсхила, Виргилия, Шекспира, Рабле, Гёте и др. Однако нелепо было бы считать, что выдающиеся деятели России — писатели, ученые, деятели искусства, передовые государственные деятели — были простыми подражателями и популяризаторами достижений Запада. Передовые идеи выдающихся деятелей России, все их духовное творчество вытекали из потребностей развития нашей страны и играли большую прогрессивную роль в развитии России. Толстой по поводу спора славянофилов и западников писал: «Петр, т. е. время Петра, сделало великое необходимое дело; но, открыв себе путь к орудиям европейской цивилизации, не нужно брать цивилизацию, а только ее орудия для развития своей цивилизации. Это и делает народ» (Толстой Л. Избранное, с. 140—141).

Представление о том, что Россия в своем духовном развитии слепо подражала Западу, противоречит важнейшему тезису марксистской науки о том, что идеи людей возникают на основе их общественного бытия, вырастают из условий материальной жизни общества. Ясно также, что, достигая вершин мировой культуры, русские выдающиеся деятели создали величайшие духовные ценности, которые явились замечательным вкладом в мировую культуру и оказали на нее огромное влияние. Энгельс в письме Е. Э. Паприц, русской эмигрантке в Лондоне, в 1884 г. писал: «Мне кажется, что Вы немного несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть еще кое-где блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только о революционных социалистах, действующих на практике, но также об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в этом отношении в Германии и Франции официальной исторической наукой» (Соч. Т. XXVII, с. 389) [7].

Другим проявлением пренебрежительного отношения к великому прошлому нашей Родины является такое освещение истории, когда на первый план выдвигаются реакционные моменты и совершенно забываются, упускаются прогрессивные стороны. Если мы опять возвратимся к учебникам,

а учебники более всего отражают состояние нашей исторической науки, то там можно найти довольно пространные описания таких отрицательных сторон нашей истории, как бироновщина, реакция Павла I, Николая I, реакция 80—х годов и т. д. Там можно найти подробное описание аракчеевщины и Аракчеева, там, например, много говорится о мракобесе архимандрите Фотии, приводится такая деталь, что Фотий был интимно близок к графине Орловой-Чесменской и т. п. В характеристике Победоносцева указывается такая мелочь, что он произносил речи, «бледный, как полотно, нервно волнуясь», и т. д. Но в учебниках для вузов не найти даже упоминания фамилий адмиралов Ф. Ф. Ушакова и М. П. Лазарева. Конечно, неправильно было бы совсем не писать о реакционерах и мракобесах. Однако об Ушакове и Лазареве нужно писать прежде и больше, чем о Магницком [8], который знаменит лишь тем, что учинил погром в Казанском университете, и «подвиги» которого подробно расписаны в учебнике для вузов. Недавно произошла странная вещь. Когда правительство учредило орден Ушакова, то не было ни одной работы, где бы можно было посмотреть, кто такой Ушаков. Даже историки, кончившие исторические факультеты, не знали ничего об Ушакове, так как в учебнике, по которому они учились, эта фамилия не упоминалась.

Дальше, в этом же учебнике не дано характеристики Суворова. Там имеются личные характеристики почти всех реакционных деятелей, но имя Суворова упоминается только в связи со взятием тех или иных крепостей и ничего не говорится о значении Суворова в развитии русской армии, русского военного искусства, ничего не говорится о том, что Суворов был великим военным преобразователем, создавшим новую военную науку и новые методы военного воспитания. Во II т. учебника для вузов при описании Бородинского сражения можно найти самые подробные описания того, как руководил французскими войсками Наполеон, какие части куда посылал, когда и куда выехал, как наблюдал за сражением и т. д., но ничего не говорится о том, как руководил русскими войсками Кутузов. (Нечкина. Там это есть.) Это так, т. Нечкина. И там, где никак нельзя обойтись без Кутузова, там говорят: «русское командование». Это более чем странное описание Бородинского сражения. Или взять такой момент, как иллюстрации. На этом тоже воспитываются наши школьники. В учебнике Панкратовой, переизданном в 1943 г., напечатаны рисунки и гравюры Чингисхана, Батыя, Тамерлана, Лжедимитрия, но нет изображений Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина, Пожарского. (Панкратова. Их вообще нет.) Если взять старые учебники, Вы в них найдете иллюстрации, показывающие битву на Неве и т. п. Можно было бы вместо портрета Лжедмитрия дать снимок известного памятника Минину и Пожарскому. Наконец, можно было взять кадры из фильмов, изображающие, например, Ледовое побоище, и др. Это было бы более правильным, чем давать портреты тех, кто разорял русскую землю. Имеются рецидивы «школы Покровского» в оценке таких деятелей, как Минин и Пожарский. В недавно вышедшей работе проф. Сыромятникова «Регулярное государство Петра I и его идеология» дана такая же характеристика событий начала XVIIв., какую давал этим события Покровский.

Характеризуя события начала XVII в., проф. Сыромятников пишет: это была «эпоха революции начала XVII века, когда, отбив последнюю атаку феодальной знати, торговые люди по призыву Козьмы Минина, поддержав выступление дворянского ополчения под водительством кн. Пожарского, не только совершили свой «патриотический» подвиг, освободив общими усилиями «Царство русское» от иноземной интервенции, но и покончили с угрозой социальной революции со стороны народных масс» (с. 140). Таким образом, проф. Сыромятников извратил характер событий начала XVII в., представил их по Покровскому. Минина и Пожарского он называет лжепатриотами, так как их подвиг берется в кавычки, народное ополчение Минина и Пожарского Сыромятников называет дворянским ополчением, острие борьбы которого было направлено якобы против «социальной революции». Считаю целесообразным

привести характеристику Минина и Пожарского, данную в свое время Белинским: «Вот,— думаю я, вот два исполина веков, обессмертившие имена свои пламенною любовью к милой Родине. Они всем жертвовали ей: имуществом, жизнью, кровью. Когда отечество их находилось на краю пропасти, когда поляки овладели матушкой Москвой, когда вероломный король их брал города русские,— они одни решили спасти ее, одни вспомнили, что в их жилах текла кровь русская. В сии священные минуты забыли все выгоды честолюбия, все расчеты подлой корысти и спасли погибающую отчизну».

Многие историки при изображении деятелей прошлого подходят к их оценке антиисторически, забывая при этом важнейшее требование марксизма — рассматривать исторические события в зависимости от условий, места и времени. Забывается важнейшее указание Ленина, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками» (Ленин В. И. Соч. Т. II, с. 51) [9].

Особенно неправильно, односторонне изображается в учебниках по истории развитие культуры. Развитие науки, литературы, искусства обычно рассматривается под углом зрения реакционных мероприятий царизма. В учебнике для средней школы под редакцией А. Панкратовой такие разделы истории СССР, как «Формирование идейных течений и общественное движение 30—50-х годов», «Наука, литература, искусство в первой половине XIX в.», «Культура народов царской России в первой половине XIX в.», даются в главе «Царизм — жандарм Европы». Почему деятельность Пушкина, Белинского, Шевченко должна освещаться в главе «Царизм — жандарм Европы», непонятно. Следует отметить, что события Отечественной войны 1812 г. освещаются в этом учебнике в главе «Царизм в период наполеоновских войн», как будто бы Отечественная война 1812 г.— дело царизма. Это говорит также о том, что у наших историков с периодизацией истории СССР дело запутано. В этом же учебнике в разделе «Просвещение и культура в России перед революцией» (1907—1917 гг.) не дается характеристики развития передовой русской культуры, а описываются лишь реакционные мероприятия царизма и упадочные явления в области буржуазной культуры и искусства.

«Настоящие народные ученые не получали ни признания, ни поддержки,— говорится в этом учебнике,— великий генетик-селекционер И. В. Мичурин не был признан ученым-исследователем, хотя к Мичурину приезжали учиться даже американцы. Непризнанным оставался и другой крупный ученый — Циолковский, сконструировавший дирижабль за 10 лет до появления «Цеппелина». Он вынужден был оставаться преподавателем математики в Калуге и вести научную работу на свои крайне скромные средства. Выдающийся механик, отец русской авиации Н. Е. Жуковский поставил изучение аэродинамики и теории самолетовождения, но его работы нашли применение только при советской власти. Первые русские летчики (Россинский, Уточкин и др.) совершали свои полеты, рискуя жизнью, на плохих предпринимательских самолетах для увеселения публики». О таких писателях, как Блок и Брюсов, говорится лишь следующее: «Настроения упадочничества чувствовались в творчестве даже таких поэтов, как Блок и Валерий Брюсов». И далее: «В творчестве выдающегося композитора Скрябина (1871—1915 гг.), новатора в области музыкальной формы, также находили свое отражение элементы мистики и символизма». Таким образом, вместо изображения великих культурных достижений русского народа и его выдающихся представителей авторы учебника излагают лишь реакционные мероприятия царизма в борьбе с передовой культурой, о самой же культуре не говорится ничего. Школьники из этого описания ничего не узнают ни о Мичурине, ни о Циолковском, ни о Жуковском, ни о Блоке, ни о Брюсове, ни о Скрябине и т. д.

В этой связи необходимо привести интересное высказывание Л. Н.Толстого о русской истории. Он писал: «Читаю «Историю» Соловье-

ва. Все, по истории этой, было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, правеж, грубость, глупость, неуменье ничего сделать. Правительство стало исправлять. И правительство это такое же безобразное до нашего времени. Читаешь эту «Историю» — и невольное приходишь к заключению, что рядом безобразий совершалась история России. Но как же так ряд безобразий произвел великое, единое государство? Уже это одно показывает, что не правительство производило историю. Но, кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли, невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто делал парчи, сукна, платья, камни, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня? Кто блюл святыню религиозную, поэзию народную, кто сделал, что Богдан Хмельницкий передался России, а не Турции и Польше? Народ живет».

Негативное, нигилистическое освещение истории России, которое свойственно многим нашим историкам, может привести к превратному представлению о прошлом нашей Родины. Создается впечатление, что лицо нашей страны определяли одни реакционеры. При этом упускается важнейшее указание Ленина о наличии до Октябрьской социалистической революции в русской нации двух наций и в русской культуре — двух культур. Понятно, что подлинными представителями русской нации, патриотами своей Родины всегда были передовые прогрессивные деятели России, а не царизм и его верные слуги. Понятно также, что если нация и культура пуришкевичей, гучковых, струве все более и более шли к упадку, то нация и культура Чернышевского, Толстого, Горького, Менделеева, Тимирязева, Павлова, Плеханова, Ленина, Сталина все более и более крепли и развивались. Забвение этого приводит к антинаучному освещению истории нашей страны, затрудняющему воспитание чувства любви к Родине, чувства национальной гордости в советском народе. «Мы полны чувства национальной гордости, — писал Ленин, — ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами» (соч. XVIII, с. 81) [10]. Это чувство национальной гордости еще более укрепляется от сознания того, что русская нация показала непревзойденные образцы борьбы против иноземных поработителей, благодаря которой человечество было спасено от тирании монголов, Наполеона и других завоевателей. Русская нация может гордиться тем, что именно она дала миру выдающихся представителей литературы, науки, искусства и высшее достижение русской культуры — ленинизм, приобретший всемирно-историческое значение, что она привела народы СССР к созданию самого передового общественного строя — советского строя. В период Отечественной войны Советского Союза чувство национальной гордости русского народа еще более окрепло от сознания того, что народы СССР во главе с великим русским народом сумели остановить фашистские войска, поработившие многие государства Европы, и нанести гитлеровской армии непоправимые поражения.

Некоторые советские историки, выпячивая отрицательные явления и принижая прогрессивные стороны в дореволюционной истории нашей страны, искажают ту историческую истину, что история нашей Родины с древнейших времен и до наших дней со всеми противоречиями, свойственными дореволюционной России, представляет процесс поступательно-прогрессивного развития. «Поступательное развитие, — говорит Энгельс, — при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете прокладывает себе путь» (Энгельс. «Людвиг Фейербах», 1939 г., с. 37) [11]. Необходимо при этом помнить, что до октября 1917

г., поступательно-прогрессивное развитие нашей страны совершалось за счет ограбления трудящихся масс и происходило в непрерывной борьбе прогрессивных сил против сил реакционных. В борьбе с реакционными силами в нашей стране, вопреки гнету невиданно дикого царизма, неодолимо развивались производительные силы, развивалась культура, возрастало общественное движение народных масс против чужеземных и «отечественных» поработителей. Марксистско-ленинская наука учит, что новый общественный строй не может утвердиться и развиться без использования всего лучшего, что создано предшествующими поколениями. Если игнорирование реакционных моментов в истории нашей страны до 1917 г. ведет к тому, что Октябрьская социалистическая революция становится немотивированной, то, с другой стороны, принижение прогрессивных явлений в истории России, затушевывание передовых сил, двигающих исторический процесс вперед, приводит к тому, что пролетарская революция становится незакономерной. В этом случае становится непонятным, как могла победить социалистическая революция впервые в истории именно в России, почему ленинизм, который является вершиной передовой теоретической мысли всего человечества, вместе с тем является высшим достижением русской культуры, почему русскому народу и другим народам СССР удалось первыми в истории построить социалистическое общество.

Волгин. Товарищи, из множества вопросов, которые были здесь поставлены, я хочу остановиться на вопросе об исторической характеристике в наших трудах деятелей и явлений дореволюционного прошлого нашего народа. Так как я не специалист по истории СССР, то те соображения, которые я буду здесь развивать, быть может, покажутся недостаточно насыщенными конкретным материалом, чрезмерно общими по своему характеру. Но мне кажется, что эти общие соображения небесполезно привести на настоящем собрании.

Товарищи, с точки зрения марксизма-ленинизма история является, употребляя выражение т. Ленина, естественно-историческим процессом. Признание этого положения имеет громадное теоретическое и практическое значение. Истинная наука есть наука объективная, то есть наука, верно отражающая объективный мир. Историческая наука есть наука, отражающая объективное развитие человеческих обществ. Лишь такая историческая наука нужна рабочему классу, нужна социализму, ибо лишь она может давать правильную ориентировку в явлениях общественной жизни. Субъективизм в исторической науке являлся, как известно, характерной чертой мелкобуржуазной социологии народничества. С субъективизмом Ленин всю свою жизнь вел самую ожесточенную борьбу. Именно постольку, поскольку историческое учение Маркса устанавливает объективные закономерности, социализм превращается из утопии в науку. Объективность подлинной науки не тождественна буржуазному объективизму, который заявляет претензии на то, что он поднялся выше определенных классов, а на самом деле выступает в роли апологета буржуазной действительности. Объективизм марксистско-ленинской исторической науки не только не противоречит партийности, но, наоборот, связан с ней в диалектическом единстве. «Материализм, — говорит Ленин, — включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [12]. Но так как эта общественная группа — передовой класс общества, так как объективный исторический процесс с неизбежностью ведет к торжеству этого класса, то материализм именно в силу своей партийности способен к гораздо более последовательной объективности, чем буржуазный объективизм, «глубже, полнее проводит свой объективизм» [13].

Как известно, несмотря на совершенно ясные указания основоположников марксизма-ленинизма Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, несмотря на существование ряда классических образцов марксистской исторической литературы в развитии нашей советской исторической науки было немало болезненных искривлений. Эти искривления были отражением клас-

сово чуждых марксизму-ленинизму влияний. В наиболее яркой форме они проявились, как здесь уже неоднократно указывалось, в работах Покровского и его «школы». Мне кажется небесполезным остановиться еще раз на этом вопросе. История для Покровского не является наукой, открывающей объективные закономерности объективного исторического процесса. Это материалистическое понимание истории Покровский подменял немарксистским, насквозь субъективистским учением о том, что история есть политика, опрокинутая в прошлое. В одном из своих выступлений он прямо заявил, что объективной исторической науки не существует. Учение об исторической науке как о политике, опрокинутой в прошлое, с неизбежностью ведет к искажению исторической перспективы, к рассмотрению событий прошлого в отрыве от обстановки той эпохи, когда эти события совершались. Возможно ли научно оценить историческое значение введения христианства на Руси, игнорируя культурные и международные отношения в X в., опрокидывая в прошлое нашу оценку роли православия в царской России XIX—XX веков? Возможно ли научно оценить историческое значение деятельности московских князей XIV—XVI вв. или Петра Первого, опрокидывая в прошлое нашу оценку самодержавия XIX—XX веков?

Вероятно, все помнят ту характеристику, которую Покровский счел возможным дать одному из величайших государственных деятелей России — Петру Первому. Я не буду о ней напоминать. Я укажу лишь на то, что прием, который употребляет Покровский в этой характеристике, можно считать типичным для него и его учеников во всех тех случаях, когда им приходится говорить о людях, так или иначе связанных с военно-политическими и государственными организациями периода господства самодержавия. Все они — слуги царизма, и поэтому для их портретов используется лишь то, что может их компрометировать, причем полностью игнорируется то, что было для соответствующих моментов их исторической заслугой. При таком подходе фигуры нашего прошлого предстают перед нами в однообразно черных тонах. Их индивидуальность сказывается лишь в различии их пороков. Само собой разумеется, что такая трактовка нашего прошлого, при которой, скажем, облик Дмитрия Милютина трудно отличить от облика Муравьева-вешателя, облик адмирала Макарова — от облика Абазы [14], не может содействовать правильному пониманию нашего прошлого.

К особенно вредным последствиям опрокидывание политики в прошлое в стиле Покровского приводило при изучении истории международных отношений. Как известно, в русско-японской войне 1904—1905 гг. большевики занимали пораженческие позиции. Как интерпретирует Покровский русско-японскую войну, как он опрокидывает в данном случае в прошлое неверно им интерпретируемый политический лозунг? «Пораженчество» отнюдь не означало, что большевики считали войну захватнической только со стороны царской России. Между тем, по мнению Покровского, японский империализм не играл активной роли в возникновении русско-японской войны. Япония только защищалась от хищнических стремлений русских захватчиков. Такая установка, конечно, искажала историческую действительность и совершенно противоречила тому, что писал по этому поводу Ленин, а защита подобной концепции войны несомненно лила воду на мельницу японских империалистов.

Наиболее чудовищной в свете тех событий, которые мы сейчас переживаем, представляется пропагандируемая Покровским «теория» происхождения Первой мировой войны. Вопреки всей очевидности, вопреки всем данным, Покровский утверждает, что германскому империализму были чужды захватнические планы, что, по существу, Германия, как в предыдущем случае — Япония, только оборонялась против агрессоров. Главным из этих агрессоров опять-таки, конечно, был русский империализм, а не кто-либо иной. В истории международных отношений, как они представлены в трудах Покровского, Россия всегда и во всех случаях является агрессором, для противников России всегда изыскивается то или иное оправдание. Русские дипломаты и государственные деятели

противопоставляются деятелям других стран как люди сплошь либо бездарные до смешного, либо беспринципные. Так, опрокидывание политики в прошлое привело Покровского к своеобразному «антипатриотизму», который он считал, конечно, совершенно ошибочно, проявлением интернационализма. Подобный «антипатриотизм» ничего общего с подлинным интернационализмом не имеет.

Мне казалось полезным еще раз напомнить об ошибках «школы Покровского», ибо их влияние было очень сильно, и, как мне кажется, вряд ли оно может считаться устраненным до конца. Логическое конструирование исторической схемы, исходя из положений, выдвинутых в политической борьбе для определенного момента,— дело более легкое и более соблазнительное, чем кропотливое исследование подчас почти необозримого исторического материала. Но даже тогда, когда исходное положение в известной исторической обстановке совершенно правильно, его механическое распространение на явления, происходившие в иной обстановке, ведет к искажению исторической действительности, а теория, изображающая исторический процесс в искаженном виде, утрачивает свое драгоценное качество правильного руководства к действию, не способна ориентировать в событиях. «Учение Маркса всесильно,— говорил Ленин,— потому, что оно верно».

Великая Отечественная война повысила интерес наших историков к истории международных отношений и к военной истории. Великая Отечественная война научила их на многое смотреть по-новому, заставила многое пересмотреть и уточнить. В этом процессе пересмотра должны быть выкорчеваны все корешки покровщины, поскольку они еще кое-где остались. Для нас теперь совершенно ясно, насколько ошибочно и вредно изображение нашей страны как извечного агрессора, а окружающих ее стран и народов — как извечно страдающих от этой агрессии, насколько ошибочно и несправедливо огульное охаивание всех государственных деятелей России только на том основании, что они все в известном смысле «состояли на службе» самодержавия.

Мне кажется, что при рассмотрении вопросов международной политики широкого масштаба, мирового масштаба вряд ли сейчас возможно сколько-нибудь широкое применение антиленинских схем Покровского. Но, судя по данным, приводившимся на настоящем совещании, отнюдь не исключена возможность воскрешения их под новым флагом. Вытесненные из истории, скажем, русско-германских или русско-японских отношений, эти схемы могут иметь хождение и пользоваться известным влиянием в истории отношений между Россией и народами, ныне объединенными в Советском Союзе. В новом своем обличии оно отражает нездоровые мелкобуржуазные националистические тенденции. В этом отношении характерно суждение одного казахского историка. Этот историк жаловался мне на то, что в нашей историографии установилось отрицательное отношение к монгольским нашествиям на Россию. Как же так, говорил он, ведь в этих нашествиях принимали участие люди, которых мы, казахи, считаем своими национальными героями? Этому историку, очевидно, татарское иго представляется явлением прогрессивным, а завоеватели-монголы — борцами за прогресс. Здесь мы, очевидно, имеем дело с националистическим искажением, с идеализацией действий и явлений национального прошлого, образцы которой приводил в своем выступлении т. Толстов.

Мне кажется, что наличием такого рода тенденции объясняются и те неудачные формулировки, которые здесь товарищи приводили из «Истории казахского народа». Возможно, что наши товарищи, работавшие по истории Казахстана, подверглись известному давлению со стороны историков такого типа, как охарактеризованный мною сейчас. (Щербаков. Если не секрет, кто этот историк?) По-моему, его фамилия Маргулан[15] (Голос с места. Есть такой. Панкратова. Историк, от которого они сами все давным-давно отказались.) Тем не менее он работает по истории Казахстана и может оказывать известное влияние на других историков-казахов. (Панкратова. Он не типичен для казахских историков). Во всяком

случае, те историки, которые составляли историю таджикского народа, о которой говорил т. Толстов, они, очевидно, типичны и достаточно влиятельны. Мне кажется, что среди некоторых историков отдельных наших народов тенденция к идеализации «национальных героев», тенденция к тому, чтобы героизировать подчас людей, которые такого рода героизации недостойны, такого рода тенденция все-таки имеется. При такой идеализации все положительное оказывается сосредоточенным на стороне данного народа, все отрицательное — на стороне других народов. Не надо, однако, думать, что пагубный для исторической науки субъективизм может выступать в наши дни только в том обличье, которое сразу его показывает как явное наследие «школы Покровского».

Возможны и иные разновидности субъективизма, иные по своим исходным положениям, но не менее ложные методологически, не менее опасные практически. Тенденция изображать наше прошлое в сплошных черных тонах может быть противопоставлена тенденция изображать это прошлое в сплошных розовых тонах. Если у Покровского Россия — всегда агрессор, обижающий «невинных» соседей, то можно дать и такую схему, в которой Россия всегда добродетельно обороняется, а соседи всегда либо sua sponte [16] на нее нападают, либо являются орудием в руках других, более мощных, противников России. Если Покровский даже Петра считает нужным показать как полусумасшедшего сифилитика, а Кутузова — как выжившего из ума старика, то возможно и такое построение, в котором игнорируются отрицательные черты в деятельности того или иного генерала, того или иного дипломата только потому, что он доблестно служил императорской власти, «исторически» выражавшей будто бы в изучаемый период интересы русского народа.

Само собой разумеется, что такая тенденция, которую можно назвать покровщиной с обратным знаком, может быть проведена последовательно лишь при отказе от теории классовой борьбы, при отказе от учения о классовом характере государства. Эта тенденция нашла свое отражение и на настоящих совещаниях, в частности в выступлении т. Аджемяна, который пренебрежительно отмахнулся от теории классовой борьбы. Ему необходимо пересмотреть этот вопрос и уточнить свои позиции, если он хочет вернуться к марксизму и если он на это еще способен. Очень ярко сказалась эта тенденция также в выступлении А. И. Яковлева. Характер выступлений Аджемяна и Яковлева, мне кажется, не требует комментариев. Но известную опасность с точки зрения развития той же тенденции представляет и то, что здесь говорил Б. Д. Греков о государстве. Осталось, по-моему, неясным, как Б. Д. примиряет свое учение об отношении между народом и государством с классовой теорией государства. К сожалению, Б. Д. должным образом этого вопроса не осветил; поэтому может получиться впечатление, что он от классовой теории государства вообще решил отказаться. Думаю, что это не так, в таком случае ему следует свою позицию разъяснить.

Е. В. Тарле просил не цитировать его саратовское выступление по неправленной стенограмме. Я понимаю его отношение к этому вопросу. Я считаю нужным все же говорить об этой неправленной стенограмме. Раз Е. В. отмежевывается от стенограммы, будем рассматривать ее просто как материал, который выявляет определенную точку зрения. (Панкратова. Но слушатели слушали неправленную стенограмму.) Е. В. мог сказать как то, что есть в неправленной стенограмме, так и то, чего в ней нет, ибо, как известно, стенографистки не всегда записывают правильно. Но для меня этот апокрифический документ, с которого Е. В. просит снять его имя, интересен потому, что в нем мы находим кристаллизацию некоторых идей, которые имеют хождение в нашей исторической среде. Е. В. Тарле, как всем известно, — крупный ученый, который всегда был чужд покровщине. Это человек, прекрасно понимающий весь вред схематизма и всю важность конкретного изучения истории; в стенограмме имеется много прекрасных слов на эту тему. Критикуя извращения «школы Покровского», Е. В. предупреждает против опасностей

перегибов в противоположную сторону, против изображения деятелей прошлого как «ангелов с крылышками». Акад. Тарле говорит: «Как бы молитвенно не было наше настроение, не следует разбивать себе лоб». Я думаю, однако, что мысли, изложенные в стенограмме, могут некоторых историков толкнуть к такому нецелесообразному использованию своего лба. Изложу ход рассуждения стенограммы схематически.

Русская история — это огромное образование, подобное Римской империи. Это образование «живет» как единое государство. Эта громадная территория — один из факторов нашей победы, наших завоеваний. Напавший на нас враг мечтал о расчленении этой территории, мечтал поднять против нас объединенные в Советском Союзе народы, напоминая об их борьбе против России и об их «былой» независимости. Можем ли мы давать повод врагу говорить, что сами русские признают, что они производили разбойничьи набеги и т. д.? Нет. Положительно оценивая результаты объединения, мы должны бережно относиться к тому, как выковывались это оружие, этот инструмент, который спасает не нас, а «спасает земной шар, не более, не менее».

Общий вывод акад. Тарле как будто безобиден: надо беспристрастно подходить к истории русских завоеваний. Однако в его аргументации есть большие опасности. Значение для нашей Отечественной войны того факта, что наш Советский Союз охватывает громадную территорию, с громадными естественными ресурсами, никто не будет отрицать. Но, говоря об этой предпосылке наших побед, нельзя создавать впечатление, что территории — это есть то, что нас спасает. Нельзя умалчивать об основном — о нашем социальном и политическом строе.

Тарле. Я не говорил так.

Щербаков. Стенографистка, писавшая эту стенограмму, была грамотная, с историческим образованием.

Тарле. Это являлось одним из факторов.

Волгин. «Спасает» — там было сказано. Конечно, иногда у лектора просто срывается неудачная формулировка. Но приходится учитывать не только то, что он «хотел» сказать, но и то, как его речь воспринимается, что отлагается в сознании слушателей в результате такого хода изложения.

Панкратова. Так и получилось, нам шлют письма.

Волгин. Я уверен, что письма и должны получаться. Дальше я упомяну о двух ляпсусах, которые, я уверен, Е. В. выправил бы, если бы ему на них указали.

Тарле. Мне ее и не показали.

Волгин. Эти два ляпсуса, тем не менее, есть в стенограмме. Там говорится не о присоединении Казахстана к Российской империи, а о включении Казахстана в общую советскую территорию. А с другой стороны, утверждается, что русская империя — это образование, которое «живет». Слушателей и читателей эти формулировки, в связи со всем остальным изложением, неизбежно должны вести к неправильному выводу: положительно расценивая результаты завоевания, как они сказываются сейчас (в Советском Союзе), мы должна положительно оценивать и всю ту политику царизма, которая к этим завоеваниям вела. (Тарле. Так я не говорил.) Вы это не говорили, но это умозаключение вытекает из хода мыслей стенограммы. Между тем оно ложно. Оно ложно логически, ибо для историков очевидно, и Е. В. знает это так же, как и я, что результаты действий сплошь и рядом не соответствуют тем целям, которые ставят действующие лица.

Щербаков. Очень много реверансов, ближе к стенограмме.

Панкратова. Получается третий текст.

Тарле. Это совершенно выдуманное.

Волгин. Это вытекает из того, что там на самом деле написано.

Панкратова. Это совершенно не то, что написано, абсолютно не то.

Тарле. То, что было прочитано, — это вздор, этого я не говорил.

Волгин. Но вывод, к которому ведет изложение стенограммы, сугубо ложен, поскольку между политикой царизма и результатами, как они сказались сейчас, лежит величайший в истории революционный переворот,

поскольку национальная политика Советского Союза ни в какой мере не является продолжением национальной политики царской России. Скобелевы и черняевы ковали оружие для своих целей, нам чуждых; мы вырвали это оружие из рук их наследников, и в наших руках оно получило совсем иное значение. Контекст стенограммы может толкнуть к реабилитации царского правительства, к реабилитации научно недопустимой и политически вредной.

Задача марксистско-ленинской науки на данном этапе ее развития состоит в том, чтобы, ликвидировав пережитки покровщины, в то же время искоренить зародыши ложной идеализации прошлого. Мы не «Иваны, не помнящие родства» в отношении прошлого русского народа. Мы должны помнить людей, которые по-своему, в соответствии с условиями своего времени, служили русскому народу, содействовали созданию условий, обеспечивавших его существование и прогресс. Таких людей в нашем прошлом немало, и нам незачем компрометировать их соседством с заведомыми врагами прогресса, с мракобесами типа Каткова, этого «верного сторожевого пса самодержавия». Для научной характеристики того или иного исторического явления, того или иного исторического деятеля необходимо конкретное изучение, конкретное исследование того соотношения классовых сил, которое нашло в данном явлении или в деятельности данного лица свое выражение. Без такого классового анализа конкретных фактов мы не сможем правильно понять исторический смысл явления. Схемы, универсальные отмычки того или иного порядка способны привести к безнадежной путанице. Мы вели борьбу на протяжении ряда лет с путаницей, созданной «школой Покровского», не для того, чтобы тотчас же, не ликвидировав еще полностью ее пагубных последствий, создавать новую путаницу с противоположным знаком.

Несколько слов я хочу сказать по поводу тех организационных вопросов, о которых здесь упоминали. Упрекали историков, в частности Институт истории, в том, что историки мало обсуждают основные исторические проблемы, основные исторические труды в стенах Института истории, в Академии наук вообще, в стенах других исторических учреждений. Это относительно правильно, но я хотел бы обратить внимание не на количественную сторону, а на качественную сторону этого вопроса. Мне кажется, что мы зачастую с формальной точки зрения уделяем как будто достаточно внимания обсуждению того или иного исторического труда, но качественно это обсуждение проходит на таком уровне, что в результате не получается точной и полной апробации данным коллективом данного исторического труда. Приведу пример. Здесь очень многие выступали с критикой книги А. И. Яковлева. Ведь книгу по сути дела (судя и по выступлениям) единодушно порицали как с научной, так и с политической точки зрения. Однако ведь эта книга все-таки составлялась в недрах Института истории. Эта книга пришла в редакционно-издательский совет Академии наук с маркой Института истории и с рекомендацией Института истории. Очевидно, какие-то историки давали также рекомендацию этой книге при представлении к Сталинской премии.

Я не знаю, как в данном конкретном случае обстояло дело, но мы зачастую страдаем от того, что в нужный момент люди не решаются высказать достаточно решительно и прямо свое мнение. Здесь меня упрекнули в «реверансах» по адресу Е. В. Тарле. Мне кажется, при всех «реверансах» я указал с полной четкостью, что мне представляется опасным и вредным в материале, носящем имя Е. В. У нас зачастую дело обстоит хуже. Ко мне пришли однажды с заявлением о том, что А. И. Яковлев развивает неправильные точки зрения в своей книге по истории холопства. Я предложил поставить доклад А. И. Яковлева, подвергнуть его критике, и тогда дело будет совершенно ясно. Доклад был поставлен на тему, близкую к теме работы. Но обсуждение этого доклада, как мне передавали, превратилось в хор хвалебных речей. Вот от этой нерешимости высказать прямо мнение отрицательного порядка, мне кажется, мы страдаем в большей степени, чем от того, что мы будто бы мало обсуждаем в смысле

количества заседаний. Заседаний в институте и в отделении много, пожалуй, слишком много, а толк из них не всегда получается.

Исторический институт Академии наук, о котором тут уже говорили, как мне представляется, должен стать центром, организующим историческую науку в Советском Союзе. К сожалению, пока он таким центром не является. Нам еще нужно очень и очень много работать для того, чтобы действительно объединить вокруг Института истории наших историков и для того, чтобы Институт истории решительно занял то место, которое теорстически должно ему принадлежать, — место руководителя исторического фронта. Но для того, чтобы Институт истории мог разрешать эти задачи, необходимо значительно укрепить его собственное руководство, ибо историческая работа ведется сейчас во всех наших республиках, кадры историков очень выросли. Координация этой большой и разнородной работы — дело ответственное и сложное.

Щ е р б а к о в. Слово имеет т. Волин.

В о л и н. Тов. Волгин действительно сделал ряд реверансов, критикуя некоторые выступления. И сделал он не только реверансы по отношению к акад. Тарле, но даже по отношению к присутствующему здесь Аджемяну. Я хочу по этому поводу кое-что сообщить, но без реверансов. Я был первый, осчастливленный трудом Аджемяна как редактор «Исторического журнала». (А д ж е м я н. Не первый (с м е х).) Не первый? Значит, кто-то был счастливее, чем я. Значит, Вы еще куда-то толкались. По отношению же «Исторического журнала» Вы проявили поистине исключительную настойчивость. Когда же я Вам, наконец, по телефону процитировал некоторые Ваши места, в которых говорилось относительно гегелевских положений, где Вы совершенно зря, клеветнически ссылались на поддержку этих положений Энгельсом, когда я Вам указывал на Ваши невероятные в устах советского человека заявления относительно движения Пугачева и того «блага», которое совершила Екатерина, когда она задушила пугачевское движение, Вы заявили следующее: «Вас ничему, т. Волин, война не научила». (А д ж е м я н. Да, да — Вас ничему война не научила.) Вот об этом я и хочу сказать — кого чему война научила. Очевидно, по Аджемяну, выходит так, что война неким особым мыслям «научила» его и возможно тех, чьим отголоском и подголоском он является. Возможно, что он не один является автором этой своей концепции. Она, может быть, — результат еще каких-то других мнений, которые где-то гуляют вокруг него. Очевидно, аджемяны решили, что трудности войны первого периода должны были научить нас, большевиков, пересмотру основных принципиальных позиций, которые даны нам Лениным и Сталиным, Центральным Комитетом нашей партии, всем нашим советским бытием, бытием большевистским. Очевидно, аджемяны поняли так, что трудностями, которые пережила наша страна в начальный период нашей Великой Отечественной войны, можно воспользоваться для того, чтобы реваншироваться, да, политически реваншироваться.

Вот я, большевистский человек, прожил в партии 40 лет. Нас партия никогда так не учила, чтобы верить только внешним явлениям, партия учит видеть глубоко, видеть в высказываниях политическую подоплеку. Я считаю, что та концепция, с которой выступил Аджемян и еще кое-кто здесь, — это есть реваншистская концепция. Здесь несколько раз по иному поводу цитировали нашего великого Пушкина, что тяжкий млат, дробя стекло, кует булат. Война действительно, как тяжкий млат, подлинно ковала наш советский булат. А вот стекло тех рассуждений, которыми полны выступления Аджемяна и некоторых других, война дробит безжалостно. Дробит потому, что это антипатриотические, антисоветские, антинародные выступления и концепции. Очевидно, некоторые люди, живущие в нашей среде, прикрываются известной фразеологией, и известное время им удается выдавать стекло своих концепций за подлинную науку — за булат. Но это раскрыто, понято и разоблачено. Это не прошло. Так же, как не прошли Ваши статьи, Аджемян. Подобные статьи несмотря на все Ваши настойчивые требования и угрозы, Ваши и подобных Вам, — они не пройдут.

(А д ж е м я н. Я не раз печатался у вас.) Я Вам сказал по телефону, знаете ли Вы, в какой компании Вы находитесь? Вот в «Климе Самгине» в связи с замечанием упадочной декадентки Нехаевой, что народ - враг человека! Об этом говорят Вам биографии почти всех великих людей. Горький отмечает следующее насчет Самгина: «Клим находил, что... какая-то чудовищная пасть поглощает одного за другим лучших людей земли, извергая из желудка своего врагов культуры, таких, как Болотников, Разин, Пугачев»... Вы повторяете, Адемян, Клима Самгина, Вы идете рука об руку с самгинщиной. А что такое самгинщина, Вы знаете. Вы находитесь в компании людей, которые вот что когда-то писали о пугачевском движении. Вот у Рамбо [17] в «Живописной истории древней России» сказано: «Пугачевский бунт показал, какие элементы беспорядка еще бродили в отдаленных провинциях империи... Как мало эти необузданные элементы согласовались с новейшим государством». Да, ведь Аджемян списал оттуда! (А д ж е м я н *(кричит.)* Невежда!) Вы ведете себя, как маленький герострати к: Вы не больше того, как тот чеховский герой, который, совершив непотребство, за что попал на страницы местной губернской газеты, возомнил о себе как о герое, который прославился на всю губернию.

Вот в Петербурге в 1811 г. вышла «Российская история от Рюрика до дней ныне благополучно царствующего государя императора Александра I Павловича, служащая для украшения сердца и памяти юношества» Семена Ушакова. История в вопросах и ответах. Вот, например, вопрос: «Какое несчастье обрушилось на Россию в 1771 году? Ответ: «Моровая язва». Вопрос: «Каким еще несчастьем была опечалена Россия в царствование Екатерины I Алексеевны? Ответ: «Бунтом Пугачева, одного из донских казаков». Вот, Вы, Аджемян, в какой компании находитесь! Но Вы не в литературной компании находитесь. Ваши высказывания явно политически враждебны, и это необходимо без всяких реверансов Вам и другим, подобным Вам, сказать здесь. И по тому, как Вы себя здесь ведете, я не уверен, что Вас может исправить призыв акад. Волгина. В полной мере это относится также и к некоторым другим выступлениям на этом совещании. Здесь упоминалось уже известное положение и указание В. И. Ленина относительно двух культур. Владимир Ильич говорил о культуре Струве и Пуришкевича, говорил и о культуре Чернышевского и Плеханова. (А д ж е м я н. Я и отношусь к культуре Плеханова.) Нет, Вы относитесь к культуре Пуришкевича. Именно Пуришкевич так говорил и писал, как Вы. Теперь о т. Бушуеве. Как может поворачиваться, товарищи, язык у партийного советского человека, у большевистского пропагандиста-историка говорить о Каткове, Победоносцеве или об Аракчееве что-нибудь доброе! Ведь это же смердящие трупы! Они относятся к той категории русской культуры, о которой говорил Владимир Ильич, — к категории Струве и Пуришкевича.

Вот Ленин в одной из своих статей упоминает о Каткове [18], приводя его же слова, что он «верный пес самодержавия». Владимир Ильич с негодованием говорил о всяких катковых, которых покупало и подкупало царское правительство. Владимир Ильич подчеркивает несколько раз, что Катков вел отвратительную политику царского самодержавия, национализма, шовинизма, беспардонного, бешеного черносотенства. В своей статье «Карьера» по поводу смерти Суворина Владимир Ильич никого иного не вспоминает, никого другого, чтобы как следует заклеймить Суворина [19], как только Каткова. Он вспоминает веховцев, Струве, Каткова, чтобы именно с ними сравнить растленного Суворина [20]. Вот отношение Ленина ко всей совокупности того, что собой представлял Катков. Так как же можно говорить о Каткове, как же можно брать его себе на службу, в наш арсенал? Как можно так говорить о Каткове, о котором даже такой растленный человек, как Леонтьев [21], говорил, что это «публичный мужчина».

Товарищи, все это говорит, конечно, об очень серьезных явлениях в области истории. Иначе, мы, советские люди, не можем рассуждать, потому что история, как говорил Маркс, является одной из самых политических наук. Вопросы, которые мы здесь обсуждаем, — это самые политические вопросы истории. Должен вам сказать, что есть попытки

протаскивать через печать, реставрировать, или, вернее сказать, гальванизировать, статьи, которые в свое время были самыми ревизионистскими, антимарксистскими статьями, которые специально задались целью ревизовать Маркса. Была в 1901 г. статья молодого историка Савина по поводу 24 гл. «Капитала» Маркса о первоначальном накоплении [22]. И вот находятся люди, которые считают, что война их научила тому, что можно воскресить в полной мере все те гнусные уловки, которые пытались уличить Маркса в незнании материала, в смешении авторов и т. д. Они считают, что настало время воскрешать на страницах журнала все эти вражеские, давным-давно разоблаченные попытки.

Уже говорилось сегодня о стенограмме акад. Тарле, о ней говорилось и в прошлый раз. Поэтому я не буду останавливаться на ее отдельных положениях. С точки зрения сегодняшнего дня там заявляется о том, что завоевательная политика царского правительства, видите ли, оправдана сегодняшними событиями. Все, де, исторически оправдано. Это напоминает очень многое из прошлого нашей истории, из истории борьбы нашей партии и, прежде всего, В. И. Ленина. В самом деле, историки вроде Тарле считают, что раз известное явление совершилось и оно играет известную роль сегодня, значит оно оправдано. Имеется в виду завоевательная политика царизма. Разве это не напоминает то, против чего боролся Владимир Ильич, разве это не напоминает легальный марксизм, струвизм? Мы, марксисты, говорили, что капитализм — более прогрессивная формация, чем феодализм. Какой вывод делали струвисты? Струвисты рассуждали так: раз капитализм есть явление более прогрессивное по сравнению с феодализмом, следовательно, пойдем на выучку к капитализму, следовательно, — к черту классовую борьбу!

А как рассуждали революционные марксисты, как рассуждал Ленин, чему учил нас Ленин? Капитализм есть более прогрессивное явление сравнительно с докапиталистической формацией, но наше дело не апологетировать капитализм, а разоблачать капитализм, наша святая задача — бороться с ним, а не защищать его. Этот «струвизм» в данный исторический момент приобретает особый политический смысл и значение. Некоторые товарищи, видимо, совершенно справедливо полагают (и я с ними согласен), что многие подобные обнаруженные здесь настроения и суждения имеются и за пределами этого совещания. Все это говорит о том, что мы имеем дело с известным рецидивом или с возрождением в процессе войны того, что раньше было затушевано, о чем эти люди не решались говорить. Это — реваншизм!

Люди решили так, что война большевиков кое-чему научила, что поэтому сейчас возможен пересмотр. Вот проф. Ефимов говорит о том, что следует притушить классовые позиции. (Ефимов. Кто говорит?) Как будто бы Вы. (Ефимов. Я этого не говорил, это Ваше изобретение.) А мы все это слышали. Мы разобрались в Вашей словесности. Конечно, это есть попытка повернуть внимание нашей исторической общественности, а через нее — и широких кругов нашего народа — от марксистско-ленинских позиций, которые так блестяще-победоносно себя оправдали в этой войне. Они себя оправдали именно потому, что мы стоим под победным знаменем Маркса — Ленина — Сталина, о чем говорит неоднократно в своих выступлениях т. Сталин. Именно потому мы и победили, именно потому наше дело оказалось правым, что проводили линию Маркса — Ленина — Сталина, то есть линию передовой настоящей общественно-политической науки. Об этом я еще буду говорить в заключении. Поэтому-то вещи нужно называть без реверансов своими именами. Это вещи значительно более серьезные, чем некоторые пытались их здесь представить. Это — политика.

Но я хочу и на другой стороне вопроса остановиться. Есть вместе с тем и другая сторона вопроса. Вот мне пришлось быть рецензентом готовящейся работы по истории Узбекистана. На что я обратил внимание и высказывал не раз на ряде совещаний в Институте истории Академии наук и с чем товарищи полностью согласились? (Кстати, я хочу сказать что на наших совещаниях здесь больше всего поднимались вопросы досоветского пери-

ода. Насколько я помню, на вопросах советского периода здесь не останавливались. Совершенно правильно был поставлен вопрос т. Генкиной о том, что изучение истории советского периода по-существу заканчивается 1921 годом). Когда читаешь разные главы, написанные разными авторами, русскими и нерусскими, по истории Узбекистана, получается такое впечатление, что хотя идет речь, конечно, о советской социалистической республике, но она, эта республика, стоит где-то в стороне, она органически не связана всеми нитями со всем тем, что собой представляет Советский Союз. Она не представляет органическую часть единого организма. Когда речь идет о хозяйственном строительстве в Узбекистане, не видно, как оно, это строительство, связано со строительством во всем Союзе, какое это значение имеет для всего Советского Союза. Это какая-то авторкия! Когда речь идет о культуре, эта связь показана еще меньше. Если по вопросам строительства приводятся известные постановления центральных советских органов, то по вопросам культуры совсем ничего не говорится о взаимоотношении со всей культурой Советского Союза, не показано громадное влияние на культуру Узбекистана русской культуры.

Обыкновенно ограничиваются такого сорта заявлениями, что литература обогатилась переводами классиков русской и мировой литературы (и все это свалено в одну кучу, не дифференцировано), говорят о том, что народ оказался в состоянии читать Пушкина, Лермонтова, Толстого, Шекспира, Байрона, Бальзака — все это в одну строчку, как будто узбекский народ не учится, не воспитывается именно, прежде всего, на русской литературе. Это же касается и вопроса театра. Рассказывается о достижениях театра. Конечно, это достижение, если узбекский или казахский театр поставил «Гамлета», «Отелло», но ничего не рассказывается о постановках пьес русских классиков. Так, националистические перехлесты такого порядка выступают с такими заявлениями: «Особенностью науки 1933—1942 гг. в Узбекистане является достижение ею уровня, на котором ее результаты далеко превосходят нужды и потребности только краевые, приобретая принципиальное значение для мировой науки». Или относительно музыкальной культуры рассказывается так: «Первая узбекская опера «Буран» написана в 1939 г. Ее написали композиторы М. А. Ашрафи и С. Н. Василенко. Эта опера, как и другие оперы последних лет — «Лейли и Меджнун» Т. Садыкова и Р. М. Глиэра, «Великий канал» Ашрафи и Василенко, свидетельствуют о том, что узбекское музыкальное искусство достигло своего нынешнего уровня в предельно сжатые сроки. Надо учесть, что путь возникновения оперы в Европе растянулся на гораздо более продолжительное время... понадобилось не менее ста лет, а в иных случаях — и больше, чтобы в европейских странах создались свои национальные оперы. Узбекистану же суждено было перешагнуть в 15 –20 лет расстояние, на которое Европа потратила целый век!»

Это, несомненно, — некритическое отношение к путям развития культуры. Это механическое перенесение того, что Узбекистан благодаря Октябрьской революции и советской власти перешел от докапиталистической формации к формации социалистической. Прямое и непосредственное перенесение этого механически на вопросы культуры является неправильным. Надо показать роль русского народа, русской культуры в этой области, показать исторически, научно, как все это прошло, что все это означало.

Товарищи, конечно, по-настоящему, всесторонне, правильно освещать исторические вопросы — дело очень трудное, но делать так, как зачастую делалось раньше, то есть подходить односторонне, нельзя. Ленин говорил в своей статье «Марксизм и ревизионизм», что есть «хитрая» (и революционная) диалектика и есть «простая» (и спокойная) эволюция» [23]. Ленин и Сталин учат нас сложной и «хитрой», то есть революционной, диалектике. Этому надо научиться. Это трудно, но необходимо. А историкам овладевать ленинско-сталинской диалектикой особенно необходимо. Еще 50 лет тому назад Ленин в «Друзьях народа» писал о марксизме: «Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность

(являясь последним словом общественной науки) с революционностью... соединяет в самой теории внутренне и неразрывно» [24]. Историкам помнить об этом надо особенно. Надо сказать, что у большинства людей, у которых появились шатания (я не говорю о враждебных выступлениях), эти шатания являются результатом того, что люди не полностью, не серьезно овладели теорией марксизма-ленинизма, марксистско-ленинским, сталинским диалектическим методом.

Щербаков. Скажите о журнале.

Волин. О нашем журнале. Прежде всего мы делали все для того, чтобы в наш журнал не проникли какие-нибудь враждебные или антимарксистские влияния. Мы давали статьи по вопросам нашего исторического прошлого, истории русской культуры, советского периода и Отечественной войны. Мы стремились к тому, чтобы журнал в области истории отражал линию советской науки, нашей партийной науки.

Щербаков. По одному номеру создается впечатление, что, может быть, вражеских статей не пропускали, но историческую науку вы пускаете на страницы своего журнала?

Волин. Обязательно.

Щербаков. Вот сейчас вышел № 5 и 6. Разрешите прочитать содержание этого номера. (Читает).

Вот здесь жаловались, что журналов нет, что еще нужны журналы, а вот единственный исторический журнал никакого отношения к исторической науке не имеет, очень мало, с натяжкой, имеет отношение к исторической науке. Все эти документы, которые сегодня напечатаны в газетах, извиняюсь, здесь не нужно особого ума, это писарь может сделать. Вот вам исторический журнал, который вышел из печати сегодня, и вот историческая наука обогатилась, получила что от этого журнала? Ничего, ни на ломаный грош. Вот Вы говорите, что выпускали журнал, выпускали-то выпускали, а что от этого получила историческая наука? Члены редакции этого журнала здесь присутствуют, так скажите, товарищи редакторы, такой исторический журнал нужен или нет? Редакция принимала участие в составлении этого номера журнала или нет?

Панкратова. Много раз говорили об этом.

Щербаков. Мы шестой раз собираемся, сколько вопросов, сколько проблем исторических, касающихся действительно исторической науки, разве здесь хоть полслова есть о том, что обсуждается на наших совещаниях? Ни полслова нет.

(Окончание следует)

Примечания

1. На заседании 8 июля присутствовали: Аджемян, Аманжолов, Базилевич, Бахрушин, Бушуев, Волгин, Волин, Галкин, Генкина, Городецкий, Греков, Державин, Еголин, Ефимов, Иовчук, Ковалев, Косьминский, Кружков, Кузаков, Лебедев, Минц, Мишулин, Морозов, Нечкина, Панкратова, Пичета, Поспелов, Ратнер, Рубинштен, Сидоров, Суворов, Сыромятников, Тарле, Толстов, Удальцов, Федосеев, Хвостов, Щербаков, Яковлев А. И., Яковлев Н. Н. (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, ф. 17, оп. 125, д. 225, л. 207—209).
2. Погодин М. П. (1800—1875) — историк, писатель, академик Петербургской АН, автор трудов по истории Руси, летописанию.
3. Котошихин Г. К. (ок. 1630—1667) — подъячий Посольского приказа, в 1664 г. бежал в Литву, затем — в Швецию. По заказу шведского правительства составил сочинение о России.
4. Хворостинин И. А. (ум. 1625) — князь, политический деятель и писатель, один из фаворитов Лжедмитрия I, последние годы жизни — монах Троице-Сергиева монастыря. Автор сочинения о событиях XVII в. в России «Словеса дней и царей и святителей московских еже есть в России».
5. Крижанич Ю. (ок. 1618—1683) — хорват, писатель, сторонник идеи «славянского единства», главную роль в котором отводил Российскому государству.

6. Мабли Г.-Б. (1709– 1785) французский коммунист-утопист; Рейналь Г.-Т. (1713 1796) – французский историк и социолог, энциклопедист, критиковал абсолютистский порядок и католическую церковь.
7. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 36, с. 147.
8. Магницкий Л. Ф. (1669—1739) – преподаватель математики в Школе математики и навигационных наук в Москве, автор первого русского печатного руководства «Арифметика» (1703 г.).
9. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 2, с. 178.
10. ТАМ ЖЕ. Т. 26, с. 107 -108.
11. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. 21, с. 302.
12. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 1, с. 419
13. Там же, с. 418.
14. Милютин Д. А. (1816 –1912) – генерал-фельдмаршал, профессор Военной академии и действительный член Петербургской АН, в 1861 1881 гг. военный министр; Муравьев М. Н. (1796 –1866) – граф, в 1863– 1865 гг. – губернатор Северо-Западного края, за жестокость при подавлении польского восстания 1863 г. прозван «вешатель»; Макаров С. О. (1849- -1904) — вице-адмирал, океанограф, во время русско-японской войны командовал тихоокеанской эскадрой, погиб на броненосце «Петропавловск»; Абаза А. А. (1821- 1895) — русский политический деятель, в 1880 1881 гг. министр финансов, примыкал к группе «либеральных бюрократов».
15. Маргулан А. Х. (1904—1985) историк, филолог и археолог, с 1938 г. научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана, труды по истории древнего Казахстана.
16. По собственному почину, по доброй воле (лат.).
17. Рамбо А. (1842—1905) – французский историк, иностранный член Петербургской АН, труды по истории России.
18. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 5, с. 333.
19. Суворин А. С. (1834 -1912) – журналист и издатель, в 1876 1912 гг. владелец газеты «Новое Время».
20. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 22, с. 43– 44.
21. Леонтьев К. Н. (1831 –1891) писатель, публицист, поздний славянофил.
22. Савин А. Н. (1873 -1923) — историк, профессор Московского университета, проявлял интерес к концепции аграрной революции, изложенной К. Марксом в 24 гл. I т. «Капитала», но отрицал насильственный характер экспроприации английского крестьянства в эпоху Тюдоров, автор труда «Английская деревня в эпоху Тюдоров» (М. 1903).
23. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 17, с. 19.
24. Там же. Т. 1, с. 341.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9/96 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

А. Н. Медушевский — Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия . . . 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А. В. Игнатьев — Сергей Дмитриевич Сазонов 24

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году 47

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Л. А. Безыменский — Советская разведка перед войной 78

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

А. В. Головнин — Записки для немногих 91

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина 113

СООБЩЕНИЯ

А. Ментешашвили — Грузинская демократическая республика (1918—1921 гг.) и западные державы . . . 129

Выходит с 1926 года

ТОО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» МОСКВА

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году

Заседание 8 июля 1944 г. (продолжение)

Щербаков (председательствующий). Слово имеет т. Аманжолов.

Аманжолов[1]. Я хочу сделать некоторые замечания только по истории Казахстана, составленной под редакцией т. Панкратовой. Мы, товарищи, очень обрадовались появлению данной книги, ожидали ответа на волнующие вопросы, думали, что она служит орудием поднятия советского патриотизма бойцов и офицеров-казахов, орудием воспитания у них ненависти к врагу, орудием укрепления дружбы народов СССР. Все писали в Алма-Ата, КОГИЗ, чтобы прислали им экземпляр этой книги. К сожалению, получая эту книгу, мы во многом разочарованы, ибо она не дает того, что ожидали[2]. Книга делится на три раздела. Первый раздел — Казахстан в период независимости — 285 страниц, второй раздел — Казахстан — колония и третий раздел — Казахстан социалистический. Последние два раздела более-менее удовлетворительные, и то с большой натяжкой и оговорками, а первый раздел не выдерживает критики. На одной и той же странице имеются два или три различных противоречивых положения, не говоря об отдельных подзаголовках, подтемах. Это — во-первых. Во-вторых, книга не освещает самые волнующие вопросы, такой вопрос, например, как образование казахской народности, образование казахского языка. Они основные, самые необходимые вопросы для казахов, которые и раньше не были освещены и в этой книге не получили освещения; там, где авторы коснулись их, все перепутано.

Вот, например, вопрос появления монгольских племен на территории Казахстана. Об этом они пишут без всякого критического отношения к старой литературе. Многие казахские племена относят к монголам. Например, племена найман, керей и другие, тогда как они были и остались тюркскими племенами, до нашествия монгол были в союзе с монголами. У авторов нет никакого объяснения и основания на то, что эти племена пришли в Казахстан и потеряли через некоторое время или век свой язык и стали казахами. В истории нет такого положения, когда самые маленькие народности потеряли свой язык. Даже при самом жестком угнетении и закабалении другими господствующими классами маленькие народности не могли лишиться своего языка. Примером этому могут служить племена персов, дунган и арабов в Средней Азии, ойроты на Алтае, калмыки Поволжья. Они попадали в переплет с разных сторон, под различное

Окончание. См. Вопросы истории, 1996, №№ 2—7.

влияние, но языка своего не потеряли. Почему же вдруг такое крупнейшее племя, как найман и керей, потеряют свои языки? Разве это историческое объяснение? Татар, например, авторы относят к монголам. На самом деле при нашествии татары были в союзе с монголами, но они не были монголами. До сих пор товарищи историки не обращают внимания на это и не желают уточнить такой важный этнический вопрос.

Авторы книги нисколько не думают о достоверности тех или иных фактов, забывают, что написать историю без научного анализа фактов нельзя. Изыскания отдельных археологов, предположения отдельных антропологов не есть точные документы, они требуют критического к себе отношения. У нас же получается: куча материалов собрана и преподана. Авторы были рабами отдельных фактов, отдельных сырых материалов. Замечается еще то, что авторы были под влиянием фольклорного материала, тогда как мы считаем фольклорный материал второстепенным, вспомогательным. В фольклорном материале много искажений, много фантазий. В третьей главе, например, говорится, что согдийцы являются пионерами земледельческих культур в Средней Азии и Казахстане, тогда как мы знаем, что земледельческие культуры в Средней Азии и на юге Казахстана имелись и были еще задолго до завоевания арабами, до появления иранцев. Кто же это согдийцы — ответа нет, есть только предложение, где говорится, что согдийцы — это жители Согдианы по реке Зерафшан. Разве это ответ? Кто они: иранцы, арабы или это, может быть, тюркские народы, ответа нет. Я думаю, что согдийцы — коренные народы Средней Азии, остатки массагетов, исидонов, саков, о которых упоминают греческие историки, географы Геродот и Страбон. Из трудов акад. Бартольда [3] мы знаем, что арычная система, вообще земледельческая культура в Средней Азии и на юге Казахстана были еще до н. э.

В книге есть умышленные, тенденциозные стороны в определении культур отдельных народов Средней Азии, Востока, Казахстана. Взять хотя бы уйгуров. Это культурнейший народ на Востоке, у них имелась письменность и памятники, имелся словарь, который составил Махмуд Кашгари [4], а авторы наши их относят к неизвестным тюркам, не называя, кто же это такие. Это искажение, это нечестность. На 62 с. говорится о карлуках. В одном месте утверждается, что они господствовали два века, а в другом — 20 лет, в третьем — 40 лет. Такая путаница имеется в каждой главе. Глава IV посвящена государству Караханидов. Авторы ни слова не говорят о господствующем племени ягмы, о принадлежности его к уйгурам. А факты сами по себе напрашиваются. Немалые курьезы с кара-китайцами (с. 69). Их относят к тунгусско-монгольским народам. На самом деле, когда разговор идет о культуре, то видно сразу, что они не тунгусы, не монголы, а дунгане, которые, безусловно, сумели сочетать культуру Средней Азии с культурой Китая. Тунгусы или монголы разве могли это сочетать, передать другим народам? Я не могу перечислять все недостатки, ошибки, потому что у меня ограничено время. Возьму такой вопрос, как завоевание Сибири русскими, о завоевании владений Кучума. В работе Левшина [5] «Описание киргизо-кайсакских орд и степей» ясно и точно сказано, что это казахский хан, и никто иной. Он не татарский, как это раньше трактовалось. Наши авторы приняли все некритически, оставили без изменения.

Товарищи, слушая здесь выступления отдельных историков, я прихожу к выводу, что наши авторы (составители) встали на путь Покровского, разделяя мнение Покровского в отношении последствия завоевания монгол. Марксисты утверждают, что завоевание монголами Средней Азии, Казахстана — реакционное, регрессивное явление. А наши авторы считают, что с завоеванием монгол феодальные отношения в Казахстане углубились, происходил процесс культурного взаимодействия народов, подготовлялось слияние различных племен в народность (с. 87). А на самом деле монголами жестоко разрушались отдельные культурные очаги, такие, как город Тараз, и др. Это, безусловно, есть покровщина. В одном месте говорится, что казахский народ сложился в X —XIII вв., в другом месте говорится о том, что казахский народ сложился между XIII и XIV веками. В третьем месте

говорится о том, что казахский народ сложился в конце XV и начале XVI века. При этом процесс образования казахского народа от образования казахского языка отрывается. (Панкратова. Это же процесс.) Тройное утверждение. Казахский язык сложился в XIII веке. Не может быть этого. Если оторвать это от того, когда сложилась сама народность, то это не выдерживает критики. Огульно утверждается, что казахский язык есть кипчакский язык, тогда как все среднеазиатские народы, татары и др. могут одинаково претендовать на кипчакское происхождение. Крупнейший исследователь кипчакского языка акад. Радлов [6] утверждает, что он больше всего близок к мишарскому диалекту татарского языка. Таких ненаучных, неисследованных сторон в книге много и по другим вопросам.

Один из серьезных вопросов — это вопрос об образовании казахских жузов. Казахские жузы — это Большая, Средняя и Малая орды. Как они рассматривают этот вопрос? Вот какие рассуждения: до второй половины XVI в. не упоминается о жузе. Поэтому же можно отнести это ко временам Хан-Назара. Разве это достаточный довод? Между тем, когда они пишут о Таука-хане, говорят, что он сумел объединить все три казахские жуза. В трех ордах он установил определенный закон, навел свои порядки. Это было похоже на известный государственный строй. А в упомянутом труде Левшин деление на жузы относит к 1680—1718 гг., то есть ко времени ханства Тауке. Там говорится, что он больше всего ханствовал, больше всех сделал блага для своего народа. Он успокоил казахский народ от длительных междоусобиц и заставил повиноваться себе, сильных усмирил и дал всем закон, по которому судили и который и сейчас живет в памяти киргизов. Дальше говорится, что сам, подобно отцам и дедам, жил в Туркестане, а управление ордами было поручено трем начальникам: в Большой орде — Тюле, в Средней орде — Казбеку и в Малой орде — Айтаку. Вот отсюда и получилось название жузов. Отрицать, что это было похоже на традиционное деление среди монгол и других тюркских племен, нельзя. Именно военный союз может объединить и дать такое деление для облегчения управления и для отпора враждебным странам. А это не означает политического распада казахских феодалов, а наоборот. Такое деление является именно делом рук Тауке-хана.

Остановлюсь на вопросе о политике самодержавия, о завоевании русскими Средней Азии и Казахстана. Неверная позиция авторов по этому вопросу намечается еще в предисловии и выдерживается до конца. С одной стороны, приводятся цитаты из классиков марксизма-ленинизма и, с другой стороны, положения этих цитат опровергаются. Цитаты для того, чтобы прикрываться. Здесь товарищи приводили цитаты из Ленина, из резолюций XII съезда партии и из высказываний т. Сталина, где ясно подчеркнута прогрессивность колонизации Россией Средней Азии и Казахстана. Развитие капитализма в России еще со времени Петра Первого приняло программу действий в деле расширения территории России до границ Средней Азии. Еще при Петре была заметна конкуренция между Англией и Россией. И Петр Первый, пытаясь первое время проникнуть через Каспийское море, не мог добиться и тогда принял решение проникнуть через казахскую степь, одновременно двигаться через Сибирь.

В основном казахский народ русское подданство принял добровольно. Еще до Абулхайра (XVIII в.) казахские ханы Тевекель (1594 г.), Тауке (1717 г.) обращались к русскому государству, посылали своих послов, чтобы приняли их в подданство. Царское правительство тогда не могло принять, но приняло неофициально, а при Абулхайре это доведено до логического конца. Тогда Казахстан был раздроблен ойротами, нападением и отторжением части территории китайцами, часть территории с населением попала под владение среднеазиатских ханов. Отдельные казахские племена бесчинствовали. При такой обстановке единственный выход был в том, чтобы обратиться к русским за помощью и о принятии их в подданство, а затем объединить казахский народ. Это благоразумное дальновидное действие. А авторы говорят, что он обманул народ, что он не выражал идеи народа. Если бы он не выражал идеи народа, то при обсуждении, когда приехали

представители русского государства, народ мог бы отказаться. Народ же это предложение обсудил и принял. Стало быть, казахский народ принял подданство добровольно. Знаменитый первый казахский ученый Чохан Валиханов [7] тоже разделяет это мнение.

Чем же были вызваны восстания казахов? Являются ли они народными? Были народные и антинародные. Большинство из восстаний вызывалось подстрекательством среднеазиатских ханов. Среднеазиатские ханы, видя завоевание Казахстана царской властью и приближение к ним, боялись, что царская власть приложит руки и к ним. Поэтому они всячески старались помогать восставшим, давать помощь. Каиб был противником Абулхайра, и все время Каиб снабжал восставших оружием и другими средствами. Кокандское ханство тоже всеми мерами старалось, как бы задержать любое продвижение русских вперед. Таким образом, я считаю, что восстания Срыма Датова, который в первое время выражал чаяние народа, имел связь с движением Пугачева, имеют и положительную и отрицательную стороны. Отрицательная сторона его движения вырисовывается тогда, когда он, находясь под влиянием реакционных феодалов, всю силу направляет на восстановление ханской власти, на обособление казахов от русского народа. Такую же двойственную форму имеет и восстание Жанхожы. К чисто народному, антифеодальному, классовому движению относится восстание Исатая Тайманова. Все остальные восстания, например, восстания Кенесары, Наурзбая, Котибарова, Каратая, Жоламана Тиленжи, Садыка Кенесарина, Ивы и др., есть восстания реакционных классов, групп, тянущих народ к патриархально-родовому строю, к отсталому кочевому быту. Они были поддержаны среднеазиатскими ханами. Что касается участников, то некоторая часть темного народа этими феодалами то обманута, то силою присоединена. Сами главари говорят, что их опорой были бухарский хан и хивинский хан. Их слова даже в книге есть.

Из этой книги можно сделать вывод, что как будто до полной колонизации в Казахстане классовой борьбы не было. О социальных условиях говорится штампованными словами. Там говорят, что казахский поэт Бухар [8] был умным советником Аблая. На самом деле Бухар и другие влиятельные батыры были представителями прогрессивного слоя, а Аблай, Кенесары, Барак-султан [9] и многие другие были представителями реакционного слоя. Это видно, что Бухар всемерно старается удержать Аблая, чтобы он не пошел против русских, чтобы он дружил с русскими соседями. (Панкратова. Это же все и сказано в книге.) Вы сказали, но с какой точки зрения? Вы говорили, что как будто эти люди восхваляют Аблая. На самом деле они были против Аблая, они были против междоусобных войн, они были против отсталости. Авторы стремились противопоставить все прогрессивные силы Казахстана русскому завоеванию. Ненависть этих людей к царским чиновникам возводили к ненависти к русским вообще. Например, Алтынсарин [10] начиная с 1857 г., окончив русскую школу, стал распространять науку в Казахстане, а в это время Кенесарин, Жанхожа и другие вызывают бунт. Разве это можно поддержать? Другое дело, когда Аблай хочет объединить казахский народ. Этот момент, можно сказать без преувеличения, прогрессивный. Эту сторону мы всегда поддерживали бы. Но реакционные стороны его деятельности не надо было смазывать. Авторы везде и всюду подходили к вопросу односторонне, а потому книга не заслуживает одобрения.

Щербаков. Наше довольно затянувшееся совещание пора кончать. Желающие высказаться есть, главным образом, по второму разу. Может быть, так вопрос решить: дать товарищам высказаться по 3—5—7 минут для справки. Если кто желает дать более подробную справку, можно это сделать в письменном виде. Слово имеет т. Тарле [11].

Тарле. Я хочу прежде всего сказать относительно этой знаменитой стенограммы. Позвольте одно воспоминание привести. Емельян Михайлович [12] в этом же самом помещении, но в другой комнате, был совершенно вне себя. Этот спокойный человек был очень возбужден и заявил: «Я ей пущу в физиономию эту стенограмму. Смотрите, что она пишет. Да меня

завтра надо из партии исключить после этого». Этот совершеннейший вздор, который мне приписывается, остается вздором. Я даже считаю ниже своего достоинства говорить о нем. Это совершеннейший вздор, чтобы я говорил, что исключительно территорией побеждает советская власть, исключительно пространством [13]. Это наглый вздор. Не надо было т. Панкратовой ссылаться на эту стенограмму. Тов. Волин должен был тоже воздержаться от этого. Я бы сказал и относительно акад. Волгина, что он должен был яснее сказать, что он полемизирует против нелепостей стенограммы, но не приписывать их мне.

Щербаков. Стенографистка не может всю стенограмму переврать. Она может отдельные слова, отдельные строчки неправильно написать, а вся стенограмма не может быть искажена.

Тарле. И Е. М. Ярославский был прямо в отчаянии, что его стенограммы именно перевирали с начала до конца. Сидящие тут товарищи знают, кто эту статью мне поручал и зачем она писалась. Вот мои слова, которые были повторены мною в Саратове. Это относится к тем, кто заявил, что я стираю рубеж. Слово «рубеж» было мною сказано и в Саратове. Вот что я говорю в своей статье о буржуазной дипломатии (читает) [14]. Среди многих других совершенно нелепых вещей, не знаю, откуда это взято, из стенограммы или еще откуда, говорится о царизме как «жандарме Европы». Я заявляю, что царизм, конечно, был «жандармом Европы», и человек, имеющий понятие, даже и самое отдаленное, об истории, скажет также, что был. Речь идет о том, что у нас скверно изучается история международных отношений и история царизма. Нужно все, что сложно, все, что связано с этим, оттенять, писать об этом, нужно исследовать. Почему учебники не развивают и не могут развить настоящего патриотизма, почему не выброшена вся «покровщина»? Возможно, потому, что у нас мало научного интереса к этому делу, дворянская эпоха плохо занималась этим, и наша эпоха, к сожалению, мало этим занимается. Вот что я говорил. Я приведу еще такой пример. Близкий друг Энгельса Шорлеммер [15] пишет Энгельсу, что твоя книга возбуждает много споров. Энгельс на это ответил, что если от столкновения книги с головой произойдет пустой звук, то при чем тут книга? При чем тут лекция, если ее так записали и так нелепо поняли?

Тут указывалось на содержание журнала. Журнал этот у нас один, и при всех его недостатках мы не можем отказаться от издания его. Мне представляется правильным, что исторический журнал, так как он называется историческим, должен служить истории, а этого в действительности нет и не может быть, если в редакции нет уважения к исследовательской работе. У нас принято так, что одни очень много работают, а другие больше критикуют. Конечно, ошибки есть, но не ошибается тот, кто ничего не делает, сплошь и рядом критики ничего не делают. Надо установить научный подход и научную критику к делу.

Тут говорилось, что все прошлое освещалось сплошной черной краской, и это было именно при «покровщине». Я скажу, что несколько лет тому назад, это было перед войной, ко мне предъявили требования, чтобы немедленно выпустить восемь переводных томов истории [16] и написать предисловие, в котором нужно отметить то, чего не отмечают французские авторы, а именно, что России не только дала реакцию, а что при Николае вначале были декабристы, в середине — Пушкин, Лермонтов, Белинский, Герцен и пр., и что это надо отметить. Я написал предисловие, и без моего ведома в спешном порядке это было опубликовано в журнале «Большевик». Зачем это понадобилось? Да именно затем, чтобы опровергнуть измышления «покровщины». И такая полоса вошла в нашу историографию, потому что уже гитлеровцы точили на нас зубы и нельзя было продолжать изображать русский народ в виде обломовых, в виде иванушек-дурачков, а что царизм был жандармом и что он хотел ставить народ в положение иванушек-дурачков — это верно. Пересмотреть надо было бы чрезвычайно многое, но для этого нужно работать, писать исследования, а не довольствоваться никчемной, ненаучной, мнимой «критикой» [17].

Щербаков. Слово для справки имеет т. Сыромятников [18].

Греков. В. П. Волгин в своем выступлении выразил пожелание, чтобы я дал объяснение того, что я говорил об изучении государства и народа, так как мое выступление может быть понято по-разному. Я считаю необходимым в порядке разъяснения сказать, что о государстве, о природе государственной власти я писал много раз. Марксистско-ленинское понимание природы государства во всех моих работах выдержано. Никакой потребности в пересмотре этого предмета не чувствовал и не чувствую. В своем выступлении я говорил совсем не о том, а исключительно о невозможности изучать народ и государство в отрыве. Историю народа без государства можно изучать лишь в доклассовый период, историю государства без народа изучать нельзя никогда. Борется ли открыто государственная власть с народом, приспособляет ли государственная власть народ к своим требованиям, выступает ли государственная власть вместе с народом, как, например, на льду Чудского озера, на Куликовом или Бородинском полях или в 1611 г., — историк не может отрывать народ от государства. Борьба классов, борьба классовой власти с народными массами должна изучаться с учетом обеих борющихся сторон.

Работая над историей крестьян, я особенно чувствую, к каким грубым ошибкам ведет исследователей попытка оторвать исторические судьбы крестьян от воздействия на них государства. Ключевский, Дьяконов [19], отвергая роль государства, обрекли себя на непонимание всего этого процесса (отмена Юрьева дня, введение и отмена урочных лет, вся политика по отношению к холопству). Я только эту сторону дела и имел в виду. Я не пересматривал марксистского понимания природы государства, а говорил лишь о процессе изучения жизни государства и народа.

Аджемян. Как и следовало бы ожидать, мое выступление вызвало бурю возражений у многих участников совещания, а у кое-кого даже не бурю, а фурию злобы [20]. Так, например, т. Ефимов настолько был одержим этой фурией, что, не имея уже никакого иного оружия научной аргументации, решился на отчаянный риск — взял на себя роль оракула или кликуши, гадающего волю Центрального Комитета партии, заявляя, что, привлекая меня на работу в этих дебатах, наши руководители хотели наглядно показать, как не следует трактовать проблемы истории. Жалкое политиканство! Мои критические стрелы, видно, угодили в самое чувствительное место нашего ихтиозавра, и он в слепой ярости стал очень походить на гоголевскую девку, не разбирающуюся, где право, где лево, что ниже и что выше на этом совещании: его ли широковещательные, но пустые ярлыки или моя критика отживших приемов фальсификации истории пугачевщины, Шамиля, Кенесары Касымова и т. д.

Однако, за что и против чего проф. Ефимов ратует? Чтобы ответить на это, следует обратиться к его более состоятельным коллегам: тт. Панкратовой, Минцу, Городецкому, Рубинштейну. Все эти товарищи были единодушны в полемике со мной по двум основным вопросам: 1) о соотношении народа и государства, 2) о значении классовой борьбы в истории. Разрешите же отвлечься от такого курьезного и каверзного оппонента, как т. Ефимов, отбросить всякие полемические красоты, которые не могут ведь решить такие большие проблемы. Позвольте напомнить, что мы тут выступаем не только перед нашей наукой, перед нашими руководителями партии и правительства, но и перед грядущими поколениями и эпохами. Ведь будущий историограф из стенограмм наших выступлений извлечет не эти полемические красоты, в коих я также знаю толк. Нет, будущий историограф извлечет из наших выступлений лишь ответ на один вопрос: каких высот научной мысли достиг каждый из нас или на какой точке каждый из нас застрял на сегодняшний исторический день, когда наш народ так много испытывал, так много изведывал и так много одолел.

Итак, на вопрос, каково соотношение государства и народа, я отвечаю, что они диалектически едины, что они обуславливают друг друга, что оторвать их и противопоставить друг другу — метафизическая чушь, изжившая себя «покровщина» и извращение существа ленинизма. Однако

сказать это и только это значило бы поступать, как мои оппоненты, которые декларировали противоположное и не поставили главный вопрос — почему? Этому «почему» я и хочу ответить. Тов. Городецкий тут сказал, что единство народа и государства — факт для нашей страны на сегодняшний день, факт для нашей социалистической формации, но не факт для прошлых времен и что здесь я или т. Греков приписываем особенности нашей эпохи прошлым эпохам. Так ли это? Итак, даже т. Городецкий согласен, что у нас народ и государство в нашу эпоху едины, но из этого он делает тот ложный вывод, что мы тут исключение, что для нас исторический закон, действующий для всех народов и всех времен, недействителен. Это звучит довольно приятно, лестно и утешительно. Вот, дескать, все народы, и в том числе наши народы, во все времена противостояли своим государствам и правителям и лишь в наше время наши народы СССР стали едины, сплочены со своим государством. Это — фальшь или заблуждение. Не в этом отличие взаимоотношений государства и народа у нас, а в чем — мы увидим ниже.

Тов. Городецкий, Панкратова и их единомышленники, стоящие на точке зрения противоположности народа и государства во все прошлые времена и утверждающие, что у нас в СССР этот закон истории нарушается, не понимают или не хотят понять, что, наоборот, исторический закон единства (конечно, диалектического) народа и правительства, присущий для всех времен и стран, у нас в наше время воплощается в наиболее идеальных формах, выступает в наиболее совершенном виде, в наиболее осознанном, ясном образце как новая ступень, новое качество этого векового единства. Следовательно, антинаучно, ложно представить, что во всех иных случаях государства и народы соотносились друг с другом как смертельные враги. Приведя слова Гегеля и Энгельса, я обратил ваше внимание на то, что Энгельс солидарен с Гегелем в вопросе о том, что негодность правителей объясняется негодностью подданных и что подданные не заслуживают лучших правителей, чем те, которых они терпят и признают. Пусть хоть кто-либо из простого уважения к Энгельсу или к науке вообще попытался бы здесь возражать или по-иному интерпретировать эти положения Энгельса, чтобы я знал, что, кроме шумихи и ярлыков, мои оппоненты имеют и иное оружие против моих утверждений.

Но не странно ли, что тт. Городецкий, Панкратова, Минц, Рубинштейн и др., декларируя противоположность народа и государства, вообще обошли молчанием эти высказывания Энгельса, обошли важнейший тезис нашего учения о разумности действительности и ограничивались лишь выкриками и ярлыками вроде «ревизионизм», «гегельянство», «идёте назад» и т. д. Зачем свои домыслы возводить в степень науки, товарищи, когда наши учителя уже дали ясные научные ответы на эту проблему? Или вы хотите сказать, что наши учителя так же, как вы, считали, что все народы в прошлом только тем и были заняты, что грызлись со своими государствами, что борьба этих волков и овец и есть наша история? Так доказали бы хотя это! Хоть в этом отказались бы от пустых деклараровок и встали бы на почву первоисточников! Но вы этого не сделали, ибо весьма нелегкая задача — так превратно представить наследие наших учителей.

Представляя народ в таком ложном свете, будто он только и знал, что боролся против государства и правителей, наши негласные последыши Покровского уверены, что делают большую честь народу. Вот, дескать, посмотрите, как на протяжении тысячи лет великий русский народ боролся против тиранического гнета извергов Рюриковичей и Романовых и как, наконец, в 1917 г. эта борьба увенчалась победой! На самом же деле, так изображая историю, мы только осрамляем и принижаем наш поистине великий народ, который хорошо чуял и знал, какому государству надо помочь, стать ему опорой, осуществить его помыслы, не жалея живота своего, и какое надо скинуть, растоптать и превратить в выкидыш истории. Стойте на точке зрения диалектического единства народа и правителей — и вы поймете творческую роль народа, который выдвигал и донес на вершину славы Дмитрия Донского, Александра Невского, Ивана III, Ивана

Грозного, Петра Первого, Суворова, Кутузова, который не пожелал подчиниться потомкам Годунова, ставленникам литовцев и поляков, всех этих Лжедмитриев, который не пожелал заступаться за бездарного Петра III и иных Лжепетров, объявляющих себя воскресшими Петрами Третьими.

Народ и государство должны соответствовать друг другу, иначе правящий двор превращается в бессильную жертву дворцовых переворотов подобно тем, которые украшали историю турецких султанов в XIX веке. Кто более отменно и величественно воплощает народный дух античной Греции, если не Перикл или Александр Великий, народный дух карфагенян — если не Гамилькар и его великий сын, дух римлян разве столь же весомо не представляется в образах Сципиона или Цезаря [21]? Разве величие нашего народного духа, воплощающегося в образе нашего любимого вождя и учителя, исключает и не предполагает необходимость видеть и другие параллели единства между народами и правителями? Разве Великая Отечественная война наша воочию не убедила нас в том, что Гитлер и его кровавая свора — не оторванная от миллионов каста, а выражение общего нравственного развращения немецкого духа? Изучать и понять тайну зарождения того или иного метода правления, тайну того или иного типа правителей, исходя из народного духа, из творческих сил и стремлений народа, из его сильных и слабых сторон, из состояния условий жизни, ума, нравов, понять, что есть незримая, но крепкая связь и взаимообусловленность между этими явлениями — народом и государством, — значит подойти к сущности научного понимания истории, к сердцевине ленинизма. У нас же принято было отмахнуться от этой сложной проблемы — установления связи и закономерности между этими «верхами» и «низами», потому что было легко и просто представить «верхи» в виде бесшабашных угнетателей и палачей, а «низы» — как непокоримых борцов, в результате чего история принимала вид довольно скучной сказки.

Теперь подойдем ближе к обвинениям в том, что моя концепция уже стара, ибо взята от Гегеля, Чичерина, Соловьева и т. д. Тов. Панкратова и другие, утверждающие это, не в состоянии понять, что данная концепция как раз направлена против Гегеля и «государственной школы» Чичерина — Кавелина. Ведь у Чичерина государство есть творец народа, тогда как из всего хода моих положений вытекал обратный вывод — народ творит свое государство по образу и подобию своему. Согласно первой схеме государство есть все, оно есть божество на земле, согласно моей схеме государство крепко обусловлено народом, и вне его сферы оно погибает, как рыба без воды, или как погиб последний отпрыск династии Романовых со всем своим громоздким и уродливым двором, ибо они превратились в оголтелую антинародную силу. Мои оппоненты, не жалея ярлыков, представляя всю так называемую «государственную школу» в качестве моих теоретических предков, поставили себя в очень неловкое положение, ибо доказали, что они лишь весьма абстрактно знают сущность школы Соловьева, Чичерина и других представителей этой «школы». Плох тот пастух, для которого все коровы черны, плох тот историк, для которого любая трактовка единства государств и народа — признак принадлежности «государственной школе». При внимательном разборе оказывается, что коровы тут разные, а наши пастухи — одинаковые в своей незадачливости.

Дело в том, что гегелевская концепция единства государства и народа породила в русской исторической мысли не одно, а ряд течений. Правое течение во главе с Погодиным, Кавелиным, Чичериным, позже — Струве, выдвигало такую схему, что государство есть нечто божественное, оно есть абсолютное благо, и неисповедимы его пути и его метаморфозы. Народу не к лицу заниматься вопросом, хорошо ли государство или нет, ибо он неизмеримо ниже стоит на иерархической лестнице разума. Народ должен лишь с упованием отнестись к этой божественной силе. Левое течение также исходило из того неоспоримого исторического факта, что народ и государство едины, но это течение, в лице Чернышевского, Добролюбова, отчасти Щапова [22], исходило из приоритета народа по отношению к государству. Если Погодин и Чичерин превозносили государство и низводили народ, то

здесь мы имеем противоположную тенденцию. Народ у них — жертва государства, государство есть лишь обуза для народа и не способно печься о нужде народной.

От этих взглядов до полного отрицания роли государства, до непризнания за государством какого бы то ни было права исторической необходимости и разумности — не так-то далеко, и вот мы в лице другого левогегельянца — Бакунина имеем ультра-левацкое отрицание необходимости государства, что приводит его к анархизму. Гегелевская школа здесь доходит до своей противоположности — до «антигосударственной школы». Между этими двумя крайностями правого и левого течения по вопросу о соотношении государства и народа мы должны различать и третье течение, наиболее умеренное и близкое к духу самого Гегеля, возглавляемое Сергеем Соловьевым, который не обожествлял государство, но и не превозносил народ, а старался теорией органического развития объяснить неизбежность и необходимость тех исторических явлений, которые при всей их противоречивости не могли быть иными.

Разумеется, марксистско-ленинское понимание единства государства и народа не может и не должно сводиться к любому из этих разночтений гегелевской философии истории. Не отрицая то рациональное, что содержит в себе гегелевский историзм о диалектической взаимосвязи между государством и народом, ленинизм коренным образом изменил или перевернул теорию Гегеля, поставив ее с головы на ноги, противопоставив себя тем самым как гегелевской философии истории, так и всем вариантам левой и правой ее интерпретации. Исходное начало, базис, из которого надо исходить, — это народ. Народ есть творческий, действенный субъект, созидающий свои политические и иные идеологические надстройки по образу и подобию своему. Величие государственных подвигов и деяний его коронованных и некоронованных вождей не есть противостоящие ему исторические факты, а суть следствия его творческих усилий, пролитой крови, пролитого пота. Но и провалы и крушения многих начертаний и дерзаний, гибель и разорения, войны и поражения не являются оторванными от народа колебаниями, а определяются тем же основным базисом — народом, его духом, условиями его жизни, его трудовых и политических усилий. Государство имеет огромное, иногда даже решающее взаимовлияние на этот базис, но не в качестве иной, внешней силы, а внутренне присущей, имманентной силы.

Таким образом, государство и народ суть монистическое целое, суть единый субъект. Но в своем развитии народ постоянно улучшает и усовершенствует свою государственную систему в зависимости от тех социально-экономических и технико-экономических сдвигов, которые, упираясь в закостенелый организм, не дают развития производительным силам, требующим новые, более прогрессивные производственные отношения. В такие исторические моменты народ и государство раздваиваются, и это раздвоение единого порождает иллюзию оторванности, метафизической противоположности и параллелизма между государством и народом. Однако, скоро разрушив старый государственный отживший себя строй, народ возводит новое величественное здание такой государственности, которое обеспечивает его развитие на протяжении новых веков. Следовательно, единство народа с государством не исключает борьбу с ним, но, наоборот, раз оно, это единство, есть диалектическое, такая борьба выступает существенным моментом развития всего общества.

Сама борьба народа с государством принимает разные формы, из коих надо выделить две основные — реакционную и прогрессивную. Аллилуйщики государства утверждают, что везде, где идет борьба между государством и народом, право государство. Аллилуйщики же народа утверждают противоположное. Историческая же истина слишком многообразна и велика, чтобы можно было бы ее поместить в прокрустово ложе подобных схем. Так как народ состоит из разных классов, имеющих разные интересы, иной раз противоположные, то, создавая государство, народ вызывает в жизнь силу, которая умеряла бы их столкновения. Выражаясь словами Энгельса,

мы могли бы эту мысль заключить такими словами: «А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство». Ленин, приводя сии слова Энгельса в своем собственном переводе, одобряет и развивает эти мысли. (См. Ленин. Соч. XXI, стр. 372) [23].

Мы видим, что Энгельс очень высоко ставит значение государства как охранительной силы по отношению тех классовых распрь, которые способны даже пожирать друг друга и все общество. Это далеко не то, что у нас привыкли принимать за постулат: раз идет борьба против государства, значит борьба эта всегда правая. Когда основы государства подрывает такая сила, которая способна и созрела для того, чтобы воздвигнуть более передовой тип государственности, то такая борьба не может не вызвать сочувствие наше как дело разумное, правое, если даже оно потерпит на время поражение. Потому и я высоко оценивал движение декабристов.

Если же сила, подрывающая государство, незрелая, отсталая, стихийная и не способна [произвести], кроме разрушительной ярости, ничего созидательного, здорового и высшего, она должна быть расценена как непрогрессивное и даже реакционное движение. Ведь мы не можем стоять на точке зрения Э. Бернштейна: «Движение — все, цель — ничто». Вот почему движения Пугачева, Кенесары Касымова и Шамиля, вызванные, правда, пороками и недостатками русского царизма, все же были по существу своему противоречащими тем прогрессивным стремлениям истории, которые вырастали из недр тогдашней государственности в лице Радищева, декабристов, шестидесятников и т. д. Здесь и ключ тому замечательному явлению, почему наши шестидесятники так враждебно относились к движению Шамиля и приветствовали каждый успех, одержанный русскими против Шамиля. Вот вам образчик из редакционной статьи «Современника» [24], принадлежащей, очевидно, перу Чернышевского: (цитата) [25]. Точно так же относились такие ученики Чернышевского, как армянский революционный демократ М. Налбандян [26]. А у нас принято создавать видимость, что все передовые силы того времени сочувствовали Шамилю. (См. работы Бушуева, Павленко).

Теперь об интересном выступлении т. Державина. Указанная группа моих оппонентов получила солидное подкрепление своих антиисторических взглядов по вопросу о соотношении государства и народа в лице уважаемого т. Державина. В своей благородной речи акад. Державин верно заявил, что русское самодержавие имеет свою диалектику, и я ожидал, что он даст нам беглый очерк восхождения, расцвета, нисхождения и загнивания государственности русской. Однако на деле оказалось, что он, подобно тт. Панкратовой, Бушуеву (из-за Шамиля) и другим, считает, что русское владычество ничего положительного не давало ни Казахстану, ни Закавказью, ни, в частности, Грузии. Притом интересно то, что это говорит ученый, знающий Закавказье, работающий там как истый патриот русской земли.

Тов. Державин прав! Применяя ретроспективный метод в анализе прошлых событий, можно попасть в ловушку оптического обмана. Он сам и стал жертвой этого обмана, ибо царизм конца XIX и начала XX в. выбрал себе критерием для определения значения царизма вообще. А так как «царизм вообще» есть абстракция, то и получилось, что русское владычество для Грузии, по мнению акад. Державина, ничего положительного не делало. Разве вся классическая грузинская литература, пышно расцветшая в течение XIX в. по образу и подобию русской литературы, не есть прямое следствие присоединения Грузии к России? А просвещение, театр, живопись, военное дело, промышленность и т. д.? Что ожидало Грузию без России, если не участь аджаров — этих западных грузин, насильно исламизированных турками? А мы ведь не так уж много делали для того, чтобы вернуть их

вековую культуру, язык, традиции и вырвать их из когтей азиатчины. Почему? Потому, что было у многих опасение разжигать местный грузинский шовинизм. Но так думать значит «волков бояться — в лес не ходить». А что ожидало бы армян без России? Участь турецких армян говорит за себя. Ведь из 1½ миллиона турецких армян целый миллион был истреблен турецко-германскими извергами в 1915 году. Можно ли пройти мимо таких умопомрачительных фактов истории? Нет, т. Державин, Вы как крупный ученый не похожи на самого себя, когда культивируете ложную теорию отрыва народа от государства, когда возводите и превозносите движение Кенесары Касымова, а стало быть, и Шамиля, когда объективно отождествляете Голицина с Ермоловым. Но мне возражают с таким, якобы «марксистским», доводом: если принять Вашу концепцию единства народа и государства, тогда прощай классовый принцип в освещении вопросов истории, тогда получается старая схема, будто государство не классовая, а надклассовая сила. Вот мы подходим ко второй проблеме наших разногласий: о роли и значении классовой борьбы в истории.

Мне кажется, что надо быть порядком ослепленным и оглупленным метафизическим методом, чтобы сделать столь несообразный вывод, будто единство государства и народа исключает классовую борьбу. Классовая борьба веками была, есть и еще будет, покуда есть классы. Игнорировать, не признавать этот фактор развития — это все равно, что отрицать в воде водород. Но надо ответить на вопрос: из одного ли водорода состоит вода и все ли водные стихии исчерпываются несложной формулой «H_2O» — вот в чем гвоздь вопроса. Государство классово, разные классы навязывают стране разные виды государственной власти. Все это — азбучные истины. Но есть и не азбучная истина — каждый господствующий класс вынужден вести страну, то есть тот монистический субъект, который является основой государства, по пути развития, прогресса, иначе он, этот господствующий класс, вынужден покинуть арену господства и уступить свое место иному, более передовому господствующему классу. Этот вынужденный уход в истории происходит, правда, не столь приятными способами, как, например, вотум недоверия в парламентах, а чаще дело доходит до того, что господствующий класс, уже не способный развивать производительные силы страны и идти по пути прогресса, расплачивается всем достоянием и кровью своей. Что же, тем лучше для прогресса и развития. Но уже здесь, в этой далеко не азбучной истине мы видим знакомую нам марксистско-ленинскую правду исторического развития, заключающуюся в том, что то, что действительно, то разумно, и если рабовладельческая система сменяется более прогрессивной — феодальной, значит старый строй потерял свои прогрессивные потенции, значит этот строй стал оковой для развития страны и значит разумна его гибель и возвышение нового классового общества. При таком взгляде история принимает закономерный характер и государство перестает выступать перед нами в образе кровавого Калигулы, а народ — в образе восставших спартаковских рабов.

Народ есть субъект истории — учит т. Сталин, так пусть каждый истый историк, окончательно не запутавшийся в социологических хитросплетениях покровщины, покажет, как этот народ-субьект в одно и то же время и производил материальные блага, и воевал с иноземными захватчиками, и боролся с классовой косностью и непомерной эксплуатацией своего труда, и создавал памятники духовной культуры. Все это народ делал одновременно, и все это было разумно несмотря на вопиющие противоречия, провалы, поражения и разорения. Государство возглавляло эти титанические усилия и борения народа, направляло их, и это вполне согласовалось с его классовой природой, ибо сам народ ведь тоже состоял из классов. Классовая борьба и классовые противоречия, таким образом, не исключают единства государства и народа как монистического субъекта, а наоборот, обуславливают их существование, ибо без классов и их борьбы не было бы и государства. Беда наших историков, в данном случае моих оппонентов, заключалась в том, что они учли лишь классовую противоречивость государства и народа и упускали их единство, взаимообусловленность, взаимный детер-

минизм этих противоположных сил. Как истые метафизики они говорят: какое же единство, если они противоположны? Надо им ответить: именно потому они и едины, что противоположны. Диалектическое единство государства и народа с учетом того, что народ и является основой, источником для государства, отучит нас от того брюзжания, оплевывания старого, которые стали когда-то нормой оценки прошлых событий и исторических деятелей. Ведь факт, что одно время у нас о каком-либо царе нельзя было сказать хорошее слово и получилось, как у Собакевича: один разбойник, другой грабитель, третий мошенник, и лишь иногда, лишь о лучшем из них говорили в том же стиле: «Один прокурор порядочный человек, да и то, если сказать правду, — свинья».

В художественной литературе с этим вредным нигилизмом, нусиновщиной [27] почти покончено, и уже недавно был подытожен тот факт, что советские драматурги уже успели дать стране семь пьес об Иване Грозном, и все они превозносят этого государя не только как государственного мужа, но даже как нравственную личность. У нас иначе не принято почему-то, и в результате от одной крайности вульгарного терсидизма мы попадаем в другую — напыщенную маниловщину. Перехожу к обвинениям моих оппонентов в том, будто я «сползаю с классовых позиций», отказываюсь от классового понимания ленинизма.

Я говорил и повторяю, что главное в ленинизме — не классовая борьба. Это я доказал собственными заявлениями наших учителей. Чем вы на это ответили? Бранью, ярлыками. Значит, плохи у вас дела. В личной беседе один товарищ сказал мне: «У Вас получается, что интересы пролетариата и интересы общечеловеческие — вещи разные». Это уже серьезное возражение. Отвечу на это. Я на большом историческом материале показал, что интересы пролетариата были разные, когда выразителями их выступали машиноборцы или «экономисты», или «Рабочая оппозиция», или Викжель [28], или те рабочие, которые, созывая съезд, украсили сцену лозунгом: «Царству рабочих и крестьян не будет конца», на что Ильич подробно разъяснил и остудил жар и пылкость их классового воображения. Понятие «интересы пролетариата» слишком общё, и извольте объяснить, о чем идет речь. О тех интересах, которые мы должны вывести из существа ленинизма, или же о тех, которые якобы защищают леди Астор [29], многие тредюнионисты и т. д.? И вот, отвечая на этот вопрос, я говорю, что ленинизм под интересами рабочего класса понимает не одни лишь частные узкоклассовые интересы, а возвышает рабочий класс до уровня авангарда социалистической переделки общества. Главное в ленинизме заключается именно в этих общечеловеческих задачах, поставленных перед той формой пролетарской диктатуры, которая у нас называется советским государством. Следовательно, не я противопоставляю интересы пролетариата интересам общечеловеческим, а наоборот, я выступаю за то, чтобы не было и тени подобного противопоставления, и мы, идеологические работники советского народа, сумели бы узреть величие рабочего класса именно в этой авангардной роли в деле создания бесклассового общества, борясь против всех попыток противопоставлений, имеющих место в истории.

Я привел слова т. Ленина о том, что утверждать, будто главное в марксизме есть классовая борьба, значит извращать марксизм в угоду мелкого, да и крупного, буржуа. В наши дни эти слова стали особенно пророческими. Ведь от имени классовой борьбы ратуют и геббельсы, и херсты, и мосли [30]. Разве можно так отстать и в 1944 г. прожужжать о классовой борьбе, как 50 лет и век тому назад, когда ближайшей целью было классовое самосознание рабочего класса. Мы сильно продвинулись вперед с тех пор и то, что было ближайшей целью, ныне есть средство для более возвышенной задачи. Потому и я повторяю, что классовая борьба для нас есть средство для достижения цели — уничтожения классов вообще, построения социализма. Так следует понять и применять ленинизм, а не свести все дело к классовому антагонизму и классовой борьбе, думая, что этим мы сказали революционное слово.

Разница между мною и моими оппонентами не в том, что

я недооцениваю классовую борьбу, а они — нет, а в том, что, выражаясь фигурально, они считают себя энтузиастами по тракторостроению и говорят: «Даешь трактор, и никаких!» Я же говорю: «Трактор не самоцель, а орудие для социалистического земледелия». Этот взгляд на историю и на современность более научен, чем огульное словословие классовой борьбы и проведение классового принципа там, где он явно вреден для наших же классовых интересов. Так, например, обращаясь к товарищам из Политбюро и самому т. Сталину, я ставлю вопрос: целесообразно ли нам в нашу эпоху выступать с такими формулами, какими изощрялся недавно т. Федосеев в «Большевике» [31], что диалектический материализм есть мировоззрение пролетариата или что диалектический материализм выражает собой пролетарское мировоззрение и т. д. Конечно, я не говорю, что это ошибка, но что этим мы суживаем значение нашей философской науки, делаем достоянием лишь одного, пусть самого передового, класса — это очевидно, хотя не очевидно, почему нужно такое суживание. Не вернее ли представить дело так, что диалектический материализм есть высший этап развития философской науки, способный убеждать и овладеть умами всех мыслящих людей, которые не извращены классовой ограниченностью и классовыми предрассудками?

Нам известно, что идеология господствующего класса — есть господствующая идеология данного общества, и это положение Маркса доказывалось во все времена. Буржуазия в период своего господства господствовала над массами и своей идеологией. Но как она достигла этого идеологического господства? Не тем, что она везде и всюду пичкала людей своей классовой ограниченностью, классовыми предрассудками, своими ницше, карлейлями, шпенглерами, своими рашевичами [32] из Чехова. Нет! Она для этого была слишком умна. Буржуазия выступала, пленила и покорила ум людской широкими, гуманистическими общечеловеческими идеями — классиками науки, которые были бы, вероятно, весьма оскорблены, узнав, что мы их задним числом честим как буржуазных идеологов. Мне скажут: буржуазия кривила душою, действовала коварно, нам незачем скрывать, что мы стоим за пролетариат, но тут и обнаруживается детская болезнь левизны, ибо наивно думать, что, выступая с общечеловеческими идеями, мы кривим душой, ибо такова сущность нашего учения, что застрять на точке классовой борьбы нельзя, а нужно довести ее до задач уничтожения классов, до степени советского государства, до защиты интересов всего народа, всей нации, всего исторического субъекта в его монистической цельности.

Ведь если и согласимся, что буржуазия кривит душой в данном вопросе, то и тогда получается, что буржуазия реализует свою сусальную монету за чистое золото, а мы свое чистое золото хотим сбывать за сусальное. Тут есть чему учиться, и назовите меня струвистом, бернштейнианцем и что вздумает убогая фантазия таких мелких политиканов, как проф. Ефимов, я все же скажу, что наши светлые идеалы должны выиграть сражение сначала на полях книжных, газетных, в сферах науки, а затем уж на полях битв в собственном смысле и для успеха наших битв на книжных и газетных полях мы должны подняться на высоту общечеловеческих идей, отрешиться от классовой ограниченности и понять, что в этом именно состоит бессмертное, субстанциальное нашего учения Ленина и Сталина.

Точно таким же образом я обращаюсь и по другим вопросам: у меня вызывает сильное сомнение, насколько научно и насколько целесообразно считать и подчеркивать, что наша революция в период 1918—1920 гг. была периодом гражданской войны. В свое время вызвать гражданскую войну в стране как противоядие войне империалистической было необходимостью, а потому мы поднимали на щит лозунг гражданской войны, видя в ней силу спасительную, освободительную. Теперь же, оглядываясь, мы знаем, что это было противоядие, и только, и придти в восторг или удариться в пафос от того, что мы были вынуждены воевать с внутренней контрреволюцией (поддержанной внешней), незачем, как незачем выставлять на

божий свет семейные раздоры и распри, будь они даже очень принципиальные по своему характеру. Как бы то ни было, этот период войн надо было бы, скрепя сердце, назвать периодом гражданской войны, если бы не то обстоятельство, весьма немаловажное, что наша страна за эти три года воевала со всей мировой реакцией, со всей интервенционистской коалицией: кайзеровской Германией, чехословацким продажным корпусом, французскими десантными войсками, американскими десантами, японской длительной и наглой оккупацией, германо-турецкими захватчиками в Закавказье, английской агрессией, захватническими вожделениями Финляндии и особенно Польши и Румынии.

И вот наш великий народ, одерживающий легендарные победы над всей этой реакцией антирусской коалиции, нами воспевается и представляется как герой гражданской войны, как герой классовой борьбы внутри своей страны, между тем как классовая борьба внутри страны у него сочетается с более возвышенной задачей — борьбой с мировой реакцией и интервенцией, ворвавшейся в нашу землю для порабощения нашего революционного народа. Тут есть, о чем подумать и пересмотреть. Потому я, ретроспективно переоценивая этот славный и суровый период нашей революции, склоняюсь к тому, что это был период войн с мировой контрреволюцией, а гражданская война была лишь производным явлением от этого основного. Вы замечаете, что и этот вывод вытекает из того же основного постулата: главное в марксизме — не классовая борьба, а интересы монистического цельного субъекта истории, и все иные моменты мы должны рассматривать как служебные по отношению к этой возвышенной цели.

Теперь персонально о выступлении т. Минца. Есть люди, которые из длительных боев за целые десятилетия вынесли одну универсальную мораль, состоящую в том, что если спорят две стороны, то подойди к ним, и, не вникая даже в суть спора, скажи им: один нз вас ошибается в том, что недооценивает, другой — в том, что переоценивает, а потому оба неправы, прав я. Если же вам хочется знать, чья ошибка опасней, то и это заранее известно мне: опасна та, против которой не ведется борьба. Все это в таком общем виде довольно мило выглядит. Однако т. Минц в погоне за схемами упустил из виду, что споры на философском участке, например, не разрешились по такому плану, и вообще повторимость в истории имеет свои пределы. Посмотрим, однако, как он борется против моей «чудовищной ошибки»? Он говорит, что я допустил нечто чудовищное в оценке пугачевщины. Почему? Потому, что я утверждал, что пугачевщина была не прогрессивное явление, так как она угрожала государственному строю, и тут же добавляет: этак получается, что и мы сделали ошибку, когда в 1917 г. подняли революцию. В этих словах наличествует весь т. Минц со всем своим теоретическим багажом, со всем грузом беспросветной ползучей эмпирики.

Во-первых, т. Минц путает вопрос, будто я критикую пугачевщину лишь за то, что она угрожала государственным устоям того времени, ибо я говорю о том, что, стремясь разрушить монархию Екатерины, Пугачев не сумел бы поставить монархию лучше, а поставил бы похуже и намного хуже. Вот почему я тут же отдаю должное декабристам, которые тоже шли разрушить самодержавие, но поставили бы на его место более прогрессивное государство. Во-вторых, не странно ли, что видный советский историк т. Минц в 1944 г. выступает таким заурядным филистером типа немецкого Эмиля Людвига, который свыше 10 лет тому назад получил от т. Сталина то, что ему следовало бы получить за сумасбродную аналогию между пугачевщиной и большевиками? Отстаете, т. Минц! Разве трудно понять, что такие параллели обнаруживают полнейшее непонимание того, что такое историзм, что такое новое, идущее на смену гибнущего старого. Ни одна историческая формация не погибает прежде, чем в ее недрах не сформируется новый, более прогрессивный преемник. Пугачевщина не была этой новой силой, большевизм же всем ходом истории был призван быть единственным и лучшим преемником гибнущего старого. Пугачев ратовал

за лучшего царя, не будучи таковым, большевизм же ратовал за всемирно-исторические идеалы освобождения наших народов от всякого гнета и оправдал это высокое звание. Разве можно сравнить мутный дождевой поток с великим океаном или тусклую лучинку с небесным светилом? Не пора ли покончить с такой рьяной идеализацией пугачевщины?

Товарищи, с первых же дней нашей великой беспримерно героической войны с гитлеровской Германией наш народ выступал как один человек защитить не только то, что было завоевано им за 24 года, но и за все, что было приобретено за десятки веков, за долгие столетия борьбы ради достойного нас места под солнцем. Народ выступал не как 24-летний юнец, а как тысячелетний богатырь, корнями уходящий в глубь древней истории. Историческая наука ворвалась в наше национальное самосознание и вооружала его несокрушимым духом в борьбе с нацистской агрессией. При самом внимательном анализе нашей истории народов СССР мы убеждаемся, что не было ни одного века нашего саморазвития, при котором мы не делали бы новый шаг вперед по пути свободы народов и человеческого прогресса. Если и были периоды упадка, регресса, то всегда они вызваны иноземными нашествиями, чужеземным гнетом, но отнюдь не иммонентными законами развития нашей страны. В основных чертах наша история является обширным царством той разумной действительности, глядя на которое, мы можем без ложной гордости сказать, что наши предки — как низы, так и верхи,— как политически целый организм поработали неплохо, и не придется нам за них краснеть. Вполне созвучны нам слова нашего талантливого поэта, написанные в 1935: г.: «Я понял: все живо; / Векам не пропасть / И жизнь без нажива, / Завидная часть. / Бывали и войны / И поедь живьем, / Но вечно наш двойня / Гремел соловьем. / Спасибо, спасибо / Двум тысячам лет / В трудах без разгиба / Оставившим свет».

Вот почему не заслуживает серьезного ответа другой ярлычок, данный мне щедрой рукой т. Городецкого,— о великодержавном шовинизме, ибо это обвинение чаще всего играет роль фигового листка, тщетно скрывающего другой порок, имя которого — космополитический интернационализм. Вообще история знает немало примеров, когда, рождаясь, нечто новое, великое сначала расценивается незадачливыми ценителями как возврат к старому. Так было с Марксом, когда он применял метод диалектики и орава критиков начала хором утверждать, что это — назад к Гегелю. Так было с Лениным, когда меньшевики, даже Плеханов, нападали на него из-за гениального труда «Что делать?», обвиняя его в том, что он-де идет назад, к идеализму, так как выдвигает идею вождя и идею привнесения сознания в рабочий класс извне и т. д. Точно таким же образом в наши дни «Таймс» и другие маститые буржуазные органы, взирая на те идеологические сдвиги, которые переживает наш народ, говорят, что мы идем к ним, идем назад, начинаем походить на них, между тем как мы все больше и больше походим на самих себя. Там, где национальное самосознание вступает в конфликт с интересами свободы народов и человеческого прогресса, оно должно быть нами отвергнуто. Но такие моменты и ситуации — гипотетические в наши дни, когда известные слои нашего народа еще не отходили от похмелья ложного интернационализма и не знают, чем же им собственно гордиться из истории, когда даже Петр, названный всеми иными нациями и Энгельсом Великим, нами называется Петр Первый. Мопассан показал в рассказе «Пышка», что представители целого ряда сословий Франции в условиях Франко-прусской войны оказались пошлыми, раболепными обывателями перед крепким кулаком гнета. В сборище этих негодяев оказалась одна лишь патриотка, и та проститутка.

У нас же народ показал образцы сказочной героики, потому и мы так быстро идем к победе. Но ни на минуту мы не должны забывать, что были очень серьезные прискорбные провалы: в Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии. Были болезненные симптомы также и в Казахстане — там, в далеком тылу, в тех районах, на которые с вожделением взирали турецкие неоэнверы — прогитлеровские пантюркисты. Историческая наука немало повинна в этих брожениях и колебаниях ряда районов. В этих условиях

значение русского советского патриотизма велико тем, то он дает критерий тому, что же значит подлинный советский патриотизм для всех других наций в плане их исторического развития, ибо этот критерий есть служение задачам человеческого прогресса, а великий русский народ среди всех наших народов эти задачи выполнил больше всех и лучше всех.

Вот почему я, писатель-публицист, не русский, а армянин, считаю своим прямым долгом отдать должное роли и значению этого могучего фактора и опоры нашей государственной мощи и процветания. И когда замечательный патриот Руси акад. Державин упускает из виду эту сторону вопроса — это даже неплохо. Был бы редактором, я бы печатал его выступление на видном месте, хотя и давал бы ответ, показал, что не все, что благородно, истинно с точки зрения исторической науки, а стало быть, для нашей политики. По тому несерьезному обвинению т. Городецкого о том, что-де я стою на позиции великодержавного шовинизма, я мог бы ответить столь же, как он, голословно, но хоть с большим основанием, что он — выразитель космополитизма, у которого чувства патриотизма, национальной гордости атрофированы. Конечно, я приветствую его попытку показать негодность и фальшь историографической концепции проф. Рубинштейна, который перед самой войной выступал с книгой «Русская историография» и онемечил истоки русской исторической науки. Но ведь эта попытка была педантическая, без той принципиальности, [к] которой обязывает патриотическая совесть. Ни слова не было о том, что эта вредная книга допущена КВШ [33] в качестве учебного пособия для вузов. Книга эта еще отравляет сознание тысячам и ждет своего критика.

«Еще одно последнее сказанье». Товарищи, читать летопись живой истории — трудная задача! Не менее трудная задача читать труды и деяния того, кто, воплощая волю нашего народа, делает самое историю. Мы попытались на этом совещании так и этак читать и интерпретировать эту великую летопись. Не дернув разгадать тайну книги грядущего, я все же уверен, что те сдвиги нашей идейной жизни, которые произошли за эти последние годы, ни в коей мере не отражают те умонастроения, которые будто идут из-за рубежа. Эти сдвиги сугубо имманентные, вытекающие из сознания своей силы, своей мощи, своей растущей зрелости и мудрости. Но есть и другие сдвиги, другие процессы. Кто не слеп, тот не может не видеть, что именно за рубежом, даже в Америке, в Англии фашистский трупный смрад стал за эти годы все более усиливаться и имеет тенденцию дальнейшего усиления. Стало быть, разгром немецкой самой свирепой звериной разновидности фашизма не есть еще конец фашизма.

Вот почему после военного разгрома гитлеровской Германии мы в условиях мирного процветания должны показать такие классические образцы невиданных доселе форм демократических свобод, чтобы все силы мировой демократии видели в нас светоч и надежду на лучшую будущность. Преодолевая все детские недуги левизны, покончив с метафизическим взглядом на историю и на современность, покончив с узостью, ограниченностью нашей научной мысли (которая часто в силу этой узости и левизны является лишь полунаучной мыслью), мы выйдем на мировую арену, возглавим мировое общественное мнение, дадим образцы великих научных творений, покоряющие все академические сферы мировой науки, и докажем, что поистине великая эра Третьего Рима наступила и иному Риму не бывать, то есть что мы создали самую совершенную идеальную форму государства и иному лучшему не бывать, ибо мы позаботимся, чтобы эта лучшая форма и была также последней формой государственности.

В настоящий же день нам нужно отчетливо понять, что необходимо покончить со всякими настроениями самообольщения. Ни одна страна мира на науку, и в том числе историческую науку, не расходует столь большие средства, как наша, но нельзя сказать, что ни одна страна не дает столь высококачественных научных трудов, как наша. Мы к этому только идем и должны еще идти. Оставим заблуждения, будто раз мы пишем труды марксистко-ленинским методом, то уже тем самым чаша весов Минервы склоняется в нашу пользу. Пора понять, что самые простейшие

истины марксизма нами еще далеко не поняты, иначе не могли быть такие провалы в области разработки истории Дагестана, Казахстана, пугачевщины, севастопольской кампании и т. д. Иначе мы не были бы так глухи и немы к знаменитой статье т. Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», призывающей нас отрешиться от догматического извращения марксизма. Не утешим себя и количественными показателями о том, что 700 печатных листов работ, или 50 научных трудов, уже имеется в портфелях Института истории, и это уже хорошо. А что, если в этих трудах больше фальши, чем исторической правды, как в трудах т. Бушуева о движении Шамиля? Ведь в цехе историков т. Бушуев занимает далеко не последнее место! Глубокое понимание того, что требование самокритики не было лишь временным лозунгом, который отшумел и умолк, что она есть вечный спутник наших дерзаний и усилий, нас должно образумить и отрезвить.

Хорошо, конечно, когда мы там и сям приводим вещие слова Белинского: «завидуем внукам и правнукам нашим, которые в 1940 году увидят Россию, стоящую во главе всего образованного мира, дающего законы науки и искусства и принимающую дань благоговейного уважения от всего просвещенного человечества». Но чтобы действительно осуществить эти пророческие слова, нам нужно, по-моему, помнить, что уровень нашей науки еще отстает от уровня запросов народного духа, что советский народ, стоящий в центре внимания и восхищения всего мира, достоин более глубоко идейной, широкой и многогранной науки, чем та, что мы имеем. Покамест у нас признают одну грань, что выше этого — пугает наших редакторов и издателей. Чему же удивляться, если оркестр, состоящий из однострунных инструментов, не в состоянии исполнить величественную симфонию исторического прогресса и исторической современности. В потенции своей наше дарование слишком мощное и зрелое, чтобы мы боялись многострунной оркестровки. «Идти врозь и быть вместе» — таков путь развития науки, да и военного искусства. Так мы побеждаем Германию, так мы победим и в области культуры тех врагов, имя которых — узость, упрощенство, догматизм, наивный метафизический взгляд на вещи, самообольщение, перестраховка. Имея путеводную звезду — интересы монистического целого субъекта истории, имея критерием истины принцип свободы народов и человеческого прогресса, наша наука пойдет по пути блестящего осуществления мечты Белинского и выдвинет таких классиков (но уже ленинцев), каких выдвигала Россия в лице Карамзина, Чернышевского, Соловьева, Ключевского — этих корифеев науки, украшающих алтарь русской Мнемозины.

P. S. В предыдущих страницах я ответил моим оппонентам, выступавшим в ряде заседаний нашего совещания. Необходимо, однако, дополнить картину и ответить тем, которые выступали на последнем заседании 8 июля. Тут я имею двух однозвучных по имени, но противоположных по характеру оппонентов: тт. Волгина и Волина. Тов. Волгин во мне видит носителя такой крайности, как представление русской истории в сплошных розовых красках. Тов. Волин же разразился бранью и клеветой о том, что я выступал в антирусском и антинародном духе, с какими-то «реваншистскими» (??) мотивами. Отвечу т. Волгину, что если бы он читал мою работу о движении Шамиля, работу, которая была долго в Институте истории, находящимся под его руководством, то он там прочел бы целые страницы о тех жестокостях, которые натворили царские ставленники на Кавказе, и понял бы, что ни о каких розовых красках не придется тут говорить, когда дело идет о красках багряной крови. Два абзаца я уже читал в ответ т. Волгину, и это, думаю, достаточно.

Тов. Волин своей смачной руганью постарался изобразить меня как некого врага и контрреволюционера, который притом выступает от имени каких-то групп «реваншистских». Сколько жалкого вздора и бессильной злобы в одном выступлении, направленном против моей работы «Историческая сущность мюридизма»! И вот подобный невежда и мелкий интриган стоит во главе «Исторического журнала» и хвалится тем, что

в нем он не печатает меня. Между тем я в этом журнале печатался не раз, когда его возглавлял покойный Е. Ярославский. Я не из больших поклонников Ярославского как историка, но, сравнив его с его недостойным преемником, скажу, что это была живая вода, тогда как Волин — болотная лужа. Довольно смешно привести телефонные разговоры как аргумент, но раз это делает мой оппонент, то повторяю, что он был и остался тем же твердолобым как до войны, так и нынче, ибо он и не хочет видеть, как тяжело отразилась на горных районах Кавказа традиционная идеализация Шамиля и традиционное очернение прошлого России. Война научила нашу историческую науку более трезво относиться к этим явлениям, но т. Волин из тех, для которых закон не писан.

Более курьезно его следующее рассуждение. Раз я не считаю пугачевщину прогрессивным явлениям, значит я нахожусь в лагере Пуришкевича, а не Плеханова. Почему? Потому, что сей классический невежда знать не знает, что как раз Плеханов-то и был тот, кто неподражаемо описывал пугачевщину как силу реакционную, идущую по пути назад, а не вперед (см. «История русской общественной мысли», т. III, изд. «Мир», М. 1917). Оригинальная логика у этого ученого мужа! Товарищи Нечкина и Сидоров мне дают реплику, что Плеханов в оценке Пугачева был меньшевиком. Но кто это доказал? Никто, если не считать, наших историков типа Рубинштейна, которые не посмели вступить в теоретический спор, а ограничивались бессвязным ярлыком вроде «меньшевистские ошибки» и т. д. Чтобы доказать, что в этом вопросе Плеханов был меньшевик, надо... быть меньшевиком. Это может казаться странным и несообразным выводом. Однако кто идеализировал стихийное движение, кто критиковал «Что делать?» Ленина за то, что Ленин там ставил вопрос о борьбе со стихийностью? Меньшевики! Маркс и Энгельс критиковали машиноборцев. Плеханов и Сталин критически относятся к пугачевщине (см. Беседу т. Сталина с Эмилем Людвигом). Это — явления одного и того же порядка. А вот Эмиль Людвиг считает пугачевщину явлением, аналогичным Октябрьской революции. Тов. Минц утверждает это такой же параллелью, а т. Волин выступает защитником пугачевщины с таким апломбом, что готов всех, кто критикует это движение, послать на эшафот, по невежеству на сообразив, что этим он послал бы самого Плеханова, с которым я лишь отчасти согласен в критике Пугачева. Эти явления также одного порядка.

Итак, т. Волин и с ним тт. Нечкина и Сидоров (быть может, не додумав) утверждает нечто чудовищное, будто Плеханов в критике Пугачева находится не в лагере Плеханова, а в лагере Пуришкевича. Чему же удивиться, если эти же люди так усердно оплевывали А. Яковлева, старались дискредитировать акад. Грекова, назвали дворянско-буржуазными историками Соловьева, Ключевского и т. д.? Слепая ярость волиных давно испепелила бы нашу науку и культуру, если бы они имели власть и волю на это. Эти чеховские рашевичи мстят науке за свою научную неполноценность, а потому они (Волин и Ефимов) полагают, что раз они не могут быть такими историками, как Соловьев или А. Яковлев, то надо по крайней мере блеснуть уничтожающей клеветой на них. И что же, А. Яковлев остается оплеванным, но некритикованным, хотя его можно и нужно было очень умно и полезно (для науки) критиковать.

Все это, эти мелкие страсти и миазмы нравственной порчи подобных крикунов не могут остановить развитие нашей науки, ибо у нас есть вожди, и у нас есть Сталин, которые будучи зодчими истории являются также зодчими исторической науки. Они из наших выступлений поймут, где правда, где кривда, кто кривит душой и кто говорит во весь голос от всего сердца. Лично я, приняв предложение участвовать в этом совещании, поставил себе задачу сказать все, что в области исторической науки является по-моему новым, спорным, указать на то, что по-моему является устарелым, односторонним. Если даже небольшая часть моих утверждений верна, то и в этом случае я буду вознагражден сочувствием людей науки, истины и правды, как и ненавистью людей мелкого политиканства, демагогии и клеветы. С полной верой я жду решение Центрального Комитета, и како-

во бы оно ни было, я знаю, что оно поможет нашей науке изжить свои недуги роста, так же, как и те недуги, которые я, не боясь, выставлял, ибо имел дело с высочайшей трибуной нашей партии, требующей от людей науки и творчества не безошибочности (что не бывает), а честности, прямоты. Мой долг представить верный рентгеновский снимок своих взглядов. Я это и сделал. Я знаю, что для нашей советской культуры я что-либо значу. Если в силу решения ЦК будет покончено с теми минными полями — злопыхательствами волиных, при наличии коих мудрено двигаться к вершинам науки, то и я как один из рядовых бойцов нашей культуры сумею дерзать и создать труды, достойные эпохи великого Сталина [34].

Рубинштейн [35]. Выступая в первый раз, я не хотел отвлекаться от общих вопросов, стоявших перед нами, к вопросу о моей книге. Меня упрекнул т. Городецкий, что я обошел вопрос и повторил рассуждения о немцах и немецком засильи в русской историографии вообще и в ее изложении, данном в моей книге, в частности. Я считаю нужным ответить. Хочу только еще раз повторить, что я отнюдь не сомневаюсь, что в моей книге есть недочеты, неудачные формулировки. Вероятно, я сам отдельные вещи сейчас, через три года, изложил бы иначе. Но тт. Бушуев и Городецкий поставили принципиальный вопрос, и об этом принципиальном понимании я и хочу говорить. Прежде всего самое положение о засильи немцев обосновывается т. Городецким ссылкой на трех историков — Миллера, Шлецера, Эверса. Добавьте к ним еще 2—3 имени — Байера, Штрубе-де-Пирмента и Фишера, которым отведено в совокупности около 3 страниц, и весь список будет исчерпан. Я далее решительно отвергаю тот принцип, по которому т. Городецким причислил их к разряду немецкой науки, подход т. Городецкого по признаку национального происхождения. По такому принципу можно скатиться очень далеко от марксизма и просто от здравого смысла. Если следовать за т. Городецким, то мы должны были бы из истории русского революционного движения исключить «чистокровного» немца Пестеля или немца по матери Герцена. Мы, марксисты, привыкли судить людей не по национальному признаку, а по их реальным отношениям и объективным делам. Не можем же мы механически соединять Миллера с авантюристом Шумахером, заправлявшим в Академии наук, если даже их смешал в пылу борьбы Ломоносов. Не можем мы одинаково подходить к Шлецеру и, скажем, к Шиману [36], который действительно принадлежит немецкой науке и с ее позиции рассматривает русскую историю и именно потому не нашел места в моей историографии.

Каковы же дела названных историков?

Начну с Миллера. Он приехал в Россию 20-ти лет и около 60 лет неутомимо работал на пользу русской науки. Он сложился как историк в России, в практической работе над русской историей, в русских архивах, в работе над текстом и материалами Татищева [37]. Он считал себя продолжателем Татищева, а не историков-немцев. Тов. Городецкий говорил, ссылаясь на Ломоносова, что он писал в охуление России, но не сказал, что он писал о времени начала «смуты», продолжая с того места, на котором кончил Татищев. Он говорил о норманизме Миллера, но надо же было сказать, что Миллер лишь повторял теорию Татищева, его изложение летописного рассказа. С такой трактовкой, пожалуй, и Татищева как норманиста надо отдать немцам. А Миллер вообще не теоретик, и не в этом его сила. (См. мою книгу, с 113—114). Его дело — архив, археография, источниковедение, он «чернорабочий» в науке, но эта его работа сыграла большую роль в развитии русской исторической науки. Его заслуга — сохранение и издание труда Татищева, законсервированного немцами из академии, и ряда других трудов русских ученых. Он поднял вопрос и много сделал для сохранения бумаг Петра Великого. И еще характерная черточка: когда Академия назначила ему помощником Шлецера, а он узнал, что Шлецер намерен вернуться в Германию, он отказался допустить его к архивным фондам, оберегая их как национальное достояние. Где же тут немецкий агент, представитель прусского манархизма, и все прочее, что наговорил здесь т. Городецкий?

Вопрос о Шлецере может показаться сложнее: он вернулся в Германию и работал в рядах немецких ученых. И все-таки работа над русской историей, вернее, над русским летописанием, осталась самостоятельным направлением его работы и, может быть, самым плодотворным направлением его работы. И значение Шлецера для русской истории не в концепциях и теориях — в этих вопросах он далеко отстал, скажем, от Болтина (как я отмечаю, например, на с. 160), а лишь в разработке методов критики источников. И эта его работа лежит целиком в плане русской историографии, отправляется от Татищева, от Болтина и обращена к Погодину, Соловьеву, Шахматову в XIX веке [38]. Тов. Городецкий объявляет это делом немецкой науки, но тем самым дает право немецкой науке утверждать, что эти наши ученые опираются на ее достижения. Я пытаюсь установить его принадлежность в этой части к русской науке и думаю, что моя позиция во многих отношениях крепче.

Наконец, об Эверсе. Как балтиец (лифляндец) он писал по-немецки. Но Прибалтика с Петра Первого была русской землей. Эверс был профессором русского Дерптского университета. В своей работе он был тесно связан с кружком Румянцева [39], в контексте с Карамзиным. Он все труды посвящал историю России. Если принять признак норманизма (мне это представляется, правда, само по себе мало удовлетворительным), то как раз Эверс был решительным сторонником «Черноморской Руси» и противником норманизма, а Карамзин был норманистом. Эверс доказывал органический процесс развития от семьи к государству, и это было утверждением новой науки XIX в., а т. Городецкий хочет сделать его ретроградом и объявил его почему-то идеологом абсолютной монархии. Такова одна сторона вопроса.

Другая сторона вопроса, какова роль этих историков-«немцев» в общем развитии нашей науки, как представляется и дано в моей книге развитие русской историографии. Я позволю себе коротко воспроизвести основные положения моей книги. Первый этап развития русской историографии — от русского летописания к началу прагматизма в XVI в., к началу критики в XVII в. и, наконец, к Татищеву, обозначившему «превращение знания в науку», — таков самостоятельный путь оформления русской исторической науки, включающейся в общую линию развития, указанную Энгельсом. Татищев «подвел итог предшествующему развитию русской историографии», стоял на базе русского развития эпохи Петра Первого и «дал направление русской исторической науке на сто лет вперед» (с. 85). Итак, Татищев — ведущая, определяющая фигура для XVIII века. Представитель Татищева — Ломоносов, «крупнейший ученый-энциклопедист», «блестящий представитель русской культуры XVIII в.»; он не будучи историком-специалистом внес ряд своих новых идей в русскую историческую науку: вопрос о славянском происхождении Руси, о древности русской культуры, об общности развития России и Запада (собственно, античного мира), о периодизации русской истории (с. 86—87 и следующие).

Но «без предварительной большой источниковедческой работы невозможен был подлинно научный исторический синтез» (с. 92), «нужна была подготовительная, частично, может быть, черновая работа по собиранию источников, по выработке научного метода, прежде всего — метода работы с источником» (с. 95). Эту работу в середине XVIII в. и взял на себя Миллер, охарактеризованный и современником Шлецером как «чернорабочий в науке». Это была самоотверженная и, безусловно, нужная работа, направление которой также дано было Татищевым. Так, от Татищева идут два направления в исторической работе. Одно — в основном техническое, архивно-источниковедческое, представленное Миллером, Новиковым, Шлецером. Другое — преимущественно синтетическое, углубляющее познание русской истории и представленное после Ломоносова Щербатовым [40], Болтиным, Карамзиным, причем я показываю, что в этом теоретическом плане, скажем, Болтин идет значительно впереди Шлецера, непосредственно предваряя науку XIX века.

В XIX в. русская историческая наука, подобно западноевропейской

и идя в ногу с ней, вступает в следующую фазу своего уже буржуазного развития под знаком идей закономерности и органического разития общества, под знаком гражданской истории. Этот переход отражен уже у Эверса (последняя немецкая фамилия на этом историографическом пути) и последовательно представлен как ведущими фигурами Каченовским, Полевым [41], Погодиным, славянофилами и западниками 40-х годов. В середине XIX в. он достигает вершины в лице Соловьева — крупнейшей фигуры мировой буржуазной исторической науки. Дальше идет, с одной стороны, интенсивная разработка исторических знаний в буржуазной науке (Забелин, Бестужев-Рюмин, Никитский, Костомаров, Сергеевич[42], народники-экономисты и др.) с последними отдельными попытками создания научной системы, как у Ключевского. С другой стороны — совершается переход на новый путь развития — через революционных просветителей к марксизму, от Чернышевского и Добролюбова — к Плеханову. И на этом пути, в частности, русская наука уже раньше Запада начинает изживать позитивизм.

В конце XIX в. и начале XX в. у нас получает свое законченное развитие марксистская историческая наука в трудах Ленина и Сталина, решительно опережая западную науку и определяя дальнейший путь советской историографии. Мне кажется, что именно здесь дан последовательный пересмотр слишком упрочившихся у нас теорий заимствования или чужеземного засилья и слишком упрощенной борьбы с этим засильем, показан действительный самостоятельный путь развития русской исторической науки. Я хотел бы отметить еще одно. Моя книга защищалась 4 года назад, она издана в начале 1942 г., она обсуждалась на кафедре истории СССР истфака в конце 1942 г. на двух заседаниях, тт. Бушуев и Городецкий — члены этой кафедры. Но потребовалось совещание в ЦК, чтобы я узнал об этих замечаниях на мою книгу.

Я хотел бы еще коротко остановиться на вопросе, поднятом здесь т. Базилевичем: о процессе превращения России в многонациональное государство. Я не могу согласиться с толкованием т. Базилевича, относящего этот процесс к XIX веку. Тов. Базилевич связывает термин «многонациональное государство» с понятием «нация» и рассматривает его как категорию буржуазной эпохи. Между тем т. Сталин в том самом докладе на X съезде партии, на который ссылается т. Базилевич, определенно связал этот процесс с «появлением национальностей на заре капитализма», с появлением первых централизованных государств как в Западной, так и в Восточной Европе. Речь идет не о нации, а о национальности или народности, о процессе, предваряющем процесс «складывания людей в нации». Он связывает этот процесс с татаро-монгольской или турецкой агрессией, что делает XVII век предельной гранью. С другой стороны, если принять вместе с Базилевичем более чем трехсотлетнее существование национального государства в России, предшествующее его превращению в многонациональное, мы могли бы получить уже, как и на Западе, только «превращение старого национального государства» в «государство многонациональное, колониальное». Это снимает специфически сталинское определение многонационального государства.

Русское государство XVI в., включая в свой состав среднее и нижнее Поволжье — Казанское и Астраханское царства, народы Приуралья и Западной Сибири, уже превращается в многонациональное. Другое дело, т. Базилевич правильно подчеркнул наличие в данном случае «одной, более развитой нации», стоящей «во главе» остальных менее развитых наций, но это лишь ставит вопрос о формах и уровне развития «национального государства» как основы многонационального государства на востоке Европы. И думается, что именно в этой связи следовало бы подойти и к другому поднимавшемуся здесь вопросу: «Многонациональные государства Востока послужили родиной... национального гнета». Но в то же время не должны ли мы учесть своеобразие сложившихся в них межнациональных отношений, изучая исторические истоки великой дружбы народов нашей страны? [43].

Дополнительные материалы к стенограмме совещания историков в ЦК ВКП(б)
Несостоявшиеся выступления В. М. Хвостова

В ЦК ВКП(б)
Товарищу А. С. Щербакову [44]

Не имея возможности выступить на совещании историков, которое проходило под Вашим руководством, я позволил себе переслать Вам текст выступления, которое я предполагал сделать на этом совещании.
23 июля 1944 г. *В. Хвостов*

Я остановлюсь на трех вопросах: 1. Пренебрежение историков к философским основам марксизма, к марксистской теории вообще. 2. Представляют ли аджемяны и иже с ними единственную опасность для нашей исторической науки? — Такой взгляд мне кажется распространенным среди историков. 3. Попутно остановлюсь на некоторых вопросах внешней политики России XIX—XX вв. (Англия и Казахстан, проливы и пр.).

Ясно, что историческая мысль не может окостенеть на тех концепциях, которые изложены в предвоенных учебниках. Тов. Сталин говорил о новаторах в науке, и именно такими учеными должны стараться быть и мы, историки. Но мы наблюдали сейчас попытки такого «новаторства», которое отводит прочь от марксизма. Чтобы двигать науку, истинную марксистскую науку, историкам надо изжить то пренебрежение к общим теоретическим проблемам марксизма, которое, сознательно или нет, но фактически имеет среди них место. Я не знаю за последние годы почти ни одной статьи, вышедшей из-под пера специалиста-историка и посвященной проблемам методологии и философии той науки, занятиям которой он себя посвятил. Историкам грозит теоретический нигилизм, иссякновение интереса и внимания к основным проблемам исторического материализма и диалектики. Неслучайно наиболее грубые ошибки, которые фигурировали в прениях на настоящем совещании, были связаны с трактовкой проблем государства и проблемы национальной, то есть вопросов, правильное решение которых немыслимо без овладения философией марксизма и основами марксистской методологии.

Лишь творческое овладение методологией марксизма позволит вырваться как из слепой цитатомании, освободиться от глубоко укоренившейся идеи, будто любой научный спор решается цитатой из Энгельса, так равно и избавиться от такого «отхода от цитат», который приводит и к отходу от марксизма. Что нельзя ограничиваться цитатами из трудов основоположников марксизма, это показал т. Сталин на разборе статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма». А что отход от «цитат», к которому призывали некоторые из выступавших здесь историков, без должной теоретической марксистской подготовки приводит к ошибкам, например, к попыткам реабилитации царизма — это мы наблюдали на примере именно этих же самых историков. Итак — больше внимания вопросам теории.

Слушая выступление Аджемяна, многие историки пришли, по-видимому, к выводу, что удар по аджемянам и подобным ему исчерпывает их задачи. Это чувствуется по целому ряду выступлений. Ясно, конечно, что перед нами ряд фактов, свидетельствующих о попытках подмены марксизма чуждыми теориями, гегельянством и пр. Аджемян только в утрированной форме высказал то, что другие либо держат про себя, либо выражают более осторожно. Нет худа без добра. Аджемян заострил нашу бдительность в отношении попыток реабилитации царизма и отхода от классовой точки зрения.

Допустима ли реабилитация реакционного царизма? Абсолютно недопустима. Наоборот. Разоблачение царизма должно быть значительно углублено.

Мы, историки, до сих пор разоблачали главным образом то классовое

и национальное угнетение, носителем которого было самодержавие. Это совершенно необходимо. Но недостаточно. Нужно обратить больше внимания на то, что царизм тормозил развитие производительных сил страны, что царизм конца XIX и начала XX в. не поднимал, а уже растрачивал славные воинские традиции русского народа, что царизм, наконец, уронил государственный престиж России, превратил ее едва ли не в полуколонию западного капитала, в резерв западного империализма. Политически нам очень важно подчеркнуть все изложенное. Нам надо показать, что только Советская власть подняла нашу Родину, только Советская власть дала возможность победоносно отразить немецко-фашистское нашествие и разбить врага. Только Советская власть смогла создать такую армию, как Красная армия, обеспечить ее самым совершенным вооружением на основе индустриализации страны, вооружить ее самой передовой военной мыслью. Задача историков вовсе не в том, чтобы реабилитировать царизм, а, напротив, в том, чтобы показать, в какой тупик он заводил нашу Родину и как из этого тупика вывела ее Советская власть; и не только вывела, но и подняла на недосягаемую высоту.

Последнее время мне пришлось слышать о попытках поднять на щит таких деятелей царизма, как Воронцов-Дашков, как дальневосточный наместник Алексеев. Я не упоминаю о других попытках реабилитации царизма, ибо о них уже много и верно говорилось на совещании. Вредные попытки! Итак, советским историкам надо углубить работу по разоблачению царизма, особенно XIX и XX веков.

Сложнее обстоит дело с внешней политикой самодержавия. Тут нужно учесть, что и царизм, помимо агрессии, должен был заботиться и о сохранении своих владений. Никакой реабилитации нельзя допускать и в отношении внешней политики самодержавия. Но это не значит, что ее можно трактовать «так, как в учебниках». Не прав товарищ Сидоров, что и здесь ничего пересматривать не надо, хотя я согласен с ним, что вопрос о «жандарме Европы» трактовался в основном большинством наших историков правильно и как раз тут действительно ничего пересматривать не следует. Иначе обстоит дело с вопросом о проливах. Верно, что царизм вел на Ближнем Востоке агрессивную политику. И это надо показать. Но верно и то, что другие государства (Англия, Австрия, Франция, позже — Германия) тоже вели здесь такую же или даже еще более активную захватническую политику. А раз так, то значит русское правительство наряду с собственной захватнической политикой подчас и оборонялось от попыток других захватчиков захватить такие позиции, с которых они могли угрожать самой России.

Это простой элементарный факт, который давно был бы признан в отношении любого иностранного государства, но в отношении России вредное влияние Покровского скрыто все еще довлеет над разработкой ряда исторических проблем к ущербу для науки и даже для наших государственных интересов. Нельзя отрицать, что предотвращение торжества какой-либо сильной державы на берегах Босфора и Дарданелл есть акт оборонительный, необходимый для безопасности всех стран, прилегающих к Черному морю. Отрицать это значит наносить ущерб нашим государственным интересам. Установлено документально, что в XIX в. Англия многократно стремилась установить свое преобладающее влияние на берегах проливов. Когда царское правительство мешало этому, то оно оборонялось.

Итак, у проблемы проливов наряду с проявлениями русской агрессии была для России и оборонительная сторона. Ее нужно и важно подчеркнуть. Все эти старые формулы (закрытие или открытие проливов) — они не потеряли актуального политического значения. Доказательства тому — конференции в Лозанне 1922—1923 гг. и в Монтрэ в 1936 году. Формулу Ункяр-Искелесийского договора — закрытие проливов для иностранных государств и открытие их для России — саму по себе нельзя изображать как акт агрессии Николая I. Всякий, кто понимает стратегическую обстановку на Черном море, согласится, что мы не можем и не должны так трактовать эту формулу.

Разоблачая захватническую политику царизма (в частности, и в вопросе о проливах) мы не имеем права молчать о двух вещах: 1) о том, что проливы имели и имеют значение для безопасности Причерноморья; 2) о том, что к захвату их (формальному или фактическому — все равно) стремилась не одна царская Россия, а и Англия и др. Коротко говоря, задача историков заключается в том, чтобы объективно показать внешнюю политику царизма, чтобы разоблачить царизм, когда он покушался на захват проливов, и без обиняков сказать также и о тех случаях, когда он боролся за предотвращение захвата этой важной стратегической позиции иностранными государствами (Англией, а с 90-х годов — Германией) и тем оборонял свои владения в южной России. Затем по вопросу об удельном весе проблемы проливов в мировой политике. Покровский страшно преувеличил ее значение, и вслед за ним мы продолжаем эту ошибку. Тов. Сталин в письме о статье Энгельса указал правильное место для проблемы проливов.

О Средней Азии. Вы прочтете во всех учебниках, что Россия захватила Казахстан, Бухару, Хиву, Коканд, Туркмению. И это верно. Но редко где при трактовке русской политики подчеркивается, что одновременно Англия захватила Кашмир, Белуджистан, Афганистан (в форме протектората), покушалась на Туркмению, Тибет и пр. Среднеазиатский вопрос следует рассматривать в плане столкновения двух встречных потоков экспансии, а не изливать односторонне свое негодование по поводу русской агрессии. Такая постановка вопроса исторически одностороння, а политически глубоко вредна. Она вредна как с точки зрения внешнеполитической, так и с точки зрения дружбы народов СССР.

Ищут архивных бумажек для установления английских притязаний на Казахстан. Уверяют, что их нет. Может быть, их плохо искали, ибо внимание было направлено не в эту сторону. Но и не в бумажках дело. Вдумаемся в политическое положение в Средней Азии в XIX веке. Ведь притязания Англии на Туркмению, Тибет, Синьцзян установлены документально с абсолютной бесспорностью. Не знаю, найдены ли до сих пор такие же свидетельства о Казахстане, но уверен, что если бы английские притязания на Туркмению и Синьцзян были удовлетворены, то в документах относительно притязаний на Казахстан не было бы ни малейшего недостатка. Как только англичане подобрались бы ближе к его пределам, так появились бы у них и притязания на эту страну, их «интересы» там и т. д. Все дело в том, что их не подпустили к Казахстану.

Есть ли разница между русскими захватами и английскими для народов Средней Азии? Да, есть. И огромная. Присоединение к Британской империи несло угнетение. Присоединение к Российской империи тоже несло страшное угнетение. Она была «тюрьмой народов». Вместе с тем и то и другое завоевания несли с собой капитализм, железные дороги, некоторый, ограниченный, экономический прогресс, правда, в обоих случаях покупаемый ценой обнищания народных масс. Мотивы русских и английских завоеваний тоже более или менее равноценны. Но присоединение к России, кроме всего этого, означало и приобщение трудящихся Средней Азии к борьбе трудящихся России. К освободительной борьбе передового рабочего класса России, к его идеям, и, наконец, к плодам победы над царизмом.

Между тем даже сам Покровский не придумал бы ни одного факта, который позволил бы сказать, что голодающие индийские крестьяне приобщились хотя бы к скромным благам британского трэд-юнионизма. Ни она организация английских рабочих не охватывала индусские массы. А передовые русские рабочие вели за собой трудящихся всех народов Российской империи. Вот в чем разница. Вот почему присоединение к России для народных масс Средней Азии было «меньшим злом» по сравнению с присоединением к Англии. Что оно являлось «меньшим злом» по сравнению с присоединением к Китаю, об этом нечего и говорить. Не вижу оснований, почему сюда не применить постановление жюри по поводу учебника Шестакова. Там говорится о Грузии и Персии, но старый Китай не прогрессивнее, чем старая Персия.

Здесь пытались оправдать русское завоевание тем, что он приносило железные дороги, хлопок и т. п. Это неверно. Такими аргументами оправдывал колониальную политику какой-нибудь Ван Коль на Амстердамском или Штутгартском конгрессах II Интернационала. Эти аргументы еще тогда были разоблачены Лениным. Русское завоевание этим нельзя оправдывать. Оно объективно оправдывается именно приобщением к борьбе передового класса России под знаменем самых передовых идей.

Тов. Сидоров говорил о том пособничестве, которое оказала Россия Пруссии в 1870 году. Он утверждал, что это сделано ради отмены Парижского трактата. Так ставил вопрос и Покровский, но это неверно. Русская политика стояла перед альтернативой. Она могла либо поддержать Пруссию, что фактически выражалось в принуждении Австрии соблюдать нейтралитет, отказавшись от реванша за 1866 год. Либо же она могла допустить Австрию присоединиться к Франции. В первом случае грозило усиление Пруссии. Во втором — победа той самой коалиции, которая разбила Россию в Крыму и в 1863 г. готовила интервенцию в Польше. Присоединение Англии ведь не заставило бы себя ждать. Первая опасность (прусская) лишь предвиделась. Вторая была уже испытана на собственной шкуре. Русское правительство сочло первую меньшим злом. Возможно, что оно ошиблось. Но то, что ясно потомкам, не всегда ясно современникам. Во всяком случае, неправильно огульно осуждать всякую попытку русско-германского соглашения и восторгаться всяким сближением с Англией, например. У дипломатии много вариантов, во внешней политике в ходе истории часто встречалась надобность в крутых поворотах, а политика великой державы должна всегда сохранять независимость ориентации.

О польских восстаниях. Нельзя трактовать их только как национально-освободительные. В учебниках нет должного разоблачения попыток восстановить границы 1772 года. Пренебрежение этой задачей есть акт политической слепоты.

Роль России в Первой мировой войне часто преувеличивалась, а вина Германии — умалялась. Сейчас в Учпедгизе пришлось с этой точки зрения пересмотреть учебник т. Панкратовой. А ведь есть письмо т. Сталина о работе Энгельса «Внешняя политика русского царизма», где ясно сказано, к каким грубым политическим ошибкам приводит преувеличение роли России в возникновении войны 1914 г.; там сказано, что международная роль царизма падала после 1856 г., что, оставаясь одним из столпов европейской и азиатской реакции, он уже не был больше ни главным ни, тем более, единственным таким столпом, что роль вопроса о проливах как фактора войны меньше, чем роль Эльзаса и Лотарингии или англо-германского антагонизма. Именно последний и сыграл почти определяющую роль в возникновении Первой мировой войны. Все эти вопросы еще не нашли у нас должной разработки. Письмо Сталина о работе Энгельса почти не изучалось. Достаточно сказать, что «Исторический журнал» не посвятил этой гениальной работе ни одной статьи.

Кстати, история Первой мировой войны дает блестящий материал для удара по царизму. Показать, как развалилась экономика, как плохо была вооружена русская армия, — это очень важно в свете современности для еще большего оттенения наших достижений.

Важно сказать, как плохо был снаряжен царизмом замечательный русский солдат, как ограничены были те средства, которыми располагали такие замечательные представители русского военного искусства, как Брусилов. Это не менее важно, чем рассказать о доблести этого солдата и о дарованиях этого генерала. Нужно решительно отделить трактовку истории русского народа от трактовки политики царизма. Разница простая и ясная, но ее иногда упускают из вида, путают. И здесь, на совещании, тоже путали в этом вопросе. Нужно показать всю героику русского прошлого, все достижения русской культуры и любовно описать жизнь народа в его борьбе с внутренними (царизм) и внешними врагами.

Тов. Сталин говорит о «великой русской нации, нации Плеханова

и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова». Далее т. Сталин говорит: «Пусть вдохновляет нас в этой великой войне мужественный облик великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина». Это ясная установка для наших историков, как писать историю. Но где книга, которая бы давала нам историю русского народа так, как этого требует товарищ Сталин? Где книга, которая бы использовала прошлое для вдохновления на борьбу, которая бы учила любить Родину за ее великое прошлое, ее исторически выросшую культуру?

Эта книга не написана. И я не уверен, что основные кадры наших историков понимают, что такая книга должна быть написана. Боюсь, что ошибки аджемянов многими историками толкуются так, что удар по аджемянам исчерпывает все задачи исторического фронта в СССР. Это глубоко ошибочно. Корни этой ошибки понятны. Аджемяны ссылаются на насущную задачу: показать весь пафос истории русского народа. И эту задачу они используют для того, чтобы извратить ее решение и протащить реабилитацию царизма. За широкой спиной русского народа они хотят втащить на пьедестал истории и его царей.

Спутав русский народ и русский царизм, они по существу хотят скомпрометировать первый, незаконно родня его со вторым. Очень боюсь, что необходимый удар по апологетам царизма скрыл от глаз многих историков другую задачу: необходимость подойти к истории русского народа так, как подошел т. Сталин в только что цитированных словах, а не так, как это сделано в учебниках истории СССР. Не забывая о классовой точке зрения, мы должны показать все героическое, все прогрессивное, что дает история народа, показать его культуру и подвиги. Значение этого поистине огромно в отношении патриотического воспитания юношества, будущих бойцов и офицеров нашей армии. И вместе с тем им надо сказать, что реакционный царизм XIX и XX вв. все это величие русского народа губил, тормозил развитие народа, а Советская власть открыла новый невиданный прогресс.

Итак, удар по аджемянам совершенно необходим. Но он не исчерпывает задач наших историков. У нас историки пренебрегают показом героики и культуры народного прошлого, в особенности прошлого наиболее многочисленного из народов Советского Союза. Если для этого и сделано что-либо ценное, то скорее представителями нашей художественной литературы [45].

В. Хвостов

Письмо С. В. Бахрушина А. С. Щербакову

Глубокоуважаемый Александр Сергеевич! Пользуюсь Вашим предложением, чтобы изложить несколько соображений, которых мне не удалось высказать, по поводу выступления некоторых из участников совещания.

Тов. Ковалев говорил о том, как не следует писать историю культуры XVII в., и критиковал соответствующий раздел учебника для вузов. К сожалению, он совершенно обошел основной вопрос — об отставании Московской Руси, так рельефно поставленный т. Сталиным, без учета которого нельзя вообще писать об этом периоде. К русской культуре т. Ковалев подошел очень упрощенно: он считает невозможным отмечать в ней что-либо отрицательное, не позволяет критически подходить к явлениям русской жизни XVII в., рекомендует голое восхваление. Помимо того, что такая голословная идеализация прошлого ненаучна, совершенно непонятно, как можно при таких условиях показать значение попыток Петра Великого вырвать страну из ее отсталости. Я не останавливаюсь на этом вопросе, так как он подробно обсуждался Отделением истории и философии АН СССР и стенограммы посланы в ЦК. Другой принципиальный вопрос — о том, как трактовать взаимодействие культур русской и западноевропейской,

тоже не получил никакого освещения. Тов. Ковалев ограничился отрицанием влиния западноевропейской культуры на русскую. Однако факты этого влияния налицо, отрицать их нельзя, это может только вызвать недоумение, а надо попытаться выяснить, как понимать это влияние.

Было бы печально, если бы русский народ развивался вне взаимодействия с другими культурными народами и отгораживался от них Китайской стеной. Наоборот, русский народ всегда стремился пробить брешь в той блокаде, в которой его держали враги, старавшиеся изолировать его от западноевропейской науки и техники; в этом — смысл деятельности таких крупных государственных деятелей, как Иван IV и Петр Великий. Сила и мощь русской культуры в том и заключается, что она воспринимала и перерабатывала все лучшее и передовое в мировой [культуре], и в результате русский народ создал свою оригинальную культуру, которая, со своей стороны, оказала могучее воздействие на Западную Европу и Америку. Если в XIX—XX вв. русские писатели, художники, музыканты, артисты, ученые, политические и социальные мыслители совершили, можно смело сказать, переворот в различных областях западноевропейской культуры, то это потому, что в прошлом русский народ не коснел в «китайской» замкнутости, а всегда стремился к знанию и к просвещению, где бы он его ни находил. Поэтому, говоря о XVII в., следует не отрицать бесспорного факта отставания, не отрицать не менее бесспорного использования русскими достижений западноевропейской науки и техники, а надо показать, как в рамках отсталости русский народ искал новых путей, рвался к знанию, работал над самоусовершенствованием. Вот что хотели показать авторы учебника.

Через всю главу проводится мысль, что внутри общества происходит большой сдвиг. Усиливаются тяга к просвещению, критическое отношение к темным сторонам действительности. Развитие русской культуры идет теми же путями, как в Западной Европе, но потребность в ускорении темпов побуждает русских не отворачиваться от примера других стран Европы. С такой точки зрения рассматриваются и первые попытки критики, и успехи науки, и развитие школы, и создание собственного русского романа, и стремление к реальному в искусстве. Возникавшие в русском обществе совершенно самостоятельно культурные запросы удовлетворялись частично путем обращения к опыту других народов — это обогащало русскую культуру, не лишая ее оригинальности и самостоятельности. Я просил бы особенно обратить внимание на главы по литературе (с. 535—537), о народных песнях и их воздействии на письменную литературу (с. 537—538), об архитектуре и живописи (с.539—541), об успехах русских в области географической науки (с. 534—535) и т. д. Мне кажется поэтому, что суждения т. Ковалева, основанные на недостаточно, может быть, внимательном чтении учебника, несправедливы.

Остановлюсь на вопросе о Котошихине и Хворостинине. Моральная личность того и другого известны и не могут не вызвать самого отрицательного отношения, но и тот и другой занимают определенное место в истории русской культуры. Если кто читал сочинение Котошихина, а не ограничился двумя фразами, читаемыми в учебнике, то, конечно, согласится, что она является свидетельством большого ума и тонкой наблюдательности, показательными для культурного состояния русского общества. Мелкий чиновник Котошихин сумел дать превосходное описание государственного строя Москвы и нравов высшего московского общества, которое заслужило внимание выдающихся государственных деятелей Швеции XVII в. и до сих пор служит ценнейшим источником для историков. Я думаю, что не менее показательно стремление к критике, пускай даже и не вполне объективной (что, кстати, отмечено совершенно определенно в учебнике в тех же приблизительно словах, как это сделал т. Ковалев; мы читаем в учебнике: «Эмигрант, изменивший своей родине, Котошихин сгущает краски...») и жажда образования. Не менее интересен Хворостинин: в нем жажда просвещения принимает карикатурную форму полного отрицания всего русского, но это явление любопытно опять-таки как попытка найти

выход из осознанной отсталости; человек, морально неуравновешенный, не нашел этого выхода, запьянствовал, огульно бранил все окружающее, но то, что в нем выразилось в чертах отрицательных, то переживалось много глубже другими его современниками. Я, впрочем, согласен, что о нем в учебнике можно было бы не говорить, поскольку его характеристика дана очень ярко в «Курсе» Ключевского (которого, конечно, нельзя заподозрить в нелюбви к России XVII в.).

Другой вопрос, который всплыл во время прений, — это вопрос о приемах критики. Некоторые приемы, по-моему, с научной точки зрения неприемлемы. Во-первых, часто из общего контекста вырывают отдельную фразу и обрушиваются на нее. Мне кажется, что это недопустимо. Как пример приведу выступление т. Городецкого. Он упрекнул меня в том, что я ставлю очень высоко Миллера. Действительно, я отмечаю большую роль Миллера в повышении методов научного исследования, но в той же статье подчеркиваю, что его «общая концепция наивна и отзывается взглядами историков-богословов» и что в его сочинениях «детская морализующая философия еще преподносилась публике как выражение большого научного глубокомыслия, в то время как на Западе революционно настроенная буржуазия уже строила на развалинах старого феодального провиденциализма свое новое рационалистическое понимание истории» (Миллер. История Сибири, с. 41). Точно так же т. Городецкий, признавая правильность данной мною в статье для Политической энциклопедии характеристики Российской империи, острие своей критики направил против одной (может быть, и не вполне удачной) фразы, добавленной мною после разговора с ним самим как редактором, вместо того, чтобы проанализировать изложенное мною во всей статье в целом понимание империи.

Совсем не приемлем с научной точки зрения выдвинутый тем же оратором новый немарксистский критерий критики «ad hominem». Если человек — русский и гениальный ученый в области физики, химии и других естественных наук, то нельзя, по его мнению, критиковать данное лицо как историка. Думаю, что такое огульное восхваление великого человека, каким был Ломоносов, о котором идет речь, снижало бы цену наших похвал. Очень высоко ставил Ломоносова Пушкин, но как теоретика стихосложения он в некоторых случаях предпочитал Тредиаковского. Я был вправе сказать, что Ломоносов как историк стоял не вполне на высоте современной ему западноевропейской и русской науки. Он, например, не допускал критики «Начальной летописи», потому что автор ее Нестор признавался церковью «преподобным», считал непозволительным подвергать сомнению баснословную легенду об апостоле Андрее, потому что она была признана официально правительством, и т. д. Между тем его современник, выдающийся русский историк Татищев уже положил начало научной критики не только исторических известий, но даже «Священного писания», не боясь вызвать этим недовольство духовенства. Я убежден, что высказанное мною мнение ничуть не колеблет громадного значения Ломоносова не только в русской, но и в мировой науке, а только показывает, что советские ученые в своих оценках совершенно объективны. Боюсь, что если стать на точку зрения тт. Городецкого и Ковалева, то придется всех видных деятелей прошлого делить на две категории: героев, о которых, кроме хорошего, ничего нельзя говорить, и злодеев, о которых, наоборот, следует говорить только плохое. Это, конечно, очень упростит дело критики, но не повысит качества научной работы.

Опасность субъективного критерия наглядно сказалась в выступлении т. Аманжолова, критиковавшего историю Казахской ССР. Желая доказать культурное превосходство и первенствующее историческое значение тюркского племени, оратор, вероятно, бессознательно, искажал факты. Так, он отрицал участие монгольских элементов в образовании казахской народности, что противоречит твердо установленным фактам; он утверждает, что татары времени Чингисхана были тюрками, хотя крупнейший русский монголовед, акад. Владимирцев причислял их к монголам (Общественный строй монголов, с. 79). Очевидно, т. Аманжолов смешал татар времен

Чингисхана с теми тюркскими племенами, которые позже приняли их название, но ничего не имели с ними общего; утверждение т. Аманжолова, будто татары были «союзниками» Чингисхана, противоречит установленному источниками факту, что Чингисхан, мстя татарам за убийство отца, после победы велел перебить поголовно всех татар мужского пола, кто был ростом «выше тележной чеки», а самое имя «татар» присвоил своей орде. Также неверно утверждение, будто Кучум был казахским ханом; генеалогия Кучума хорошо известна, он был потомком Чингисхана и никогда казахским ханом не был. Полное недоумение вызывает утверждение, будто арабы предшествовали в Средней Азии согдийцам; согдийцы являются древнейшим населением Средней Азии, которая классическими авторами называлась поэтому Согдианой. К таким ошибкам приводит националистическая тенденция, если она оказывает влияние на критиков.

Одно из больших достижений советской науки — это развитие после опубликования замечаний тт. Сталина, Кирова и Жданова на проспект учебника научной исторической критики, но для того, чтобы она имела серьезное значение, она должна быть построена на строгих научных основах и их нее должен быть устранен элемент субъективизма.

В заключение я хотел бы внести поправку в слова одного из ораторов, бросившего упрек Институту истории Академии наук СССР, что он не подверг своевременной критике книгу проф. Яковлева. Я могу удостоверить, что дважды отдельные главы книги проф. Яковлева ставились на обсуждение Сектора истории СССР институтом (летом 1941 г. и раньше, кажется, в 1940 г.); тут взгляды А. И. Яковлева (в частности по вопросу о рабстве в Киевской Руси) подверглись в достаточной мере подробной критике; в частности с критическими замечаниями выступали профессор В. И. Пичета и я [46].

28.VII. 1944. *Чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушин*

Примечания

1. Имеется помета: Товарищи! Посылаю неправленную, перепечатанную стенограмму своего выступления. Но так как все же она печаталась не чисто, прошу перепечатать на хорошей бумаге. 11/VII 44. С. Аманжолов.
2. Еще 20 мая 1944 г., находясь в Красной Армии, Аманжолов прислал в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) письмо «О деятельности националистов в Казахстане», в котором касался книги «История Казахской ССР (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 185—191).
3. Бартольд В. В. (1869—1930) — востоковед, академик АН СССР, труды по истории Средней Азии, Ирана, ислама.
4. Кашгари М. — среднеазиатский ученый-филолог XI в.; Словарь тюркских наречий (1072—1074) — наиболее ранний памятник тюркской филологии.
5. Левшин А. И. (1799—1879) — российский государственный деятель, автор трудов по истории казачества и народов казахских степей; Кучум (ум. ок. 1598) — хан Сибирского ханства с 1563 г., воевал с Ермаком, после поражения в 1598 г. бежал в Ногайскую орду.
6. Радлов В. В. (1837—1918) — востоковед, тюрколог, этнограф, академик Петербургской АН, один из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков.
7. Валиханов Ч. Ч. (1835—1865) — казахский просветитель, путешественник, этнограф, фольклорист, исследователь народов Средней Азии и Казахстана.
8. Бухар Жирау Калкаманев (1693—1787) — казахский поэт при хане Аблае, ратовал за создание ханства, объединявшего все казахские племена, сторонник сближения с Россией.
9. Барак султан-Барак хан (ум. 1556) — правитель Ташкента, в 1551 г. завоевал Самарканд.
10. Алтынсарин И. (1841—1889) — педагог-просветитель, первый учитель-казах, автор учебника родного и русского языков для детей.
11. Текст Щербакова имеется только в правленном варианте стенограммы.
12. Ярославский.
13. Речь идет о роли территориального расширения России в XIX—XX вв. (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, л. 134—141).

14. Текст не приведен. Вероятно, речь идет о стенограмме его лекции «Основные моменты новейшей истории русской дипломатии» от 26 февраля 1944 года. Текст ее находится в материалах Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 146 - 165).
15. Шорлеммер К. (1834—1893) — немецкий химик, друг Ф. Энгельса.
16. «История XIX века» под редакцией проф. Э. Лависса и А. Рамбо. Перевод с французского, под редакцией Е. В. Тарле. Тт. 1—8. 1938.
17. 10 июля 1944 г. Тарле обратился к Щербакову с письмом, в котором писал, что данное «семиминутное» выступление его не удовлетворило и он хотел бы дополнить его (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 166 - 171). После Тарле, судя по записям Панкратовой, сделанным на совещании (там же, л. 122) выступал А. И.Яковлев по поводу своей книги о холопах в России XVII в.; в стенограмме запись его выступления отсутствует.
18. Текст выступления отсутствует.
19. Дьяконов М. А. (1855—1919) — историк, член Петербургской АН, автор трудов по истории закрепощения крестьян в России в XVI- XVII вв., о государственном строе в древней Руси.
20. Аджемян отвечает критикам его выступления 1 июня 1944 года. 9 и 11 июля 1944 г. он обращался с письмами на имя И. В. Сталина и в Политбюро ЦК ВКП(б) о мотивах своего выступления 8 июля 1944 года. Стенографической записи этого выступления не сохранилось; судя по записям Панкратовой, во время него произошла полемика Аджемяна с аудиторией. Щербаков заявил: «Как же Вы приходите в ЦК партии и воспеваете самодержавие» (ф. 17, оп. 125, д, 224, лл. 122—123). Публикуемый текст приложен к стенограмме и представляет собой уже отредактированное Аджемяном выступление.
21. Гамилькар Барка (ум. 229 до н. э.) — карфагенский полководец, отец Ганнибала (247 - 183 до н. э.); Сципион Африканский (ок. 235 — ок. 183) — римский полководец, победитель Ганнибала при Заме (202); Цезарь Г.-Ю. (102—44 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель.
22. Щапов А. П. (1831 - 1876) — историк, автор трудов по истории церковного раскола и старообрядчества, земских соборов XVII в., Сибири.
23. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. с. 6 - 7.
24. «Современник» (1847—1866) — ежемесячный журнал, идейным руководителем до 1848 г. был В. Г. Белинский, среди авторов и редакторов — Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов.
25. Цитата не приведена.
26. Налбандян М. (1829 1866) — армянский писатель, философ демократического направления.
27. «Нусиновщина» — имеются в виду взгляды И. М. Нусинова (1889 1950) — литературоведа и критика, члена КПСС с 1919 г., репрессированного в 1949 году. В идейно-художественном содержании литературы он преобладающее значение придавал классовой тенденциозности, впадая в вульгарный социологизм.
28. Всероссийский исполком железнодорожного профсоюза (1917.1918 гг.).
29. Астор, леди Нанси Унчер (р. 1879) — первая женщина-депутат английского парламента. В 30-е годы выступала с критикой внешней политики СССР.
30. Херст У.-Р. (р. 1863) «газетный король» США; Мосли О.-Э. (р. 1896) — в 1932 г. основал Британский союз фашистов.
31. Противоположность идеалистической диалектики Гегеля и марксистского диалектического метода. — Большевик, 1944, № 9, с. 8—19.
32. Ницше Ф. (1844 - 1900) — немецкий философ; Карлейль Т. (1795—1881) — английский историк, философ, публицист; Шпенглер О. (1880 1936) — немецкий философ; Рашевич — персонаж рассказа А. П. Чехова «В усадьбе».
33. Комитет по высшей школе.
34. После Аджемяна в третий раз выступала Панкратова, в стенограмме текста ее выступления не имеется. Судя по ее запискам, в своем выступлении она возражала Аманжолову, говорила о журнале «Исторический архив» и о выступлении Тарле. Это было последнее выступление на совещании: «После моего выступления совещание заканчивается. Все историки возбуждены, окружают тов. Щербакова, вступают с ним в оживленную беседу... Академик Тарле... подходит к Щербакову и говорит ему, что постарается исправить свое выступление. Тов. Щербаков замечает ему: «Вы не должны забывать, что если Вас слушают только 120 человек, то через два дня все, что Вы говорите, становится достоянием аудитории, в десять раз большей. Надо действительно помнить об ответственности перед народом» (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, л. 224, лл. 123—124). О конце совещания Панкратова

пишет: «Все оживленно комментируют итоги совещания. Спрашивают тов. Щербакова, когда будет выработано решение. Товарищ Щербаков обещает своевременно довести его до сведения историков» (там же, л. 124). Решение ЦК выработано не было, хотя проект его имеется: «О недостатках научной работы в области истории», датирован 12 июля 1944 года.

35. В приведенной стенограмме имеется приписка: «Не получив второй раз слова, прошу приобщить прилагаемый текст к стенограмме совещания историков. 8/VII. 1944. Н. Рубинштейн». Текст был включен в стенограмму.
36. Фишер И.-Э. (1697—1771) — историк и философ, член Петербургской АН, труды по языкознанию и этнографии народов Русского севера и Сибири, в 1768 г. издал на немецком языке сокращенный вариант «Истории Сибири» Г.-Ф. Миллера; Шумахер И.-Д. (1690—1761) — секретарь Петербургской АН, в 1721 г. ездил в страны Европы для приглашения ученых в Россию; Шиман Т. (1847—1921) — историк, работал в Берлине, занимался русской историей первой половины XIX века.
37. Татищев В. Н. (1686—1750) — государственный деятель и ученый, труды по этнографии, истории, географии, автор «Истории российской».
38. Болтин И. Н. (1735—1792) — государственный деятель, автор трудов по исторической географии, источниковедению, древнейшей русской истории; Шахматов А. А. (1846—1920) — академик Петербургской АН, автор трудов по исследованию русского языка, древнерусской литературы, летописания, редактор «Словаря русского языка» (1891—1916).
39. Румянцев Н. П. (1754—1826) — граф, государственный деятель и дипломат, собиратель коллекции рукописей и книг, составивших базу Румянцевского музея, организатор кружка русских историков, археологов, этнографов — первооткрывателей исторических источников.
40. Щербатов М. М. (1733—1790) — историк и публицист, автор трудов: «О повреждении нравов в России», «История России с древнейших времен».
41. Каченовский М. Т. (1775—1842) — русский историк, основатель «скептической школы»; Полевой Н. А. (1796—1846) — писатель и историк, член Петербургской АН, его труд «История русского народа» полемически направлен против Н. М. Карамзина.
42. Забелин И. Е. (1820—1908) — историк, археолог, почетный член Петербургской АН, труды и публикации документов по истории быта русского народа XVI—XVIII вв., по истории Москвы; Бестужев-Рюмин К. Н. (1829—1897) — академик Петербургской АН, труды по древнерусской истории и летописанию; Никитский А. И. (1842—1886) — историк государственной школы, труды по древней истории Новгорода и Пскова; Костомаров Н. И. (1817—1885) — русский и украинский историк, писатель, член-корреспондент петербургской АН, труды по социальной и экономической истории России и Украины о русских царях, С. Т. Разине, И. С. Мазепе и др.; Сергеевич В. И. (1832—1910) — юрист, труды по истории русского права.
43. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 121, д. 291; машинописный текст, сверенный со стенограммой, имеющей авторскую правку (д. 290).
44. 23 июля 1944 г. текст своего несостоявшегося выступления прислал В. М. Хвостов, 28 июля дополнение к своему выступлению прислал С. В. Бахрушин. Эти тексты в стенограмму совещания не были включены. Они даются в приложении после стенограммы.
45. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 223, лл. 2—13.
46. Там же, лл. 173—180.

* Прим. 8 (Вопросы истории, 1996, № 7, с. 87) следует читать так: Магницкий М. Л. (1778—1844) — русский государственный деятель. С 1819 г. служил в Министерстве духовных дел и просвещения. Проводя ревизию Казанского университета, предложил его закрыть и даже «торжественно разрушить» университетское здание.